

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 81 № 3

Июль—Август—Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

МОСКВА
2021

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *М.Б. Пиотровский* (Санкт-Петербург)

проф. *Э. Андерсен* (Осло), проф. *К. Антонетти* (Венеция),
проф. *Г. Бауэрсок* (Принстон), проф. *Д. Браунд* (Экстер),
проф. *А. Брессон* (Чикаго), проф. *Г.-И. Герке* (Фрайбург),
акад. РАН *Н.Н. Казанский* (Санкт-Петербург), проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель),
проф. *П. Калльери* (Болонья), акад. РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск),
член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (Москва), акад. РАН *В.С. Мясников* (Москва),
проф. *Г. Парцингер* (Берлин), проф. *Х. Ремесаль Родригес* (Барселона),
проф. *С. Розен* (Стокгольм), проф. *Ч.Б. Роуз* (Филадельфия),
проф. *Н. Симс-Вильямс* (Лондон), проф. *Ф. Флесс* (Берлин),
проф. *П. Функе* (Мюнстер), проф. *М. Хадзопулос* (Афины),
проф. *А. Ханиотис* (Принстон),
проф. *Ш. Шакед* (Иерусалим), проф. *Д. Шарпен* (Париж)

Редакционная коллегия

Главный редактор член-корр. РАН *А.И. Иванчик* (Москва)

д.и.н. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *И.С. Архипов* (ответственный секретарь, Москва),
д. филол. н. *Д.Е. Афиногенов* (Москва), д. филол. н. *Л.С. Баюн* (Москва),
д.и.н. *А.О. Большаков* (Санкт-Петербург), д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев),
д.и.н. *А.А. Вигасин* (Москва), к.и.н. *В.А. Головина* (зам. главного редактора, Москва),
член-корр. РАН *Н.П. Гринцер* (Москва), к.и.н. *М.М. Дандамаева* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *А.А. Ильин-Томич* (Майнц), д-р *Г.М. Кантор* (Оксфорд),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (Москва), к. филол. н. *П.Б. Лурье* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (Москва), к.и.н. *И.А. Макаров* (Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва), к.и.н. *А.В. Муравьев* (Москва),
к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва),
д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *А.В. Седов* (Москва),
к. филол. н. *И.С. Смирнов* (Москва), к.и.н. *С.В. Смирнов* (Москва),
д.и.н. *А.М. Сморгчов* (Москва), к. филол. н. *С.А. Степанцов* (Москва),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), член-корр. РАН *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург)

Заведующая редакцией *Е.Н. Андреева*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

Volume 81 Issue 3

July–August–September

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN 1937

MOSCOW
2021

International Council

Prof. *Mikhail Piotrovsky* (Chairman, Saint Petersburg)

Prof. *Øivind Andersen* (Oslo), Prof. *Claudia Antonetti* (Venice),
Prof. *Glen Bowersock* (Princeton), Prof. *David Braund* (Exeter), Prof. *Alain Bresson* (Chicago),
Prof. *François de Callataÿ* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Angelos Chaniotis* (Princeton), Prof. *Dominique Charpin* (Paris),
Prof. *Friederike Fless* (Berlin), Prof. *Peter Funke* (Münster),
Prof. *Hans-Joachim Gehrke* (Freiburg), Prof. *Miltiades Hatzopoulos* (Athens),
Prof. *Nikolai Kazansky* (Saint Petersburg), Prof. *Vyacheslav Molodin* (Novosibirsk),
Prof. *Rauf Munchayev* (Moscow), Prof. *Vladimir Myasnikov* (Moscow),
Prof. *Hermann Parzinger* (Berlin), Prof. *José Remesal Rodríguez* (Barcelona),
Prof. *C. Brian Rose* (Philadelphia), Prof. *Staffan Rosén* (Stockholm),
Prof. *Nicholas Sims-Williams* (London), Prof. *Shaul Shaked* (Jerusalem)

Editorial Board

Prof. *Askold Ivantchik* (Editor-in-Chief, Moscow)

Prof. *Dmitry Afinogenov* (Moscow), Prof. *Andrey Alekseev* (Saint Petersburg),
Dr. *Ilya Arkhipov* (Moscow), Prof. *Liliia Bayun* (Moscow),
Prof. *Andrey Bolshakov* (Saint Petersburg), Prof. *Alla Buyskikh* (Kiev),
Dr. *Maryam Dandamayeva* (Saint Petersburg), Dr. *Vera Golovina* (Moscow),
Prof. *Nikolay Grintser* (Moscow), Dr. *Alexander Ilin-Tomich* (Mainz),
Ph.D. *Georgy Kantor* (Oxford), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Pavel Lurje* (Saint Petersburg), Dr. *Elena Lyapustina* (Moscow),
Dr. *Igor Makarov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Dr. *Alexey Muraviev* (Moscow), Dr. *Alexander Nemirovsky* (Moscow),
Prof. *Alexander Podossinov* (Moscow), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Alexander Sedov* (Moscow), Dr. *Ilya Smirnov* (Moscow),
Dr. *Svyatoslav Smirnov* (Moscow), Prof. *Andrey Smorchkov* (Moscow),
Dr. *Sergey Stepantsov* (Moscow), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Irina Tunkina* (Saint Petersburg), Prof. *Alexey Vigin* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Evgeniia Andreeva*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

DOI: 10.31857/S032103910011586-7

ПОЛИТИКА МИФА В «ИФИГЕНИИ В АВЛИДЕ» И «ВАКХАНКАХ» ЕВРИПИДА

Н. П. Гринцер

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия*

E-mail: grintser@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8087-1302

В статье применительно к двум последним из дошедших до нас трагедий Еврипида анализируются два вопроса: можно ли проследить внутреннее структурное единство в драматических трилогиях, формально не связанных единым сюжетом, и какую роль в выстраивании этого единства мог играть политический контекст. В результате разбора мотивной структуры «Вакханок» и «Ифигении в Авлиде» (а также реконструированной третьей трагедии в трилогии — «Алкмеона в Коринфе») показано, что центральными связующими темами в них являются темы сохранения/нарушения *φύλα* и соответствия/верности своему роду. При всей общезначимости этих трагических мотивов в них можно проследить и аллюзии на современные политические события. В частности, мотивный (и даже лексический) параллелизм с поставленной по сути одновременно комедией Аристофана «Лягушки» позволяет предположить, что в трагедиях Еврипида аудитория могла уловить намеки на активно обсуждавшуюся в это время тему возвращения изгнанных участников олигархического переворота 411 г. — правда, в отличие от Аристофана, трактовка ее у Еврипида могла представляться далеко не так однозначно.

Ключевые слова: Аристофан, Еврипид, трагедия, комедия, политический контекст, структурное единство трилогии

Данные об авторе. Николай Павлович Гринцер — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, директор Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, главный научный сотрудник отдела античной литературы Института мировой литературы РАН.

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-15-2020-908).

POLITICS OF MYTH IN EURIPIDES' *IPHIGENIA IN AULIS*
AND *BACCHAE*

Nikolay P. Grintser

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

E-mail: grintser@mail.ru

Acknowledgements: Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation grant no. 075-15-2020-908

By analyzing the two latest of the extant Euripides' tragedies, the article addresses two interdependent questions: the possibility to perceive an internal structural unity within a dramatic trilogy lacking a unifying plot, and the role of political context in constructing such a dramatic unity. The investigation of the motif structure of *Bacchae* and *Iphigenia in Aulis* (as well as the reconstruction of the contents of the third part of the trilogy, *Alcmaeon in Corinth*) demonstrates that they are connected by the key themes of preserving/breaking the *philia* and being true to one's kin. Although these themes could be treated as rather general, they might also allude to contemporary political events. More specifically, the motif and lexical parallels to Aristophanes' *Frogs* (performed within the same year) reveal some possible references to the idea of restoring the exiled participants of the 411 BC oligarchic coup, which was passionately debated at that time. However, in contrast to Aristophanes, Euripides seems to treat it in a much more ambivalent way.

Keywords: Aristophanes, Euripides, tragedy, comedy, political context, motif structure, dramatic unity

Как хорошо известно, «Ифигения в Авлиде» и «Вакханки», последние дошедшие до нас из написанных Еврипидом трагедий, были предназначены для постановки на Великих Дионисиях 405 г. до н.э. Это достаточно редкий случай, когда нам точно известны даты написания и постановки еврипидовских пьес, и еще более редкая удача, когда мы имеем две драмы, поставленные в рамках одной трилогии. Совпадение этих двух обстоятельств позволяет задаться сразу двумя в высшей степени значимыми вопросами. Первый – существовала ли мотивная и содержательная связь между частями драматических трилогий в то время, когда они уже очевидным образом не были, как это происходило ранее у того же Эсхила, связаны единым сюжетом. Второй вытекает из наметившейся в последнее время тенденции заново вернуться к проблеме связи трагедии с современным ей социально-политическим контекстом. Если такая связь являлась одной из естественных характеристик афинской драмы, то естественно предположить, что внутреннее единство частей трилогии (буде оно существовало) могло среди прочего быть обусловлено именно отсылками к одним и тем же темам и проблемам, актуальным для политической ситуации в полисе именно в это время. Этим двум взаимосвязанным вопросам и посвящена данная статья.

Понятно, что первый вопрос – о взаимосвязи двух трагедий, поставленных в рамках одного представления, – уже не раз занимал внимание исследователей. Однако по большей части они ограничивались довольно очевидными общими

темами, вытекающими из особенностей использованных Еврипидом мифологических версий. В качестве примера сошлемся на краткую формулировку из статьи Изабель Торренс в «Companion to Euripides»: «При всех своих значительных различиях “Ифигения в Авлиде” и “Вакханки” объединены рядом общих тем. В обеих трагедиях изображены ужасы убийства близких (Ифигению приносит в жертву отец, а Пенфея убивает безумная мать) и кажущиеся взаимоисключающими интересы семьи и общества. Обе трагедии завершаются крахом семьи, которому противопоставлена победа социума, и в них обеих язык религиозного ритуала использован для обозначения всеобщего разрушения»¹. Однако в принципе подобные параллели носят достаточно общий характер и свойственны определенному типу мифологического повествования, а именно так называемым семейным мифам о наследственном родовом проклятии или кровной мести. Им соответствует и устойчивый набор типичных трагических тем и мотивов, среди которых центральное место, пожалуй, занимает мотив «родства, любви, дружбы» — *φιλία*. Именно тема «нарушения *φιλία*» становится, по Аристотелю, ключевой в отборе наилучших трагических сюжетов, среди которых постепенно выделились несколько «семейных мифов», посвященных страшным деяниям или претерпеваниям членов одного рода: *πρῶτον μὲν γὰρ οἱ ποιηταὶ τοὺς τυχόντας μύθους ἀπληθίσμουν, νῦν δὲ περὶ ὀλίγας οἰκίας αἱ κάλλιστα τραγωδαὶ συντίθενται, οἷον περὶ Ἀλκμέονα καὶ Οἰδίπου καὶ Ὀρέστην καὶ Μελέαγρον καὶ Θυέστην καὶ Τήλεφον καὶ ὅσοις ἄλλοις συμβέβηκεν ἢ λαθεῖν δεινὰ ἢ ποιῆσαι* «прежде поэты отделявали один за другим первые попавшиеся мифы, ныне уже лучшие трагедии слагают в кругу немногих домов, например Алкмеона, Эдипа, Ореста, Мелеагра, Фiestа, Телефа и всех других, которым пришлось перенести или совершить ужасное» (*Poet.* 1453a19–22). Характерно, что уже в следующей фразе Аристотель приводит в качестве примера поэта, наиболее успешно использующего этот мотив, как раз Еврипида, и именно на этом основании именует его «трагичнейшим из поэтов».

Действительно, мотив «нарушения/сохранения *φιλία*» маркирует многие еврипидовские драмы: в ключевой книге, посвященной данной трагической теме, Элизабет Белфиоре специально анализирует в этой связи «Андромаху» и «Ифигению в Тавриде»²; очевидным образом он является центральным в «Медее»³, «Ипполите», и даже «Циклопе»⁴. Под таким углом зрения рассматривались, разумеется, и «Вакханки» с «Ифигенией в Авлиде». В частности, уже достаточно давно этой теме в двух данных трагедиях посвятила специальные статьи Марианна Макдоналд⁵. С ее точки зрения, в «Ифигении» главная героиня — единственная, кто последовательно сохраняет преданность и своему отцу, и своему народу; при этом Макдоналд справедливо отмечает, что именно в ее речах данный мотив постоянно подчеркивается в том числе и на чисто лексическом уровне⁶. Ифигения прямо именуется «преданной отцу», *φιλοπάτωρ* (638), она не раз подчеркивает

¹ Torrance 2017, 284.

² Belfiore 2000, 21–38, 81–100.

³ Об этом специально и подробно говорится, например, в Schein 1990.

⁴ См. недавние работы Б. М. Никольского: Nikolsky 2009; 2015, 67–72.

⁵ McDonald 1989; 1990.

⁶ McDonald 1990, 75–76.

свою кровную связь с ним, причем слова с корнем φίλ- подразумевают среди прочего взаимность семейной любви, некую «плату» за любовь и привязанность⁷. В этом смысле показателен, например, следующий пассаж из речи Ифигении, обращенной к Агамемнону (1220–1230):

πρώτη σ' ἐκάλεσα πατέρα καὶ σὺ παῖδ' ἐμέ·
πρώτη δὲ γόνασι σοῖσι σῶμα δοῦσ' ἐμὸν
φίλας χάριτας ἔδωκα κἀντεδεξάμην.
Τί δ' ἄρ' ἐγὼ σέ; πρέσβυν ἄρ' ἐσδέξομαι
ἐμῶν φίλαισιν ὑποδοχᾶς δόμων, πάτερ,
πόνων τιθηνοῦς ἀποδιδούσά σοι τροφάς;

Я первой назвала тебя отцом, а ты меня своим ребенком, первой, сидя на твоих коленях, я дарила милые ласки и получала их в ответ... А что я тебе? Приму ли я тебя, отец, милым гостеприимством своего дома, отплатив тебе за труды, когда ты растил и кормил меня.

Тот же мотив «сохранения φίλία» как необходимого ответного воздаяния присутствует в ее словах, обосновывающих ее выбор смерти «за Грецию» (1385–1386):

καὶ γὰρ οὐδέ τοί τι λίαν ἐμέ φιλοψυχεῖν χρεών·
πᾶσι γάρ μ' ἴσθησι κοινὸν ἔτεκες, οὐχὶ σοὶ μόνῃ.

Я не должна слишком любить свою собственную жизнь, поскольку ты родил меня не только для себя, но общей для всех греков.

При этом необходимо заметить, что этот лексический мотив в меньшей степени сопутствует и самому Агамемнону, но как бы с обратным знаком: он как раз нарушает этот принцип взаимности φίλια. Менелай обвиняет его в «переменчивом уме, несправедливом деле и неясном для друзей»: νοῦς δὲ γ' οὐ βέβαιος ἄδικον κτήμα κοῦ σαφὲς φίλοις (334), подразумевая, что Агамемнон, меняя свои решения, не хранит верности ахейскому войску. В свою очередь, Ахилл в разговоре с Клитемнестрой упрекает Агамемнона в предательстве по отношению к его собственной семье, которой он платит злом за любовь: σὲ δ' ὃ σχέτλια παθοῦσα πρὸς τῶν φίλτάτων («тебя, претерпевшую зло от самых близких», 932). В противовес Ифигении, которая воздаст должное принципу «платы за φίλια», выполняя волю отца и вырывая греческую армию, Агамемнон по ходу пьесы нарушает свою «дружескую верность» и семью, и соратникам.

В «Ифигении в Авлиде» теме φίλια постоянно сопутствует еще один мотив, выражающий тот же самый принцип: это «верность роду», или «благородство», воплощением которого опять-таки служит Ифигения. Не случайно в финале трагедии на протяжении небольшого промежутка текста этот мотив внутреннего достоинства, соответствующего происхождению Ифигении, подчеркивается несколько раз: «Ты, девушка, ведешь себя благородно» (1402: τὸ μὲν σόν, ὃ νεᾶνι, γενναίως ἔχει); «Ты благородна» (1411: γενναία γὰρ εἶ); «Ты мыслишь благородно» (1422–1423: γενναῖα γὰρ φρονεῖς). Причем в этом отношении Ифигения снова оказывается куда более достойной своего знаменитого рода, чем ее отец Агамемнон, о котором незадолго перед этим сказано: «[Он погубил тебя] обманом,

⁷ О важности этого принципа для понимания концепции φίλια вообще и в греческой трагедии в частности писала, например, М. Бланделл: «Дружба в принципе зиждется на базовом требовании взаимности – взаимопомощи и взаимной выгоды» (Blundell 1991, 32).

неблагородно, недостойно Атрея» (1457: δόλω δ', ἀγεννῶς Ἀτρέως τ' οὐκ ἄξιως). Мне уже приходилось писать о том, что подобное противопоставление обыгрывается на различных уровнях драмы, в том числе и в подразумеваемых этимологиях имен главных героев: Ифигения оказывается достойной своего имени (буквально означающего «Сильно благородная», от ἴφι + γεν-), в то время как Агамемнон не способен соответствовать ни своему собственному имени «Чрезмерно упорного» (Ἀγαμέμνων < ἄγαν+μένω), ни имени своего «Бестрепетного» отца Атрея (Ἀτρέυς < α privativum + τρέω)⁸.

Темы «верности φιλία», понимаемой в том числе как «верность роду», актуальна и для «Вакханок». Правда, здесь, в отличие от «Ифигении», где противопоставляются две модели «правильной» и «нарушенной» φιλία, речь может скорее идти о последовательной картине насилия и попрания родственных связей. На это в свое время обратила внимание та же Марианна Макдоналд в статье с характерным названием: «Искаженная philia в хоре “Вакханок” Еврипида»⁹: действительно, в центральном, третьем стасиме «дорогим, своим, милым» именуется победа и убийство врага, что в рамках сюжета трагедии неизбежно ассоциируется с гибелью Пенфея, устроенной его двоюродным братом Дионисом (877–881):

τί τὸ σοφόν; ἢ τί τὸ κάλλιον
παρὰ θεῶν γέρας ἐν βροτοῖς
ἢ χεῖρ' ὑπὲρ κορυφᾶς
τῶν ἐχθρῶν κρείσσω κατέχειν;
ὃ τι καλὸν φίλον ἀεί.

Что есть мудрое? И какой дар от богов прекраснее для смертных, чем простереть сильную руку над головами врагов? А что прекрасно, то и дорого всегда¹⁰.

Вообще в «Вакханках» лексика любви, дружбы, родственной связи хотя и присутствует куда в меньшей степени, чем в «Ифигении» (10 лексем с корнем φίλ- против более чем 50 в «Ифигении»), но практически всегда так или иначе связывается с темой насилия и смерти. Так, Дионис обещает Пенфею, что тот будет

⁸ См. подробнее в Grintser 2010. О различных коннотациях имен Агамемнона и Атрея в греческой литературе см. Tsitsibakou-Vasalos 2007, 207–212.

⁹ McDonald 1989.

¹⁰ Последний стих (повторенный в 901) – явная аллюзия на Феогида (17): ὅτι καλόν, φίλον ἐστί: τὸ δ' οὐ καλὸν οὐ φίλον ἐστί, «Что прекрасно, то и дорого, что не прекрасно, и не дорого», причем в элегии эти слова приписываются Музам, пропевшим их на свадьбе Кадма, деда и Диониса, и Пенфея. Некоторые исследователи видят в них особую связь с культом Диониса, в частности подчеркивающую особую красоту юного бога (Versnel 1990, 152). Однако в «Вакханках» такой мифологический подтекст, очевидно, приобретает специальный, во многом контрастный смысл. Если песнь Муз у Феогида утверждает тождество красоты (в том числе поэтической) и социального порядка, воплощенного в понятии φιλία (Nagy 1985, 28–29), то у Еврипида красота как раз синонимична нарушению этого порядка, «предвосхищая разрушение семьи Кадма Дионисом, который упивается своим самым что ни на есть человеческим стремлением к мести, дабы быть утвержденным и почитаемым в качестве бога в родных Фивах, основанных Кадмом» (Schein 2016, 271–272). В этом усматривают характерную трагическую «иронию», впрочем, видя в ней и положительный смысл: слова хора могут отсылать к финальному пророчеству Диониса, в которой описывается «возрождение» союза Кадма и Гармонии (Mendicino 2015, 204–206).

считать его «первым из друзей», как только окажется свидетелем вакхических оргий (т.е. собственно в момент своей грядущей смерти; 939–940):

ἦ πού με τῶν σῶν πρῶτον ἠγήσῃ φίλων,
ὅταν παρὰ λόγον σῶφρονας βάζχας ἴδῃς.

Агава в безумии призывает Кадма звать на пир «всех дорогих», чтобы отпраздновать добытые ею трофеи (т.е. останки растерзанного сына; 1242–1243):

κάλει φίλους ἐς δαῖτα μακάριος γὰρ εἶ,
μακάριος, ἡμῶν τοιάδ' ἐξειργασμένων, —

а затем, придя в себя, называет «самым дорогим» мертвое тело Пенфея (1298): τὸ φίλτατον δὲ σῶμα τοῦ παιδός, πάτερ. Наконец, сам Кадм, оплакивая погибшего внука, называет его «самым дорогим, даже несмотря на то, что мертв» (1316–1317):

ὦ φίλτατ' ἀνδρῶν — καὶ γὰρ οὐκέτ' ὦν ὅμως
τῶν φίλτάτων ἔμοιγ' ἀριθμῆση, τέκνον.

Это постоянная ассоциация темы дружеской и семейной любви и верности со смертью заставляет исследователей выделять в качестве одной из центральных тем «Вакханок» «разрушение связей philia»¹¹ или «извращение philia»¹². В качестве главного нарушителя здесь выступает, разумеется, Дионис, хотя и его собственные действия воспринимаются как расплата за нарушение родственного долга по отношению к нему самому и его семье. Уже в самом начале трагедии Дионис объясняет свое решение прийти в Фивы желанием отомстить сестрам своей матери Семелы за то, что они не признали его сыном Зевса и обвинили Семелу в нечестии (23–31). В свою очередь, сам Пенфей отвергает свою родственную связь с Дионисом, несмотря на то что Кадм уговаривает внука признать ее, хотя бы, как мы бы сейчас сказали, из политической целесообразности (333–336):

κεῖ μὴ γὰρ ἔστιν ὁ θεὸς οὗτος, ὡς σὺ φῆς,
παρὰ σοὶ λεγέσθω· καὶ καταψεύδου καλῶς
ὡς ἔστι, Σεμέλη θ' ἵνα δοκῆ θεὸν τεκεῖν,
ἡμῖν τε τιμὴ παντὶ τῷ γένει προσῆ.

Даже если он не бог, как ты говоришь, скажи от себя и благородно солги, что он таков, чтобы Семела считалась матерью бога и почтенным оказался весь наш род.

Именно Кадм — единственный, кто стремится сохранить и подчеркнуть φίλια с Дионисом, и потому он вправе сетовать в конце трагедии (1249–1250):

ὡς ὁ θεὸς ἡμᾶς ἐνδίκως μὲν, ἀλλ' ἄγαν,
Βρόμιος ἄναξ ἀπώλεσ' οἰκεῖος γεγώς.

Как заслуженно, но и как чрезмерно, погубил нас бог, владыка Бромий, и это при том, что рожден был в нашем доме.

Точно так же, как и в «Ифигении», мотив φίλια в «Вакханках» постоянно сопрягается — например, в только что приведенных словах Кадма — с темой «дома» и «рода». Отвергая Диониса, Пенфей позорит свой собственный род (265): Ἐχίονος δ' ὦν παῖς κατασχύνεις γένος — и превращается в «безбожное, беззаконное, несправедное землерожденное порождение», τὸν ἄθεον ἄνομον ἄδικον

¹¹ Perris 2011, 49.

¹² Simmons 2006, 265–272.

Ἐχίονος γόνον γηγενῆ (995–996). Именно это «отвержение родного», в чем виновен не только Пенфей, но и его мать Агава, становится причиной разрушения и гибели рода и дома Кадма (1302–1307):

ὑμῖν ἐγένεθ' ὅμοιος, οὐ σέβων θεόν.
 τοιγάρ συνῆψε πάντας ἐς μίαν βλάβην,
 ὑμᾶς τε τόνδε θ', ὥστε διολέσαι δόμους
 κάμ', ὅστις ἄτεκνος ἀρσένων παίδων γεγώς
 τῆς σῆς τόδ' ἔρνος, ὃ τάλαινα, νηδύος
 αἴσχιστα καὶ κάκιστα κατθανόνθ' ὀρώ.

[Кадм – Агаве:] Тебе он оказался подобен, не почтя бога. И потому тот возложил на всех единую беду, на тебя и вот на него, чем погубил весь дом и меня, который, не имея сыновнего потомства, теперь вижу этого отпрыска твоего лона, несчастная, столь безобразно и позорно убитым.

Итак, обе трагедии, действительно, оказываются объединены не только общей мифологической темой семейного проклятия, не только очевидными, почерпнутыми из мифологической традиции сюжетными ходами (среди которых наиболее явный – убийство собственного ребенка («оформленное» как принесение в жертву¹³), но целым комплексом сопутствующих ей трагических мотивов, среди которых доминируют мотивы сохранения/нарушения дружеской/кровной связи и соответствия/несоответствия своему собственному роду. Таким образом, можно утверждать, что по крайней мере в данном случае мы действительно можем проследить некое внутреннее тематическое единство, скрепляющее части трагической трилогии, напрямую друг с другом не связанные. Более того, с известной степенью осторожности можно предположить, что и третья, не дошедшая до нас часть еврипидовской трилогии – трагедия «Алкмеон» – тоже могла укладываться в ту же схему. Согласно подробной реконструкции, предпринятой недавно в работах Иоанны Караману¹⁴, сюжет трагедии восстанавливается (во многом на основании пересказа у Аполлодора III. 7. 7) примерно таким образом: Алкмеон, ранее отдавший своих детей Амфилоха и Тисифону на воспитание царю Коринфа Креонту, впоследствии купил Тисифону, которую Креонт из-за ревности собственной жены продал в рабство, и вернулся вместе с ней в Коринф, где воссоединился и со своим сыном. Креонт же в наказание был отправлен в изгнание. Это финальное разрешение трагедии достаточно спорно, основываясь на единственном фрагменте (fr. 76 Kannicht):

ὄρατε τὸν τύραννον ὡς ἄλας γέρον
 φεύγει· φρονεῖν δὲ θνητὸν ὄντ' οὐ χρὴ μέγα

Глядите на властителя: бежит он, бездетный старик. Нельзя смертному сильно возноситься... – который отчасти противоречит другому, где некто обращается как раз к «сыну Креонта», утверждая, что от благородных отцов рождается достойное потомство, а от низких – дурное (fr. 75 Kannicht):

ὃ παῖ Κρέοντος, ὡς ἀληθὲς ἦν ἄρα,

¹³ О теме жертвоприношения как одной из ключевых у Еврипида см. Foley 2019 со специальным разбором ее в «Ифигении в Авлиде» (с. 65–105) и «Вакханках» (с. 205–258). Ср. книгу O'Connor-Visser 1987, также содержащую подробный анализ «Ифигении в Авлиде» (с. 99–148). О принесении в жертву детей и связи этой темы с мотивом семейной филία см. из новейших работ Rochelle 2012, 48–130; Griffiths 2020, 218–230.

¹⁴ Karamanou 2016; 2019.

ἐσθλῶν ἀπ' ἀνδρῶν ἐσθλὰ γίγνεσθαι τέκνα,
κακῶν δ' ὅμοια τῇ φύσει τῇ τοῦ πατρός.

Сын Креонта, как справедливо оказалось, что достойные дети рождаются от достойных отцов, а от дурных — подобные природе своих отцов.

И. Караману предполагает, что здесь в виду имеется Амфилох, который считается сыном Креонта до тех пор, пока его не признает его истинный отец, Алкмеон¹⁵. Для наших целей хотелось бы подчеркнуть (безотносительно к тому, кто чей сын и в какой момент произносятся эти слова), что здесь вновь возникает мотив, знакомый нам уже по «Ифигении» и «Вакханкам»: идея соответствия/несоответствия своему роду, наследственного благородства. Возможную параллель к другим трагедиям из данной трилогии И. Караману видит и в теме, отраженной в 76 фрагменте: дом и семья Креонта гибнут из-за нарушенной им *φιλία* по отношению к Алкмеону и его детям. Именно поэтому, относя «Алкмеона в Коринфе» к типу так называемых пьес о воссоединении семьи (вроде «Иона»), исследовательница усматривает внутреннюю последовательность трех частей еврипидовской трилогии в теме «разрушения дома» по вине его заблуждающегося главы¹⁶. С этим отчасти можно согласиться¹⁷, более того, тему «воссоединения семьи» можно усмотреть отчасти и, например, в «Вакханках», если рассматривать Диониса не только как «нарушителя *φιλία*», но и как своеобразного восстановителя ее путем мести Пенфею и утверждения своего законного места в Фивах. В таком случае тематическая связь между двумя «Алкмеоном» и «Вакханками» может прослеживаться и в мотиве «порядок в доме восстанавливает человек, пришедший издалека, из изгнания».

Однако в любом случае, вне зависимости от того как трактовать каждую отдельную трагедию, можно заключить, что тема верности/неверности *φιλία*, понимаемой в числе прочего как соответствие своему роду, передаваемому по наследству благородству, действительно объединяет все три трагедии. Одним из проявлений преступного «нарушения *φιλία*», попрания собственного рода, становится в том числе насилие, совершаемое над собственным родственником или просто собственным ребенком (в случае «Алкмеона», возможно, потенциальное, ибо, согласно мифу, главный герой в последний момент счастливо избегает инцестуальной связи со своей дочерью Тисифоной). В этом отношении можно сказать, что на первый из поставленных в начале статьи вопросов можно ответить положительно: по крайней мере в случае данной трилогии Еврипида мы можем уловить некие связующие звенья между мифологическими сюжетами и их художественным осмыслением в каждой из трех составляющих ее трагедий. Но остается второй вопрос, ограничивается ли дело исключительно этой общностью мифологических сюжетов, «семейных мифов», которые специально выделял в качестве истинно трагических Аристотель, или эта внутренняя связь была по какой-то причине актуальна для Еврипида, когда он писал свои трагедии в 406 г. до н.э. Та

¹⁵ Karamanou 2019, 50–51.

¹⁶ Karamanou 2016, 50–53.

¹⁷ Хотя все же в «Ифигении в Авлиде» вряд ли можно говорить о гибели рода как о доминирующей теме.

же И. Караману отвечает на данный вопрос скорее отрицательно или в слишком общем виде: она не усматривает в этих трагедиях никакой прямой связи с Афинами, но скорее ищет в них некую «панэллинскую перспективу», идею «коллективной общности, выходящей далеко за границы отдельного полиса» (и даже видит причиной этого пребывание Еврипида вдали от Афин, в Македонии)¹⁸. Подобное объяснение всегда возможно, но я все же попробую предположить, что выбор Еврипидом своих тем и специфики их трагической репрезентации мог объясняться как раз «полисной перспективой».

Для этого я хотел бы обратиться к еще одной пьесе, по счастливому стечению обстоятельств поставленной в том же самом 405 г. На сей раз это уже не трагедия, а комедия, но комедия на очень трагическую тему – «Лягушки» Аристофана. Связь этого произведения с Еврипидом, разумеется, очевидна, хотя бы постольку, поскольку он является одним из ее персонажей, но это верно и для многих иных аристофановских комедий, поскольку Еврипид был, несомненно, его любимым (во всех смыслах) автором. Для наших целей не столь важна общая тематика комедии и роль в ней Еврипида (хотя общая тема трагического поэта как спасителя города и может косвенно служить обоснованием политической интерпретации трагедии в целом, и данных трагедий Еврипида в частности). Правда следует заметить, что «Вакханки» и «Лягушки» объединены не только фигурой Еврипида, но и центральным персонажем – Дионисом, и потому многие исследователи не раз сопоставляли эти два произведения, исходя вслед за К. Довером из предположения, что «если “Вакханки” и были поставлены в 405 г. (а в любом случае они должны были быть поставлены спустя пару месяцев после “Лягушек”), то Аристофан, да и многие другие, вполне могли знать, о чем там идет речь, поскольку в афинском обществе секретность вряд ли была достижима, особенно когда речь шла о ситуации, когда хор и актеры были уже набраны и всю репетировали»¹⁹. Более того, вероятное знакомство Аристофана даже с текстом «Вакханок» отчасти подтверждает небольшой нюанс, приводящий комментаторов «Лягушек» в некоторое недоумение. Перечисляя в начале комедии дорогие его сердцу словечки и выражения Еврипида, Дионис среди прочего цитирует слова «нога времени», *χρόνου πόδα*, точное соответствие которой из сохранившихся пьес находится именно в «Вакханках» (889). Конечно, она могла встречаться и в несохранившихся трагедиях, и комментаторы находят ее неточный парафраз во фрагменте «Александра»²⁰, но в контексте прочих параллелей исключать знание Аристофаном не только общего сюжета, но и конкретного содержания «Вакханок», нельзя. В таком случае сопоставление идей трилогии в том виде, в котором мы их описали, с «Лягушками» тоже возможно.

¹⁸ Karamanou 2016, 54.

¹⁹ Dover 1993, 38. Об этой проблеме и в принципе о возможных параллелях между пьесами Еврипида и Аристофана (в частности, в изображении Диониса) см., например, Friesen 2015, 63–64. В качестве возможного объяснения предполагают, что «Вакханки» могли быть поставлены в Македонии раньше, чем в Афинах (Vahtikari 2014, 150–152).

²⁰ Fr. 42 Kannicht = fr. 2 Karamanou: καὶ χρόνου προῖβαινε ποῦς. Ср. комментарий к этому фрагменту с подробным обсуждением самого образа и его пародирования Аристофаном в Karamanou 2017, 156–158.

И в этом сравнении я хотел бы подчеркнуть одно весьма важное обстоятельство. Популярность «Лягушек» уже в античности объяснялась прежде всего не их литературным изяществом, но политическим смыслом, содержавшимся в парабасе комедии. Как говорится в античном предисловии (ὑπόθεσις) к комедии со ссылкой на ученого IV в. до н.э. Дикеарха, «драма настолько поразила своей парабасой, что ее поставили второй раз» (οὕτω δὲ ἐθαυμάσθη τὸ δράμα διὰ τὴν ἐν αὐτῷ παράβασιν, ὥστε καὶ ἀνεδιδάχθη, ὡς φησι Δικαίαρχος²¹). Об обоснованности этого свидетельства до сих пор идут споры²², но в целом традиция, в том числе сохранившаяся и в «Жизни Аристофана» (Aristophanes, test. 1.35–9 Kassel–Austin), утверждает, что именно содержание парабасы так понравилось афинянам, что те не только отдали победу Аристофану, увенчав его венком из священной оливы, но и приняли решение заново поставить комедию то ли в тот же год, то ли на следующий²³.

Содержание это хорошо известно: главный совет, который Аристофан дает городу, – вернуть из ссылки изгнанных участников олигархического переворота 411 г. Как известно, так и произошло впоследствии: сначала был принят закон о возвращении изгнанников в конце 405 г., а затем они действительно вернулись после окончания Пелопоннесской войны и установления тирании Тридцати²⁴. В контексте наших предыдущих рассуждений о Еврипиде чрезвычайно важно, в какой именно форме комедиограф этот совет подает и какие мотивы и темы ему сопутствуют. Главная мысль: всех граждан надо считать равными, не отвергать своих из-за единожды совершенной ими ошибки, а воздать им должное за заслуги перед городом (687–699):

Πρῶτον οὖν ἡμῖν δοκεῖ
ἐξιῶσαι τοὺς πολίτας κάφελεῖν τὰ δαίματα. ...
Πρὸς δὲ τοῦτοις εἰκὸς ὑμᾶς, οἱ μεθ' ὑμῶν πολλὰ δὴ
χοῖ πατέρες ἐναυμάχησαν καὶ προσήκουσιν γένει
τὴν μίαν ταύτην παρεῖναι ξυμφορὰν αἰτουμένοις.

Прежде всего мы считаем, что надо уравнивать граждан и прогнать страхи... А по отношению к тем, кто сам и отцы их с вами вместе много сражались на море и кто связан с вами родом, надо ответить на их просьбу и простить им этот единственный проступок.

Заметим, что в этом пассаже единство граждан осмысливается как единство по крови, роду (προσήκουσιν γένει), и этот мотив последовательно усиливается: «Давайте по доброй воле считать родными и почтенными гражданами всех», πάντας ἀνθρώπους ἐκόντες ξυγγενεῖς κτησώμεθα κλιτίμους καὶ πολίτας (700–702). Тема родового наследия

²¹ Chantry 2001, 1.

²² См. обсуждение возможных оснований для мнения Дикеарха в Sommerstein 2009, 254–255. Р. Розен (Rosen 2015), напротив, подвергает сомнению адекватность античной ученой традиции и полагает, что новая постановка отнюдь не обязательно должна была быть связана с политическим содержанием комедии (и, соответственно, с парабасой).

²³ См. разбор разных вариантов в Sommerstein 2009, 254–255. Сам А. Sommerstein полагает датой новой постановки 404 г., обосновывая это в числе прочего и историко-политическими соображениями. Ср. также Salviat 1989.

²⁴ Это служит дополнительным аргументом в пользу политического прочтения комедии и объяснения именно им успеха Аристофана. Стоит отметить, что оценка этого успеха может быть разной: так, Дж. Арнотт, например, сетовал, что «совет Аристофана обернулся катастрофой» (Arnott 1991, 22).

подчеркивается и применительно к самим незаслуженно отвергнутым гражданам: за Афины сражались не только они, но их отцы, а афиняне пренебрегают именно благородными гражданами, воспитанными в истинно афинском духе (727–730):

Τῶν πολιτῶν θ' οὓς μὲν ἴσμεν εὐγενεῖς καὶ σώφρονας
 ἄνδρας ὄντας καὶ δίκαιους καὶ καλοὺς τε κάγαθοὺς
 καὶ τραφέντας ἐν παλαιστοῖς καὶ χοροῖς καὶ μουσικῇ,
 προυσελοῦμεν...

Мы презираем благородных и разумных граждан, добропорядочных и прекрасных, воспитанных в палестрах, хорах и музыке.

Эта идея «благородства, родовитости» (очевидно связанная и с аристократическим происхождением реальных изгнанников) еще более усилена их противопоставлением «дурной поросли» (οἱ πονηροί), что теперь в чести в городе — так же, как медные монеты заменили настоящее золото (725–726).

Как кажется, в этих строках много созвучного мотивам, которые, как я старался показать, оказываются ключевыми в трагедиях Еврипида: это и необходимость во что бы то ни стало хранить верность и воздавать должное своим, и идея наследственного благородства, которому нужно соответствовать. Более того, нарушение этого принципа ведет к разрушению города и к отказу его правителям в праве называться достойными и разумными (703–705):

Εἰ δὲ ταῦτ' ὀγκωσόμεσθα κάποσεμνυνοῦμεθα,
 τὴν πόλιν καὶ ταῦτ' ἔχοντες κυμάτων ἐν ἀγκάλας,
 ὑπέρφω χρόνῳ ποτ' αὖθις εὖ φρονεῖν οὐ δόξομεν.

Если же и по этому поводу будем чваниться и надуваться, когда город отдан на волю волн, в будущем окажется, что мы не в здравом уме.

Заметим, что и трагические правители, нарушающие верность своим родным, также постоянно упрекаются в отсутствии разума, σωφροσύνη: за это, например, корит Агамемнона Клитемнестра (1166–1179, 1206–1208), это постоянный мотив применительно к Пенфею на протяжении «Вакханок», да и Креонта в «Алкмеоне», как мы видели, тоже упрекают в неразумной заносчивости (μέγα φρονεῖν, fr. 76 Kannicht; в «Вакханках», кстати, поведение Пенфея схожим образом именуется ὑπερφρονεῖν — *Bacch.* 1325). В свою очередь, достойное поведение по отношению к близким и родным зачастую связывается с понятием «чести, должного воздаяния», τιμή: вспомним, как Кадм призывает Пенфея воздать должное Дионису, дабы почтить свой род (ἡμῖν τε τιμὴ λατῖ τῷ γένει προσῆ — *Bacch.* 336), однако Пенфей отказывается воздать своему брату (а с ним и своему роду) эту честь. Точно так же «обесчещенной», с точки зрения Ахилла, оказывается и преданная собственным отцом Ифигения (θαυμαστὰ δ' ὡς ἀνάξι' ἡτιμασμένη — *Iph. A.* 943). Схожим образом и у Аристофана хор призывает «всех считать родными и держать в чести как граждан» (πάντας ἀνθρώπους ἐκόντες ξυγγενεῖς κτησόμεθα καλλιτίμους καὶ πολίτας — 701–702), так чтобы никто в городе не остался непочтенным (ἄτιμόν φημι χρῆναι μηδέν' εἶν' ἐν τῇ πόλει — 692).

Приведенные выше параллели как на уровне мотивов (к которым можно присокупить и мотив изгнания²⁵), так и отчасти даже на лексическом уровне позволяют

²⁵ В «Лягушках» речь идет о реальных изгнанниках и их желательном возвращении. В «Вакханках» и «Алкмеоне», как мы видели, возвращение изгнанника (Диониса и в какой-то степени Алкмеона) приводит к наказанию виновных и утверждению

предположить, что Еврипид, как и Аристофан, мог рассчитывать, что три его трагедии, сфокусированные на, казалось бы, вечных — как для мифа и трагедии, так и для человеческой жизни в принципе, — темах дружеской и родственной связи, верности семье и роду, воздания, связи семьи и города, вызовут у афинской аудитории в числе прочего и вполне конкретные и актуальные аллюзии. Аристофановская парабаса откликнулась на споры, которые наверняка уже и так шли в городе: трудно предположить, что принятый в конце 405 г. закон о возвращении изгнанников был целиком инспирирован исключительно словом поэта. Еврипид также должен был быть в курсе значимости этой проблемы в «актуальной повестке дня» (пусть и находясь в Македонии). Так что, возможно, за повторяющимися темами и мотивами двух (а может быть, и трех) его трагедий мог угадываться тот же политический контекст, на который прямо указывает Аристофан. Трагедии о раздоре среди родных, о способности или неспособности сохранить и поддержать свой род могли намекать на уже случившийся в реальной жизни разлад между своими: об изгнании из Афин представителей «лучших родов», заслуженных перед отечеством²⁶. И если права античная традиция и Аристофану присудили победу, а его комедия была сочтена достойной новой постановки за ее политический смысл, то не мог ли этот политический подтекст стать хотя бы одной из причин, почему в том же 405 г. победу праздновала и трилогия Еврипида, хотя бы поставленная и не им самим, а его сыном. В конце концов, при всей своей значимости, будь то панэллинской или общечеловеческой, аттическая трагедия все же всегда и прежде всего об Афинах.

Литература / References

- Arnott, W.G. 1991: A lesson from the *Frogs*. *Greece and Rome* 38/1, 18–23.
 Belfiore, E.S. 2000: *Murder among Friends: Violations of Philia in Greek Tragedy*. Oxford.
 Blundell, M.W. 1991: *Helping Friends and Harming Enemies: A Study in Sophocles and Greek Ethics*. Cambridge.
 Chantray, M. (ed.) 2001: *Scholia in Aristophanem*. Pars III. Fasc. 1b. *Scholia recentiora in Aristophanis Ranas*. Groningen.
 Dover, K. (ed.) 1993: *Aristophanes. Frogs*. Oxford.
 Foley, H.P. 2019: *Ritual Irony: Poetry and Sacrifice in Euripides*. Ithaca—London.
 Friesen, C.J.R. 2015: *Reading Dionysus: Euripides' Bacchae and the Cultural Contestations of Greeks, Jews, Romans, and Christians*. (Studien und Texte zu Antike und Christentum, 95). Tübingen.

прежнего порядка, восстановлению φίλια. Таким образом, если Аристофан прямо говорит: «хорошо бы вернуть изгнанных», то Еврипид мифологическим примером подтверждает: «возвращение изгнанного (родного человека, пребывавшего вдалеке) приводит к благим результатам». Впрочем, ситуация «Вакханок», как мы уже говорили, амбивалентна — возможно, неоднозначным мог быть и политический message: «изгнанников вернуть правильно, но это порой влечет тяжелые последствия». О теме изгнания в греческой трагедии см. подробно диссертацию Tzanetou 1997, главная мысль которой состоит в том, что мотив изгнания в трагедии служит своего рода маркером, толчком для размышлений (и автора, и аудитории) о природе гражданства, принадлежности полису, т.е. о политическом подтексте драмы.

²⁶ Надо сказать, что вообще тема нарушения φίλια в трагедии V в. достаточно устойчиво связывается с идеей гражданской войны (στάσις) — а ситуация 411 г. характеризовалась внутри Афин именно так (см. Thuc. VIII. 92. 4; 94. 2; 95. 2). См. об этом применительно к трагедии в Said 1983; Belfiore 2000, 10–11; Nikolsky 2017, 118–120.

- Griffiths, E.M. 2020: *Children in Greek Tragedy: Pathos and Potential*. Oxford.
- Grintser, N.P. 2010: ["Iphigenia at Aulis" – the tragedy of the name]. In: I.S. Smirnov (ed.), *Klassika i ne tol'ko. Nine Vladimirovne Braginskoy [Classics and Beyond. To N.V. Braginskaya]*. Moscow, 19–47.
- Гринцер, Н.П. «Ифигения в Авлиде» – трагедия имени. В сб.: И.С. Смирнов (ред.), *Классика... и не только. Нине Владимировне Брагинской*. (Orientalia et classica, 33). М., 19–47.
- Karamanou, I. 2016: Family reunion or household disaster? Exploring plot diversity in Euripides' last production. In: D. Stuttard (ed.), *Looking at Bacchae*. London, 43–58.
- Karamanou, I. (ed.) 2017: *Euripides. Alexandros. Introduction, Text and Commentary*. Berlin–Boston.
- Karamanou, I. 2019: *Refiguring Tragedy: Studies in Plays Preserved in Fragments and Their Reception*. Berlin–Boston.
- McDonald, M. 1989: Vengeance is mine, II. 877–81: *Philia* gone awry in the chorus of Euripides' *Bacchae*. In: *Proceedings of the Third International Meeting of Ancient Greek Drama*. Athens, 41–50.
- McDonald, M. 1990: Iphigenia's 'philia': motivation in Euripides' "Iphigenia at Aulis". *Quaderni urbinati di cultura classica* 34/1, 69–84.
- Mendicino, K. 2015: The professional mourner and singer of spells. A diachronic approach to Euripides' *Bacchae*. In: J.M. González (ed.), *Diachrony: Diachronic Studies of Ancient Greek Literature and Culture*. Berlin–Boston, 181–212.
- Nagy, G. 1985: Theognis and Megara: a poet's vision of his city. In: T.J. Figueira, G. Nagy (eds.), *Theognis of Megara: Poetry and the Polis*. Baltimore, 22–81.
- Nikolsky, B. 2009: La philia dionysiaque dans le Cyclope d'Euripide. *Gaia* 12, 123–131.
- Nikolsky, B. 2015: *Misery and Forgiveness in Euripides: Meaning and Structure in the Hippolytus*. Swansea, 2015.
- Nikolsky, B.M. 2017: [Euripides' *Iphigenia in Tauris* and Athenian foreign policy]. *Shagi / Steps* 3/4, 107–127.
- Никольский, Б.М. «Ифигения в Тавриде» Еврипида и внешняя политика Афин. *Шаги / Steps* 3/4, 107–127.
- O'Connor-Visser, E. 1987: *Aspects of Human Sacrifice in the Tragedies of Euripides*. Amsterdam.
- Perris, S. 2011: Perspectives on violence in Euripides' "Bacchae". *Mnemosyne* 64/1, 37–57.
- Rochelle, P. 2012: *Using and Abusing Children in Greek Tragedy*. PhD diss. The Open University. URL: <http://oro.open.ac.uk/id/eprint/54661>; дата обращения: 17.05.2021.
- Rosen, R.M. 2015: Reconsidering the reperformance of Aristophanes' *Frogs*. In: A. Lamari (ed.), *Reperformances of Drama in the Fifth and Fourth Centuries BC: Authors and Contexts*. (Trends in Classics, 7/2). Berlin–Boston, 237–256.
- Said, S. 1983: Concorde et civilisation dans les Eumenides. In: *Théâtre et spectacles dans l'antiquité. Actes du Colloque de Strabourg, 5–7 de novembre, 1981*. Leiden, 115–126.
- Salviat, F. 1989: La deuxième représentation des Grenouilles: la faute d'Adeimantos, Cléophon et le deuil de l'hirondelle. In: R. Etienne, M.T. Le Dinahet, M. Yon (eds.), *Architecture et poésie dans le monde grec. Hommage à Georges Roux*. Lyon, 171–183.
- Schein, S.L. 1990: *Philia* in Euripides' *Medea*. In: M. Griffith, D.J. Mastronarde (eds.), *Cabinet of the Muses: Essays on Classical and Comparative Literature in Honor of Thomas G. Rosenmeyer*. Atlanta, 57–73.
- Schein, S.L. 2016: The language of wisdom in Sophokles' *Philoctetes* and Euripides' *Bacchae*. In: P. Kyriakou, A. Rengakos (eds.), *Wisdom and Folly in Euripides*. Berlin–Boston, 257–273.
- Simmons, R. 2006: *Reflections of a Crisis of Athenian Leadership in Euripides' Last Plays*. PhD diss. University of Iowa.
- Sommerstein, A.H. 2009: *Talking about Laughter and Other Studies in Greek Comedy*. Oxford.
- Tsitsibakou-Vasalos, E. 2007: *Ancient Poetic Etymology. The Pelopids: Fathers and Sons*. Stuttgart.
- Torrance, I. 2017: Iphigenia at Aulis. In: L. McLure (ed.), *A Companion to Euripides*. Chichester, 284–297.
- Tzanetou, A. 1997: *Patterns of Exile in Greek Tragedy*. PhD diss. University of Illinois at Urbana-Champaign.
- Vahtikari, V. 2014: *Tragedy Performances Outside Athens in the Late Fifth and the Fourth Centuries BC*. Helsinki.
- Versnel, H. 1990: *Inconsistencies in Greek and Roman Religion*. Vol. I. *Ter Unus. Isis, Dionysos, Hermes. Three Studies in Henotheism*. Leiden.

DOI: 10.31857/S032103910010618-2

«ПОЛУДЕРЖАВНЫЙ ВЛАСТЕЛИН»: ЕВНУХ БАГОЙ В ИСТОРИИ АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ

Э. В. Рунг¹, В. П. Орлов²

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия;
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
² Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹ E-mail: eduard_rung@mail.ru ² E-mail: vasilij_orlov_historian@mail.ru

¹ ORCID: 0000-0002-4200-4486 ² ORCID: 0000-0002-4716-0859

В статье детально исследуется деятельность евнуха Багой, фактического правителя Персидской империи Ахеменидов в конце царствования Артаксеркса III Оха (359–338 гг. до н.э.), Арсеса (338–336 гг. до н.э.) и в начале царствования Дария III Кодоманна (336–330 гг. до н.э.). Основная проблема, поднимаемая в данной статье, — почему Багой сумел столь возвыситься при царском дворе. В ходе рассмотрения основных вех карьеры Багой делается вывод о том, что именно в качестве придворного евнуха он получил возможность оказывать неформальное влияние на царя Артаксеркса III, однако занятие им военных и административных должностей в Ахеменидской империи и, наконец, должности хилярха, который обеспечивал охрану царя, контролировал доступ к нему посетителей и занимал фактически второе положение в государстве, позволило Багойу не только эффективно влиять на принятие царем решений, но и самому решать многие текущие вопросы, связанные с проведением внутренней и внешней политики. При попытках Великого царя ограничить такую деятельность всемогущий евнух Багой устранял его физически. Такая судьба постигла Артаксеркса III и Арсеса, уготовил ее Багой и для Дария III, однако пришедший к власти при его помощи монарх сам убил Багой. Кроме этого, в данной статье в рамках исследования деятельности Багой рассматриваются более общие вопросы, связанные с положением евнухов в Персидской империи Ахеменидов, их ролью при царском дворе и влиянием на политику.

Ключевые слова: Багой, евнухи, персы, Персия, Ахемениды

Данные об авторах. Эдуард Валерьевич Рунг — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Института международных отношений КФУ, ведущий научный сотрудник Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского; Василий Павлович Орлов — кандидат исторических наук, ассистент кафедры археологии и всеобщей истории Института международных отношений КФУ.

Исследование в части, подготовленной Э.В. Рунгом, выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 20-18-00374, выполняемый на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

“THE MIGHTY, QUASI-SOVEREIGN”:
EUNUCH BAGOAS IN THE HISTORY
OF THE ACHAEMENID EMPIRE

Eduard V. Rung¹, Vasilii P. Orlov²

¹ *Kazan Federal University, Kazan, Russia;*

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

² *Kazan Federal University, Kazan, Russia*

¹ *E-mail:* eduard_rung@mail.ru ² *E-mail:* vasilii_orlov_historian@mail.ru

¹ *Acknowledgements:* Russian Science Foundation, project no. 20-18-00374

The article offers a detailed examination of the activities of the eunuch Bagoas who was the de facto ruler of the Achaemenid Persian empire at the end of the reign of Artaxerxes III Ochus (359–338 BC), Arses (338–336 BC) and at the beginning of the reign of Darius III Codomannus (336–330 BC). The main problem addressed in this article is the reasons for the increase of Bagoas' influence at the royal court. The examination of the main aspects of Bagoas' career leads to the conclusion that he was able to exercise informal influence on the King Artaxerxes III due to his position as a court eunuch. However, holding military and administrative positions in the Achaemenid empire, and, finally, the office of chiliarch who ensured the protection of the king, controlled the access of visitors to him and occupied almost the second place in the state, allowed Bagoas not only to effectively influence decision-making by the king, but also to take charge of many issues of domestic and foreign policy personally. When a king attempted to limit such activities, Bagoas physically eliminated him. Such was the fate of Artaxerxes III and Arses, and it was also prepared by Bagoas for Darius III, however, the latter monarch who had come to power with his assistance disposed of Bagoas. Furthermore, as part the context for Bagoas' activities, more general issues are considered related to the position of eunuchs in the Achaemenid Persian Empire, their role at the royal court, and their influence on politics.

Keywords: Bagoas, eunuchs, Persians, Persia, Achaemenids

По сведениям античной традиции, одним из наиболее могущественных и одиозных деятелей в истории империи Ахеменидов был Багой, определяемый как евнух (Diod. XVII. 5. 3; Ael. VH. VI. 8; *FGrHist.* 255. F. 1; Curt. VI. 3. 9; Strabo. XV. 3. 24; Plut. *Mor.* 337e). Он достиг вершины власти, однако сам не царствовал, но определял деятельность двух монархов из династии Ахеменидов – Артаксеркса III и Арсеса. Оказавшись виновным в смерти двух последних, Багой стремился также к контролю над третьим, который, очевидно, не без его помощи взшел на престол, – Дарием III, но в конечном итоге стал жертвой собственных интриг при дворе. Исключительная же роль Багоя в качестве неофициального правителя Ахеменидской империи была обусловлена не только его статусом придворного евнуха, но и занятием им административной должности хилиарха, позиционируемой как второй после царя. В данной статье предполагается ответить на вопрос о причинах столь стремительной карьеры Багоя и мотивации его действий при царском дворе последних Ахеменидов.

В современной историографии фигура Багоя привлекает внимание лишь в самых общих работах, посвященных истории Персидской империи¹. Несколько статей, в названиях которых присутствует имя Багоя, фактически посвящены другому Багою — известному евнуху при дворе Александра Великого². Однако в историографии часто можно встретить скептическое отношение к сведениям древнегреческих источников о влиятельном положении при дворе евнухов вообще и Багоя в частности. В случае с Багоем основной массив информации предоставляет Диодор Сицилийский, и это естественно, учитывая тот хронологический период, на который приходится отмеченная в источниках деятельность знаменитого евнуха: 345—336 гг.³ (от начала второй египетской кампании Артаксеркса III и до воцарения Дария III). Сведения Диодора дополняются и другими, более поздними авторами (Страбоном, Аррианом, Курцием и др.), однако их информативность, как правило, ограничивается упоминаниями Багоя, когда речь идет о дворцовых переворотах в Персии.

Данная статья не только призвана восполнить отмеченный пробел в историографии, но и представляет Багоя как в контексте политической истории Ахеменидской империи, так и в связи с темой придворного общества, неотъемлемой частью которого были евнухи. Поэтому исследование статуса Багоя и основных аспектов его деятельности неизбежно поднимает более общие вопросы о положении евнухов в Ахеменидской империи: о путях их попадания ко двору, этнической принадлежности, функциях и обязанностях; особый интерес вызывает проблема политического влияния евнухов на царей⁴. В данной статье мы попытаемся отчасти ответить на эти вопросы, несмотря на известные трудности, вызванные полным отсутствием сведений о евнухах при дворе Ахеменидов в древневосточных источниках и тем, что в значительном большинстве примеров в античных источниках сохранились только имена евнухов и лишь в отдельных случаях говорится об их действиях при дворе, и еще реже сообщается об их этнической принадлежности.

Особое место среди древнегреческих историков, сообщавших о евнухах, занимают Геродот и Ктесий Книдский. Сведения первого традиционно пользуются доверием современных исследователей, тогда как данные второго часто вызывают скептическое отношение в историографии⁵. В настоящее время исследователи, как правило, сходятся в том, что надо рассматривать каждый эпизод,

¹ Dandamaev, Lukonin 1980, 107; Dandamaev 1985, 254; 2013, 51; 2015, 309—310; Cook 1983, 224—225; Wiesehöfer 1999, 38; Frye 2002, 172; Olmstead 2012, 524—526; Briant 1996, 287; 2002, 376; Waters 2014, 198.

² Badian 1958, 144—157; Charles, Anagnostou-Laoutides 2018a, 704—710; 2018b, 166—183.

³ Все даты в статье — до нашей эры.

⁴ О евнухах, евнухизме и их связи с явлением кастрации в древнем мире см. Guyot 1980; Bullough 2002, 1—17.

⁵ Скептическое отношение к достоверности сообщаемой Ктесием информации восходит к периоду античности. Плутарх заявлял, что произведения Ктесия полны невероятнейших и глупейших рассказов (Plut. *Artax.* I. 5). По мнению такого знатока античной традиции, как Ф. Якоби, ценность информации Ктесия почти равна нулю (Jacoby 1922, 2047).

упоминаемый Ктесием, на предмет его достоверности⁶. Но как быть в том случае, если упоминаемые историком эпизоды верифицировать не представляется возможным (ввиду отсутствия параллельной традиции), а таковы большинство эпизодов с евнухами? Конечно, можно объявить их все фикцией, вымышленными дворцовыми историями, но такой подход представляется непродуктивным. Поэтому достоверность Ктесиевых рассказов следует проверять, принимая во внимание исторический контекст, к которому относится тот или иной эпизод.

А. Курт полагает, что именно греки способствовали распространению представлений о влиятельных евнухах, находившихся при персоне Великих царей: «Все греки, которые были современниками Ахеменидов, были восхищены богатством и могуществом персидских правителей, так что часто передавали рассказы о дворцовых интригах и моральном упадке, которые были следствием необузданной роскоши. В таких анекдотах персидский царь появляется как особенно слабая фигура, жертва махинаций властолюбивых женщин и зловещих евнухов»⁷. Однако Л. Левеллин-Джоунз в своей статье, посвященной евнухам и гарему в Ахеменидской империи, подвергает жесткой критике такого рода подход: «...Евнухи не были просто европейской фантазией, инспирированной страницами “Арабских ночей”, но реальным феноменом восточной жизни, и они оставались такими на тысячелетия. Они присутствовали в домах, гаремах и дворах носителей власти по всему Востоку; евнухи участвовали во властных структурах в поздней Римской империи, христианской Византии, османской Турции и имперском Китае. Они также были могущественны при дворах в Ассирии с XII по VII вв. до н.э. ... и при дворах Ахеменидских царей Персии. Они служили в публичных и частных домах царей и ... они также находились в услужении у женщин царской семьи»⁸. Эта характеристика не только предостерегает от попыток представить евнухов конструктом древнегреческой традиции, но очерчивает сферы реального применения евнухов в широком географическом и хронологическом диапазоне.

В историографии с недавнего времени стал ставиться под сомнение и евнухизм Багой⁹. П. Бриан¹⁰, в частности, развивал точку зрения, которая набирает популярность в современной историографии¹¹, что далеко не все евнухи, о которых говорится в античных источниках, были кастратами, и классические авторы использовали слово «евнух» в общем смысле просто в значении «придворный», возможно, сближая *εὐνοῦχος* с *οἰνοχόος*, т.е. «виночерпий». По мнению исследователя, все те, кто занимали высшие посты в Персидской империи и определялись как «евнухи», на самом деле могут быть названы таковыми только по ошибке, не будучи кастратами. П. Бриан также считает, что при дворе персидских царей было два типа евнухов: кастраты, которые использовались при дворе в качестве слуг

⁶ См., например, Lenfant 1996, 348–380; Bichler 2004, 105–116.

⁷ Kuhrt 2007, 10.

⁸ Llewellyn-Jones 2002, 21.

⁹ В классических трудах по истории Ахеменидской империи, как представляется, Багой всегда именуется евнухом (Wieshöfer 1999, 38; Olmstead 2012, 524–526; Frye 2002, 172; Dandamaev, Lukonin 1980, 107; Dandamaev 1985, 254; 2013, 51; 2015, 309–310).

¹⁰ Briant 1996, 287; 2002, 376.

¹¹ Kuhrt 2007, 577; Keaveney 2017, 31–44.

Великого царя, и администраторы, или даже советники, и это были придворные, для которых «евнух» был дворцовым титулом, а не физическим состоянием (т.е. они не подвергались кастрации).

Однако подобные попытки развенчать античную традицию или по крайней мере подвергнуть ее ревизии также справедливо критикует Л. Левеллин-Джоунз: «Бриан и другие находят трудным принять тот факт, что кастрированные мужчины могли быть властными придворными и чиновниками или даже военными деятелями, но это противоречит обширному знанию об истории евнухов, так как евнухи засвидетельствованы при других ближневосточных дворах, и они стали отличительными признаками царских дворов (и знатных домов) в Османской Турции, Индии периода моголов, Китае при династиях Мин и Цин, Сефевидском и Каджарском Иране»¹². Между тем мнение П. Бриана и других исследователей, которые считают, что термином *eûνοῦχος* при дворе Ахеменидов греки могли называть как придворных, так и собственно евнухов (кастратов), удивительным образом соотносится с той дискуссией, которую уже давно ведут ассириологи в отношении термина *ša rēši*.

Аккадский апеллятив *ša rēši*, дословно переводимый «тот, кто у головы» (часто записывался в виде шумерограммы LÚ.SAG), впервые засвидетельствован в клинописных текстах III тыс. и отличал обозначаемых таким образом людей от *ša ziqni* («бородатый») ¹³. На этом основании многие исследователи считали называемых в источниках *ša rēši* евнухами, идентифицируя их на рельефах, содержащих изображения безбородых мужчин. Однако далеко не все специалисты соглашались с интерпретацией термина *ša rēši* как «евнух» ¹⁴. Анализируя позиции исследователей и сами источники по данной проблеме, Р. Пирнгрубер пришел к выводу, что более или менее однозначно подразумевать под *ša rēši* евнухов можно лишь в старовавилонский и среднеассирийский периоды, а для более позднего времени характерна многозначность термина ¹⁵. К тому же в новоассирийский период *ša rēši* могли выполнять по поручению монарха судебные, военные, административные и надзорные функции ¹⁶, и это свидетельствует об их высоком социальном статусе. Применительно к Ахеменидской державе ассириолог Г. Барьямович замечает, что нежелание некоторых историков признавать наличие облеченных властью евнухов как при ассирийском, так и при персидском дворе безосновательно и базируется лишь на мнении, что такое значительное число кастратов не могли занимать высокие должности и при этом сохранять услужливость царю, имея в руках реальную исполнительную власть ¹⁷. Взгляды на проблему попыталась обобщить Д. Ленфан. По ее наблюдению, в историографии сложились три

¹² Llewellyn-Jones 2013, 39.

¹³ N'Shea 2016, 214.

¹⁴ Oppenheim 1973, 325–334; Garelli 1974, 129–140.

¹⁵ Pirngruber 2011, 308–309.

¹⁶ Подробнее об этом см. Pirngruber, Groß 2014, 166–170. Авторы приводят примеры, которые свидетельствуют о службе *ša rēši* в качестве представителей провинциальной администрации и военачальников. В числе наиболее значимых они называют Бел-ибни при Ашшурбанипале.

¹⁷ Barjamovic 2011, 57–58.

точки зрения по поводу интерпретации термина *ša rēši*¹⁸. Согласно первой изначально под *ša rēši* разумели евнухов, а затем значение изменилось и термин стал использоваться для обозначения некастрированного высокопоставленного чиновника; согласно второй семантический переход был обратным: от высокопоставленного чиновника к евнуху. Третья позиция однозначная и утверждает, что под *ša rēši* нужно иметь в виду евнуха.

Если следовать третьей точке зрения, то можно найти евнухов, в частности в истории Ассирии и Вавилонии, которые занимали высокопоставленные должности, претендовали на занятие престола и даже иногда обладали царской властью¹⁹. В числе таковых — Син-шуму-лешир, военачальник и регент при малолетнем Ашшур-этель-илани, сыне Ашшурбанипала (после смерти царя в 627 г.). В историографии Син-шуму-лешира также называют «главным евнухом» — «the chief eunuch»²⁰, однако этот его статус зависит от корректного перевода его титула LÚ.GAL—SAG (*rab ša rēši*), упомянутого в надписи Ашшур-этель-илани: «Син-шуму-лешир, главный евнух, тот, кто заслужил благодарность моего отца, кто вел меня постоянно подобно моему отцу, кто поставил меня на трон моего отца...»²¹. Однако в целом определения *ša rēši* и εὐνοῦχος не могут быть столь безоговорочно соотнесены между собой. Если термин *ša rēši* действительно мог быть полисемантическим²², то под словом εὐνοῦχος греки всегда разумели исключительно кастрата²³. Древнегреческое слово εὐνοῦχος происходит от сочетания двух слов εὐνή — «кровать», «ложе» и ἔχω — «имею», но в данном случае в значении «охраняю», «защищаю»²⁴. Так что с учетом этимологии слово εὐνοῦχος первоначально должно было применяться для обозначения лица, которое прислуживало царю в дворцовых покоях. Кроме того, традиционно считают, что евнухи были служащими в гареме²⁵ и, следовательно, были кастратами (ἐχτομίαι). Об

¹⁸ Lenfant 2012, 280–281.

¹⁹ Подробнее см. Ambos 2009, 1–6.

²⁰ Radner 2011, 375; Nissinen 2017, 233.

²¹ SAA 12, no. 35–36.

²² См. CDA, s.v. *rēšu(m)*: 2. *šūt r.* ~ “courtiers”, *ša r.* (a court official), *ša r.* [LÚ.SAG] “eunuch”; CAD R, s.v. *rēšu* in *ša rēš šarri* (a high official); *rēšu* in *ša rēši (šūt rēši)* s.: 1. attendant, soldier, officer, official; 2. eunuch. М. Юрса, анализируя термин *ša rēši* или *ša rēš šarri* на материале нововавилонского периода, также переводит их как «придворные» («Höflinge») и отмечает, что в ряде случаев можно увидеть, что эти титулы переходили от отца к сыну, т.е. наследовались. Исследователь систематизирует сведения о сферах деятельности *ša rēši*, которые он сводит к следующим: (а) функции в области администрации дворца, (б) функции в области местной администрации, (с) функции в военной администрации, (д) сборщики налогов и т.п., (е) функции в области храма (Jursa 2011, 159, 163).

²³ LSJ III, s.v. εὐνοῦχος, ὁ (εὐνή, ἔχω): castrated person, eunuch, employed to take charge of the women and act as chamberlain... II. watching the bed, sleepless.

²⁴ Chantraine 1968, 385.

²⁵ По данным Гелланика Лесбосского (FGrHist. 4. F. 7a; 178a), первой евнухов в своем услужении завела царица Атосса, супруга Дария I, однако неизвестно, насколько эта информация может быть достоверна. Геродот (III. 130) сообщает, что евнухи по приказу Дария I сопровождали медика Демокета на женскую половину дворца, чтобы тот получил награду за исцеление царя.

этом существуют свидетельства древнегреческих историков²⁶, которым, однако, современные исследователи, полагающие, что евнухами не обязательно были кастраты, не могут противопоставить ничего, кроме данных, что евнухи занимали те или иные должности, вплоть до самых значимых.

Наиболее определенно связь между евнухизмом и кастрацией подчеркивает Геродот (VI. 31). По словам этого историка, после поражения Ионийского восстания персы, выбрав наиболее красивых мальчиков, оскостили их и сделали вместо нехолощенных людей евнухами (παῖδας τε τοὺς εὐεἰδεστάτους ἐκλεγόμενοι ἐξέταμνον καὶ ἐποίησαν ἀντὶ <τοῦ> εἶναι ἐνορχέας εὐνοῦχος). В данном случае оскотление выступало в роли наказания. Упоминает Геродот (VIII. 105) и некоего хиосца Паниония, который зарабатывал тем, что покупал в качестве рабов красивых мальчиков, оскотлял их и вновь выставлял на продажу за большие деньги в Сардах или в Эфесе; ведь, по словам историка, «у варваров евнухи ценятся дороже, чем нехолощенные люди, из-за их полной надежности (παρὰ γὰρ τοῖσι βαρβάροισι τιμώτεροί εἰσι οἱ εὐνοῦχοι πίστιος εἶνεκα τῆς λάσης τῶν ἐνορχέων)»²⁷. Помимо этого, евнухи были также разновидностью дани персидскому царю. Геродот (III. 92, 97) сообщает, что со времени Дария I «Вавилон и остальная Ассирия платили 1000 талантов серебра и доставляли 500 оскотленных мальчиков (παῖδες ἐκτομίαι)», а «эфиопы и колхи посылают царю по 100 мальчиков и 100 девочек». К сожалению, древнеперсидский язык не сохранил для нас слова для обозначения евнухов. Однако Р. Фрай приводит искусственно созданный им термин **tačarapati-*, которым он называет главного евнуха, отвечающего за работу частной резиденции царя — *tačara*²⁸.

Деятельность Багоя обычно считается наиболее ярким примером нахождения евнуха на вершине власти. А. Олмстед, например, именует Багоя не иначе как «the eunuch kingmaker»²⁹. М. Чарльз, необоснованно выражая сомнение в евнухизме Багоя и солидаризируясь с мнением П. Бриана, допускает, что на восприятие Багоя как евнуха в греко-римской традиции повлиял образ другого Багоя — фаворита Дария III и Александра³⁰. Рассмотрим более обстоятельно это мнение. Еще Э. Бэдиан, ссылаясь на данные античной традиции, утверждал, что имя Багоя в восточных землях было общим для евнуха, и в особенности евнуха Великого царя³¹. Одним из оснований для такого заключения является суждение Плиния Старшего

²⁶ Подробнее см. Llewellyn-Jones 2013, 39.

²⁷ Данный эпизод Геродот (VIII. 106) приводит в контексте рассказа о Гермотиме, евнухе Ксеркса, который жестоко отомстил Панионию, некогда обратившему его в евнуха, заставив того оскотить четверых своих сыновей, а затем сыновей оскотить своего отца. Впрочем, С. Хорнблауэр, рассматривая этот эпизод, повторяет популярное мнение, что евнухами не обязательно были кастраты, и ссылается на авторитет П. Бриана (Hornblower 2003, 37–57).

²⁸ Frye 1962, 100.

²⁹ Olmstead 1948, 489–490. М. Уотерс, сравнивая античную традицию с вавилонскими свидетельствами, ставит под сомнение роль Багоя в смене последних Ахеменидов (Waters 2014, 198).

³⁰ Charles 2015, 292.

³¹ Badian 1958, 144.

(*NH*. XIII. 41), который говорит о саде Багоя близ Вавилона и далее добавляет, что так назывались евнухи, которые у персов даже правили (*ita vocant spadones, qui apud eos etiam regnavere*). Теофраст же в «Истории растений» (II. 6. 7) уточняет, что речь идет о саде Багоя Старшего у Вавилона (τῷ Βαγῶου κήρῳ τοῦ παλαιοῦ περὶ Βαβυλῶνα), и, таким образом, отделяет его от Багоя Младшего — знаменитого фаворита Дария III и Александра. Плутарх (*Alex*. XXXIX. 10) отмечает, что Александр подарил Пармениону имение Багоя (τὸν Βαγῶου οἶκον) в Сузах, а Клавдий Элиан (*VH*. III. 23) сообщает, что сам Александр незадолго до своей роковой болезни даже обедал у некоего Багоя (παρὰ Βαγῶα δὲ ἐδείπνησε) — впрочем, в каждом из этих двух сообщений личность Багоя никак не идентифицируется³².

Однако связь имени Багоя с именами евнухов появляется только в более поздней античной традиции³³. Что касается происхождения евнуха Багоя, будущего «правителя» Персидской империи, отдельного рассмотрения заслуживает, в частности, античная традиция, делающая того египтянином (Ael. *VH*. VI. 8; *Suda* s.v. λαβαῖς). Согласно Элиану (*VH*. VI. 8), евнух Багой, родом египтянин, убил Артаксеркса III Оха и, разрубив тело на куски, бросил на съедение кошкам, а из бедренных костей царя он сделал рукояти для мечей. По мнению автора, Багой возненавидел царя за то, что тот во время своего пребывания в Египте, как прежде Камбиз, убил Аписа. Сам по себе рассказ этот о таком способе умерщвления Багоем царя вызывает сомнение, хотя он, безусловно, включает в себя египетские мотивы: уничтожение тела и последующее поедание его кошками — египетскими священными животными³⁴ (по версии словаря «Суда» (s.v. λαβαῖς), Багой сам съел мясо царя). В рамках этого рассказа вымышленное египетское происхождение Багоя находит свое объяснение: месть египтянина за святотатственные действия царя³⁵. Поводом для изобретения этой греко-египетской

³² Замечание Элиана приводит к попыткам исследователей определить, о каком Багое идет речь (см. Charles, Anagnostou-Laoutides 2018a, 704–710).

³³ Само имя могло представлять грецированную форму первоначального персидского имени с корнем *Baga-*, т.е. «бог», видимо, из композита **baga-vahyah-* «наилучший благодаря богу», см. Werba 1982, 108–104. Багоем / Багосом (Βαγῶσης) Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (XI, 297, 298, 300–301) называл военачальника Артаксеркса «Младшего» (Βαγῶσης ὁ στρατηγὸς τοῦ [ἄλλου] Ἰρταξέρξου τὸν νεόν), или Артаксеркса II, или Артаксеркса III. В историографии также встречаются мнения, что Багоса, военачальника в Иудее, следует отождествлять или с евнухом, хилиархом Багоем (Hirschy 1909, 43; Torrey 1939, 300–301; Williamson 2004, 82; Shenkar 2008, 102), или же с Багохом, правителем Иудеи при Дарии II, известным по арамейским папирусам из Элефантины в Египте (Cowley 1923, 108–122; Grabbe 1992, 49–61). И, наконец, еще один Багой — перс, сын Фарнуха, упоминается Аррианом (*Ind*. XVIII. 8) в качестве триерарха Александра Великого. Были ли они все евнухами или нет, в источниках не уточняется. В то же время евнух Багой — вымышленный персонаж в «Эфиопике» Гелиодора (*passim*), «Юдифи» Септуагинты (XII. 13, 15; XIII. 1; XIV. 14), диалоге Лукиана Самосатского «Евнух» (4–5, 9, 11); евнух Багой при дворе Ирода Великого упоминается также в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия (XVII. 2. 4).

³⁴ Ladynin 2017, 504; 2019, 7.

³⁵ Примечательно, что в одной из наиболее ранних работ об Артаксерксе III принимается египетское происхождение Багоя (Hirschy 1909, 19).

традиции стало непосредственное участие Багоя во второй египетской кампании Артаксеркса III Оха в 345 г.

Еще в преддверии похода в Египет персидский царь разделил свою армию, состоявшую в основном из греческих наемников, на три части. Во главе каждой из частей он назначил двух сокомандующих: грека, предводительствующего наемниками, и наиболее доблестного и способного военачальника из персов (Diod. XVI. 47. 1: *παρακαθεσταμένον ἡγεμόνα ἄνδρα Πέρσην, προεκκριμένον ἐπ' ἀρετῆ τε καὶ εὐνοῖα*). Диодор (XVI. 47. 3) говорит о том, что одной из частей персидской армии, направленной против Египта, командовал аргосец Никострат, а его сокомандующим был Аристазан, о котором историк сообщает: «Тот же был докладчиком царя (*εἰσαγγελεὺς τοῦ βασιλέως*)³⁶ и самым верным из друзей после Багоя (*πιστότατος τῶν φίλων μετὰ Βαγῶαν*)³⁷». Здесь историк впервые обращает внимание на статус Багоя.

И, наконец, Диодор (XVI. 47. 4) уже более обстоятельно высказывается в отношении Багоя. Он сообщает, что третьей частью персидской армии командовал Ментор, и далее уже ограничивается замечанием: «Следовал с ним в походе Багой, которому царь абсолютно доверял (*μάλιστα βασιλεὺς ἐνεπίστευε*), человек, отличающийся смелостью и пренебрежением законов (*τόλμη καὶ παρανομία διαφέρων*)». Историк отмечает роль Багоя в двух эпизодах египетской кампании Артаксеркса III – при захвате городов Пелусия и Бубаста (Diod. XVI. 49. 1–6; 50. 1–7)³⁸. Следующую характеристику Багою Диодор дает уже после своего рассказа о его деятельности в качестве военачальника в Египте.

Причем историк считает, что Багой стал жертвой хитрости своего коллеги по командованию Ментора, призванной доставить последнему через него выдающееся положение в Ахеменидской империи. Именно Ментор освободил Багоя, плененного при захвате Бубаста, организовал капитуляцию города и заключил соглашение с тем для совместных действий (*κοινοπραγία*). Далее Диодор (XVI. 50. 7–8) подытоживает: «Результатом этого было то, что эти два мужа своим сотрудничеством на службе Царю достигли позже наибольшей власти среди всех друзей и родственников при дворе Артаксеркса (*πλεῖστον ἰσχύσαι τῶν φίλων καὶ συγγενῶν τῶν παρ' Ἀρταξέρξει*). В самом деле, Ментор был назначен величайшим предводителем в прибрежных районах Азии (*ὁ μὲν γὰρ Μέντωρ ἐν τοῖς παραθαλαττίοις*

³⁶ «Докладчик царя», по свидетельству Геродота (I. 114; III. 34, 77, 84, 118), называющего его *ἀγγελιφόρος* (III. 118), был одним из наиболее значимых служащих при дворе Великих царей со времени Мидийского царства (о значимости должности см. Grantovsky, Ivanchik 1995, 162–169). Интересным представляется упоминание «отцом истории» (III. 77) того обстоятельства, что при дворе Псевдо-Смердиса «докладчиками» были именно евнухи (*ἐνέκρουσαν τοῖσι τὰς ἀγγελίας ἐσφέρουσι εὐνούχοισι*). В дворцовой иерархии глава «докладчиков» мог непосредственно подчиняться хилиарху, который обеспечивал охрану царя и контролировал доступ в царские покои (о соотношении полномочий этих двух служащих: Junge 1940, 18–19; Collins 2001, 269–270; Charles 2015, 290; 2016a, 399, n. 32); если это так, то понятно, почему «докладчик» Аристазан уступал «хилиарху» Багою в близости к царю.

³⁷ «Друзья царя» и «благодетели царя» образовывали привилегированные категории при дворе Ахеменидов (Wiesehöfer 1980, 7–21), и, как следует из сообщения Диодора (XVI. 47. 3), к первым принадлежал и Багой.

³⁸ См. подробнее Ruzicka 2012, 196; Rop 2019, 162, n. 35.

μέρεσι τῆς Ἀσίας ἡγεμὼν μέγιστος ἀποδειχθεὶς)³⁹, выполнял важное поручение царя по сбору наемников из Греции и отправке их к Артаксерксу и в ходе своей деятельности управлялся со всеми своими обязанностями мужественно и преданно. Что касается Багой, после того как он управлял всеми делами Царя в верхних сатрапиях⁴⁰, он поднялся на такую вершину власти из-за своего сотрудничества с Ментором, что стал хозяином царства и Артаксеркс ничего не делал без его совета. После смерти Артаксеркса он назначал в каждом случае наследника престола и пользовался всеми полномочиями царской власти, кроме титула (ὁ δὲ Βαγῶας ἐν ταῖς ἄνω σατραπείαις ἅπαντα τῷ βασιλεῖ διωκτικῶς τοσοῦτον ἴσχυσε διὰ τὴν πρὸς τὸν Μέντορα κοινωνίαν τῶν πράξεων ὥστε τῆς βασιλείας κύριον εἶναι καὶ μηδὲν πράττειν τὸν Ἀρταξέρξην ἄνευ τῆς ἐκείνου γνώμης. καὶ μετὰ τὴν ἐκείνου τελευτὴν τοὺς διαδόχους αἰεὶ τῆς βασιλείας οὗτος ἀπεδείκνυτο καὶ πάντα βασιλέως εἶχε πλὴν τῆς προσηγορίας)». Из этого сообщения Диодора создается впечатление, что Ментор и Багой фактически пришли к соглашению о разделе управления над сатрапиями в Ахеменидской империи: первый стал командовать западными сатрапиями, расположенными в Малой Азии, тогда как последний – восточными сатрапиями⁴¹. Диодор также отмечает, что после завершения египетской кампании Багой возвысился над друзьями и родственниками царя и стал хозяином царства – τῆς βασιλείας κύριος, и имел все prerogatives царской власти, кроме титула – πάντα βασιλέως εἶχε πλὴν τῆς προσηγορίας (Diod. XVI. 50. 8).

И, наконец, более обстоятельно Диодор (XVII. 5. 3–5) характеризует деятельность Багой в ходе своего изложения вступления на престол Дария III: «...Ох обращался с подданными грубо и безжалостно. Так как он стал ненавистным вследствие его очень жестокого нрава, хилиарх Багой, евнух по телесной сути, но негодяй и воинственный по природе (Βαγῶας ὁ χιλιάρχος, εὐνοῦχος μὲν ὢν τὴν ἕξιν, πονηρὸς δὲ καὶ πολεμικὸς τὴν φύσιν), убил его ядом при помощи некоего врача, а младшего из его сыновей Арсеса возвел на царство. Он убил и братьев царя, бывшего еще очень молодым, с тем чтобы оставшийся в одиночестве юноша стал бы более ему подвластен. Поскольку юноша был оскорблен свершенными преступлениями и показал, что собирается отомстить тому за его незаконные поступки, Багой, упредив его намерения, убил Арсеса вместе с его детьми на третьем году царствования. Поскольку царский дом угас и никто в роду не перенял

³⁹ Выражение ἡγεμὼν μέγιστος может быть греческой реминисценцией персидского термина *madista* – «величайший», который употреблялся в Бехистунской надписи применительно к военачальникам Дария I (Rung 2015, 344).

⁴⁰ Багой, как и Ментор, вероятно, получил должность *карана*, объединяющего военное командование с руководством несколькими сатрапиями; во всяком случае, он вряд ли был собственно сатрапом в какой-либо из восточных областей империи (Klinkott 2005, 342).

⁴¹ П. Бриан стремится доказать тенденциозность в определении Диодором положения не только Ментора, но и Багой. Исследователь замечает, что в этом контексте Диодор проводит совершенно искусственную параллель между Ментором и Багоем, которые поделили между собой империю посредством соглашения о *κοινοπραγία/κοινωνία*, которого они, вероятно, достигли в Египте: Запад отошел к Ментору, а Восток – к Багою (Briant 2002, 775).

власть, он выбрал одного из своих друзей по имени Дарий и помог ему получить царство. Тот же был сыном Арсана, сына Остана, который был братом Артаксеркса, царствовавшего над персами. С самим же Багоем произошло нечто достойное упоминания. Предаваясь убийствам, он замыслил умертвить Дария ядом. Когда его замысел стал известен, царь, пригласив Багоя будто бы из благих побуждений, дал ему свою чашу и заставил выпить яд». Таким образом, Диодор при первых упоминаниях Багоя в XVI книге еще не называет его евнухом, а делает это только в XVII книге⁴². Историк определенно относит его к числу персов (XVI. 47. 1), отмечает его положение как самого доверенного из «друзей царя» (XVI. 47. 3–4), а уже затем он называет его хилиархом (XVII. 5. 3)⁴³. В последнем случае речь, несомненно, должна идти о должности дворцового хилиарха, который обеспечивал охрану царя и контролировал доступ к нему посетителей⁴⁴ и фактически был вторым человеком после царя по своему положению⁴⁵. В связи с этим мнение М.А. Дандамаева о том, что Багой был главным евнухом при Артаксерксе III, едва ли находит под собой основание⁴⁶. Представляется, что именно должность хилиарха и позволила Багою не просто занимать при дворе последних Ахеменидов выдающееся положение, которым мог обладать наиболее влиятельный придворный евнух, но и осуществлять властные полномочия.

При внимательном рассмотрении сообщения Диодора о евнухизме Багоя можно прийти к выводу о том, что историк говорит совсем не о его должности при дворе, а лишь о его физическом состоянии. Об этом прямо свидетельствует выражение *εὐνοῦχος μὲν ὢν τῆν ἔξιν*, с которого Диодор (XVII. 5. 3) начинает свой рассказ о Багое. Но могли ли евнухи в принципе занимать высшие должности в Персидской империи? Более всего упоминаний придворных евнухов

⁴² Этот странный факт отмечает М. Чарльз в числе аргументов в пользу предположения, что статус евнуха мог быть ошибочно приписан Багою источником Диодора (Charles 2015, 292).

⁴³ А. Меус и М. Чарльз полагают, что в период своего участия в египетской кампании Багой еще не был хилиархом (Meeus 2009, 305; Charles 2015, 291). П. Бриан отрицает тот факт, что Багой занимал когда-либо эту должность (Briant 2002, 274–275).

⁴⁴ О функциях «дворцового хилиарха» см. Keaveney 2010, 499–508; Charles 2016a, 392–412. Античные авторы говорят о том, что одной из важнейших функций хилиарха было обеспечение доступа к царю (Plut. *Them.* XXVII. 2; *Artax.* XXII. 4; Ael. *VH.* I. 21). Хилиархи могли командовать гвардией царя – «бессмертными» (*ἀθάνατοι*), 1000 отборных воинов из их числа (*μηλοφόροι* или *αἰχμοφόροι*), а возможно, также элитной частью персидской конницы в 1000 человек – «родственниками» царя (*συγγενεῖς ἰππεῖς*) (Collins 2001, 271; 2012, 159–167; Meeus 2009, 302–310; Charles 2016a, 392–412).

⁴⁵ Корнелий Непот отмечает, что хилиарх занимал второе место в государстве (Nep. *Con.* 3. 2–3: *secundum gradum imperii tenebat*). В истории Ахеменидской империи статус «второго после царя» получали различные представители высшей аристократии. «Гаремная надпись Ксеркса» из Персеполя (XPf. 31–32) говорит, что Дарий сделал сына Ксеркса величайшим после себя (*mašišta pasā tanūm*). По словам Плутарха, Ксеркс назначил своего брата Ариамена «величайшим при нем» (*Mor.* 173b; 488f: *μέγιστος παρ' αὐτῷ*) и дал ему положение «второго после себя» (*Mor.* 173c; 488e: *τὴν δευτέραν μεθ' αὐτὸν ἔδωκε τάξιν*). О статусе «второго после царя»: Melikyan 2013, 88–118; Sánchez 2014, 37–42; Rung, Orlov 2016, 81–91.

⁴⁶ Dandamayev 1988, 418.

встречается в Фотиевой эпитоме «Персидской истории» Ктесия Книдского – 35 упоминаний и 14 имен. Это Петесак (*FGrHist.* 688. F. 9. 6), Багапат (F. 13. 9), Изабат (F. 13. 9), Аспадат (F. 13. 9), Лабикс (F. 13. 10), Тибетис (F. 13. 13), Натак / Матак (F. 13. 24, 31), Аспамитр (F. 13. 33), Артоксар (F. 14. 42–43; F. 15. 50–51, 54), Фарнакий (F. 15. 48), Багораз (F. 15. 48), Меностан (F. 15. 48), Артибарзан (F. 15. 51), Атоос (F. 15. 51) – большинство, если не все, имеют иранские имена⁴⁷. У Геродота мы встречаем 12 упоминаний, из имен только 2 – Сатасп (IV. 43) и Гермотим (VIII. 104). В «Киропедии» Ксенофонта – 21 упоминание, но приводится только одно имя – Гадат (V. 3. 15, 18; VI. 1. 1, 34; 4. 11). Плутарх в биографиях «Фемистокла» (XVI. 5) и «Аристиды» (IX. 6) упоминает внуха по имени Арнак; в биографии Артаксеркса встречается 14 упоминаний, имен только четыре – Париск (XII. 1), Сатибарзан (XII. 4), Спарамиз (XV. 3) и Масабат (XVII. 1). У Диодора находим 10 упоминаний и только 2 имени евнухов в Персии – Митридат (XI. 69. 1) и, собственно, Багой (XVII. 5.3).

По сведениям Геродота, евнухи выполняли те или иные поручения царя либо в качестве слуг (I. 117; III. 4), либо внутри гарема (III. 130), либо же в качестве докладчиков (III. 77–78); а при рассказе о походе Ксеркса против Греции в одном месте евнухи упоминаются наряду с кухарками и наложницами, а в другом – наряду с женщинами, вьючным скотом и псами (VII. 187). В «Киропедии» Ксенофонта (VI. 4. 11; VII. 3. 5; 4. 60–62) и в «Артаксерксе» Плутарха (XI. 7; XV. 1; XVII. 6–8) евнухи – обычно только слуги, зависимые от царя и царицы (исключение – упоминаемый Ксенофонтом евнух Гадат: *Сур.* V. 3. 15, 18; VI. 1. 1, 34; 4. 11)⁴⁸. Но только Ктесий неоднократно сообщает о могущественных евнухах⁴⁹. По данным историка, Патесак имел большое влияние при Кире II (F. 9. 6: μέγα παρ' αὐτῷ δυνάμενον), Изабат, Аспадат и Багапат были могущественными после смерти Патесака при Кире II и при Камбизе (F. 13. 9: μέγιστος ἦν μετὰ τὸν Πετρώαχα θάνατον), Натак пользовался величайшей властью из евнухов у Ксеркса I (F. 13. 24: εὐνοῦχων δὲ μέγιστον ἠδύνατο), при этом царе также имел большую силу Аспамитр (F. 13. 33), три евнуха были могущественными при Дарии II Охе: величайшим же был Артоксар, вторым – Артибарзан, а третьим – Атоос (F. 15. 51: εὐνοῦχοι δὲ τρεῖς ἠδύναντο παρ' αὐτῷ, μέγιστον μὲν Ἄρτοξάρης, δεύτερος δὲ Ἄρτιβαρζάνης, καὶ τρίτος Ἄθῶος).

⁴⁷ Л. Левеллин-Джоунз допускает, что, с одной стороны, иранские имена евнухов могут ставить под сомнение сообщение Геродота (III. 92, 97) о том, что евнухи посылались в Персию как вид дани, но, с другой, по прибытии ко двору могло требоваться, чтобы евнухи отказались от своих этнических имен и взяли себе персидские (Llewellyn-Jones 2013, 40). Поэтому наличие иранских имен не говорит об этнической принадлежности евнухов. По данным Р. Шмитта, Πετρώαχος – египетское имя (Schmitt 2011, 301, Nr. 268). Λάβυξος Шмитт исправляет на **Gabyxos*, в маюскульном прототексте **ga-buxša-*. Иранское имя с начальным L маловероятно (ibid., 228, Nr. 182).

⁴⁸ Об изображении евнухов в труде Ксенофонта см. Azoulay 2000, 3–26.

⁴⁹ М. Уотерс замечает, что почти все евнухи, которые обозначены как «влиятельные», встречаются только в Фотиевой эпитоме труда Ктесия, а в литературном контексте «Персики» любой евнух, упомянутый по имени, может рассматриваться как «влиятельный», просто потому что каждый играл свою неотъемлемую роль в сохранившемся нарративе (Waters 2017, 35).

В традиции Ктесия евнухи принимают участие в дворцовых интригах и дважды в покушении на жизнь царя, но, согласно Книдскому историку, они в основном не были самостоятельны в своих действиях, а были привлечены к заговору более могущественными лицами: Артапан, имевший большую силу у Ксеркса I, и евнух Аспамитр, тоже очень влиятельный, составляют заговор с целью убийства Ксеркса (F. 13. 33)⁵⁰; Секиндиан привлекает к заговору против царя евнуха Фарнакия, который занимал положение после Багоразы и Меностана и некоторых других (F. 15.48: *ο δὲ Σεκυνδιανὸς προσποισάμενος Φαρνακίαν τὸν εὐνοῦχον, ὃς ἦν μετὰ Βαγώραζον καὶ Μενοστάνη καὶ ἑτέρους τινάς*). В один праздничный день, когда пьяный Ксеркс II заснул во дворце, они проникают к нему и убивают его на сорок пятый день после смерти его отца. Затем Арбарий, начальник конницы, Арksam, сатрап Египта, и евнух Артоксар, прибывший из Армении, возложили Оху (будущему царю Дарию II) на голову китару против его воли и свергли Секиндиана (Ctes. *FGrHist.* 688. F. 15. 50).

Только единожды Ктесий описывает попытку могущественного евнуха совершить дворцовый переворот – это случай пафлагонца Артоксара⁵¹: «Евнух Артоксар, могущественный при царе, составляет против него заговор в намерении царствовать самому. Он приказывает одной женщине изготовить ему бороду и усы, чтобы иметь облик мужчины (Αρτοξάρης ὁ εὐνοῦχος, ὃς μέγα ἠδύνετο παρὰ βασιλεῖ, ἐπιβουλεύει βασιλέα, θέλων αὐτὸς βασιλεῦσαι· πώγωνα γὰρ καὶ ὑπόρρινα προσέταξεν αὐτῷ γυνακί κατασχεύασαι, ἵνα ὡς ἀνὴρ φαίνοιτο· δι' ἧς καὶ καταμηνύεται)⁵². Выданный этой женщиной, он арестован, передан Парисатиде и умерщвлен». Однако этот сюжет многозначительный. Во-первых, он показывает могущественного евнуха, который стремился к царской власти, но добиться ее не мог именно из-за своего статуса евнуха. Отсюда проистекает его хитроумный замысел с накладной бородой⁵³. Но даже если бы этот замысел удался, он все равно не смог бы добиться царской власти без отнесения себя к Ахеменидам (а мы знаем, что со времен мага Гауматы был апробирован такой способ занятия престола в обход легитимных представителей династии, как самозванство). Таким образом, думается, что

⁵⁰ Схожая традиция присутствует в труде Диодора (XI. 69. 1), который сообщает, что в убийстве царя Ксеркса I участвовал евнух Митридат, «постельничий царя» (κατακοιτιτῆς τοῦ βασιλέως), родственник и друг гирканца Артабана (συγγενῆς ὢν Ἀρταβάνου καὶ φίλος), дворцового хилиарха (Plut. *Them.* XXVII. 2), стоявшего во главе заговора.

⁵¹ М. Столпер идентифицирует его с известным по табличкам «архива Мурашу» Арташаром / Artahšar, который владел имением в Вавилонии при Дарии II (Stolper 1985, 90).

⁵² Р. Пирнгрубер сомневался в том, что Артоксар был евнухом, воспринимая сообщение Ктесия как указание на то, что тот приказал изготовить бороду и усы «своей жене» – αὐτῷ γυνακί (Pirngruber 2011, 283). Однако Д. Ленфант убедительно показала, что в данном контексте речь идет не о жене, а просто о женщине (Lenfant 2012, 293).

⁵³ Борода (в том числе и накладная) в обществах Древней Передней Азии являлась не только признаком маскулинности, но и атрибутом царственности; в то же время безбородыми являлись с точки зрения официальной идеологии только неполноценные мужчины, к числу которых относили юношей, не достигших совершеннолетия, и евнухов. В сценах аудиенции из Ассирии царя окружают безбородые чиновники (вероятно, евнухи); в Персеполе известен рельеф, изображающий безбородого мужчину, в котором в литературе также принято видеть евнуха (Waters 2017, 22).

следующим шагом Артоксар должен был объявить себя одним из отпрысков царя Артаксеркса I, а в условиях политической нестабильности в 420-е годы это было нетрудным делом: после убийства законного наследника и царя Ксеркса II уже два незаконнорожденных претендента побывали на троне – Секиндиан и Дарий II Ох.

П. Бриан высказывает недоверие ко многим этим «дворцовым историям», рассказываемым Ктесием⁵⁴, но это недоверие – отголосок общего скептического отношения к традиции, передаваемой книдским историком, которое само по себе теперь постепенно уходит в прошлое. Можно отметить, что не существует свидетельств, которые бы как-то опровергали эти сообщения Ктесия. Таким образом, евнух Артоксар может считаться предтечей Багой⁵⁵. Кажется, что влияние этого евнуха, как, впрочем, и некоторых других, о которых говорит Ктесий, было неформальным и определялось их ролью при дворе.

Кроме того, Ктесий записывает один случай, когда евнух мог занимать высшую дворцовую должность, это Меностан при Секиндиане. Исследователи обычно не относят его к числу евнухов⁵⁶, однако это может следовать из такого сообщения: «Секиндиан привлек евнуха Фарнакия, который занимал положение после Багоразы и Меностана» (Ctes. *FGrHist.* F. 15. 48). Багоразы Ктесий, по-видимому, определяет как евнуха

⁵⁴ П. Бриан называет эти рассказы чистой фикцией (Briant 2002, 268). Д. Ленфан, рассмотрев все аргументы современных исследователей в пользу того, что описание Ктесием евнухов отражает греческие искаженные представления о персидском дворе и придворной жизни или даже является литературной фикцией, а также гипотезу Бриана о существовании двух категорий евнухов, одна из которых только включала кастратов, приходит к следующему заключению: если рассматривать евнухов как реальные исторические фигуры, то их изображение Ктесием является идеальной иллюстрацией многих трудностей, которые испытывают современные ученые, изучающие персидские реалии через призму греческой литературы (Lenfant 2012, 290).

⁵⁵ См. комментарии Д. Ленфан: «Багой – могущественный евнух последней декады империи, и его действия напоминают Артоксара у Ктесия: подобно Артоксару, он обеспечил трон для царя, и, подобно Артоксару, он был в конечном итоге наказан за попытку убить царя. Но перед тем он сделал больше, чем Артоксар, так как он преуспел в убийстве другого царя (Оха = Артаксеркса III и его сына и наследника Арсеса = Артаксеркса IV). Более того, он владел значительным имуществом (сады в Вавилоне, дворец в Сузах), и он имел важные официальные функции (военное командование, управление сатрапиями, функцию хилиарха). Багой, таким образом, был гораздо более успешной и могущественной личностью, чем Артоксар у Ктесия» (Lenfant 2012, 274).

⁵⁶ Только Р. Шмитт называет его «евнухом» (Schmitt 2000). М. Уотерс не упоминает его в своем каталоге евнухов, встречающихся в тексте Фотиевой эпитомы Ктесия Книдского, хотя он приводит имена двух других связанных с ним евнухов – Фарнакия и Багоразы (Waters 2017, 33–35). Наверняка этот Меностан был идентичен с Меностатом, сыном Артария, сатрапа Вавилона и брата Артаксеркса I, который назван Ктесием (*FGrHist.* 688. F. 14. 41) в связи с участием в подавлении мятежа Мегабиза во время правления Артаксеркса I. М. Столпер идентифицирует Меностана с упоминаемым на табличках из «архива Мурашу» Мануштаном / Manuštanu, который именуется «царевичем» (LÚ.DUMU.É.LUGAL = *mār bīt šarri*). Однако в дальнейшем, как замечает М. Столпер, именно функции Мануштана переходят к Артахшару (евнуху Артоксару?) (Stolper 1985, 91–92). Эту идентификацию поддерживал и М.А. Дандамаев (Dandamaev 2010, 126). Если все это верно, то в таком случае статусом евнуха мог обладать представитель царского дома, что не кажется невозможным.

(именно ему было поручено доставить тела умерших Артаксеркса I и его жены, царицы Дамаспии, в Персию — F. 15. 47), из чего с некоторым основанием можно предположить, что таковым должен был быть и Меностан. Далее этот историк ограничивается замечанием: «Царствует Секиндиан и становится Меностан у него азабаритом» (βασιλεύει δὲ Σεκυνδιάνος, καὶ γίνεταί ἀζαβαρίτης αὐτῶι Μενοστάνης) (F. 15. 49).

Термин «азабарит», дающийся Ктесием фактически без перевода на греческий, обозначает некую должность, которую современные исследователи отождествляют с хилиархом⁵⁷. Этот вывод делается в основном на созвучии термина ἀζαβαρίτης и древнеперсидского *hazarapatiš — «начальник тысячи» (Д. Ленфан сделала остроумную догадку, что в той форме, в которой слово встречается в Фотиевой эпитоме труда Ктесия, оно предстает в измененном виде ввиду ошибки в тексте; ἀζαβαρίτης должно быть искаженным вариантом ἀζαραλίτης⁵⁸). Собственно говоря, слово *hazarapatiš не обнаруживается в древнеперсидских текстах Ахеменидского времени, но его существование предполагается на основе упоминания созвучного слова для обозначения высшей должности в Персии при Сасанидах⁵⁹. Но даже еще более соотносится со словом *hazarapatiš — ἀζαραλατίς (сохранившееся в форме множественного числа ἀζαραλατεῖς, которое лексикограф Гезихий определяет как «докладчики у персов» — οἱ εἰσαγγελεῖς παρὰ Πέρσαις: Hesych. s.v. ἀζαραλατεῖς⁶⁰). Собственно говоря, трудно сказать, почему Ктесий решил употребить незнакомое для греков слово ἀζαβαρίτης / ἀζαραλίτης (согласно исправлению Д. Ленфан) вместо обычного χιλίαρχος / χιλίαρχης (если он под этим термином понимал именно хилиарха), но почти определенно соответствующее разъяснение могло присутствовать в тексте его «Персидской истории»⁶¹, которая, как известно, сохранилась лишь во фрагментах. Но, в любом случае, если Ктесий акцентировал внимание своих читателей на занятии Меностаном должности азабарита (хазарапатиша?) сразу же после восшествия на престол Секиндиана, то эта должность должна была быть очень значимой, а таковой была должность хилиарха.

С учетом этих данных, нет ничего удивительного в том, что внук Багой сначала занял привилегированное положение при Артаксерксе III, а затем получил должность дворцового хилиарха. Мы не знаем подлинной этнической принадлежности Багоя, не знаем, каким образом он мог первоначально оказаться при царском дворе. О том, что Багой мог начинать свою карьеру с должности виночерпия⁶²,

⁵⁷ Lenfant 2015, 106–107; Charles 2015, 288–289.

⁵⁸ Lenfant 2015, 106, n. 54.

⁵⁹ На парфянском языке соответствующий титул был *hzwpt* — *hazārpēt* или *hazāruft*; на среднеперсидском — *hz'lwpt* — также *hazārbed* или *hazāruft* (об этом см. Chaumont 1973, 139–165; Gignoux 1991, 423–434; Shayegan 2003, 93–95; Schmitt 2007, 355–364).

⁶⁰ Junge 1940, 18–19; Charles 2016a, 399, n. 32.

⁶¹ Такое разъяснение древнеперсидских терминов, например, встречается в труде Геродота при упоминании им статуса «благодетелей царя» (см., напр., Hdt. VIII. 86: οἱ δ' εὐεργέται βασιλέος ὀροσάγγαι καλέονται Περσιστί). Наблюдается оно и у самого Ктесия (FGrHist. 688. F. 15. 43: πιάστας δὲ λέγεται παρὰ Πέρσαις ὁ λεπρός καὶ ἔστι πᾶσιν ἀπρόσιτος).

⁶² О должности виночерпия (οἰνοχόος) у персов см. Hdt. III. 34 (правда, он упоминает в качестве такового не евнуха, но сына «докладчика» Прекаспа). Однако в одном из рассказов о Кире Великом, который, вероятно, восходит ко Ктесию, встречается упоминание, что Артембар, заведовавший виночерпиями при дворе мидийского царя Астиага, был евнухом (Nic. Dam. FGrHist. 90. F. 66).

говорит способ, выбранный им для убийства Артаксеркса III и, возможно, Арсеца и покушения на убийство Дария III, — яд при помощи врача (Diod. XVII. 5. 3: ἀνεῖλε φαρμάκῳ τὸν Ὀχρον διὰ τινος ἰατροῦ; XVII. 5. 6: τὸν Δαρεῖον ἐτεβάλετο διὰ φαρμακείας ἀνελεῖν). Участие в египетской кампании царя позволило ему укрепить позиции при дворе, занять должность дворцового хилярха и фактически взять в свои руки управление империей.

Теперь обратимся к конкретным действиям Багоя на вершине власти. Об этом, помимо убийства царей и представителей их семьи, известно по крайней мере несколько эпизодов. Прежде всего это упомянутое Диодором (XVI. 51. 2) возвращение Багоем египтянам священных текстов, которые, по словам историка, были похищены Артаксерксом III: «Похитил и из древних храмов письма, которые впоследствии Багой за большие деньги продал египетским жрецам»⁶³. Обратим внимание, что Диодор, упоминая роль Багоя в возвращении египетским жрецам храмовых записей, говорит о нем как о фактическом правителе государства, что согласуется с его статусом τῆς βασιλείας κύριος.

Другие эпизоды, связанные с деятельностью Багоя при Артаксерксе III, имеют отношение к стремительному карьерному росту Ментора Родосского на персидской службе. Вероятно, именно благодаря влиянию Багоя при дворе Ментор добился царской милости по отношению к своему тестю Артабазу и брату Мемнону, которые участвовали в восстании против Великого царя после 356 г. В результате Артабаз со своими многочисленными родственниками и Мемнон возвратились из Македонии, где они пользовались предоставленным им убежищем при дворе македонского царя Филиппа II⁶⁴. Кроме того, несомненно не без содействия Багоя, Ментор устроил сыновей Артабаза на командные должности в армии (Diod. XVI. 52. 4: παραδίδους αὐτοῖς τὰς ἐλιφανεστάτας ἐν τοῖς στρατιωτικοῖς ἡγεμονίαις). И, наконец, именно Багой мог повлиять на Артаксеркса III, который предоставил Ментору 100 талантов, назначил его сатрапом на побережье Малой Азии и стратегом-автократором в войне с мятежниками (Diod. XVI. 52. 2: ἀπέδειξε δὲ σατράπην τῆς κατὰ τὴν Ἀσίαν παραλίαις καὶ τὸν πρὸς τοὺς ἀφροστηκότας πόλεμον ἐπέτρεψε, αὐτοκράτορα στρατηγὸν ἀποδείξας). Именно во исполнение своих должностных полномочий Ментор Родосский выступил против Гермия Атарнейского⁶⁵. Диодор (XVI. 52. 6–7) и Страбон (XIII. 1. 57) в своих версиях падения Гермия Атарнейского ни словом не обмолвились о роли Багоя в этих событиях, однако имя всемогущего евнуха, наряду с именем Ментора, фигурирует во фрагментах историка Каллисфена, написавшего *энкомий* о Гермии Атарнейском (*FGrHist.* 124. F. 2 = Didym. *In Dem.* V. 64). Каллисфен полагает, что Багой и Ментор обвиняли перед царем Гермия из зависти и опасения, что тот займет первое место, отстранив их самих (ἀντιπλιπτόνων δ(ὲ) Βαγῶου κ(αὶ) Μέντορος, διὰ τὸ φθονεῖν κ(αὶ) φοβεῖσθαι μὴ πρωτεύῃ μᾶλλον ὧδ'.

⁶³ Некоторые историки подвергают сомнению достоверность этого эпизода (Ladygin 2017, 457).

⁶⁴ Возможно, это произошло в 354/353 г. (Ruzicka 2012, 158).

⁶⁵ Подробнее см. Rung 2014, 155–156.

αὐτῶν ἀφεθείς)⁶⁶. Несмотря на апологетический стиль сообщения Каллисфена о Гермии, в описании суда над ним нет ничего, что могло бы поставить под сомнение участие в нем Багоя.

Теперь обратимся к вопросу о роли Багоя в царевубийствах в 338 и 336 г. Факт кончины Артаксеркса III находит отражение как в античной традиции, так и в древневосточных источниках, однако эти сведения серьезно разнятся. Диодор Сицилийский (XVII. 5. 3) пишет, что евнух Багой отравил Артаксеркса III из-за его жестокости по отношению к своим подданным (ἦρχε τῶν Περσῶν Ὀχος καὶ προσεφέρετο τοῖς ὑποταγμένοις ὡμῶς καὶ βιαίως), а согласно вавилонскому астрономическому дневнику — Ох (*Umakuš*) «отправился к своей судьбе»⁶⁷ и его сын Арсес (*Aršu*) занял трон⁶⁸. Обычно данная формулировка использовалась по отношению к персидским царям для обозначения естественной смерти⁶⁹ (если это так, то противоречие традиции в записи об убийстве Артаксеркса III может объясняться тем, что Багой в течение некоторого времени тщательно скрывал причину смерти царя, ввиду чего она оказалась неизвестна вавилонским писцам⁷⁰). Что же могло стать мотивом для убийства монарха? Наиболее явной причиной является жестокость по отношению к подданным, о которой пишет не только Диодор, но и другие античные авторы. Юстин (X. 3. 1) отмечает, что после разоблачения заговора Дария, сына Артаксеркса II, и его казни вместе с другими заговорщиками Ох стал царем по праву наследования. После воцарения Ох расправился с родственниками, вельможами, не считаясь ни с кровным родством, ни с полом, ни с возрастом. Таким образом, Ох навел порядок в царстве (Iust. X. 3. 1). О жестокости Оха сообщает и Клавдий Элиан, согласно которому маги на основе предсказания определили его правление обильным на урожай и жестоким на казни (Ael. VH. II. 17). Валерий Максим (IX. 2. ext. 6) приводит сообщение о закопанных живьем родственниках в царствование Артаксеркса III.

⁶⁶ Ф. Хардинг в своих комментариях к тексту Дидима обращает внимание только на «прагматические причины» Ментора и Артаксеркса для устранения Гермии: царь хотел восстановить контроль над территорией, которая в течение долгого времени доставляла беспокойство и была потеряна со времени мятежа Оронта; Ментор же имел «семейные интересы» в регионе со времени брака его сестры с Артабазом (Harding 2006, 149–150; о предполагаемых владениях Ментора в Малой Азии см. Kholod 2018, 180–183). Однако исследователь обходит стороной интересы Багоя, а именно то, что он, как и сам царь, также был заинтересован в устранении Гермии, который представлял угрозу для стабильности в империи.

⁶⁷ Аналогичная формулировка вавилонскими писцами использовалась, когда скончался Дарий I (Dandamaev 1985, 135).

⁶⁸ Hunger, Sachs, Steele 2001, 42, 45.

⁶⁹ Brosius 2006, 31; Waters 2014, 197; Stronk 2017, 276, n. 6.

⁷⁰ Полиен (VII. 17) отмечает, что и сам Артаксеркс III долгое время ухитрялся скрывать смерть своего отца: «Ох, когда его отец Артаксеркс умер, видя, что отец, будучи живым, был грозным с подданными, а после смерти его сам он будет презираемым, с евнухами, с постельниками и с хилиархом договорившись (τοῖς εὐνοῦχοις καὶ κατακοιμισταῖς καὶ τῷ χιλιάρχῳ συνθέμενος), скрывал смерть отца в течение десяти месяцев; и в это время, рассылая царское подтверждение, от имени отца приказал провозгласить Оха царем».

Демонизированный в античной традиции образ Оха подверг критике Л. Милденберг, который считает, что Артаксеркс III был оклеветан и, напротив, являлся успешным и эффективным Великим царем⁷¹. В любом случае одну жестокость нельзя считать убедительным поводом для убийства царя.

Л. Милденберг обращает внимание на деятельность Багоя в связи с событиями вокруг смерти Артаксеркса III. Исследователь задает вполне уместный вопрос о мотивах действий Багоя. Действительно, почему всемогущий евнух убил царя, если он и так обладал всей полнотой власти, чтобы к тому же не самому царствовать, но возвести на престол другого царя-марионетку, а затем и его умертвить? Л. Милденберг просто замечает на этот счет: «Одно объяснение остается, а именно, Багой со временем превратился из египетского соратника и доверенного Оха в монстра»⁷². С учетом мнения Милденберга, следует обратить внимание, что только одно могло заставить Багоя, обладающего полнотой власти, пойти на убийство законного монарха: опасение потерять эту власть, возможно, вызванное попытками Артаксеркса III ограничить его деятельность, отстранить от власти или создать угрозу его жизни. Все это чаще всего было причиной большинства мятежей сатрапов и, если верить Диодору (XVII. 5. 4), послужило поводом для жестокого убийства Арсеса.

Правление Арсеса длилось около двух лет⁷³. В отношении его судьбы античные и древневосточные источники единодушны — он принял насильственную смерть. Молодой монарх решил наказать Багоя за предыдущие злодеяния, но коварный евнух оказался предусмотрительней и раньше лишил жизни царя и его сыновей (Diod. XVII. 5.4–5). Вавилонский пророческий текст, согласно общепринятому прочтению, указывает на то, что некий царь (под которым все видят Арсеса) будет править в течение двух лет; его же убьет человек, называемый в пророчестве термином *ša rēši* (V. 5). А.К. Грейсон переводит это место пророчества следующим образом: «Евнух [убьет] того царя»⁷⁴.

В данном контексте определение *ša rēši* более всего может подходить именно к Багою, принимая во внимание амбивалентное значение самого термина, применяемого и к евнуху, и к придворному. Багой, как известно, был и тем и другим: будучи евнухом, он занимал придворную должность хилиарха. Именно евнухизм Багоя, очевидно, не позволял ему создать собственную династию⁷⁵; напро-

⁷¹ Mildenberg 1999, 201–227.

⁷² Mildenberg 1999, 221.

⁷³ В древнегреческую традицию этот царь вошел только под именем Арсеса. Однако благодаря некоторым документам известно его тронное имя Артаксеркс (Badian 1977, 40–50; Hackl, Oelsner 2018, 688–708).

⁷⁴ «A eunuch [will murder] that king» (*šarra ša-a-šú^{lu}ša-re-[ši. . . .]*) (Grayson 1975, 34). Р. ван дер Спек переводит фразу так: «That king a eunuch [will murder]» (LUGAL *šá-a-šú^{lu}ša-re-[ši. . . .]*). Далее исследователь замечает в комментариях к этому месту пророчества: «Был ли Багой действительно евнухом, вопрос открытый. *Ša rēši* может просто обозначать высшего царского чиновника, но также и евнуха» (Spek, van der 2003, 314, 321).

⁷⁵ Р. Фрай особо обращает внимание на неспособность Багоя самому стать царем (Frye 1984, 134). Примером такого царевубийцы, провозгласившего себя царем, впоследствии стал Бесс, сатрап Бактрии, организовавший убийство Дария III и объявивший себя царем Артаксерксом V (Arr. *Anab.* III. 25. 3).

тив, античные авторы показывают его активную роль в дворцовых переворотах, результатом которых становится воцарение очередного монарха, имеющего непосредственное отношение к царскому роду Ахеменидов. Тот же текст вавилонского пророчества далее добавляет, что после убийства царя некий принц-узурпатор (?) (¹⁴NUN-г'ú¹ [ha-am-ma-'u]) захватит трон и будет обладать царской властью в течение пяти лет, после чего войска страны Хани (т.е. македоняне) его разгромят (V. 6–11) – непосредственная аллюзия на приход к власти Дария III.

Итак, после убийства Арсеса, совершенного по приказу Багоя, царем стал Дарий III⁷⁶, иранское прозвище которого Кодоманн известно только благодаря Юстину (X. 3. 3). Обстоятельства его восхождения на трон и роли в этом Багоя в античных источниках передаются различно. Диодор (XVII. 5. 5) пишет, что после смерти Арсеса и его детей наследовать персидский трон в роду было некому. Ему вторит Страбон (XV. 3. 24), говоря об угасании потомков Дария I после смерти Арсеса. Географ подчеркивает, что Дарий III не был царского рода (Δαρεῖον οὐκ ὄντα τοῦ γένους τῶν βασιλέων)⁷⁷, хотя Диодор дает иную информацию. Он находит прямое родство Кодоманна с Ахеменидами. По Диодору (XVII. 5), Дарий III являлся сыном Арсана и внуком Остана – брата Артаксеркса II. Таким образом, если принять эту генеалогию царя, то его принадлежность к Ахеменидам по патрилинейному принципу очевидна.

Как уже отмечалось, Диодор (XVII. 5. 5) говорит о роли евнуха Багоя в воцарении Дария III⁷⁸, однако затем автор поясняет, что выбор пал на последнего ввиду его храбрости, проявленной во время поединка с воином из племени кадусиев, с которым царь Артаксеркс III вел войну (XVII. 6. 1–2): «Выбор Дария на престол был основан на его знаменитой храбрости, качеством которой он далеко превзошел других персов. Однажды, когда царь Артаксеркс вел кампанию против кадусиев, один из них, прославленный силою и мужеством, вызывал добровольца среди персов сразиться с ним в единоборстве. Никто не осмелился принять вызов, но только Дарий вступил в борьбу и убил соперника, впоследствии царь отметил его богатыми дарами, а среди персов он был признан первым храбрецом.

⁷⁶ Известный немецкий иранист Р. Шмитт ссылаясь на сообщение вавилонских астрономических дневников, из которых следует, что собственное имя Дария III было Арташат (*ár-ta-šá-ta šá da-ri-ia-a-muš*) (Schmitt 1982, 90).

⁷⁷ Эта порочащая Дария традиция, вероятно, восходит к более поздним авторам и находит свое отражение, в частности, у Плутарха (*Mor.* 326e; cf. *Alex.* XVIII. 4), который говорит, что Дарий был рабом и астандом (т.е. вестником – *Suda. s. v. ἄγγαροι*) царя (ἐκ δοῦλου καὶ ἀστάνδου βασιλέως) и только благодаря судьбе (τύχη) он стал повелителем Персии. М. Чарльз полагает, что «рабом» Дарий III до своего вступления на царство мог называться в персидском значении этого слова как «подданный» царя – *ba'daka* (Charles 2016b, 52–58; об интерпретации этого термина см. Orlov 2018, 66–77). Что касается положения Дария в качестве ἀστάνδης, то А.И. Иванчик и Э.А. Грантовский с доверием относятся к этой традиции, сохраненной Плутархом, и полагают, что будущий царь служил вестником при своих предшественниках (Grantovskiy, Ivanchik 1995, 165).

⁷⁸ М. Кук называет Арсеса «марионеткой» (a puppet king) (Cook 1983, 225). М. Чарльз и Е. Анагносту-Лаутидес также полагают, что Багой фактически поместил Дария на трон как свою марионетку (Charles, Anagnostou-Laoutides 2018b, 178: This Bagoas eventually placed Darius III on the throne as his puppet).

Вследствие этой отваги его сочли достойным принять царство». По сообщению Страбона (XV. 3. 24), евнух Багой убил Арсеса и поставил царем Дария (ἸΑρσῆν... ἄλοκτείνας Βαγῶος ὁ εὐνοῦχος κατέστησε Δαρεῖον), а Курций (VI. 3. 12) вкладывает в уста Александра речь, согласно которой Дарий не по наследству получил власть над персами, а был подведен к трону по милости евнуха Багоя (ne Dareus quidem hereditarium Persarum accepit imperium, sed in sedem Cyri beneficio Bagoae, castrati hominis, admissus). Арриан (*Anab.* II. 14. 5) же приводит письмо Александра, адресованное Дарию III, в котором тот обвиняет персидского царя в том, что с помощью Багоя он убил законного монарха Арсеса и несправедливо захватил трон наперекор персидским законам (καὶ ἸΑρσῆν ἄλοκτείναντός σου μετὰ Βαγῶου, καὶ τὴν ἀρχὴν κατασχόντος οὐ δικαίως οὐδὲ κατὰ τὸν Περσῶν νόμον, ἀλλὰ ἀδικοῦντος Πέρσας). Юстин (X. 3. 5) же, рассказывая о победе Кодоманна в поединке во время войны Артаксеркса III с кадусиями и не упоминая Багоя, указывает, что Дарий III «в память о его доблестном поступке был избран народом в цари».

По мнению Э. Бэдиана, Багой должен был выбрать новым монархом такого человека, который одновременно получил признание персидских аристократов в период возрастания македонской угрозы и при этом оставался бы податливым воле евнуха⁷⁹. П. Бриан считает именно Кодоманна истинным главой заговора, а Багоя лишь его исполнителем⁸⁰. Однако в своей работе «Дарий в тени Александра» П. Бриан занимает более осторожную позицию. Он полагает, что существовало две версии прихода Дария к власти и что тексты в изложении Диодора искусственно присоединены один к другому, хотя они во многом несовместимы. Согласно одной версии Дарий является приближенным, можно сказать, — должником Багоя, которого хилиарх заставляет занять трон, чтобы еще эффективней контролировать царскую власть. Согласно другой версии он обязан властью своему личному мужеству, которое было признано и вознаграждено царем Артаксерксом III (управление провинцией) и всеми персами (восшествие на царский трон)⁸¹. Однако, сравнивая сообщения Диодора о роли Багоя в приходе к власти Арсеса и Дария III, мы наблюдаем в них существенную разницу. В случае с Арсесом историк непосредственно заявляет, что Багой «Арсеса возвел на царство» (XVII. 5. 3: ἸΑρσῆν εἰσήγαγεν εἰς τὴν βασιλείαν). Однако воцарение Дария описывается иначе: «Выбрав одного из друзей по имени Дарий, он ему помог получить царство» (XVII. 5. 5: προχειρισάμενος ἓνα τῶν φίλων Δαρεῖον ὄνομα τοῦτο συγκατεσκεύασε⁸² τὴν βασιλείαν). Таким образом, вопреки мнению Бриана, несовместимость двух версий в сообщении Диодора только кажущаяся, поскольку роль Багоя в воцарении Дария состояла, во-первых, в убийстве Арсеса и его родственников, которое открыло Кодоманну путь к власти, а во-вторых, в личных отношениях с самим Дарием III. В то же время несомненно, что сам Дарий фактически стал царем при согласии придворной персидской аристократии, которая

⁷⁹ Badian 2000, 252.

⁸⁰ Briant 2002, 776.

⁸¹ Briant 2007, 148.

⁸² *LSJ* s.v. συγκατασκεύαζω: help in establishing or organizing, τὴν ἀρχὴν... assist him in promoting.

оценила его происхождение и личные качества, в том числе доблесть, проявленную в ходе военной кампании.

В заключение подведем некоторые итоги рассмотрения деятельности Багоя в контексте истории Ахеменидской империи. Прежде всего отметим, что античная традиция о евнухизме Багоя, которую пытаются подвергнуть сомнению некоторые современные исследователи, представляется достаточно надежной. Во многом именно дворцовый статус Багоя (евнуха, не принадлежащего к высшей персидской аристократии и родственникам царя) не позволял ему занять персидский престол после очередного переворота. Поэтому он должен был довольствоваться официальной ролью «второго» после царя, претендовать на которую ему позволяла должность хилиарха, а фактически ролью неофициального правителя государства, определяющего династическую политику при дворе (ту роль, которую современные исследователи нередко обозначают словом *kingmaker*). И, наконец, следует отметить, что деятельность Багоя протекала в условиях внутренней нестабильности в Персидской империи, которая, несмотря на очевидные успехи Артаксеркса III в консолидации государства, выражалась в частых династических кризисах и в борьбе за власть при дворе, что, впрочем, было постоянным явлением в истории державы Ахеменидов. По мнению А. Олмстеда, именно убийство Багоем деятельного и волевого Оха привело к гибели Персидской державы⁸³. Ему вторит Э. Бэдиан, считая Багоя, более чем кого-либо другого, ответственным за падение империи Ахеменидов⁸⁴. Мы бы не были столь категоричны в оценках деятельности Багоя, поскольку, во-первых, евнух сумел сохранить трон за династией Ахеменидов, а во-вторых, воцарившийся в 336 г. Дарий III был безусловно авторитетным и сильным правителем, способным на протяжении пяти лет вести войну с Александром Великим, опираясь в том числе и на тех лиц, которые составляли окружение Багоя; среди них был такой талантливый командир, как Мемнон Родосский.

Литература / References

- Ambos, C. 2009: Eunuchen als Thronprätendenten und Herrscher im alten Orient. In: M. Luukko, S. Svärd, R. Mattila (eds.), *Of God(s), Trees, Kings, and Scholars: Neo-Assyrian and Related Studies in Honour of Simo Parpola*. Helsinki, 1–8.
- Azoulay, V. 2000: Xénophon, le roi et les eunuques: généalogie d'un monstre? *Revue Française d'histoire des Idées Politiques* 11, 3–26.
- Badian, E. 1958: The eunuch Bagoas. *Classical Quarterly* 8/3–4, 144–157.
- Badian, E. 1977: A document of Artaxerxes IV? In: K.H. Kinzl (ed.), *Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory: Studies Presented to Fritz Schachermeyr on the Occasion of his Eightieth Birthday*. Berlin–New York, 40–50.
- Badian, E. 2000: Darius III. *Harvard Studies in Classical Philology* 100, 241–267.
- Barjamovic, G. 2011: Pride, pomp and circumstance: palace, court and household in Assyria 879–612 BCE. In: J. Duindam, T. Artan, M. Kunt (eds.), *Royal Courts in Dynastic States and Empires. A Global Perspective*. Leiden, 27–61.

⁸³ Olmstead 1948, 489.

⁸⁴ Badian 1958, 144.

- Bichler, R. 2004: Ktesias 'korrigiert' Herodot. Zur literarischen Einschätzung der *Persika*. In: H. Heftner, K. Tomaschitz (Hrsg.), *Ad Fontes! Festschrift für Gerhard Dobesch zum 65. Geburtstag*. Wien, 105–116.
- Briant, P. 1996: *Histoire de l'empire perse: de Cyrus à Alexandre*. Paris.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Transl. by P.T. Daniels. Winona Lake.
- Briant, P. 2007: *Dariy v teni Aleksandra [Darius in the Shadow of Alexander]*. Moscow.
Бриан, П. *Дарий в тени Александра*. Пер. А.Н. Степановой. М.
- Brosius, M. 2006: *The Persians*. London.
- Bullough, V.L. 2002: Eunuchs in history and society. In: S. Tougher (ed.), *Eunuchs in Antiquity and Beyond*. Swansea, 1–17.
- Chantraine, P. 1968: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: histoire des mots*. Paris.
- Chaumont, M.-L. 1973: Chiliarque et curopalate à la cour des Sassanides. *Iranica antiqua* 10, 139–165.
- Charles, M. 2015: The chiliarchs of Achaemenid Persia: towards a revised understanding of the office. *Phoenix* 69 (3/4), 279–303.
- Charles, M. 2016a: The Achaemenid chiliarch *par excellence*. Commander of guard infantry, cavalry or both? *Historia* 65, 392–412.
- Charles, M. 2016b: Two notes on Darius III. *Cambridge Classical Journal* 62, 52–64.
- Charles, M.B., Anagnostou-Laoutides, E. 2018a: Aelian, VH 3.23. Alexander and Bagoas' house. *Athenaeum: studi periodici di letteratura e storia dell' antichità* 106, 704–710.
- Charles, M.B., Anagnostou-Laoutides, E. 2018b: Curtius 6, 5, 22–3, Darius III and the eunuch Bagoas. *Rheinisches Museum für Philologie* 161, 166–183.
- Collins, A.W. 2001: The office of chiliarch under Alexander and the successors. *Phoenix* 55 (3–4), 259–283.
- Collins, A.W. 2012: Alexander and the Persian court chiliarchy. *Historia* 61, 159–167.
- Cook, M.J. 1983: *The Persian Empire*. London–Melbourne–Toronto.
- Cowley, A.E. 1923: *The Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C.* Oxford.
- Dandamaev, M.A. 1985: *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoy derzhavy [A Political History of the Achaemenid Empire]*. Moscow.
Дандамаев, М.А. *Политическая история Ахеменидской державы*. М.
- Dandamaev, M.A. 1992: *Iranians in Achaemenid Babylonia*. Costa Mesa–New York.
- Dandamaev, M.A. 2010: *Vaviloniya v 626–330 gody do n.e.: sotsial'naya struktura i etnicheskie otnosheniya [Babylonia in 626–330 B.C. Social Structure and Ethnic Relations]*. Saint Petersburg.
Дандамаев, М.А. *Вавилония в 626–330 годы до н.э.: социальная структура и этнические отношения*. СПб.
- Dandamaev, M.A. 2013: *Akhemenskaya imperiya: sotsial'no-administrativnoe ustroystvo i kul'turnye dostizheniya [The Achaemenid Empire: Social-Administrative Structures and Cultural Achievements]*. Saint Petersburg.
Дандамаев, М.А. *Ахеменидская империя: социально-административное устройство и культурные достижения*. СПб.
- Dandamaev, M.A. 2015: *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoy derzhavy [A Political History of the Achaemenid Empire]*. 3rd ed.]. Saint Petersburg.
Дандамаев, М.А. *Политическая история Ахеменидской державы*. 3-е изд. СПб.
- Dandamaev, M.A., Lukonin, V.G. 1980: *Kul'tura i ekonomika Drevnego Irana [The Culture and Economics of Ancient Iran]*. Moscow.
Дандамаев, М.А., Луконин, В.Г. *Культура и экономика Древнего Ирана*. М.
- Dandamayev, M. 1988: Bagōas. In: *Encyclopaedia Iranica*. Vol. III. 4, 418–419.
- Frye, R.N. 1962: *The Heritage of Persia*. London.
- Frye, R.N. 1984: *The History of Ancient Iran*. München.
- Frye, R. 2002: *Nasledie Irana [The Heritage of Persia]*. London.
Фрай, Р. *Наследие Ирана*. Пер. В.А. Лившица и Е.В. Зеймаля. 2-е изд. М.
- Garelli, P. 1974: Remarques sur l'administration de l'empire Assyrien. *Revue d'Assyriologie et d'archéologie orientale* 68/2, 129–140.
- Gignoux, P. 1991: Chiliarch. In: *Encyclopaedia Iranica*. Vol. V. 4, 423–434.
- Grabbe, L.L. 1992: Who was the Bagoes of Josephus (Ant. 11.7.1, 297–301)? *Transeuphratène* 5, 49–61.

- Grantovsky, E.A., Ivanchik, A.I. 1995: ["Heralds" at the courts of Iranian kings]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 162–169.
- Грантовский, Э.А., Иванчик, А.И. «Вестники» при дворах иранских царей. *ВДИ* 2, 162–169.
- Grayson, A.K. 1975: *Babylonian Historical-Literary Texts*. Toronto–Buffalo.
- Guyot, P. 1980: *Eunuchen als Sklaven und Freigelassene in der griechisch-römischen Antike*. Stuttgart.
- Hackl, J., Oelsner, J. 2018: Babylonisches zu Artaxerxes IV. *Klio* 100/3, 688–708.
- Harding, P. (ed.) 2006: *Didymus: On Demosthenes*. Transl. with Introduction, Text, and Commentary. Oxford.
- Hirschy, N.C. 1909: *Artaxerxes III Ochus and His Reign (with Special Consideration of the Old Testament Sources Bearing Upon the Period)*. Chicago.
- Hornblower, S. 2003: Panionios of Chios and Hermotimos of Pedasa. In: P. Derow, R. Parker (eds.), *Herodotus and His World. Essays from a Conference in Memory of George Forrest*. Oxford, 37–57.
- Hunger, H., Sachs, A.J., Steele, J.M. 2001: *Astronomical Diaries and Related Text from Babylonia*. Vol. V. *Lunar and Planetary Texts*. Wien.
- Jacoby, F. 1922: Ktesias I. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. XI.2, 2032–2073.
- Junge, P.J. 1940: Hazarapatiš. Zur Stellung des Chiliarchen der kgl. Leibgarde im Achämenidenstaat. *Klio* 33, 13–38.
- Jursa, M. 2011: «Höflinge» (ša reši, ša rēš šarri, ustarbaru) in babylonischen Quellen des ersten Jahrtausends. In: J. Wiesehöfer, R. Rollinger, G. Lanfranchi (eds.), *Ktesias' Welt – Ktesias' World*. Wiesbaden, 159–223.
- Keaveney, A. 2010: The chiliarch and the person of the king. In: B. Jacobs, R. Rollinger (eds.), *Der Achämenidenhof – The Achaemenid Court*. Wiesbaden, 499–508.
- Keaveney, A. 2017: [Outsiders as insiders. Eunuchs at the Achaemenid court]. In.: O.L. Gabelko, E.V. Rung, A.A. Sinitsyn, E.V. Smykov (eds.), *IRANICA. Iranskie imperii i greko-rimskiy mir v VI v. do n.e. – VI v.n.e.* [IRANICA. Iranian Empires and the Greco-Roman World from the Sixth Century B.C. to the Sixth Century A.D.]. Kazan, 31–44.
- Кивни, А. Чужие как свои: евнухи при Ахеменидском дворе. В кн.: О.Л. Габелко, Э.В. Рунг, А.А. Сеницын, Е.В. Смыков (ред.), *IRANICA. Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в.н.э.* Казань, 31–44.
- Kholod, M.M. 2018: Achaemenid grants of cities and lands to Greeks: the case of Mentor and Memnon of Rhodes. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 58, 177–197.
- Klinkott, H. 2005: *Der Satrap. Ein achämenidischer Amtsträger und seine Handlungsspielräume*. Frankfurt am Main.
- Kuhrt, A. 2007: *The Persian Empire: A Corpus of Sources from the Achaemenid Period*. London.
- Ladynin, I.A. 2017: *Nachalo makedonskogo vremeni v kategoriyakh traditsionnogo mirovozzreniya drevnikh egiptyan kontsa IV – nachala III vv. do n.e.* [The beginning of the Macedonian Time in the Categories of Traditional Mentality of the Ancient Egyptians at the end of Fourth Century B.C. and beginning of the Third Century B.C.]. Dr. Hab. Diss. Moscow.
- Ладынин, И.А. *Начало македонского времени в категориях традиционного мировоззрения древних египтян конца IV – начала III вв. до н.э.* Дисс. ... д.и.н. М.
- Ladynin, I.A. 2019: [The classical tradition about the sacrilege of Artaxerxes III against the ancient Egyptians sacred animals: the problem of dating]. In: I.A. Ladynin (ed.), *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti*. Вып. 4. *Sbornik nauchnykh trudov Sergeevskikh chteniy na kafedre istorii drevnego mira istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova* [Orient, Europe, America in Antiquity. Issue 4. *Proceedings of the XXI Sergeev's Readings, Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov State University*]. Moscow–Saint Petersburg, 5–18.
- Ладынин, И.А. Античная традиция о кощунствах Артаксеркса III против священных животных и вопрос о ее датировке. В сб.: И.А. Ладынин (ред.), *Восток, Европа, Америка в древности*. Вып. 4. Сборник научных трудов Сергеевских чтений на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. М.–СПб., 5–18.
- Lenfant, D. 1996: Ctésias et Hérodote ou les réécritures de l'histoire dans la Perse achéménide. *Revue des Études Grecques* 109/2, 348–380.
- Lenfant, D. 2012: Ctésias and his Eunuchs: a challenge for modern historians. *Histos* 6, 257–297.
- Lenfant, D. 2015: Le satrape et l'Œil du Roi: les hommes du pouvoir perse passés au filtre grec. In: F. Colin, O. Huck, S. Vanseveren (éds.), *Interpretatio. Traduire l'altérité culturelle dans les civilisations de l'Antiquité*. Paris, 95–122.

- Llewellyn-Jones, L. 2002: Eunuchs and the royal harem in Achaemenid Persia (539–331 BC). In: S. Tougher (ed.), *Eunuchs in Antiquity and Beyond*. Swansea, 19–49.
- Llewellyn-Jones, L. 2013: *King and Court in Ancient Persia 559 to 331 BCE*. Edinburgh.
- Meeus, A. 2009: Some institutional problems concerning the succession to Alexander the Great: «pro-tasia» and chiliarchy. *Historia* 58/3, 287–310.
- Melikyan, A.T. 2013: [The institution of «the second after the King» in the state system of Achaemenid period]. *Metamorfozy istorii* [Metamorphoses of History] 4, 88–118.
- Меликян, А.Т. Институт «второй после царя» в иранской государственной системе Ахеменидской эпохи. *Метаморфозы истории* 4, 88–118.
- Mildenberg, L. 1999: Artaxerxes III Ochus (358–338 B.C.): a note on the maligned king. *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins* 115/2, 201–227.
- N'Shea, O. 2016: Royal eunuchs and elite masculinity in the Neo-Assyrian Empire. *Near Eastern Archaeology* 79/3, 214–221.
- Nissinen, M. 2017: Relative masculinities in the Hebrew Bible/Old Testament. In: I. Zsolnay (ed.), *Being a Man: Negotiating Ancient Constructs of Masculinity*. London–New York, 221–247.
- Olmstead, A.T. 1948: *The History of the Persian Empire (Achaemenid Period)*. Chicago.
- Olmstead, A.T. 2012: *Istoriya Persidskoy imperii* [The History of the Persian Empire]. Moscow.
- Олмстед, А.Т. *История Персидской империи*. Пер. А.А. Карповой. М.
- Oppenheim, A.L. 1973: A note on ša rēši. *Journal of the Near Eastern Society of the University of Columbia* 5, 325–334.
- Orlov, V.P. 2018: [Persian aristocracy in the Achaemenid Empire: social status (on the meaning of the term bandakā)]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 66–77.
- Орлов, В.П. Социальный статус персидской аристократии в Ахеменидской империи (к вопросу о значении термина bandakā). *Проблемы истории, филологии, культуры* 4, 66–77.
- Pirngruber, R. 2011: Eunuchen am Königshof Ktesias und die altorientalische Evidenz. In: J. Wiesehöfer, R. Rollinger, G. Lanfranchi (eds.), *Ktesias' Welt – Ktesias' World*. Wiesbaden, 279–312.
- Pirngruber, R., Groß, M. 2014: On courtiers in the Neo-Assyrian Empire: ša-rēši and mazzāz pāni. *Alt-orientalische Forschungen* 41/2, 161–175.
- Radner, K. 2011: Royal decision-making: kings, magnates, and scholars. In: K. Radner, E. Robson (eds.), *The Oxford Handbook of Cuneiform Culture*. Oxford, 358–379.
- Rop, J. 2019: *Greek Military Service in the Ancient Near East, 401–330 BCE*. Cambridge.
- Rung, E.V. 2014: [The military and political activity of Mentor of Rhodes]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Investigations and Publications on the History of Ancient World] 14, 143–160.
- Рунг, Э.В. Военно-политическая деятельность Ментора Родосского. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 14, 143–160.
- Rung, E. 2015: Some notes on karanos in the Achaemenid Empire. *Iranica antiqua* 50, 333–356.
- Rung, E.V., Orlov, V.P. 2016: [The name of Masistes in the history of the Achaemenid Empire]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 83–91.
- Рунг, Э.В., Орлов, В.П. Имя «Масист» в истории Ахеменидской империи. *Проблемы истории, филологии, культуры* 2, 83–91.
- Ruzicka, S. 2012: *Trouble in the West: Egypt and the Persian Empire, 525–332 B.C.* Oxford.
- Sánchez, M.G. 2014: The second after the King and Achaemenid Bactria on Classical sources. In: B. Antela-Bernárdez, J. Vidal (eds.), *Central Asia in Antiquity: Interdisciplinary Approaches*. Oxford, 37–42.
- Schmitt, R. 1982: Achaemenid throne-names. *AION Linguistica* 42/1, 83–95.
- Schmitt, R. 2000: Menostanes. In: *Encyclopædia Iranica online*. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/menostanes>; дата обращения: 18.07.2021.
- Schmitt, R. 2007: Bemerkungen zu den Belegformen des Titels iran. *hazahrapati-. In: M. Macuch, M. Maggi, W. Sundermann (eds.), *Iranian Languages and Texts from Iran and Turan: Ronald E. Emmerick Memorial Volume*. Wiesbaden, 355–364.
- Schmitt, R. 2011: *Iranische Personennamen in der griechischen Literatur vor Alexander d. Gr.* (Iranisches Personennamenbuch, V/5a). Wien.
- Shayegan, M.R. 2003: Hazārbed. In: *Encyclopaedia Iranica* XII.1, 93–95.
- Shenkar, M.A. 2008: [The God on the winged wheel: towards the identification of the «first Jewish coin»]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 98–108.

-
-
- Шенкарь, М.А. Божество на крылатом колесе: к вопросу идентификации «первой иудейской монеты». *ВДИ* 2, 98–108.
- Spek, van der R.J. 2003: Darius III, Alexander the Great and Babylonian scholarship. In: W. Henkelman, A. Kuhrt (eds.), *A Persian Perspective: Essays in Memory of Heleen Sancisi-Weerdenburg*. (Achaemenid History, XIII). Leiden, 289–346.
- Stolper, M.W. 1985: *Entrepreneurs and Empire. The Murašû Archive, the Murašû Firm, and Persian Rule in Babylonia*. Leiden.
- Stronk, J.P. 2017: *Semiramis' Legacy. The History of Persia According to Diodorus of Sicily*. Edinburgh.
- Torrey, C.C. 1939: The two Persian officers named Bagoas. *American Journal of Semitic Languages and Literatures* 56/3, 300–301.
- Waters, M. 2014: *Ancient Persia: A Concise History of the Achaemenid Empire, 550–330 BCE*. Cambridge.
- Waters, M. 2017: *Ctesias' Persica and Its Near Eastern Context*. Madison.
- Werba, Ch. 1982: *Die arischen Personennamen und ihre Träger bei den Alexanderhistorikern (Studien zur iranischen Anthroponomastik)*. Diss. Wien.
- Wiesehöfer, J. 1980: Die «Freunde» und «Wohltäter» des Grosskönigs. *Studia Iranica* 9, fasc. 1, 7–21.
- Wiesehöfer, J. 1999: *Das Frühe Persien. Geschichte eines antiken Weltreichs*. Zürich–München.
- Williamson, H.G.M. 2004: *Studies in Persian Period History and Historiography*. Tübingen.

DOI: 10.31857/S032103910016265-4

ON THE CAMELS OF THE AORSI: DIOSCORIDES AND THE MEDICINE TRADE OF THE BOSPORAN KINGDOM

Part II. DIOSCORIDES ON THE BOSPORAN KINGDOM: BEAVERS, RHUBARB AND INDIAN TRADE

David Braund

University of Exeter, Exeter, UK

E-mail: d.c.braund@exeter.ac.uk

This paper discusses the brief comments of Dioscorides about the Black Sea region, especially on the goods traded there from the Volga region and northern India. Three particular medical materials are at issue. First, beavers and their testicles, which were a favourite theme of Roman culture and were strongly associated with the Pontic regions from the fifth century BC onwards. Second, wild rhubarb from the Volga region, which was important in ancient medicine and was traded via the Bosporan kingdom. Third, cardamom from the Himalayas, brought via Central Asia as far as the Bosporan kingdom. In economic terms, we glimpse a network of exchange and movement which stretched from northern India to the Volga region and westwards to the Bosporan kingdom in the later first century AD, when Dioscorides was writing. These were light, high-value goods, which were part of a wider set of merchandise – carried by way of the northern steppe above the main Caucasus range, on the camels of the Aorsi, who derived wealth and power from these goods, as Strabo earlier indicates. This route was evidently far more important than the much riskier route that might have been tried through the centre of the mountains and Iberia into Colchis. While there has been much consideration of the markets of the Colchian coast, we must also consider the profits made in the Bosporan kingdom from the medical materials and other light items that were traded there.

Keywords: Dioscorides, Sextius Niger, Pliny the Elder, Bosporan kingdom, beavers, castoreum, medical materials, India, Volga, rhubarb, rhaponticum, Aorsi, cardamom

НА ВЕРБЛЮДАХ АОРСОВ: ДИОСКОРИД И ТОРГОВЛЯ ЛЕКАРСТВЕННЫМИ СРЕДСТВАМИ В БОСПОРСКОМ ЦАРСТВЕ

Часть II. ДИОСКОРИД О БОСПОРСКОМ ЦАРСТВЕ: БОБРЫ, РЕВЕНЬ И ИНДИЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Д. Браунд

Университет Эксетера, Эксетер, Великобритания

E-mail: d.c.braund@exeter.ac.uk

В статье обсуждаются краткие сообщения Диоскорида о Причерноморском регионе, в особенности о товарах, попадавших туда из Поволжья и Северной Индии. Три лечебных средства находятся в центре внимания. Во-первых, это бобры и их яички – излюбленная тема римской литературы, ассоциировавшаяся с Понтийским регионом еще с V в. до н.э. Во-вторых, это ревеня из Поволжья, который был важным препаратом античной медицины и приобретался через Боспорское царство. В-третьих, это кардамон из региона Гималаев, поступавший в Боспорское царство через Центральную Азию. С экономической точки зрения в конце I в. н.э., когда писал Диоскорид, мы можем наблюдать сеть обмена товарами, простиравшуюся от северной Индии до Поволжья и Боспорского царства. Эти легкие, но при этом дорогие предметы были частью более широкого набора товаров, перевозившихся на верблюдах через степи к северу от Кавказа аорсами, которым, согласно более раннему сообщению Страбона, эта торговля доставляла власть и богатство. Этот маршрут был, очевидно, гораздо более важным, чем более рискованный, хоть и возможный, путь через горы и Иберию в Колхиду. В то время как возможная прибыль от сбыта товаров на колхском побережье уже достаточно исследована, следует учесть и выгоду продажи медицинских и других легко транспортируемых товаров в Боспорском царстве.

Keywords: Диоскорид, Секстий Нигер, Плиний Старший, Боспорское царство, бобры, кастореум, лечебные вещества, Индия, Волга, ревеня, рапонтикум, аорсы, кардамон

Dioscorides provides valuable information about medical substances that were traded in the Bosporean kingdom, and elsewhere around the region. By examining his short statements we can enhance significantly our understanding of trade in the region, especially in goods that were brought to the Bosphorus from the Caspian region and further afield. If we date his work around AD80, as argued in Part I, his evidence is all the more interesting, because it offers rare insight into the continuity in economic activity in the region that seems to have accompanied the emergence of a major new political entity there, the Alans, who are first mentioned in classical texts in the reign of Nero, and who became a major factor on this frontier in the decades that followed him, when Dioscorides' work was probably published¹. It should not be imagined that our author has much close knowledge of the region. We have seen that Heraclea Pontica might have drawn him there, but there is no word about Olbia and very little about the west or east coasts. His two mentions of the Bosporean kingdom are in that sense all the more notable, while his general references to Pontus are inevitably

¹ See in general Bosworth 1977, with further comment below.

ambiguous, as we have seen. In looking more closely at indications of Bosphoran trade, in particular, we shall be concerned with an unusual set of materials, as was Dioscorides himself, which offer a substantial picture, when brought together: namely, beaver products (especially beaver-oil, *castoreum*), rhubarb, and cardamom.

BEAVERS: MYTH, TRADE, MEDICINE AND ABSURDITY

As we might expect from Dioscorides' stern remarks in the *Preface*, his apparent distaste for mythology embraced also a dislike of erroneous notions of other kinds. We may be sure that plant lore contained an abundance of notions which were inaccurate and potentially even dangerous. For example, his account of the mandrake, a magnet for such notions², is remarkable for its sobriety and restraint. The determined seriousness of Dioscorides immediately emerges from the merest glance at the various absurdities presented on medical materials in Pliny's *Natural History*, though not all there is nonsense of course³. The beaver is a good case in point, whether the much-vaunted Pontic beaver or its cousins in Italy and elsewhere⁴. In setting out its uses, Dioscorides takes the trouble to denounce the absurd notion that the beaver bites off its own testicles to escape the hunter (2. 24. 2):

But the story that the animal when pursued tears off its testicles and throws them away is utter nonsense. For it is impossible for it to reach them, since they lie flat like the hog's. After cutting open the skin, you must remove the honey-like liquid with the membrane that surrounds it, and thus dry and store.

(*Translation by L. Beck*)

Our author's fulmination here is very unusual in his work, though perhaps concordant with his concern for precision. Moreover, there was scant need for him to hold forth in this way, closing an account of beaver's parts which was as sober as usual in the work. The habits of the beaver were of no direct relevance to his theme, which was the purchase and use of the parts, under whatever circumstances they had been obtained. Two factors should be considered in explanation of his outburst here. First, there was a significant tradition in Roman culture about the (supposed) remarkable behaviour of hunted beavers in this regard, so that Dioscorides was addressing a topic which, however marginal to his theme, was at least familiar to his readers. This was not the abstruse detail that it might seem to be. Second, the whole subject of testicles was of course important to a medical man. Aside from beavers, Dioscorides mentions testicles no less than twenty times as medical material (including hippopotamus testicles, no doubt from Egypt) and as the medical problem to be treated, where testicular inflammation occurs with notable frequency. In that sense, testicles are a recurrent theme in the work and in Dioscorides' attention⁵. Moreover, the beaver is often treated in Roman culture as especially a Pontic

² Engstrom 1965.

³ See further, Kitchell 2015, 125–151.

⁴ There are only two kinds of beaver, the Eurasian and the North American: here the former is of course at issue throughout. See Kitchell 2014, 14–15.

⁵ 1.103.3; 2.3 (hippopotamus); 2.104; 2.105.2; 2.158; 2.169.2; 3.40.1; 3.45.3; 3.59.2; 3.60.2; 3.63; 3.102.3; 4.68.4; 4.78.2; 4.96.2; 5.3.3; 5.109.4; 5.150; 5.153.3; 5.156.2. Further passages might be added, both for the beaver and for the use of testicles to describe other things.

creature⁶. The specialness of *castoreum* from Pontic beavers is well illustrated by Scribonius Largus, who often mentions the substance, but specifies the Pontic variety only once, when describing a mixture plastered on the empress Livia herself⁷. From another perspective, we should also bring to bear the particular concern with testicles in accounts of the Black Sea region and its environs. In general culture, we should include in particular the self-castration of Attis, which tends to be located around Bithynia, especially as the key point in the beaver-story is that beavers also castrate themselves. With that in mind, one might consider Attis himself to have been hunted – by Cybele and the beasts of prey that serve her⁸. In a medical context, Dioscorides will have been aware of the Hippocratic account of the Scythian lifestyle and climate, as well as the Enarees⁹. Of course, Dioscorides will also have had some knowledge of the botany of Scythia, though we have no reason to think that he went there, while his silence on Olbia and much more suggests that he probably did not (Diosc. 3. 5). The key topic of milk also recurs, for him as for the Hippocratics, but without explicit reference to Scythia¹⁰.

For his long account of beavers, Pliny explicitly relies on the medical writings of Sextius Niger, though how much has been inserted by Pliny himself remains unclear (*NH* 32. 26–27):

The might of Nature, too, is equally conspicuous in the animals which live upon dry land as well; the beaver, for instance, more generally known as “castor”, and the testes of which are called in medicine “castorea”. Sextius, a most careful enquirer into the nature and history of medicinal substances, assures us that it is not the truth that this animal, when on the point of being taken, bites off its testes: he informs us, also, that these substances are small, tightly knit, and attached to the back-bone, and that it is impossible to remove them without taking the animal’s life. We learn from him that there is a mode of adulterating them by substituting the kidneys of the beaver, which are of considerable size, whereas the genuine testes are found to be extremely diminutive: in addition to which, he says that they must not be taken to be bladders, as they are two in number, a provision not to be found in any animal. Within these pouches, he says, there is a liquid found, which is preserved by being put in salt; the genuine castoreum being easily known from the false, by the fact of its being contained in two pouches, attached by a single ligament. The genuine article, he says, is sometimes fraudulently sophisticated by the admixture of gum and blood, or else hammoniacum: as the pouches, in fact, ought to be of the same colour as this last, covered with thin coats full of a liquid of the consistency of honey mixed with wax, possessed of a fetid smell, of a bitter, acrid taste, and friable to the touch.

The most efficacious castoreum is that which comes from Pontus and Galatia, the next best being the produce of Africa. *(Translation by J. Bostock)*

Pliny had earlier, when less concerned with medicine, repeated the usual story of self-castration in the face of danger, which tends to confirm that Niger’s contribution to Roman knowledge on this matter had some significance. That is important context for Dioscorides’ own comments on the beaver’s self-castration, because in his *Preface* he not

⁶ E.g. Plin. *NH* 8. 109. They first appear in classical texts in regions north of the Black Sea: Hdt. 4. 108–109, where nothing is said of this supposed behaviour.

⁷ Largus 175, which appeared under Claudius; on Livia here, see Baldwin 1992, 74–75.

⁸ Attis’ relevance is noted by Larmour 2005 (albeit marginal to the Pontus); further, Harrison 2004.

⁹ See *Airs, waters, places*; cf. Hdt. 1. 105.

¹⁰ On milk-products, where he omits mention of Scythia, see Diosc. 2. 71.

only complains in general terms about more recent authors, listing names, but also directs most of his fire specifically at Sextius Niger, “who is considered prominent among them” (2–3). It seems that Dioscorides regarded Niger as his principal rival, although the fact that he was active under Augustus would suggest that he was dead by the time Pliny wrote, let alone Dioscorides. Niger’s work and reputation lived on. In attacking Niger, he offers detailed criticisms about Niger’s comments on materials, which he takes to demonstrate his rival’s reliance on book-learning (as opposed to autopsy), and his failure to grasp even that, while also making a broader complaint about organisation in the work of Niger and his associates. While Dioscorides does not carry his criticisms through to the main body of his work (Niger is nowhere mentioned after the *Preface*), there must be some sense in which the shadow of Niger hangs over it, and not only with regard to the materials which Dioscorides names in the *Preface*. In fact, some scholars have seen Niger as Dioscorides’ source in parts of his account. It is therefore especially interesting to observe Dioscorides’ curt dismissal of the tale of beaver self-castration. Pliny indicates that this had been rather a triumph for Niger. Dioscorides (exceptionally) departs from his usual ways to tackle the success of his rival, who also wrote in Greek¹¹. In effect, he seeks to diminish Niger’s achievement, by briefly dismissing the story as clear nonsense. If, as Pliny suggests, Niger’s work on the beaver was famous in intellectual circles, it hardly matters that Dioscorides does not bring Niger into his text. Meanwhile, in mitigation of any such purpose on our author’s part, we must also observe that other ancient authors are slow to show any belief in the absurd tale, so that Niger had, at most, confirmed the general view of the more sophisticated in his world, that (as Dioscorides says) the tale was indeed absurd.

Dioscorides’ information on the use of the beaver is also relatively brief (when compared with all that Pliny sets out), and he diverges in some details from the account of his rival (at least, as reported by Pliny). One aspect of that divergence is of particular relevance to the present discussion: Dioscorides says nothing about provenance of the beaver, although elsewhere in his work he very often offers an opinion about the best source for medical materials. The omission in this case seems to imply that there is no significant difference between beavers’ parts by reason of their origin, and in fact the same Eurasian beaver is the only species across all Europe and Asia. Instead he is concerned about the sharp practice of traders (who might also of course deceive on the geographical source of their goods). Very possibly, sharp practice was especially at issue in this case, where the consumer might well not know what to look for without specialist advice. For Sextius Niger (through Pliny) was also concerned to warn his readers against such deceit. By contrast with Dioscorides, however, Niger had evidently given a view about the best source of beavers’ parts, for Pliny reports that the best come from Pontus and Galatia and the next best from Africa, oddly¹². As usual, the term Pontus is unhelpful, since it may mean either the Black Sea region as a whole or some part of it (especially the specific portion of Asia Minor, on the southern coast of the Black Sea), or indeed both. Given the broad Pontic associations of the beaver, it is tempting to prefer the last of the three options. However, Dioscorides’ omission is more important, especially as he

¹¹ See Scarborough 2008 on Niger and Dioscorides’ criticisms.

¹² Kitchell 2014, 14 denies their existence there in antiquity.

clearly knew Asia Minor well enough, and, as we have seen, may well have visited Heraclia Pontica in the southwestern Black Sea as well as Italy. The Pontic association with beavers was strong (not least for Pliny himself)¹³, which may well have been enough for Niger and Pliny. However, the well-travelled and critical Dioscorides will have realised that beavers were to be found in very many regions, and in the matter of their parts there was nothing to choose between beavers from different places. The beaver was not an exotic creature in Italy, where it lived until the sixteenth century, when hunting by man (its main predator by far) drove it to extinction there. Therefore, we should not imagine that the beaver was somehow alien to ancient Romans, nor yet the fruit of Roman imperialism overseas¹⁴.

The story of the testicles was indeed nonsense. In fact, Dioscorides was more correct than he knew, for these items were not testicles at all. They are a pair of sacs, which contain the key medical material, *castoreum* or simply castor oil, whose use has continued across the centuries from antiquity. The female beaver has these castor sacs as well as the male. They use these, as well as further anal apparatus, to deposit large mounds of very smelly material, so that we probably have here the origin of the bizarre notion that they bite off and leave their testicles to effect their escape from hunters. The beaver is territorial and in that sense static and easily located, especially in view of its taste for lodge-building and dam-making. Those who came to kill beavers would certainly find plentiful remains of stinking scent in particular spots. No doubt the beaver's prodigious teeth, mentioned by Pliny, also assisted in the development of the notion that they bit off their own testicles. The fact that the sex organs of beavers are in fact internal will also have contributed. Of course, the deeper significance of the tale of beaver self-castration is what mattered to most in Roman culture, not biological realities or folklore: both Niger and Dioscorides are unusual in that regard, by virtue of their medical concerns, which (at least in Dioscorides' case) did not stretch to explicit rumination on ethics, despite his evident concern with philosophical thought and idiom on his soldier's journey through life.

The beaver offered a focus for a large and important set of issue in Roman thought. For, according to the story of self-castration, it made a choice: it abandoned its dearest possessions in order to save its life, which was dearer still. For that reason the beaver could be adduced as a parallel for the merchant at sea, who jettisons his cargo in rough seas so as to save his life (Iuv. 12. 29–49). The money-grubbing merchant loves his cargo rather as the beaver loves his testicles, but both choose to abandon their treasures for life itself. The merchant has made the right choice, but under special pressure, rather as the beaver. Yet, as Juvenal asks, “who else now, and in what part of the world does someone dare to put their life before money, and their well-being before property?”¹⁵ The satirist's point is clear: proper priorities are revealed under life-and-death conditions, for merchant as for beaver, but mankind does not perceive them otherwise. The beaver's contribution to the satire is to bring the natural world to bear: his supposed practice shows where nature stands on proper priorities. At the same time, of course, the beaver

¹³ *NH* 8. 109; cf. Sostratus of Alexandria (above) and Juvenal (below).

¹⁴ Smith 2020, 24. The claims of Devecka 2013 are therefore groundless.

¹⁵ Iuv. 12, 48–49: *sed quis nunc alius, qua mundi parte quis audet argento praeferre caput resque salutem?*

brings a likely element of humour to the moralising satire, both in its bathetic self and by the implied characterisation of the merchant's cargo as a set of (his) private parts¹⁶. Of course the satirist is not concerned with the reality of the beaver-story. He deploys it because it suits his purpose, combining ethics and laughter. If he had wanted reality, Niger and Pliny were available, quite apart from Dioscorides. However, the beaver was a means to a different end. As Larmour observes, through its story "the satirist is able to link the motifs of castration and impotence in a novel way with the dominant Roman moral discourse surrounding greed and the accumulation of material possessions"¹⁷. Indeed, Dioscorides, whose claim to a military life suggests his awareness of moral philosophy at Rome, may also have been attuned to the ways in which the beaver's self-castration could be deployed in moral discourse, as here in satire.

Long before Juvenal, other Roman authors had used the beaver-story for rhetorical purposes, involving humour and moralising. Cicero had used it in defence of Scaurus, seeking to bring absurdity to bear in defending his client against claims about his immoral conduct towards a married woman, allegedly left to her fate by her fleeing husband: "no doubt he abandoned his wife there and made his escape, like beavers who, they say, pay off their hunters with the part of their bodies for which they are mostly hunted" (*pro Scauro* 2. 7)¹⁸. While Cicero makes the most of the humour (whereby the wretched husband is made a self-castrating beaver), his note of caution about the truth of the story indicates significant doubts about the truth of the tale, well before Sextius Niger's scientific breakthrough. For the tale was surely outlandish enough to encourage scepticism and ridicule. We may also observe that this story seems to be a Roman creation, insofar as it is nowhere attested in Greek texts before the Roman period¹⁹. The Augustan author, Sostratus of Alexandria, therefore counts as an early Greek writer on the theme: we see him treating the beaver very much as a Scythian beast, and again a firm distancing from the tale of the beaver's testicles (Schol. on Nicander's *Theriaca* 565d)²⁰:

Sostratus says in the *On the nature of animals* that this creature is amphibious, that is to say the beaver. And that it is found in the empty lands of Scythia, and has testicles which are flat like a goat's. It is said that, when hunted, it cuts off its own testicles, aware that it is being hunted for their sake.

¹⁶ Devecka 2013, esp. 94 (corrected in part by Scarborough 2020) perceives humour, but stresses inversion here. As far as I understand his claims, inversion comes only through his introducing the idea that the merchant has stolen his cargo, which is not in Juvenal's text. Nor is imperialism at issue here, so much as the folly of greedy trade (cf. *Juv.* 14. 256–302): Smith 1989. On philosophical links, see Larmour 2005; cf. Gellar-Goad 2018, stressing Epicureanism. Juvenal's choice of *castor* here (the Greek name not the usual *fiber*) evokes castration, perhaps, but may also be a wry allusion to Castor, with Pollux the saviour of sailors in storms (see Phaedrus, *Appendix Perrotina* 30. 1–4 on the Greek word, god and beaver).

¹⁷ Larmour 2005, 142.

¹⁸ *Scilicet relicta illic uxore ipse fuga sibi consuluit, quem ad modum castores, ut aiunt, a venatoribus redimunt se ea parte corporis, propter quam maxime expetuntur.*

¹⁹ Aristotle's comments on beavers, under various names, has nothing of the sort: on these passages, see Kitchell 2014, 14–15.

²⁰ Wellmann 1891; Zucker 2008, 754.

Accordingly, we have no strong reason to suppose that the poem of Phaedrus (as it is thought to be) on the beaver-story has been taken from an original Greek fable²¹, while its author's decision to allow doubt about the story's literal truth (*fertur*, it is said) is no more remarkable than Cicero's note of caution had been. In their different ways both Cicero (in mocking a tale of lust) and Phaedrus (in using the beaver to illustrate proper priorities) use the beaver-story in contexts of moralising discourse, while both also help further to illustrate how Niger's discovery was more a confirmation than a revolution in Roman thinking about the realities of beavers and their behaviour.

Set in that context, Dioscorides' curt dismissal of the beaver-story may also be understood as a scientific contribution to the discourse of morality. For, while the beaver-story seemed to offer a splendid example from nature of the appropriate approach to treasures, it was simply untrue and so invalid as a moral exemplum of any kind. In fact, we must search hard for an expression of belief in it. The clearest and earliest is Pliny, well over a century after Cicero, and we have seen that even Pliny combines assertion with subsequent praise of Niger's discovery, which confirmed earlier doubts. We have seen too that his beaver was by no means a mythical beast, and there is no reason to suppose it exotic to Greeks or Romans. Quite apart from the beavers of ancient Italy, and neighbouring regions²², there were also beavers enough around the Mediterranean, as Pliny indicates, as well as their Pontic populations. Varro even mentions the beavers of Latium (*LL* 5. 13). However, beaver-hunting seems not to have been a pursuit of the gentleman, since we hear little of it (outside the beaver-story). They tend to be hunted by night and are commonly trapped, for their meat and their fur²³ as well as their castor sacs. While a beaver would feed a family, it was hardly the meat of the prosperous, and fur was of limited interest. The quest for castor was hardly the concern of high society, even if it might be valued by specialists in medicine and perfumery, and ultimately prized in those forms. On that very theme, Lucretius draws attention to the irony in a lady's use of beaver-product (*castoreum*)²⁴.

Therefore, the beaver-story had enjoyed a currency beyond the constraints of literal truth long before Aelian presented his version of it in his *De natura animalium*. The story suited his general purpose very well, for it combined entertainment of his readers with a moral tale which anthropomorphised the animal²⁵. We have seen the opportunities for

²¹ Larmour 2005, 147 observes the concern with self-castration in Lucilius, though beavers are not mentioned in the extant fragments. There is no particular reason that Phaedrus, *Appendix Perrotina* 30 has been translated from Greek, as Devecka 2013, 91 contemplates; its early lines were clearly not.

²² In northern Greece, we may note the modern town of Kastorias, famous for its furs.

²³ Even its fur might be used in Roman medicine: Plin. *NH* 17. 265; 32. 119 with Kitchell 2014, 15, who also observes evidence on beaver-fur cloaks and the like in the later Roman empire (as at Hdt. 4. 109 in greater Scythia).

²⁴ Lucr. 6. 794–796 (cf. Hdt. 4. 109):
castoreoque gravi mulier sopita recumbit,
et manibus nitidum teneris opus effluit ei,
tempore eo si odoratast quo menstrua solvit.

²⁵ On Aelian's work, see Smith 2014, esp. 41 on castration in general. Apuleius, his contemporary, used the beaver story in much the same way: *Met.* 1. 9. For the larger issue of animal-human interactions in ancient texts, see Fögen, Thomas 2017.

humour and moralising alike in earlier treatments of the beaver-story, and Aelian develops them still further (*NA* 6. 34):

The beaver lives both on land and in the water. By day it hides itself in rivers, but at night it wanders around on land, feeding itself with whatever it finds. Hunters pursue it avidly, and the beaver knows this, so when it feels itself in danger it will chew off its own testicles and drop them in the hunters' path, just as a wise man pursued by robbers will drop whatever treasures he is carrying in order to save his life. If it has done this once but is pursued all the same, then the beaver will stand up in the path and show the hunters that their chase is pointless, for hunters believe that a castrated beaver does not taste as good as one that is fully equipped, so to speak. Often, however, beavers will tuck away their privates and then pretend they have been castrated, tricking their pursuers and keeping their own treasures.

The beaver is credited with the knowledge that its story requires, as usual: it knows that hunters want its parts. The animal's knowledge was no doubt all the more plausible because of its ability to construct a home with timber it had cut down for itself, rather like a human. Aelian explicitly compares its abandonment of its treasures with the conduct of a wise man pursued by robbers, who leaves his goods for them in order to save his life. We have seen the key elements of this idea in earlier authors. However, Aelian extends the story by introducing the beaver who had already used this ploy, and must therefore show hunters that he does not have what they want. The intelligent beast is able also to deceive hunters into believing that he has already given up his parts. Aelian says that the beaver often does this: it was not only human traders who could deceive in the matter of beavers' parts. Moreover, the immorality of traders was not shared by the beaver, since, while traders were notoriously deceitful, the deceiving of robbers and the like was morally acceptable²⁶. In exploring possible ramifications of the tired story, Aelian sought to improve its rationale in details which had escaped our other extant authors on the subject, and to re-invigorate it by doing so. For the hunter might wish to eat the beast in any case. To meet the point, therefore, and to explain how the lack of parts might somehow forestall consumption, Aelian invents (if he did not import it from elsewhere) a groundless belief among hunters that a beaver without parts was less tasty. His failure to address the same problem with regard to fur would tend to confirm that beaver-fur was not of great interest in imperial culture at this stage. Therefore, while the beaver story was familiar enough by Aelian's day, and unlikely to be taken literally by his readers, he made it contribute to his work by the familiar linkage to human morality and the unfamiliar, playful development of weaknesses inherent in the story as usually told.

Of course, these various versions of the beaver-story coexisted with the reality of the use of castoreum, and trade in the substance (in forms indicated by Dioscorides and Pliny), despite the fact that there was very little contact between the mercantile or medicinal realities and the beavers of literary men and moralists. Since Pliny's *Niger* cites Pontic beavers first, and since the written tradition is far more concerned with Pontic beavers than with any other locale for them, we can only infer that their parts were in fact traded around the Black Sea, and taken from there to Rome and elsewhere, though we must also be clear that beavers were widespread around the Roman world at large.

²⁶ On tricky traders, see Davidson 1993; on the ethics of deceiving robbers, see e.g. Braund 1993. For from the beaver's viewpoint what else were these hunters?

Archaeology is not well suited to the discovery of such delicate organic materials (especially in past times), but it can at least show us the consumption of beavers on the north coast of the Black Sea, thanks to the fundamental surveys of Tsalkin and Liberov, even if we remain unclear as to how these beavers were used: presumably their value was maximized, entailing the consumption of their meat, fur and of course their various parts, whose value is clear enough, not least from attempts to market misleading substitutes. These scholars report the archaeological discovery of beaver bones at various sites in the northern Black Sea, including Olbia²⁷. However, such finds are rare. For those who brought goods from the interior to the coast had little interest in carrying whole beavers, which can be heavy²⁸. *Castor* sacs (and indeed furs) were light and would have been gathered for shipment over any distance. Strabo does not specify them, understandably enough, in his outline of the substantial trade that took place at Tanais, but his general characterisation of exchange there would include beaver-parts²⁹. For he perceives this trade as exchange between two systems, whereby the products of Scythian nature and pastoralism were exchanged for those of Greek and Roman culture, the manufactured goods that pastoralists might desire. In broad terms, Strabo's sense of these exchanges fits well enough with our inferences from the limited evidence, and such trade was no doubt replicated in large part across the region.

WILD RHUBARB OF THE DON AND VOLGA

Inevitably, perhaps, the more specialised goods traded at places like Tanais found little or no place in the literary record, and often they are unlikely to be detected by archaeology either. That is why Dioscorides is so important. He offers some invaluable detail, which not only extends our knowledge of goods traded, but more importantly contributes greatly to our understanding of the sources of Bosporan wealth and Bosporan significance in the ancient world, while indicating the long-distance exchange that could be involved. Beyond beavers, he happens to mention a trade in rhubarb, with a view not to food of course³⁰, but to its use in medicine. He is concerned with the root of the rhubarb, a rhizome, not the edible stalks. For that reason our author groups it in the beginning of his third book with other medicinal roots. The root can be chewed or rubbed on the body, but more usually it was dried and administered as a drink, especially in treating digestive problems.

However, the practical identification of rhubarb species is very difficult, and Dioscorides' description gives only a general sense of it. The most striking feature of his account is the little he says about its source (3. 2):

²⁷ Further, Smirnov 1960, 120. Their uncommon presence in the Greek cities and more frequent finds in the wooded steppe sites, probably attest the transport to the coast of the private parts and possibly fur, not the whole beaver, which can be heavy and will have been usually consumed locally. Cf. Hdt. 4. 109 on use of fur in the interior, and so the killing of the animal there.

²⁸ See Kitchell 2014, 14. Herodotus says nothing of beavers at Olbia, but holds forth on them in the interior.

²⁹ Strab. 11. 2. 3, where he makes it clear that his list is not complete. He is clear too that traders from the more southerly cities of the Bosporan kingdom came to Tanais for this exchange.

³⁰ Rhubarb has never been part of the "Mediterranean diet", as indicated by its omission from Dalby 2003.

Rha (rhubarb), but some call it *rheon*³¹. It grows in the lands beyond the Bosphorus from where it is brought³².

By “the lands beyond” he means the Don-Volga region, above and to the east of the Bosphoran kingdom³³. It is hardly a coincidence that the river Volga was named *Rha* (Rhubarb) by the Greeks of the Roman empire, as first attested in Ptolemy’s *Geography* of the second century AD, in which it is a key landmark³⁴. The obvious inference seems to be right: rhubarb was found growing by the river. Two centuries after Ptolemy, we happen to be told precisely that by Ammianus Marcellinus³⁵. Later history can be misleading on these matters, for medicinal rhubarb was energetically sought later in Siberia and China, and some of this material was brought to the Volga region, en route to Moscow and St. Petersburg, where it commanded high prices³⁶. However, this Far Eastern rhubarb seems not to have found its way into the Roman empire, at least not in sufficient quantities to disturb the Roman sense that rhubarb was sourced from the Don-Volga area³⁷. Crucially, Dioscorides identifies only the Bosphoran kingdom as its place of sale into his world, and refers (albeit vaguely) to the Don-Volga region as its source. This pharmacologist of Cilicia would surely have been aware of medicinal rhubarb crossing into the Roman empire at more southerly points, for example along the Euphrates. Similarly, Ammianus, who is usually thought to have his origins in Syria, possibly in Antioch on the Orontes, where he lived for many years. He also alludes to the Volga origins of this rhubarb³⁸. Meanwhile, the reality of rhubarb growing on the Don and Volga has the authority of Linnaeus himself, in the sense that his collection showed examples gathered from both river-valleys. This was not the so-called Chinese rhubarb (*Rheum officinale*) with its powerful medical effects, but weaker local varieties of the plant, whose impact on the patient was less³⁹. This “wild rhubarb” (*Rheum rhaponticum*) is now very much an endangered species, recorded only in a small area in Bulgaria, it seems: Linnaeus wrote that it lived in Thrace and Scythia, covering both areas⁴⁰. We can make no assumptions about how this wild rhubarb was produced and gathered, though comparison with the

³¹ = ῥῆον, the name preferred by Galen 12. 112 K. (*De simplicium medicamentorum temperamentis ac facultatibus*).

³² ῥᾶ· οἱ δὲ ῥῆον καλοῦσι. γεινῶται ἐν τοῖς ὑπὲρ Βόσπορον τόποις, ὅθεν καὶ κομίζεται. Dioscorides 3. 5 makes it clear that the “Pontic root” (*radix Pontica*, Celsus 5. 23. 3) is liquorice, not rhubarb, as sometimes claimed.

³³ On these rivers, see Dzhakson *et al.* 2007.

³⁴ There were few others available: see esp. Ptol. 5. 9. 12–13.

³⁵ Amm. Marc. 22. 8. 28: “Next to this (i.e. the river Don, ancient Tanais) is the river Ra, on whose brows a certain plant-root of the same name grows, appropriate for many uses in medical treatments” (*Huic Ra vicinus est amnis, in cuius superciliis quaedam vegetabilis eiusdem nominis gignitur radix, proficiens ad usus multiplices medelarum*). Ammianus’ knowledge is striking in any event. See Nutton 1972 on Ammianus’ medical interests.

³⁶ Further, Monahan 2013.

³⁷ Amigues 2016 has shown that plants might have arrived earlier than usually imagined, notably pepper.

³⁸ On his origins, see Barnes 1998, 60–61. Note his medical interests: Nutton 1972.

³⁹ Foust 1992, 109, with details of sub-species.

⁴⁰ On Linnaeus and the Bulgarian evidence, see Libert, Englund 1989. I am not wholly convinced that the species has died out in southern Russia.

case of Indian black pepper suggests that it may well have been gathered by foraging, not through horticulture⁴¹.

There is also the testimony of the edict of Diocletian on maximum prices, which has been neglected in this regard⁴². The edict itself is an historical curiosity, an imperial attempt from the early fourth century AD to stop price-inflation by setting maximum prices for a wide range of goods. It achieved nothing, but was widely inscribed. Its contents include rhubarb, listed with other medicinal plants, including Chian terebinth (probably mastic oil) and aristolochia. Two specific details demand attention. First, the rhubarb is named in Latin as *Raponticum* (Greek, *Rhapontikon*). The name seems to combine its origins on the river R(h)a and its market on the Pontus. Secondly, we have its maximum price, as set by the emperor: the artificiality of that price allows only a limited sense of its market-price. A pound of this rhubarb (dried?) is priced at 50 denarii: that is, it cost much the same as four pounds of pork or three pounds of sardines, also listed in the edict. It carries the same price as aristolochia and Chian terebinth as well as other medicinal plants listed. Apparently, this rhubarb was expensive enough in the Roman empire of the day, but by no means as expensive as often reported in later centuries of Chinese rhubarb, though we may also wonder whether the blanket-pricing of medicinal plant-products in the edict might illustrate some of the shortcomings in this imperial attempt to curb price-inflation. It seems broadly plausible that the less-effective Don-Volga variety of antiquity was less expensive than the later Chinese rhubarb, whose transportation (and chain of trade) was also much more extended, while rhubarb tends to degrade easily, even when dried⁴³. The importance of rhubarb export from the Bosporean kingdom is hard to estimate, but the kingdom's apparent monopoly of the product is likely to have kept prices high.

CARDAMOM FROM INDIA

We also know another medicinal plant-product which was purchased in the Bosporean kingdom: it came there from much further afield. For Dioscorides tells us also of high-quality cardamom that could be acquired there (1. 6. 1):

The best cardamom is that brought from Commagene and Armenia and the Bosporean kingdom. It grows both in India and in Arabia⁴⁴.

As with rhubarb root, the pods of cardamom were small, light and easily transported, by land as well as by waterways. In recommending cardamom from northern markets, Dioscorides seems to prefer the black cardamom that was produced in the Himalayas, and is sometimes therefore called Nepal cardamom. Presumably less green cardamom

⁴¹ De Romanis 2015, whose essay raises a series of possibilities about the role of this rhubarb in the local economy, for which we have no direct evidence. The silphium gathered in Libya may also be compared.

⁴² See Lauffer 1971, ch. 36, 126.

⁴³ As Foust 1992, 4 observes, with little concern for the ancient evidence and non-Chinese varieties.

⁴⁴ καρδάμωμον ἄριστον τὸ ἐκ τῆς Κομμαγενῆς καὶ Ἀρμενίας καὶ Βοσπόρου κομιζόμενον· γεννᾶται δὲ καὶ ἐν Ἰνδίᾳ καὶ Ἀραβίᾳ. On cardamom in Greek, see Dalby 2003, 74, correcting Miller 1969.

came that way, since much of it was produced in southern India and associated locations, from which it was more easily shipped into the Greek world via the Red Sea. It is not hard to appreciate the rationale whereby cardamom and the like was brought from the more northerly inland regions of the Indian subcontinent, across Central Asia to Comagene, Armenia or the Bosporan Kingdom.

In this way, Dioscorides illustrates how the Black Sea was linked into the great network of overland transport and exchange which brought goods in all directions across these great spaces. Further, Schneider has drawn valuable attention to Neronian satire (in many ways a precursor to the satire of Juvenal on trade, above) on the foolishness of greedy traders receiving these goods in the empire⁴⁵, rushing to bring them from the Black Sea (zander, beaver-oil, pitch-resins). As we can now understand, these goods are elided with goods more familiar as merchandise of the far south and east (ebony, frankincense, and silk). This is an imagined trade, like that of Juvenal's Catullus: the trader rushes to north and to south, eager to be first to seize the pepper from the still-thirsty camel as it arrives, wherever that may be. The merchant's folly is greed, for riches, not consumption (the folly of his customers). We should be clear that pepper was not only a condiment for food, but also an important part of medical material, so that Dioscorides has a lot to say about it⁴⁶. There may also be a sense in which pepper is mentioned not only for itself, but also as an umbrella term for all such items, including cardamom and the rest.

The route from India to the Bosporan Kingdom was a long one, and was no doubt not so much a route as a fragmented network of exchanges⁴⁷. It was especially appropriate for goods which started life to the north (notably the wild rhubarb) and in the northern and eastern interior of Asia and the Indian subcontinent, where sea-transport westwards was a relatively awkward option. Possibly some goods were vulnerable to damage in the damp conditions of sea travel, so that carriage by land might seem preferable. It is worth noting that it was in the north-eastern part of the subcontinent that a principal (and probably the earliest) pepper of the Mediterranean and Black Sea worlds had its origins: this was "long pepper" (*P. longum*), by contrast with the black pepper (*P. nigrum*) of the Malabar coast⁴⁸. Indeed, we should observe Pliny's mention of writers who associated pepper trees with the sunny slopes of the Caucasus, which might suggest trade in pepper in the Caucasian regions, or at least ancient belief in such trade: we hear of ancient geographical perspectives that made the Caucasus and Himalayas into a single range⁴⁹. While Central Asian routes have been considered extensively, Strabo's explicit and convincing testimony about the last part of the route to the Bosporus has largely been neglected in studies of trade movements.

⁴⁵ Schneider 2017 on Persius 5. 134–136; cf. 55. On camels of the north, see further below.

⁴⁶ Especially, Diosc. 2. 159, but it recurs through his work. See, in general, Ravindran 2006.

⁴⁷ Graf 2018 has explored these issues thoroughly, albeit in contributing to a collection of papers on the Roman imperial economy which ignores the Black Sea.

⁴⁸ See Dalby 2003, 254: long pepper was already used in Greece by c. 400 BC. See Parker 2008, 152 on products traded from the Himalayas.

⁴⁹ Plin. *NH* 12. 26. After Alexander, there was a tendency to link the Himalayas and the Caucasus: see in general Stoneman 2019.

For Strabo sketches the locations of peoples he identifies as the Aorsi (whom he divides into Upper and Lower) and the Siraci. He introduces them in the context of their links to the Bosporan kingdom, and more specifically their massive military contribution (in cavalry) to the forces of Pharnaces II, son of Mithridates Eupator. These connections were still important in the first century AD, as events of Claudius' Bosporan campaign showed. Accepting failure in that war for the Bosporan throne, Mithridates (usually numbered as Mithridates VIII) went to the king of the Aorsi, whom Tacitus names as Eunones⁵⁰, who arranged his surrender to Rome on terms which were far from unattractive: Mithridates lived on until Nero's death, among the elite of Rome, which helps to explain the space that Tacitus allots to his story⁵¹. While Tacitus stresses Eunones' alliance with Rome against Mithridates, we should observe his good relations with the Bosporans, not only the defeated Mithridates but also his victorious brother, Cotys. For what Tacitus presents as an alliance with Rome might also be interpreted as Eunones' military support of one Bosporan brother against the other. A very fragmentary inscription, apparently cut in the mid-first century AD, indicates the potential extent of regional Greek (Bosporan?) diplomatic dealings with the Aorsi⁵².

Meanwhile, Strabo, taken together with Dioscorides' evidence on cardamom in particular, gives us insight into the economic aspect of the relationship between the Bosporus and the Aorsi, whose prosperity (especially in the case of the Upper Aorsi, it seems) Strabo traces to the trade from India and Babylon (11. 5. 8):

...One may almost say that the Aorsi ruled over most of the Caspian coast; and consequently they could import on camels the Indian and Babylonian merchandise, receiving it in their turn from the Armenians and the Medes⁵³, and also, owing to their wealth, could wear golden ornaments. Now the Aorsi live along the Tanais, but the Siraces live along the Achardeüs, which flows from the Caucasus and empties into Lake Maeotis.

(Translation by H. L. Jones)

Camels are key, presumably the two-humped Bactrian variety, not the dromedaries of the south. However, we should observe that both dromedaries and Bactrian camels have been found in Hungary from the Roman period, where the former have been associated with troops from Syria and the latter with civilian trade and Sarmatian contexts⁵⁴. In

⁵⁰ The name is attested in the Bosporan kingdom and the wider region to the east: *LGNP* IV s.v.; *SEG* 59. 1651.

⁵¹ On Eunones, see Batty 2007, 436; Saprykin 2002. Mithridates was sufficiently integrated at Rome to be executed by Galba as a supporter of Nymphidius Sabinus' attempt to succeed Nero: Plut. *Galba* 15; cf. 13; Suet. *Nero* 24 probably refers to Eupator. He evidently knew the elder Pliny: *NH* 6. 17. Cf. Hekster 2010.

⁵² Tac. *Ann.* 12. 15–21. The grand self-opinion of Eunones may be reflected in *SEG* 46. 947, honouring an envoy to the “greatest kings of Aorsia”, perhaps a Bosporan inscription, though taken to be Olbian. As to the Siraci, see Marchenko 1996, esp. 114–116 seeking to reconcile archaeology with the remarks of Strabo and Tacitus. For the development of Graeco-Roman knowledge of the Aorsi and their neighbours, see Olbrycht 2001a, arguing that they had moved westwards from the Aral Sea area; cf. Olbrycht 2001b on long-distance trade.

⁵³ That is, from the south: Media Atropatene approximates to modern Azerbaidjan, on the western side of the Caspian.

⁵⁴ Daróczy-Szabó *et al.* 2014.

Dioscorides' list of the best sources for cardamom, his seemingly odd locations become cogent when we consider its journey by way of Central Asia. While many routes were possible, it was likely to be Nepal cardamom of northern Indian regions that found its way to Commagene, Armenia and the Bosporan kingdom, though some of the southern variety might have come too. While routes to northern Syria (Commagene) and Armenia are familiar, the way to the Bosphorus is less well-known. It required passage by way of the Caspian, by sea or its coasts. On its northern edges, the Aorsi held dominion (as Strabo tells us, above) and used their camels to move Indian and other goods westwards. Their route lay across the plains north of the Caucasus mountains, where they held sway enough too. It was a long trek over the extensive steppe, sometimes called the North Caucasian Foreland, but it was secure for those who controlled the region⁵⁵. The goods might find their Bosporan market first at Tanais or by the Kuban river, most obviously at Phanagoria. Accordingly, we should not be surprised that remains of camels were found at Phanagoria, and Tanais⁵⁶. However, we should also be clear that camels also found their way to the Crimea, where we happen to have finds from Panticapaeum and inland at Ilurat, where they will have been especially useful⁵⁷.

Strabo is clear that the Aorsi amassed substantial wealth by moving these goods, which would suggest that their earlier prices had risen sharply by the time they reached the Bosporan market. Since Dioscorides identifies the Bosporan kingdom as the best source for rhubarb (which may have come by camel as well as by river from the Don-Volga network), and as one of the best sources for cardamom, we may reasonably speak of a Bosporan "spice-trade" in products which were in fact largely for medicinal use. Unfortunately, we have no way to measure the scale or value of that trade, but it brought great wealth to the Aorsi and may well, therefore, have also been significant for the Bosporans. Especially so, because, in addition to the Mediterranean demand indicated by Dioscorides, there was the regional market in the cities around the Black Sea. We should also consider the potential market among the Scythian elite and other non-Greek peoples of the region. Much later, Constantine Porphyrogenitus mentions the desire for "pepper" among the Pechenegs, who now occupied Scythia⁵⁸. And already in Herodotus' account we see Scythians with access to much more than their famous cannabis⁵⁹, while Herodotus also displays clear knowledge of passage across the North Caucasian Foreland

⁵⁵ Mela 3. 33–50 (completed under Claudius) seems to reflect some knowledge of the region, as far as the Chinese (*Seres*). His concern with security by the Caspian and navigation on its waters are notable, while his belief in a narrow passage to an outer sea probably indicates the Volga. Cf. Graf 2018.

⁵⁶ Smirnov 1960, 106 (Phanagoria, Roman period); on Tanais, see Myagkova 2000, set in a larger context by Tomczyk 2016.

⁵⁷ Smirnov 1960, 101 (Roman Panticapaeum); 102 (Ilurat). Note also an example at Bol'shaya Znamenka, to the west of the Volga (Tambov region): Smirnov 1960, 104.

⁵⁸ *DAI* 6, together with textiles and more. Here pepper might mean a set of spices, while pepper itself was both medicine and condiment, as noted above.

⁵⁹ *Hdt.* 4. 71. Some of the specific substances listed must have come from the far south, by whatever route; cf. *Diosc.* 1. 4 and Asheri 2007 *ad loc.* (Corcella) for bibliography. Cf. Archibald 2007, 264 for inferences from containers found in Bosporan burials; also Stolba, Rogov 2012, 343, n. 1 on alabastra and their likely contents in burials at Panskoye in western Crimea.

and by way of the west coast of the Caspian⁶⁰. In addition, we know that cardamom, for example, was in use by Greek doctors in the classical period (whether black, green or both)⁶¹, so that we have to consider the possibility that some of it was shipped out of the Black Sea, from the Bosporan market, already at that stage. It may well be that Herodotus' reference to the use of beaver parts in treating problems of the womb is an allusion not simply to local practice, but to practice he knew among Greeks, using materials brought from the northern interior, whether or not by way of the Bosporan kingdom⁶².

In addition to spices and the like, of course, archaeology has also produced a variety of small objects (lacquered boxes, jewellery, pearls, silk remnants, glassware) which somehow found their way to the northern Black Sea from the south and east⁶³. We may reasonably suppose that some proportion of this also came into the region through the lands of the Aorsi, loaded on their camels. Meanwhile, if we are right that Dioscorides' work appeared around AD80, when the Alans had already been the major force of the North Caucasian Foreland for several decades, it would seem to follow that the pattern of trade between the Caspian and the Bosporus continued from the reign of Tiberius, when Strabo completed his work, whatever the new complexities across the region⁶⁴.

And finally, there is the vexed question of the supposed route from the Caspian through the Caucasus to Phasis on the eastern Black Sea coast. By and large, it seems agreed (though not universally) that this route was more an idea than a firm reality, not least because the surmountable difficulties of physical geography were made insurmountable by the insecurity that prevailed along most of the route. This was no way to transport high-value goods⁶⁵. Dioscorides' remarks on cardamom have the extra importance that, while they envisage cardamom from Central Asia reaching the Bosporus, Armenia and Commagene, our author says nothing at all about its possible availability at Phasis or at some southern port of the region. While the explanation for his silence is a matter of inference, the simplest solution, in line with recent views on routes from the Caspian, is that cardamom and other such goods did not travel through the Caucasus, however enticing the potential of such a route might have seemed in antiquity. As Dioscorides' testimony indicates, we should not underestimate Roman awareness of the routes and river-systems of the Caucasian regions, especially after Corbulo's campaigning in Armenia. In AD77 Pliny not only mentions his conversations with Mithridates VIII, who had travelled among the Aorsi, but also the maps created by Corbulo, which he was bold (and unwise) enough to challenge.

Pliny also shows Roman thinking on the possibility of digging a canal to link the Don and Volga rivers, an idea worthy of Nero, which was, we are told, in the mind of the

⁶⁰ Hdt. 4. 12 (the route said to have been taken by the Scythians into Media).

⁶¹ See Dalby 2003, 74 on Hippocrates, *Affections of Women* 34.

⁶² Hdt. 4. 109; cf. Kitchell 2014, 14. On Herodotus and medicine, see Dawson, Harvey 1986; Thomas 2000.

⁶³ See further Treister 2018; cf. 1997; Mordvintseva, Myskov 2005; Schörle 2015. Also on silk, de la Vaissière 2012; Graf 2018; Braund, forthcoming; cf. Kvavadze, Chichinadze 2020 on silk from Georgia, esp. Pichnari, whose journey to Colchis remains obscure.

⁶⁴ Note the "chief translator of Alans" attested in the Bosporus: *CIRB* 1035 (early third century AD).

⁶⁵ See in detail Braund, forthcoming.

emperor Claudius, presumably in the context of his Bosporan war. Apparently, Claudius traced the idea to Seleucus I Nicator, whose realm included much of Central Asia, so that it is hard to resist the suspicion that Seleucus' consideration of such a canal was substantially connected with the movement of goods⁶⁶. It is in this context of renewed reflection on the Caspian regions and associated routes (including passage to the Bosphorus) that we must understand the isolated inscription that was hacked in the rock by a centurion of Domitian, on the dry plain close below the hills of Gobustan, replete with prehistoric carvings of all kinds, by the western shore of the Caspian⁶⁷. It is at least an interesting coincidence that Domitian was sufficiently interested in spices to establish warehouses for large stocks, the so-called Pepper Barns⁶⁸. Conceivably the emperor's concern with such materials played some part, with broader questions of military strategy, in the centurion's mysterious mission to the western Caspian. A few decades later, Aelian provides a picture of the Caspii, as he calls a local agricultural and fishing population of the Caspian region, who may include inhabitants of the northern and western shores. He speaks of their many fine camels, which carry preserved fish to Iran, and the isinglass which they produce from the remains of these sturgeon, both a glue and another medical substance⁶⁹. Since similar fish-products were available more locally in the Bosporan kingdom, we cannot be sure how much of these products were carried in that direction. Dioscorides, whose knowledge of the Black Sea region should not be overrated, regards fish glue as a Pontic product, presumably meaning the whole Euxine, and perhaps encompassing also any that was brought there from the Caspian⁷⁰. Meanwhile, we should observe Aelian's mention of the excellent textiles produced by these Caspii from the especially fine hair of their camels, clearly the shaggy Bactrian⁷¹. Unfortunately, we have only scattered and limited glimpses of the vigorous economic activity around the northern Caspian, with attendant uncertainties, but these literary indications combine with archaeological remains (we have no camel hair, as far as I am aware) to show in broad outline that the economic connection between the Caspian and the Bosphorus was substantial, while other neighbouring regions (in Iran, Scythia, Bactria etc.) were also part of the bigger picture of this complex of production and exchanges. And Dioscorides' remarks – especially on beavers, rhubarb and cardamom – offer a valuable way into that environment in the later first century AD.

⁶⁶ On Corbulo's mapping, see Plin. *NH* 6. 40; cf. 30. On Seleucus' plan, only credible if a Don-Volga link was meant, see *NH* 6. 31: *Claudius Caesar a Cimmerico Bosphoro ad Caspium mare CL prodidit eaque perfodere cogitasse Nicatorum Seleucum quo tempore sit ab Ptolemaeo Cerauno interfectus*. Ptolemy 5. 9. 13 describes the rivers' proximity. Cf. Stoneman 2019 on Seleucus' exploratory interest in northern India.

⁶⁷ Braund 2003, with photos; see also Smyshlyayev 2018, 581–610.

⁶⁸ See Houston 2003; De Romanis 2020.

⁶⁹ Aelian *NA* 17. 17; 32; 24. On medical isinglass, see Scarborough 2015.

⁷⁰ Diosc. 3. 88, with comments on his Black Sea knowledge, which is worthy, but narrow: see above on his possible visit to Heraclea Pontica, perhaps with nearby Chalcedon (Diosc. 3. 40). Dioscorides' remarks (2. 23) on Pontic absinth (wormwood) did not require a trip to the Black Sea. Pontic absinth was the best, specified in the edict on maximum prices, and well known (further, Crawford, Reynolds 1979, 205).

⁷¹ Textiles may find a market anywhere: see Schaefer 1943 on Hellenistic woollens in northern Mongolia, preferring explanations in terms of Roman diplomacy.

References

- Amigues, S. 2016: Plantes et produits végétaux de l'Asie profonde dans le monde grec antique. In: J. Jouanna, V. Schiltz, M. Zink (eds.), *La Grèce dans les profondeurs de l'Asie. Actes du 26e colloque de la Villa Kérylos à Beaulieu-sur-Mer les 9 et 10 octobre 2015*. (Cahiers de la Villa «Kérylos», 27). Paris, 121–36.
- Archibald, Z.H. 2007: Contacts between the Ptolemaic kingdom and the Black Sea in the early Hellenistic age. In: V. Gabrielsen, J. Lund (eds.), *The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges*. (Black Sea Studies, 6). Aarhus, 253–272.
- Asheri, D. 2007 *A Commentary on Herodotus. Books I–IV*. Oxford
- Baldwin, B. 1992: The career and work of Scribonius Largus. *Rheinisches Museum für Philologie* 135, 74–82.
- Barnes, T.D. 1998: *Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality*. Ithaca–London.
- Batty, R. 2007: *Rome and the Nomads. The Pontic-Danubian Realm in Antiquity*. Oxford.
- Bosworth, A.B. 1977: Arrian and the Alani. *Harvard Studies in Classical Philology* 81, 217–255.
- Braund, D. 1993: Piracy under the principate and the ideology of imperial eradication. In: J. Rich, G. Shipley (eds.), *War and Society in the Roman World*. London–New York, 195–212.
- Braund, D. 2003: Notes from the Black Sea and Caucasus: Arrian, Phlegon and Flavian inscriptions. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 9/3–4, 175–191.
- Braund, D. forthcoming: The river Cyrus and its tributaries: routes through and beyond the Caucasus. In: A. Dan, D. Kassab-Tezgör, N. Inashvili, S. Lebreton (eds.), *Rivers between East and West: Axes, Frontiers, Transcapes*. Oxford.
- Crawford, M., Reynolds, J. 1979: The Aezani copy of the prices edict. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 34, 163–210.
- Dalby, A. 2003: *Food in the Ancient World from A to Z*. London–New York.
- Daróczi-Szabó, L., Daróczi-Szabó, M., Kovács, Zs., Körösi, A., Tugya, B. 2014: Recent camel finds from Hungary. *Anthropozoologica* 49/2, 265–280.
- Davidson, J. 1993: Fish, sex and revolution in Athens. *Classical Quarterly* 43/1, 53–66.
- Dawson, W., Harvey, F.D. 1986: Herodotus as a medical writer. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 33, 87–96.
- De Romanis, F. 2015: Comparative perspectives on the pepper trade. In: F. De Romanis, M. Maiuro (eds.), *Across the Ocean: Nine Essays in Indo-Mediterranean Trade*. Leiden, 127–150.
- De Romanis, F. 2020: *The Indo-Roman Pepper Trade and the Muziris Papyrus*. Oxford.
- Devecka, M. 2013: The traffic in glands. *Journal of Roman Studies* 103, 88–95.
- Dzhakson, T.N., Kalinina, T.M., Konovalova, I.G., Podosinov, A.V. 2007: “*Russkaya reka*”: *rechnye puti Vostochnoy Evropy v antichnoy i srednevekovoy geografii* [*“Russian River”: River Routes of Eastern Europe in Ancient and Medieval Geography*]. Moscow.
- Джаксон, Т.Н., Калинина, Т.М., Коновалова, И.Г., Подосинов, А.В. «Русская река»: речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.
- Engstrom, A.G. 1965: The voices of plants and flowers and the changing cry of the mandrake. In: J. Mahoney, J.E. Keller (eds.), *Medieval Studies in Honor of U. T. Holmes, Jr*. Chapel Hill, 43–52.
- Fögen, T., Thomas, E. (ed.) 2017: *Interactions between Animals and Humans in Graeco-Roman Antiquity*. Berlin–Boston.
- Foust, C.M. 1992: *Rhubarb: the Wondrous Drug*. Princeton.
- Gellar-Goad, T.H.M. 2018: Trouble at sea in Juvenal 12, Persius 6 and the proem to Lucretius, *De rerum natura* 2. *Cambridge Classical Journal* 64, 49–69.
- Graf, D.F. 2017: The Silk Road between Syria and China. In: A. Wilson, A. Bowman (eds.), *Trade, Commerce and the State in the Roman World*. Oxford, 443–530.
- Harrison, S. 2004: Altering Attis: ethnicity, gender and genre in Catullus 63. *Mnemosyne* 57/5, 520–533.
- Hekster, O. 2010: Trophy kings and Roman power: a Roman perspective on client kingdoms. In: T. Kaizer, M. Facella (eds.), *Kingdoms and Principalities in the Roman Near East*. Stuttgart, 45–55.
- Houston, G. 2003: Galen, his books, and the *Horrea Piperataria* at Rome. *Memoirs of the American Academy in Rome* 48, 45–51.
- Kitchell, K. 2014: *Animals in the Ancient World from A to Z*. London–New York.
- Kitchell, K. 2015: A defense of the “monstrous” animals of Pliny, Aelian, and others. *Preternature: Critical and Historical Studies on the Preternatural* 4/2, 125–151.

- Kvavadze, E., Chichinadze, M. 2020: Palynological analysis of organic materials from Pichvnari (including the earliest silk in Georgia). In: N. Sekunda (ed.), *Wonders Lost and Found: A Celebration of the Archaeological Work of Professor Michael Vickers*. Oxford, 102–107.
- Larmour, D. 2005: Lightening the load: castration, money, and masculinity in Juvenal's *Satire 12*. *Sylllecta Classica* 16, 139–172.
- Lauffer, S. (Hrsg.) 1971: *Diokletians Preisedikkt*. Berlin.
- Libert, B., Englund, R. 1989: Present distribution and ecology of *Rheum rhaponticum* (Polygonaceae). *Willdenowia* 19/1, 91–98.
- Marchenko, I.I. 1996: *Siraki Kubani [The Siraces on the Kuban River]*. Krasnodar. Марченко, И.И. *Сираки Кубани*. Краснодар.
- Miller, J.I. 1969: *The Spice Trade of the Roman Empire 29 B.C. to A.D. 641*. Oxford.
- Monahan, E. 2013: Locating rhubarb: early modernity's relevant obscurity. In: P. Findlen (ed.), *Early Modern Things: Objects and Their Histories, 1500–1800*. London–New York, 227–251.
- Mordvintseva, V.I., Myskov, E.P. 2005: [Burial with the remains of Chinese varnished casket from the burial-ground Oktyabrskiy V]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik [The Lower Volga Archaeological Bulletin]* 7, 314–318.
- Мордвинцева, В.И., Мысков, Е.П. Погребение с остатками китайской лаковой шкатулки из могильника Октябрьский V. *Нижневолжский археологический вестник* 7, 314–318.
- Myagkova, Yu. Ya. 2000: [The analysis of osteological material from Tanais]. *Donskaya arkheologiya [Don Archaeology]* 2, 64–71.
- Мягкова, Ю.Я. Анализ остеологического материала из Танаиса. *Донская археология* 2, 64–71.
- Nutton, V. 1972: Ammianus and Alexandria. *Clio Medica* 7/3, 165–176.
- Olbrycht, M. 2001a: Die Aorser, die oberen Aorser und die Siraker bei Strabon. Zur Geschichte und Eigenart der Völker im nordostpontischen und nordkaukasischen Raum im 2.–1. Jhd. v. Chr. *Klio* 83, 425–450.
- Olbrycht, M. 2001b: Der Fernhandel in Ostsarmatien und in den benachbarten Gebieten. Zweite Hälfte des 2. Jhs. – 1. Jh. v. Chr. *Laverna* 12, 86–122.
- Parker, R. 2008: *The Making of Roman India*. Cambridge.
- Ravindran, P.N. 2006: *Black Pepper (Piper nigrum)*. Amsterdam.
- Saprykin, S. Yu. 2002: *Bosporskoye tsarstvo na rubezhe dvukh epoch [The Bosporan Kingdom Between Two Epochs]*. Moscow. Сапрыкин, С.Ю. *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. М.
- Scarborough, J. 2008: Sextius Niger. In: P. T. Keyser, G. L. Irby-Massie (eds.), *The Encyclopedia of Ancient Natural Scientists: The Greek Tradition and Its Many Heirs*. London, 738–739.
- Scarborough, J. 2015: Fish glue (Gr. ΙΧΘΥΟΚΟΛΛΑ) in Hellenistic and Roman medicine and pharmacology. *Classical Philology* 110, 54–65.
- Scarborough, J. 2020: Dioscorides on beavers. In: L. Totelin, R. Flemming (eds.), *Medicine and Markets in the Graeco-Roman World and Beyond: Essays on Ancient Medicine in Honour of V. Nutton*. Swansea, 37–40.
- Schaefer, H. 1943: Hellenistic textiles in northern Mongolia. *American Journal of Archaeology* 47/3, 266–277.
- Schneider, P. 2017: From India to the Black Sea: an overlooked trade route? *Archive ouverte HAL*. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01376630v2>; accessed on: 09.08.2021.
- Schörle, K. 2015: Pearls, power and profit: mercantile networks and economic considerations of the pearl trade in the Roman empire. In: F. De Romanis, M. Maiuro (eds.), *Across the Ocean: Nine Essays in Indo-Mediterranean Trade*. Leiden, 43–54.
- Smirnov, A.P. (ed.) 1960: *Istoriya skotovodstva v Severnom Prichernomor'e [History of Cattle Breeding in the North Pontic Area]*. Moscow. Смирнов, А.П. (ред.), *История скотоводства в Северном Причерноморье*. (Материалы и исследования по археологии СССР, 53). М.
- Smith, M. 2020: *Hats: A Very Unnatural History*. East Lansing.
- Smith, S. 2014: *Man and Animal in Severan Rome: The Literary Imagination of Claudius Aelianus*. Cambridge.
- Smith, W.S. 1989: Greed and sacrifice in Juvenal's twelfth satire. *Transactions of the American Philological Association* 119, 287–298.

-
-
- Smyshlyaev, A.L. 2018: Latin inscription from Azerbaijan: Problems and history of interpretation. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 78/3, 581–610.
- Смышляев, А.Л. Латинская надпись из Азербайджана: проблемы и история интерпретации. *ВДИ* 78/3, 581–610.
- Stolba, V.F., Rogov, E. 2012: *Panskoye I*. Vol. 2: *The Necropolis*. Aarhus.
- Stoneman, R. 2019: *The Greek Experience of India: From Alexander to the Indo-Greeks*. Princeton.
- Thomas, R. 2000: *Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion*. Cambridge.
- Tomczyk, W. 2016: Camels on the northeastern frontier of the Roman empire. *Papers from the Institute of Archaeology* 26/1, 1–13.
- Treister, M. 1997: New discoveries of Sarmatian complexes of the first century AD. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 4/1, 35–100.
- Treister, M. Yu. 2018: [Chinese “imports” in the burials of the nomads of Eastern Europe in the second half of the 1st millennium BC – first centuries AD]. *Stratum plus* 4, 153–200.
- Трейстер, М.Ю. Китайские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы во второй половине I тыс. до н.э. – первых веках нашей эры. *Stratum plus* 4, 153–200.
- Vaissière, E. de la 2012: Central Asia and the Silk Road. In: S.F. Johnson (ed.), *The Oxford Handbook of Late Antiquity*. Oxford, 142–169.
- Wellmann, M. 1891: Sostratos, ein Beitrag zur Quellenanalyse des Aelian. *Hermes* 26/3, 321–350.
- Zucker, A. 2008: Sostratos of Alexandria. In: P.T. Keyser, G.L. Irby-Massie (eds.), *The Encyclopedia of Ancient Natural Scientists: The Greek Tradition and Its Many Heirs*. London, 754.

DOI: 10.31857/S032103910011519-3

СЕМЬИ РАБОВ И SENATVS CONSVLTVM CLAVDIANVM 52 г.

М. В. Дурново

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: maxschlechtow@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3842-4194

Автор рассматривает SC Claudianum 52 г. как средство, служившее для правового оформления имущественных отношений, которые возникали между господином обладавшего солидным пекулием раба и семьей такого раба в том случае, когда в состав этой семьи входили лица со статусом свободных (*liberi*). Итоговый вывод состоит в том, что основная задача SC Claudianum заключалась в защите имущественных прав рабовладельцев, а не их власти и авторитета, однако речь при этом должна идти о защите прав рабовладельца не на детей его рабов, а на пекулии таких «семейных» рабов. Выразалась эта защита в признании обоснованным стремления господина завладеть потомством и имуществом семьи своего раба, а осуществлялась она посредством изменения правового статуса членов этой семьи.

Ключевые слова: senatus consultum Claudianum, рабство, пекулий, семьи рабов, contubernium, вольноотпущенницы

SLAVES' FAMILIES AND THE SENATVS CONSVLTVM CLAVDIANVM (AD 52)

Maksim V. Durnovo

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: maxschlechtow@gmail.com

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 20-09-00386

Данные об авторе. Максим Владимирович Дурново – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект 20-09-00386 «Ранг и статус в социальных и правовых системах древних обществ».

The author regards the *SC Claudianum* (AD 52) as a means serving for the legal formalization of property relations that arose between the master of a slave having a considerable *peculium*, and the family of such a slave in the case when this family included persons of free status. The author concludes that the main objective of the *SC Claudianum* was to protect the property rights of the slave owners, but not their power and authority. Yet it might have dealt with protecting the property rights of the slave owners not over the children of their slaves, but over the *peculia* of the latter. This protection manifested itself in the legitimation of the master's desire to get hold of the offspring and possessions of his slave's family, through changing the legal status of the members of that family.

Keywords: *senatus consultum Claudianum*, slavery, *peculium*, slave families, *contubernium*, freedwomen

Сейчас уже редко встретишь того, кто держался бы мнения, что знаменитый Клавдиев сенатусконсулт 52 г., в силу которого сожительствующая с чужим рабом свободнорожденная женщина могла сделаться рабыней или вольноотпущенницей, был издан с целью наказать женщин, дабы те не связывались с кем попало, смешивая свободную кровь с рабской. Если в 1964 г. об этом еще могли писать как о чем-то само собой разумеющемся¹, то уже через несколько лет, после выхода статьи Дж. Крука², подобные взгляды начинают утрачивать актуальность³. С тех пор преобладает точка зрения, согласно которой целью Клавдиева сенатусконсульта была защита интересов рабовладельцев⁴. Однако в том, что именно следует подразумевать под этими интересами, исследователи расходятся.

По мнению Дж. Крука, в основе лежала необходимость «защиты права собственности рабовладельцев на потомство их рабов»⁵, поскольку дети раба и свободной рождались свободными⁶ и поэтому как бы ускользали от хозяина раба.

Яркая особенность концепции П. Уивера состоит в том, что он тесно связывал *SC Claudianum* с *familia Caesaris*: по его мнению, император опасался, что с увеличением количества семейных союзов, заключаемых императорскими рабами со свободными женщинами, привлеченными их обеспеченным положением, будет

¹ Weaver 1964, 138.

² См. Crook 1967.

³ Попытки усмотреть в издании Клавдиева постановления заботу императора об улучшении нравов римского общества (в духе политики Августа), выражавшуюся в преследовании разрушительниц его моральных устоев, встречают вполне резонную критику, например, в недавней книге М. Симониса (Simonis 2017, 179–180). Из дальнейшего также станет ясно, что нормы *SC Claudianum* с их довольно изощренной казуистикой, которая ставила порой саму возможность эффективного применения сенатусконсульта в зависимость от лично-потестарных связей и была проникнута стремлением к согласованию интересов двух сторон, вряд ли могли предназначаться для решения этой благородной государственной задачи.

⁴ См. Willvonseder 2010, 7–8.

⁵ Crook 1967, 7.

⁶ Вследствие того, что с рабом не мог быть заключен законный брак (*Paul. Sent. II. 19. 6*), дети от такого союза рассматривались как внебрачные дети женщины, не имеющие отца, и получали при рождении тот статус, что был у матери (см. *Gai. I. 82*).

уменьшаться число домородных рабов (*vernae*) в его *familia*⁷. Эта теория, предполагающая, что Клавдиев сенатусконсулт представлял собой попытку специально сохранять *vernae* для *familia Caesaris*, всегда вызывала споры, и в новейшей литературе ей часто отказывают в убедительности⁸, хотя встречаются и сторонники основных ее положений⁹.

С точки зрения Б. Сиркса, основным мотивом принятия *SC Claudianum* были «сохранение и укрепление уважения и повиновения, которого господа требовали от своих рабов»: сожительство со свободными могло этому повредить и привести к тому, что раб, глядя на свою свободную «жену» и свободных (пусть и незаконных) детей, которые не обязаны выказывать его хозяину никакого уважения, сам станет меньше почитать его и в итоге больше не будет покорен своему господину¹⁰. Критикуя Крука, Сиркс напоминает, что у рабовладельцев не могло быть никаких прав на детей рабов, они были на детей рабынь, и, следовательно, нельзя считать защиту несуществующих прав причиной принятия постановления. Так у Сиркса вместе с растворившимися имущественными правами оказался выплеснут на задворки его концептуальных построений и ребенок как объект притязаний господина.

К. Харпер принимает вывод Сиркса о том, что главной целью *SC Claudianum* было сохранение власти господина над рабами, однако, по его мнению, это не мешает полагать, что появление постановления было вызвано желанием господина — императора — сделать своими рабами потомство смешанного семейного союза, поскольку наличие свободных детей могло подрывать власть хозяина над его рабом¹¹.

М. Симонис вновь выдвигает на первый план во всей его изначальной чистоте тезис о том, что основной причиной принятия постановления было стремление помочь хозяину не потерять потомство своего раба¹², несмотря на то что Сиркс двенадцатью годами ранее специально подчеркивал: господин имел права на детей своих рабынь, а не рабов¹³, и, следовательно, потомство раба как таковое хозяину не принадлежало.

Итак, мы вкратце изложили основные сохраняющие актуальность в современной литературе теории, призванные объяснить причины принятия и суть Клавдиева сенатусконсульта. С нашей точки зрения, верное объяснение может быть найдено в том случае, если мы будем держать в центре внимания сам предмет регулирования: квазибрачный союз раба и свободной женщины, представляющий собой очень своеобразную социальную и экономическую ячейку. Присмотримся к такой семье, попытаемся разглядеть ее особенности, и, думается, пристальный взгляд сможет выявить сущность тех правовых средств, которые были призваны оформить эти отношения¹⁴.

⁷ Weaver 1972, 165–169.

⁸ Sirks 2005, 145; Mouritsen 2011, 194, n. 331.

⁹ Harper 2010, 626; Kasprzak 2018, 77–80.

¹⁰ Sirks 2005, 145–147.

¹¹ Harper 2010, 626.

¹² Simonis 2017, 181.

¹³ Sirks 2005, 144.

¹⁴ Наше исследование не выходит за рамки классического периода.

Заметим сразу, что предмет нашего интереса составляют те рабы, которые обладали достаточно солидным пекулием. Наличие и приумножение такого пекулия позволяло рабу (каков бы ни был род его занятий) сделаться самостоятельным хозяином — он осуществлял оперативное управление вверенным ему имуществом. При этом отличным средством, стимулировавшим экономическую и профессиональную активность раба и повышавшим его заинтересованность, было позволение ему обзавестись семьей. Пекулий в таком случае составлял материальную основу квазибрачного союза (*contubernium*, сожительства). В Плавтовой «Касине» в качестве аргумента против того, чтобы выдать живущую в доме на положении рабыни Касину «замуж» за раба-оруженосца, приводят то обстоятельство, что у него «в пекулии нет и дрянного гроша» (*peculi nummus non est plumbeus*: Plaut. *Cas.* 258). Этому негодному (*nequam, improbus*: 257) рабу противопоставляется дельный (*servus frugi*: 255), в данном случае вилик (254): выйдя за него, Касина будет хорошо обеспечена (дровами, горячей водой, питанием, одеждой) и сможет вырастить детей (*educat pueros quos pariat*: 256). Как видим, раба с ничтожным пекулием могли счесть незавидной партией даже для рабыни. Если же мы поставим на ее место свободнорожденную, то устойчивый семейный союз (а не просто любовная связь) с рабом, не обладавшим сколько-нибудь приличным состоянием, представляется явлением довольно маргинальным.

Когда раб соединялся в *contubernium* с какой-нибудь хозяйской рабыней, своей *conserva*, никаких юридических проблем не возникало, но вот если ему удавалось прельстить своим завидным достатком небогатую свободную, то ситуация для господина заметно усложнялась, так как сожительство приводило к тому, что раб не мог не расходовать какую-то часть средств из пекулия на содержание не только себя самого, но также «жены» и детей, а они, между тем, имели статус свободных и в состав *familia* господина не входили. Для господина это были имущественные потери, которые он затруднился бы точно подсчитать, а женщина по бедности своей была бы не в состоянии ему возместить. С другой стороны, семейный союз со свободной давал рабу мощный стимул к обогащению (а значит, к обогащению хозяина) в надежде накопить на выкуп: ведь свободная «жена» и дети у него уже имелись, и после выхода из рабства ему лишь оставалось свои семейные отношения официально оформить.

Следовательно, для хозяина раба подобный смешанный семейный союз имел как выгодные, так и невыгодные стороны, и его интерес состоял в том, чтобы воспользоваться выгодами и при этом минимизировать потери. И здесь мы обнаруживаем, что для достижения своей цели господин не имел до 52 г. практически никаких правовых средств. Он мог либо запретить своему рабу сожительство со свободной женщиной, если опасался убытков и сложностей, и таким образом ликвидировать их семейный союз, тем самым сильно демотивировав раба, либо, сделав ставку на мотивацию, терпеть все невыгоды его сожительства с посторонней гражданкой. Регулирование сводилось к использованию простого тумблера: или положение «включить», или положение «выключить». Несомненно, для защиты своих имущественных интересов рабовладельцы нуждались в правовом инструменте, обеспечивающем более тонкую настройку, им и стал принятый в 52 г. по инициативе Клавдия сенатусконсульт.

1. СОЖИТЕЛЬСТВО С РАБОМ ПРОТИВ ВОЛИ ГОСПОДИНА

В каких случаях женщина, сожительствующая с чужим рабом, могла стать рабыней? Наиболее отчетливую формулировку нормы сохранили для нас Сентенции Павла – компиляция, составленная предположительно во второй половине III в. и запечатлевшая в основном позднеклассическое право.

Si mulier ingenua civisque Romana vel Latina alieno se servo coniunxerit, si quidem invito et denuntiante domino in eodem contubernio perseveraverit, efficitur ancilla.

Если свободнорожденная женщина, римская гражданка или латинка, соединится с чужим рабом и если против воли господина и несмотря на его заявление будет продолжать это сожительство, она становится рабыней (Paul. *Sent.* II. 21a. 1).

Сходную формулировку дает в своих «Институциях» Гай при перечислении тех случаев, когда лицо претерпевает наибольшее умаление правоспособности (*capitis deminutio maxima*).

...<item feminae, quae ex senatus consulto> Claudiano ancillae fiunt eorum dominorum, quibus invititis et denuntiantibus dominis cum servis eorum coierint.

...также женщины, которые в силу Клавдиева постановления сената становятся рабынями тех господ, с рабами которых они сойдутся против воли господ и несмотря на их заявление (Gai. I. 160).

Тертуллиан в трактате «К жене» призывает христианок не заключать браки с язычниками – «рабами дьявола» (*diaboli servi*), ссылаясь в числе прочего на то, что и у язычников есть обыкновения и правовые установления, ограничивающие брачные связи с чужими рабами или карающие за них.

Nonne insuper censuerunt servituti vindicand[us] qu[is] cum alienis servis post dominorum denuntiationem in consuetudine persevera[re]nt?

Более того, разве сенат не постановил, что следует обращать в рабство тех женщин, которые будут продолжать связь с чужими рабами после заявления господ? (Tert. *Uxor.* II. 8. 1)

Как видим¹⁵, порабощению предшествовала процедура *denuntiatio*: хозяин раба делал женщине официальное заявление-предупреждение о том, что он против сожительства своего раба со свободной и что ее ожидает обращение в рабство в случае продолжения сожительства. После троекратной *denuntiatio*, если женщина не прекращала связь, дело завершала *adiudicatio* – присуждение новоиспеченной рабыни господину раба декретом магистрата (Paul. *Sent.* II. 21a. 17).

Если сожительницей раба оказывалась дочь, состоявшая под отеческой властью (*filia familias*), и она вступала в *contubernium* против воли отца или без его ведома (*invito vel ignorante patre*), ее статус свободнорожденной, несмотря на *denuntiatio*, измениться не мог, так как действия подвластных не могли ухудшать положение домовладыки (Paul. *Sent.* II. 21a. 9); если же дочь вступала в сожительство с рабом по велению отца (*iubente patre*), тогда она, следуя общему правилу, могла стать рабыней (Paul. *Sent.* II. 21a. 10). Что касается вольноотпущенниц, то здесь важна была позиция их патронов: если отпущенница действовала с ведома патрона (*sciente patrono*), все шло по общему сценарию, но если без его ведома

¹⁵ См. также: Ulp. *Tit.* 11. 11; Gai. I. 91.

(*ignorante patrono*), она становилась вновь рабыней патрона с тем условием, что никогда не получит от него римского гражданства (*Paul. Sent. II. 21a. 6–7*), поскольку такие самовольные действия, ведущие к прекращению права патроната, видимо, рассматривались как неблагодарность по отношению к патрону, каравшаяся посредством *revocatio in servitutum*¹⁶.

Решение провести процедуру *denuntiatio* господин принимал в том случае, если он не соглашался, чтобы его раб сожительствовал со свободной, ни на каких условиях: он желал контролировать семью своего раба как экономическую ячейку тотально, заключив ее целиком в границы *familia*. Какого же ответа на эти действия мы можем ожидать от женщины, вступившей в семейный союз с рабом? Думается, немногие свободные гражданки согласились бы продолжать сожительство на таких условиях. Порабощение – акт суровый и, главное, необратимый. Оно могло скорее отпугнуть¹⁷. По-видимому, в большинстве случаев после *denuntiatio* смешанный семейный союз распадался. Зачем же тогда была нужна эта норма? Хозяин ведь мог просто запретить своему рабу сожительство, которое представлялось ему нежелательным. Однако здесь право действовало тоньше. Сожительство не запрещалось господином, формально оно лишь обставлялось условиями, и принятие решения как бы перекладывалось на саму женщину (с учетом воли ее отца, если она была подвластной дочерью): в конце концов, если ее материальное положение было настолько незавидным и их с рабом семья оказывалась настолько крепка, что «жену» не пугало столь серьезное умаление статуса, то господин ведь был совсем не против заполучить новую рабыню.

2. СОЖИТЕЛЬСТВО С РАБОМ С СОГЛАСИЯ ГОСПОДИНА

Если же господин давал согласие на сожительство раба со свободной, *SC Claudianum* готов был предложить решения с правовой точки зрения еще более нестандартные и своеобразные.

Inter quae refert ad patres de poena feminarum quae servis coniungerentur; statuiturque ut ignaro domino ad id prolaps[o] <ae> in servitute, sin consensisset, pro libertis haberentur.

Тогда же он [Клавдий] внес в сенат предложение об установлении наказаний для женщин за сожительство с рабами, и постановили, чтобы женщины, пошедшие на это без ведома господина, попадали в рабство, а если он дал согласие, – считались вольноотпущенницами (*Tac. Ann. XII. 53*)¹⁸.

Сведения Тацита о том, что *SC Claudianum* предполагал переход свободно-рожденной женщины в статус вольноотпущенницы, находят подтверждение в Сентенциях Павла, где мы встречаем упоминание о «дочери, сделавшейся рабыней или вольноотпущенницей в силу Клавдиева постановления сената».

¹⁶ Sirks 2005, 146.

¹⁷ См. также Simonis 2017, 174.

¹⁸ Как сообщает далее Тацит, Клавдий, выступая в сенате, объявил разработчиком проекта постановления своего всесильного клеврета Палланта (конечно, не без похвалы в его адрес), что вызвало у сенаторов пароксизм показного лизоблюдства (сенат раболепно осыпал Палланта похвалами и почестями), столь темпераментно описанный Плинием Младшим (*Plin. Epist. VII. 29; VIII. 6*), однако к содержанию сенатусконсульта эти политические игры отношения не имеют.

Ad filiam ancillam vel libertam ex senatus consulto Claudiano effectam legitima matris intestatae hereditas pertinere non potest, quia neque servi neque liberti matrem civilem habere intelliguntur.

Дочери, сделавшейся рабыней или вольноотпущенницей в силу Клавдиева постановления сената, не может принадлежать по закону наследство не оставившей завещания матери, так как считается, что ни у рабов, ни у вольноотпущенников матери по гражданскому праву нет (Paul. *Sent.* IV. 10. 2).

Перед нами единственный случай в системе римского права, когда кто-либо мог получить статус вольноотпущенника, никогда не быв рабом¹⁹. Однако недавно М. Симонис попытался доказать, что *ingenua*, состоявшая в связи с *servus alienus* с согласия господина, оставалась в прежнем статусе и не становилась *liberta*²⁰. Фразу из Сентенций Павла, в которой идет речь о *liberta ex senatus consulto Claudiano effecta*, он трактует так, что женщина сначала стала рабыней, а впоследствии была отпущена на свободу²¹. В принципе такое понимание текста возможно, но не без натяжки.

Что касается свидетельства Тацита, то давно было замечено: в его рассказе мы находим «*ignaro domino*» там, где в прочих источниках (у юристов, у Тертуллиана) в том же контексте указано «*invito et denuntiante domino*» (и последнее соответствует истинному положению вещей). Тацит почему-то упоминает лишь то, что о сожительстве свободной и раба господину сначала ничего не было известно, хотя это обстоятельство не являлось ключевым условием для изменения статуса женщины, и опускает все дальнейшие, гораздо более существенные, детали: что, когда господин узнал, то смешанный семейный союз он не одобрил (*non consensisset*), произвел *denuntiatio*, и т.д. Мы, конечно, можем говорить о том, что Тацит чересчур лаконичен (помимо прочего, он говорит просто о *servi*, а не о *servi alieni*, которые тем не менее подразумеваются) и порой небрежен в своем рассказе о постановлении²². Однако какого-то кричащего противоречия с текстами юристов здесь, в сущности, нет, и стремление М. Симониса полностью игнорировать сведения Тацита о SC *Claudianum*, объявив их «ненадежным источником»²³,

¹⁹ Mouritsen 2011, 22.

²⁰ Simonis 2017, 173.

²¹ Simonis 2017, 170.

²² Еще более лаконичен в изложении сенатусконсульта Светоний, который, похоже, перепутал императоров — он пишет о Веспасиане: *Libido atque luxuria coercente nullo invaluerant; auctor senatui fuit discernendi, ut quae se alieno servo iunxisset, ancilla haberetur.* — «Никем не преследуемые, расцвели разврат и роскошь; по его инициативе сенат постановил, чтобы женщина, которая соединится с чужим рабом, считалась рабыней» (Suet. *Vesp.* 11). Подчеркнем, что Светоний — единственный автор классического периода, объяснявший издание сенатусконсульта стремлением восстановить поврежденную нравственность общества: ни у Тацита, ни у Тертуллиана мы этого мотива не находим. Видимо, Светоний имел довольно смутное представление не только о том, кто был инициатором принятия постановления, но и о том, в чем состояла его суть: видя, что речь идет о связях женщин вне брака, писатель ничтоже сумняшеся подогнал сенатское решение под готовый литературный штамп о падении нравов и царящем в римском обществе разврате.

²³ Simonis 2017, 172.

представляется нам не чем иным, как не заслуживающим поддержки гиперкритическим эксцессом.

И все же исследователи не без оснований отмечают, что свидетельство Тацита об этих свободнорожденных вольноотпущенниках «остаётся несколько загадочным»²⁴. Загадкой становится даже простой вопрос, для чего было нужно делать сожительницу раба отпущенницей его хозяина.

Б. Сиркс, следуя своей теории, согласно которой целью принятия сенатусконсульта было сохранение и укрепление уважения и повиновения, требовавшегося от рабов по отношению к господам, находит ответ в том, что «жена» раба, став вольноотпущенницей, будет обязана выказывать уважение своему патрону, и ее сожитель не станет пренебрежительно относиться к своему господину²⁵. Критику этого предположения мы изложим ниже (см. п. 3), а сейчас обратимся к теории, выдвинутой Х. Моуритсеном. В Клавдиевом постановлении он видит попытку нейтрализовать конфликт между гендером и статусом, приблизив по статусу друг к другу двоих участников семейного союза: мужское начало рассматривалось как доминирующее, для отпущенницы жить с рабом было не так позорно, как для свободнорожденной, и следовательно, низведение женщины до положения вольноотпущенницы парадоксальным образом могло помочь восстановить ее честь, сблизив статусы обеих сторон²⁶. Однако господину не было никакого интереса изменять статус сожительницы раба с той целью, чтобы ей было не так стыдно. Получается, что только сама женщина была заинтересована в такой перемене, а это прямо противоречит Тациту, который недвусмысленно дает понять, что изменение статуса происходило не в интересах женщины.

Чтобы найти ответ на поставленный вопрос, вспомним, что статус вольноотпущенницы мыслился как совокупность двух составляющих: права патрона и строгой опеки, так называемой опеки «по закону» (*tutela legitima*); *patronus* и *tutor legitimus* соединялись в одном лице. Издревле действовала норма, согласно которой имущество вольноотпущенницы после ее смерти целиком переходило к патрону или его сыновьям, внукам и т.д., составить завещание без разрешения своего опекуна и патрона она не могла (*Gai. I. 165; III. 43, 45*).

Таким образом, цель перехода «жены» раба в статус вольноотпущенницы по Клавдиеву сенатусконсульту состояла, видимо, в том, чтобы предоставить господину определенные права на ее имущество, так как после смерти женщины, ставшей отпущенницей, все ее имущество должно было перейти к ставшему теперь ее патроном хозяину раба или к его потомкам. Средства, израсходованные рабом из своего пекулия на содержание семьи, столь своеобразно возвращались обратно к господину.

Еще при Августе по *lex Papia Poppaea* вольноотпущенницам было даровано так называемое *ius quattuor liberorum* (по образцу *ius trium liberorum* для свободнорожденных), которое предусматривало, что отпущенница, родившая четверых детей, освобождалась от опеки патрона и могла свободно составлять завещание

²⁴ Masi Doria 2013, 163.

²⁵ Sirks 2005, 147.

²⁶ Mouritsen 2011, 22, n. 70; 44; вслед за ним: Perry 2014, 137, n. 29.

(Gai. I. 194; III. 44). При этом закон предписывал, чтобы патрону следовала доля, пропорциональная числу детей отпущенницы, оставшихся в живых на момент ее смерти: если были живы четверо, то он получал пятую часть, если трое – четвертую, и т.д., а если все уже умерли, то все наследство (Gai. III. 44). Однако остается неясным, когда для получения женщиной *ius liberorum* стали учитываться ее внебрачные дети²⁷. Как бы то ни было, господин получал если не все наследство сожительницы раба, ставшей отпущенницей, то его часть.

Далее, мы не можем не задаться вопросом, каков был правовой механизм, при помощи которого свободнорожденная переходила на положение вольноотпущенницы. К порабощению женщину приводила процедура *denuntiatio* и *adiudicatio*. А что делало ее отпущенницей? И обязательно ли сожительствующая с рабом *ingenua* должна была стать *liberta*, после того как был введен в действие *SC Claudianum*? Была ли у нее возможность сохранить прежний свой статус?

Гай в «Институциях», рассматривая случаи нарушения нормы *ius gentium*, согласно которой, если один из родителей свободный, а другой – раб, то ребенок «следует статусу матери», сообщает следующее.

Ecce enim ex senatus consulto Claudiano poterat civis Romana, quae alieno servo volente domino eius coiit, ipsa ex ractione libera permanere sed servum procreare: nam quod inter eam et dominum istius servi convenerit, ex senatus consulto ratum esse iubetur. Sed postea divus Hadrianus iniquitate rei et inelegantia iuris motus restituit iuris gentium regulam, ut cum ipsa mulier libera permaneat, liberum pariat.

Так, в силу Клавдиева постановления сената римская гражданка, которая сошлась с чужим рабом с одобрения его господина, могла сама по соглашению оставаться свободной, но родить раба; ведь то, что между нею и господином этого раба будет условлено, по данному сенатскому постановлению официально признается имеющим юридическую силу. Но впоследствии божественный Адриан, возмущенный несправедливостью такого положения и несообразностью права, восстановил норму всеобщего права, так что женщина, поскольку сама остается свободной, рождает свободного (Gai. I. 84).

Здесь речь идет о том, что господин раба и женщина могли заключить соглашение (*ratio*) относительно будущего статуса ее детей от раба: Клавдиев сенатусконсульт придавал юридическую силу таким договоренностям. Таким образом, женщина могла остаться свободной, а ее ребенок – стать рабом господина ее сожителя. Перед нами компромиссное решение, учитывавшее интересы как хозяина раба, так и женщины²⁸. Возможность заключения подобной *ratio*, которая в иных случаях считалась бы недействительной²⁹, была, очевидно, предусмотрена в сенатусконсульте. Гай сосредоточивает внимание на такой *ratio*, которая касалась статуса детей, потому что его целью было проиллюстрировать отклонение от вышеупомянутой нормы *ius gentium*. Однако из его слов (*quod*

²⁷ См. Gardner 1998, 266.

²⁸ Herrmann-Otto 1994, 31.

²⁹ Callistr. *Quaest.* 2: D. 40. 12. 37: *Conventio privata neque servum quemquam neque libertum alicuius facere potest.* – «Частное соглашение не может никого сделать ни чьим-то рабом, ни чьим-то вольноотпущенником».

inter eam et dominum istius servi convenerit, ex senatus consulto ratum esse iubetur) следует, что между женщиной и господином раба могли быть и другие договоренности, то есть, видимо, касающиеся статуса самой женщины. Адриан лишил силы только те *ractiones*, которые предусматривали, что ребенок свободной рождается рабом; иные же могли заключаться беспрепятственно. Заключая такую *ratio*, напоминающую брачный контракт, с женщиной, господин обязывался, во-первых, не препятствовать своему рабу сожительствовать с нею и, во-вторых, не покушаться на ее статус свободной (таким образом, она ex *ractione libera permanet*, как мы читаем у Гая). Уже давно было высказано предположение, что переход свободнорожденной на положение вольноотпущенницы тоже оформлялся посредством подобной *ratio*³⁰.

Соглашения, приобретавшего юридическую силу ex *senatus consulto Claudiano*, скорее всего, было достаточно для того, чтобы женщина перешла под патронат хозяина раба. Вслед за этим, для того чтобы поменять опекуна, т.е. сделаться подопечной хозяина своего сожителя, ей надлежало совершить фидуциарную коэмпцию, в результате которой господин раба, видимо вследствие того, что он считался теперь в силу *ratio* патроном женщины, приобретал статус *tutor legitimus*. Для совершения фидуциарной коэмпции, конечно, необходимо было одобрение со стороны прежнего опекуна (*tutoris auctoritas*, см. Gai. I. 115), однако в классический период дававшаяся совершеннолетней женщине опекуном авторизация, если она требовалась не от *tutor legitimus*, зачастую была лишь формальностью, а кроме того, опекун мог быть принужден претором дать авторизацию и против своей воли (см. Gai. I. 190).

Таким образом, если господин давал свое согласие на сожительство раба со свободной, *SC Claudianum* изначально предоставлял ему возможность заключить с «женой» раба такое соглашение относительно будущего статуса ее самой и ее детей, которое бы создавало наиболее выгодную для него конфигурацию с учетом интересов женщины. Из текста Гая (I. 84) неясно, становится ли женщина отпущенницей или сохраняет статус свободнорожденной в том случае, если статус рабов должны получить ее дети (обязательно ли все, или в *ratio* можно было оговорить какое-то их число?). Думается, все эти статусные изменения могли становиться предметом соглашения в самых различных комбинациях до вмешательства Адриана, который пресек практику рождения рабов свободными женщинами.

Поскольку *ratio* – это частное соглашение, то она могла и вовсе не заключаться, если хозяин раба не изъявлял желания ее заключить: скажем, его и так все устраивало, и он был склонен смотреть сквозь пальцы на сожительство своего раба со свободной, не тревожась ни о каких сопутствующих имущественных потерях. В этом случае, конечно, женщина сохраняла статус свободнорожденной. Эпиграфический материал, подтверждающий бытование таких семейных союзов, собрал М. Симонис³¹.

³⁰ См. Weaver 1964, 138; Albanese 1979, 21, n. 13; 56, n. 191.

³¹ Simonis 2017, 173–174.

Обратим внимание также на любопытный казус, который рассматривает Павел в своих *Responsa*.

Lucius Titius cum haberet filiam in potestate Seiam, Pamphilo servo alieno in matrimonium collocavit, cui etiam dotem dedit, quam sub titulo depositi in cautionem contulit, et postea nulla denuntiatione a domino facta pater decessit, mox et Pamphilus servus: quaero, qua actione Seia pecuniam petere possit, cum ipsa patri heres extiterit. Paulus respondit, quoniam dos constitui non potuit, ex causa depositi actione de peculio pecuniam repetendam.

Луций Тиций, когда его дочь Сея состояла под его властью, выдал ее замуж за чужого раба Памфила, коему также дал приданое, которое внес в расписку под видом поклажи, и впоследствии – никакого заявления о порабощении господин не сделал – отец скончался, а затем и раб Памфил; хотелось бы узнать, посредством какого иска Сея может истребовать деньги, потому что наследницей отца стала она. Павел ответил: так как приданое не могло быть назначено, деньги следует истребовать по иску в объёме пекулия на основании поклажи (*Paul. Resp. 7: D. 16. 3. 27*).

Интересно уже само по себе то, что отец выдает дочь «замуж» за раба (здесь *contubernium* описан как *matrimonium*) и даже дает «приданое». В подобном случае – *iubente patre* – *denuntiatio* хозяина раба, как мы помним, могла привести к порабощению женщины, если она продолжала сожительство. Однако господин *denuntiatio* не сделал. Женщина, живя с рабом, оставалась подвластной своего отца, а после его смерти стала самовластной и унаследовала его имущество. Скорее всего, в семейные отношения раба его хозяин здесь вообще не вмешивался и за помощью к Клавдиеву постановлению не обращался, вследствие того что за женщиной было дано «приданое»³².

Наконец, можно представить себе ситуацию, когда свободная, проживая с рабом в *contubernium*, содержала себя и детей полностью за свой счет (пекулий ее «мужа» тут мог быть совсем незначительным) и компенсировала (отрабатывала) занимаемую ею «жилплощадь». Тогда для применения Клавдиева сенатусконсульта, по нашему мнению, просто не было причины.

Справедливо отмечалось, что в случае *SC Claudianum* речь идет о «*Kann-Bestimmung*», а не о «*Muss-Bestimmung*»: господин мог не воспользоваться постановлением и «полностью принять эти отношения»³³. Клавдиев сенатусконсульт, предоставляя женщине возможность продолжать сожительство с рабом, *позволял* господину устанавливать своеобразные пени статусного характера в свою пользу (вплоть до порабощения), и решение, прибегать ли к сенатусконсульту или нет, зависело от его желания и расчета.

Здесь можно было бы перейти к изложению итоговых результатов нашего исследования, если бы не один особый случай, требующий разъяснения.

³² Как замечает А. Уотсон, так называемый *depositum irregulare*, форму которого, по его мнению, принимает здесь приданое, предполагал, что депозитарий действует безвозмездно, а все доходы от использования сданных на хранение денег причитаются только депоненту, т.е. в данном случае отцу с дочерью (Watson 1991, 136). Такой правовой режим «приданого» соответствовал той цели, ради которой оно давалось «мужу»-рабу: обеспечить его свободную «жену» и детей.

³³ Simonis 2017, 167, 180.

3. СОЖИТЕЛЬСТВО С РАБОМ ПАТРОНА ПРОТИВ ВОЛИ ГОСПОДИНА

Liberta servi patroni contubernium secuta etiam post denuntiationem in eo statu manebit, quia domum patroni videtur deserere noluisse.

Вольноотпущенница, вступившая в сожительство с рабом патрона, даже после заявления останется в этом статусе, так как ясно, что она не хотела покинуть дом патрона (*Paul. Sent. II. 21a. 11*).

Итак, отпущенница вступает в *contubernium* с рабом своего патрона. Патрон как господин не дает согласия на сожительство раба с нею как со свободной, при этом он готов принять это сожительство, вновь сделав отпущенницу своей рабыней посредством *denuntiatio*. Однако его заявление не дает эффекта: закон не позволяет в данном случае изменить статус женщины, даже если она на это была бы согласна. Почему?

По мнению Б. Сиркса, понижать статус женщины не требуется, поскольку она как вольноотпущенница уже находится под властью (*unter der Gewalt*) своего патрона и поэтому обязана выказывать ему уважение, так же, как и раб, ее сожитель³⁴. Сиркс считает, что «под “домом” подразумевается личноправовая власть господина, которую он осуществляет по отношению к отпущеннице посредством опеки и патроната»³⁵, и «если бы она эту власть покинула, тогда она была бы обращена в рабство»³⁶ (последнее утверждение основывается на *Paul. Sent. II. 21a. 6–7*; см. выше, п. 1).

В итоге у Сиркса выходит так, что если раб сожительствует со свободнорожденной, этот союз может привести его к неповиновению хозяину, а если та же гражданка будет низведена до статуса отпущенницы его господина, то никаких негативных последствий подобного рода не возникнет. Но раб и без того был всецело в господской власти! Если бы хозяина в случае сожительства его раба со свободнорожденной беспокоило неповиновение раба, то он мог бы решить проблему проще: пригрозить рабу, что запретит ему сожительствовать с этой женщиной, и, думается, тот, опасаясь потерять свою семью, стал бы вести себя подобающим образом. Поэтому нам представляется, что с точки зрения обеспечения повиновения раба переход его «жены» на положение отпущенницы (а также и рабыни) не мог стать столь необходимым. Другое дело — трудноконтролируемые и практически неустраимые имущественные потери господина, своего рода неизбежный побочный эффект такого сожительства. Именно они, как мы попытались показать выше, были причиной статусных изменений.

К рассмотрению проблемы обратилась недавно К. Мази Дориа. Однако она не высказывает определенно своего мнения по вопросу о цели принятия (т.е. о сущности) Клавдиева сенатусконсульта, а также следует ошибочному суждению Т. Моммзена³⁷, согласно которому раб в *Paul. Sent. II. 21a. 11* не считался за чужого (*alienus*), и поэтому остается неясным, как ее выводы соотносятся с актуальным состоянием проблемы: по мнению исследовательницы, закон

³⁴ Sirks 2005, 147.

³⁵ Sirks 2005, 146.

³⁶ Sirks 2005, 147.

³⁷ См. Mommsen 1899, 854, Anm. 8.

предписывал в данном случае, чтобы отпущенница не становилась вновь рабыней, потому что представленная в § 11 ситуация, оставаясь в рамках *domus*, «существенно не нарушала считавшиеся нормальными социальные отношения», связанные с «уважением» к семьям, возникавшим в рабской среде³⁸.

С нашей точки зрения, специфика ситуации, лежащей в основе § 11, в ее социальном аспекте состоит в том, что бывшая рабыня, которой после освобождения судьба не сулила ни брака (во всяком случае прочного) со свободным, ни достатка, необходимого для независимой жизни, вступает в сожитительство с кем-то из своих более-менее состоятельных бывших *conservi*.

По древнему обычаю патрон должен был помогать материально своему вольноотпущеннику, который нуждался; отказ во вспомоществовании рассматривался как нарушение обязанностей патрона³⁹ и приводил к утрате прав на отработки и на наследство отпущенника в силу закона Элия—Сенция (*Modest. Manumis.*: D. 25. 3. 6 пр.; 38. 2. 33).

Вероятно, отказ патрона дать согласие на семейный союз своей отпущенницы и своего раба рассматривался как отказ в помощи и содействии отпущеннику, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации, отказ, недостойный хорошего патрона. Таким образом, здесь право как бы принимает сторону отпущенницы, и *denuntiatio* не дает эффекта. По всей видимости, юриспруденция стоит на той позиции, что господин в подобных обстоятельствах должен терпеть негативные для него последствия сожитительства, поскольку «жена» раба в данном случае и ему не чужая, и он, исполняя свои обязанности патрона, должен оказывать ей поддержку (фраза об отсутствии у отпущенницы стремления покинуть дом патрона была призвана подтвердить: наказывать ее порабощением не за что). Разумеется, никакой закон не мог принудить господина терпеть само это сожитительство, и хозяин мог в принципе запретить рабу продолжать его, тем самым наверняка лишая средств к существованию отпущенницу, однако столь жесткое отношение к ней, вероятно, рассматривалось как нарушение им своих обязанностей патрона, ведущее к утрате прав на наследство. Следовательно, дать свое согласие на этот семейный союз считалось для хозяина «мужа» и патрона «жены» единственным достойным решением.

Подводя итоги, вернемся к тому обзору мнений, с которого мы начинали эту статью. На наш взгляд, ближе к истине те, кто полагал, что основная задача *SC Claudianum* заключалась в охране имущественных прав рабовладельцев, а не их власти и авторитета. Однако речь должна была идти о защите прав рабовладельцев не на детей (поскольку таких прав у них действительно не было), а на *некулии* их рабов. Выражалась эта защита в признании обоснованным стремления господина завладеть потомством и имуществом семьи своего раба, а осуществлялась она посредством изменения правового статуса членов этой семьи.

³⁸ Masi Doria 2013, 174–177.

³⁹ Albanese 1979, 95.

Литература / References

- Albanese, B. 1979: *Le persone nel diritto privato romano*. Palermo.
- Crook, J. 1967: Gaius, Institutes, I. 84–86. *Classical Review* 17, 7–8.
- Gardner, J. 1998: *Family and familia in Roman Law and Life*. Oxford–New York.
- Harper, K. 2010: The SC Claudianum in the Codex Theodosianus: Social history and legal texts. *Classical Quarterly* 60/2, 610–638.
- Herrmann-Otto, E. 1994: *Ex ancilla natus: Untersuchungen zu den ‘hausgeborenen’ Sklaven und Sklavinnen im Westen des römischen Kaiserreiches*. Stuttgart.
- Kacprzak, A. 2018: Servus ex libera natus: Überlegungen zum senatusconsultum Claudianum. In: I. Fischer, D. Feichtinger (Hrsg.), *Sexualität und Sklaverei*. Münster, 63–82.
- Masi Doria, C. 2013: ‘Ancilla efficitur’... ‘in eo statu manebit’: Le conseguenze del SC. Claudianum per le donne di status libertino. In: R. Rodríguez López, M.J. Bravo Bosch (eds.), *Mulier. Algunas historias e instituciones de derecho romano*. Madrid, 157–178.
- Mommsen, T. 1899: *Römisches Strafrecht*. Leipzig.
- Mouritsen, H. 2011: *The Freedman in the Roman World*. Cambridge–New York.
- Perry, M. 2014: *Gender, Manumission, and the Roman Freedwoman*. New York.
- Simonis, M. 2017: *Cum servis nullum est conubium: Untersuchungen zu den eheähnlichen Verbindungen von Sklaven im westlichen Mittelmeerraum des Römischen Reiches*. Hildesheim–Zürich–New York.
- Sirks, A.J.B. 2005: Der Zweck des Senatus Consultum Claudianum von 52 n. Chr. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung* 122, 138–149.
- Watson, A. 1991: A slave’s marriage: dowry or deposit. *Journal of Legal History* 12/2, 132–139.
- Weaver, P.R.C. 1964: Gaius I. 84 and the S.C. Claudianum. *Classical Review* 14, 137–139.
- Weaver, P.R.C. 1972: *Familia Caesaris: A Social Study of the Emperor’s Freedmen and Slaves*. Cambridge.
- Willvonseder, R. (Bearb.) 2010: *Corpus der römischen Rechtsquellen zur antiken Sklaverei. IV. Stellung des Sklaven im Privatrecht. 1. Eheähnliche Verbindungen und verwandtschaftliche Beziehungen*. Stuttgart.

DOI: 10.31857/S032103910011314-8

ХРИСТИАНСКИЙ АПОЛОГЕТ ИЛИ РИМСКИЙ ПАТРИОТ?
ДРАКОНЦИЙ И EXEMPLA VIRORVM В ЕГО «ХВАЛЕ ГОСПОДУ»
(LD III. 250–467)

И. М. Никольский

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия;
Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия*

E-mail: ivan.nikolsky@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6428-5357

В статье рассматривается богословская поэма Драконция «Хвала Господу» (*De laudibus Dei*), а именно посвященная теме жертвенности ее третья книга. Обычно этот текст считается памятником христианской апологетики и его полемический характер связывается исключительно с антиязыческой пропагандой. Однако анализ фрагмента с примерами «неправильного» поведения из греческой и римской мифологии и истории приводит к заключению, что авторская оценка этического выбора героев-язычников была не столь однозначной и отражала более сложно организованное мировоззрение позднеантичного поэта.

Ключевые слова: Драконций, апологетика, христианство, римская Африка, вандалы

CHRISTIAN APOLOGIST OR ROMAN PATRIOT?
DRACONTIUS AND THE *EXEMPLA VIRORVM*
IN HIS *DE LAVDIBVS DEI* (LD III. 250–467)

Ivan M. Nikolsky

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia;
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

E-mail: ivan.nikolsky@mail.ru

Данные об авторе. Иван Михайлович Никольский — кандидат исторических наук, доцент Института восточных культур и античности РГГУ, доцент Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, научный сотрудник отдела истории Византии и Восточной Европы ИВИ РАН.

The article deals with the religious poem by Dracontius *De Laudibus Dei*, particularly its third book, dedicated to the problem of self-sacrifice. Usually, this text is regarded as Christian apology, and its polemic character is linked only to anti-pagan propaganda. However, the examination of the fragment that provides examples of 'wrong' behaviour from Greek and Roman mythology and history leads to the conclusion that the author's view on his pagan heroes' ethical choices was not so simple and reflected a more complex outlook of the Late Antique poet.

Keywords: Dracontius, apologetics, Christianity, Roman Africa, Vandals

Богословская поэма «Хвала Господу» (*De laudibus Dei*, далее *LD*) – крупнейшее сочинение карфагенского поэта римского происхождения Блоссия Эмилия Драконция (вторая половина V – начало VI в.). В вандальской Африке, где появилось это произведение, оставленные Римом культурные и литературные традиции продолжали жить даже несмотря на варварское завоевание. Помимо крупных и хорошо известных прозаиков, таких как Фульгенций или Виктор Витенский, известно немало поэтов Африки, запомнившихся в основном панегириками вандальским королям: кроме самого Драконция это Флорентин, Катон, Луксорий. В этом смысле появление «Хвалы» не выглядит чем-то феноменальным, но даже на общем фоне произведение выделяется по крайней мере своим масштабом.

Сочинение, общий объем которого занимает 2327 гекзаметрических строк, состоит из трех книг и посвящено восхвалению Божьей милости, в основном на примерах из Ветхого и Нового Заветов. В попытках разделить творчество Драконция по религиозному признаку эту поэму причисляют к *carmina Christiana* в противовес *carmina profana*, стихам языческой тематики, посвященным мифологическим сюжетам классической античности¹.

Третья, заключительная книга «Хвалы» значительно отличается от первых двух специфичностью темы и набором *exempla*, тех самых примеров, важных автору для подтверждения собственной правоты. Главная тема третьей книги – жертвенность, понимаемая поэтом как готовность убить себя или своих близких ради некой высокой цели. Драконций приводит случаи подобного поведения не только из Библии, но и из греческой и римской мифологии и истории, т.е. связанные с традицией классической, дохристианской античности.

Сравнительный анализ этих примеров дает возможность по крайней мере отчасти реконструировать особенности мировоззрения карфагенского поэта, важные с точки зрения представлений как о культуре поздней античности (например, относительно того, насколько новое христианское вытеснило старое языческое), так и о тонкостях политического климата в варварских королевствах, начавших

¹ *Carmina profana* – давно известное и устоявшееся в издательской традиции название сборника поэм нехристианской тематики (другой его заголовок – *Romulea*). Название *carmina Christiana* появилось скорее искусственно (см., например, Zwiernlein 2019). В любом случае необходимо понимать, что это разделение довольно условно и связано больше с тематикой, а не с идейным содержанием произведений. Показательно, что в номинально языческих поэмах исследователи иногда усматривают христианский смысл. См., например, van Zyl Smit 2010.

возникать в эту эпоху. Североафриканское королевство вандалов стало одним из первых таких государственных образований, и дискуссия о том, как в управлении им взаимодействовали представители римской и варварской элит, идет далеко не один год, успев совершить путь от превалирующей идеи об их конфронтации² до противоположной, об их симбиозе³.

Драконция в силу некоторых особенностей его биографии можно считать очень подходящей фигурой для продолжения этой дискуссии. Поэт, обладавший статусом «светлейшего мужа», *vir clarissimus*, и происходивший из семьи сенатора, с одной стороны, был близок к правящим кругам, а с другой — являл собой пример представителя старой римской знати, оказавшейся в условиях варварской оккупации⁴. При этом известно, что он подвергался преследованиям по политическим мотивам. Попав в немилость к королю Гунтамунду (484–496), Драконций был заключен в тюрьму, где провел несколько лет и написал адресованное тому покаянное письмо в стихах, известное под названием «Искупление» (*Satisfactio*)⁵. Предполагают, что и третья книга «Хвалы» по крайней мере частично также была написана в тюрьме⁶ — и это обстоятельство придает изучению текста дополнительную интригу.

Структура третьей книги *LD* довольно простая и ясная, в ней легко обнаружить несколько четко разделенных частей. Первую треть (строки 1–250) занимает обзор положительных примеров, взятых из Библии. Среди них Авраам, готовый заколоть своего сына Исаака; Даниил, брошенный в ров со львами; апостол Петр, сначала последовавший за Христом, отказавшись от прежней жизни, а затем принявший мученическую смерть. Все они жертвуют или готовы жертвовать за веру, а потому хороши. Далее Драконций переходит к персонажам, которые руководствуются иными мотивами и кого поэтому можно условно записать в *exempla scelegum*. Эта симметричная первой по объему часть занимает строки с 250 по 530 и делится еще на два блока. В первом из них говорится о героях античной мифологии/истории (250–467), во втором — отдельно о пожертвовавших собой женщинах, уже независимо от принадлежности к библейской или античной традициям (468–530). Наконец, остаток книги (и всей поэмы) занимают рассуждения автора о греховности всего человечества и его лично, а также обращенные к Богу мольбы о милосердии (531–755).

Простота композиции порой заставляет воспринимать этот текст как очень банальный и с точки зрения идейного содержания; как антиязыческий памфлет, построенный на прямолинейном противопоставлении библейских и античных примеров⁷. Однако разнообразие мотивов, которыми руководствуются персона-

² См. Courtois 1955; Diesner 1966.

³ См., например, Merrills, Miles 2009; Conant 2012; Whelan 2018.

⁴ Биография Драконция в целом хорошо реконструирована, см., например, Bright 1999, 193; Schetter 1994, 342.

⁵ См. об этом, например, Merrills 2004; Fielding 2017, 89–127.

⁶ В тексте третьей книги «Хвалы» есть указания на это (*LD* III. 597–721). Подробнее см. Moussy, Camus 1985, 28, 43.

⁷ См., например, Romano 1959, 53–73; Simons 2005, 115–155; Tommasi Morescini 2010, 308; Labarre 2015.

жи, и моделей поведения, особенно среди *exempla scelerum*, все чаще делает их объектом специального изучения. Например, начинают появляться работы, затрагивающие специфику женского ряда, *exempla (scelerum) feminarum*, чему мы, видимо, отчасти обязаны растущей популярности гендерной истории⁸, а отчасти тому, что этот ряд стоит в книге особняком, не подчиняясь общей логике повествования. В то же время предваряющий его отдельный языческий блок, обобщающий *exempla (scelerum) virogum*, демонстрирует как раз ядро этой логики и заслуживает, разумеется, не меньшего внимания. Работы, в которых специально анализировалась бы эта часть, только начинают появляться. Так, в 2019 г. вышла статья немецкой исследовательницы Зильке Дидерих⁹, где впервые констатируется неравнозначное положение римских героев, хотя в целом взгляд на «Хвалу» как на антиязыческий манифест сохраняется. В своей статье я также хотел бы сосредоточиться на соответствующем фрагменте (*LD III. 250–467*) и рассмотреть, как соотносятся разные его части и приведенные в них примеры.

Открывая этот ряд *exempla*, автор на первый взгляд не обещает сказать ничего хорошего ни про кого, уравнивая поступки «данайцев» и представителей «рода Квирина», о которых здесь в основном идет речь. Все они «запятнали руки» либо «кровью своих», либо самоубийством (*ausi omnes scelerare manus de morte suorum aut certe de strage sua*); все они действовали «ради своей славы и ради чужого владычества» (*pro laude sua, pro regno alieno – LD III. 257–261*).

При этом бросается в глаза, что посвященная квиритам часть занимает куда больший объем по сравнению со всем остальным. Если грекам Кодру, Менекею, Леониду, а также пунийцам братьям Филенам посвящено 70 строк (250–320), то, для того чтобы изложить сюжеты римской истории, Драконцию нужно вдвое больше места (далее, до 468 строки). Дело не просто в количестве приведенных примеров, которых в римской части больше: это Брут, Виргиний, Торкват, Сцевола, Курций, Регул, жители союзного римлянам Сагунта и нумантийцы, которые хотя и были противниками Рима, все равно важны в этой части как иллюстрация языческого периода римской истории. Если обратить внимание на риторичность Драконция, довольно быстро становится очевидным, что римские персонажи показаны в этическом смысле более сложными и неоднозначными, чем неримские, — и поэтому заслуживают подробного описания. Это заметно по целому ряду параметров: как поэт характеризует мотив идущих на жертву героев (в частности, а не в общем), как он оценивает оправданность этой жертвы, ее итог, и какие эпитеты он использует по отношению к своим персонажам.

Греческие герои по всем этим признакам предстают в самом черном свете. Самоубийство Менекея оценивается как недопустимое злодеяние, еще более страшное, чем убийство близких родственников (*LD III. 262: hoc facinus nec nomen habet*), а его следствием становится возможность для «дикого» (*ferus*) Креонта, отца героя, править Фивами — «царством фурий», *furiarum regna*, и проклятым

⁸ Например, в сборнике под редакцией Ф. Консолино и Дж. Херрин, посвященном женским персонажам Библии (Consolino, Herrin 2020), есть статья, где упоминается и о героинях *LD* (Stella 2020).

⁹ Diederich 2019.

местом, где власть может передаваться только таким образом (*LD* III. 263–271). Не больше сочувствия карфагенский поэт проявляет и по отношению к Кодру, мифическому царю Аттики, подстроившему свою гибель, чтобы его владения не достались дорийцам. Последний назван «тираном», примерившим «одежду раба» (*vestibus indutus famuli post arma tyranni* – *LD* III. 276–278). Подвиг спартанского царя Леонида, который Драконций пересказывает в известной по Диодору, Юстину и Орозию версии о никтомахии¹⁰, заканчивается резней, где все убивают друг друга, не разбирая своих и чужих. Автор в отличие от своих предшественников не оговаривает, что так повели себя именно персы, его формулировки можно отнести на счет обеих сторон¹¹.

Жертва Филенов оценивается не лучше. Братья дали закопать себя заживо, ради того чтобы киренянам не досталась пустынная земля, подходящая лишь для Медузы (*LD* III. 302) и сравнимая по привлекательности со скифскими болотами (*LD* III. 319–321). Мотивом же их поступка стал «жадный дух», *mens avara*, хоть они действовали и не в своих интересах (*LD* III. 298).

Первый из римлян в перечне *exempla virorum* – Луций Юний Брут (*LD* III. 321–339), сначала свергнувший Тарквиния и установивший в Риме республику, а затем умертвивший собственных детей (предотвращая их антиреспубликанский заговор). В истории с ним сразу обращает на себя внимание благородный мотив «любви к отчизне», *amor patriae*, в случаях с греками не замеченный¹². В его характеристике критические определения перемежаются с хвалебными. «Новому кошмару», *horror novus*, соответствует «новая любовь», *novus amor*; «нечестивому деятелю», *impius auctor*, «благочестивый гражданин», *pius civis*; «врагу потомков», *patis hostis*, «враг царей», *hostis regibus* – при том что с учетом контекста, в котором речь идет о Тарквинии, слово «царь» имеет отрицательную коннотацию.

Несмотря на то что детоубийство оценивается как безусловное злодеяние и преступление (*crimen, scelus*), отмечается, что допустивший его герой показывает не только худшие, но и лучшие примеры поведения (*optima nam vindex exempla ac pessima Brutus*). Кровавопролитие не мешает ему заслуженно носить титул «безупречнейшего мстителя за поруганную честь» (*puclitiae laesae castissimus ultor*) и «отца отечества» (*pater patriae*), да и само по себе становится поводом скорее не обвинить Брута, а посочувствовать ему как жертве обстоятельств и констатировать, что любовь к отчизне несладка, раз требует таких жертв.

Следующие герои и ситуации с ними изображаются в таком же духе. Хотя Виргиний (*LD* III. 344–361), убивший свою дочь, чтобы она не досталась Аппию

¹⁰ В этой версии битвы при Фермопилах Леонид с отрядом спартиатов напал на лагерь персов ночью, так что те, застигнутые врасплох и не сориентировавшись в темноте, стали убивать не только врагов, но и соратников. См. *Diod. XI. 9–10; Iust. 2.11; Oros. II. 9. 7–10.*

¹¹ Речь идет о строках 285–288, где точно не указан субъект нападения на своих. Переводчики и исследователи по-разному понимают это место (*Shea 1952, 33–34; Moussy 1988, 30; Simons 2005, 119–125, 150; Murray 2014*), иногда констатируя путаницу (*Gladhill 2016, 70*).

¹² Вопреки прежней латинской традиции, в которой отмечался патриотизм тех же Кодра и Менекея (*Val. Max. V. 6. pr.; V. 6. ext. 1; Cic. Tusc. I. 116; Stat. Theb. X. 760–770*).

Клавдию и чтобы не стать «дедом раба», *avus famuli*, и утрачивает свою *pietas*, действуя против природы, но его по крайней мере отчасти оправдывает то, что он руководствуется мотивом отстаивания «свободы» (*libertas*), «целомудрия» (*pudicitia*) и, «забыв о роде, не забывает о Городе» (*immemor generis factus non inmemor Urbis*). Торквата, который умертвил своего сына за то, что тот ослушался приказа, Драконций объявляет носителем пусть и «враждебного» <собственной крови>, но «благочестия» (*LD III. 384: sanguinis... pietas inimica*¹³).

Среди таких двойственных персонажей находится место даже для примера целиком положительного. Таковым оказывается Сцевола, который единственный смог остановить кровопролитие, действуя «безоружной рукой» (*manus inermis* — *LD III. 406*). Пожалуй, единственный римский герой, про которого Драконций не сообщает ничего хорошего и даже сочувственного, — это Регул, участник Первой Пунической войны, попавший в плен к карфагенянам и отвергший предложение об обмене на захваченных римлянами пунийцев. От своих предшественников он отличается тем, что не просто не подумал о жене и детях, но «презрел и Город» (*LD III. 426: Inmemor uxoris natos contempsit et Urbem*), а своим поступком («беспощадным соглашением», *inexorabile pactum*) обрек на смерть не только себя, но и ни в чем неповинных пунийских пленников.

Нельзя сказать, чтобы неравнозначность римских и неримских персонажей осталась незамеченной исследователями вовсе, но обычно ее объяснение не противоречит традиционному взгляду на «Хвалу» как на апологетическое произведение. Согласно ему Драконций одобрял лишь те поступки римлян, которые не противоречат христианской этике, а использовать примеры из языческой истории Рима в качестве отдельных положительных образцов не было чем-то особенным для христианской традиции: к этому приему прибегали Тертуллиан, Лактанций, Амвросий, Августин и другие¹⁴.

Однако некоторые рассуждения, возникшие в тексте, ставят под сомнение исключительность религиозной подоплеки в оправдании (пусть и частичном) жертв во имя *patria*, *libertas*, *pudicitia* и прочих традиционных римских ценностей.

Еще до греко-римской части третьей книги «Хвалы», говоря о потомстве Авраама и Исаака, Драконций проводит важную границу — разделяет римское и варварское, связывая первое с наследием младшего и добропорядочного сына Исаака, Иакова, а второе — с именем Исава, старшего сына, от которого пошли иду-меи, враги народа Израиля.

Что, как читают, стало наградой для отца, Авраама, что для Исаака? Их потомство наполнило народами мир. Не одно только варварство восходит к праведному роду — и римская ветвь стала тем, что пошло от разлившейся (= распространившейся [по миру]) крови. Старший брат [Исав] порождает племя дикое и врагов, а младший [Иаков] произвел на свет нас, любящих мирные дела.

LD III. 144–149: Quid pater Abraham, quid Isac meruisse leguntur? / Horum posteritas replevit gentibus orbem. / Barbaries nec sola datur de germine iusto / et Romana manus

¹³ Об использовании здесь родительного вместо дательного падежа как типичном для Драконция приеме см. Moussy 1988, 93.

¹⁴ Simons 2005, 145–146; Diederich 2019, 267–268. В таком ключе говорят обычно о Драконциевом Сцеволе.

hoc est de sanguine fusa. / Dat major gentile genus germanus et hostis / et minor eduxit nos munera pacis amantes.

Обычно исследователи и переводчики текста Драконция рассматривают этот фрагмент в привычном контексте религиозной полемики, понимая *genus gentile* как «языческое племя», а «нас, любящих мирные дела» (или просто «любителей мира», *pacis amatores* – LD III.151) – как христиан, в противовес язычникам¹⁵. Римляне внутри получившейся проекции приравниваются к людям правильной веры, а варвары – неправильной, и конфессиональная принадлежность рассматривается как главный маркер противопоставления.

Нельзя сказать, чтобы такая трактовка вообще не имела права на существование применительно к тексту конца V в., но именно здесь она, на мой взгляд, ошибочна. Дальнейший ход повествования показывает, что слово *gentilis* было употреблено в указанном случае вне религиозного контекста, а как обозначение дикого, варварского и неримского¹⁶, и под римлянами понимались римляне в собственном смысле слова.

Неожиданным образом «любовь к миру» римлян воплощается в финальной части блока *exempla virorum*, где речь идет об осаде Нуманции Сципионом (LD III. 454–467). Примером дурного поведения здесь служат нумантийцы, перебившие друг друга, чтобы не сдаваться противникам, а римляне – причем, очевидно, язычники, так как речь идет о событиях II в. до н.э., – являют собой образец милосердия и миролюбия.

Безрассудством, по словам Драконция, было бояться «ига римского сената» (*iuga Romani senatus*), так как «победитель любит щадить» (*parcere victor amat*), «добиваться триумфов равным образом военных и мирных» (*pacis et armorum similes portasse triumphos*); римляне скорее ведут войны, чтобы обеспечить своим оппонентам безопасность и процветание впоследствии, чем чтобы их покарать (*invenire magis, cui dent post bella salutem, quam bellis punire volunt*).

История Регула тоже вписывается в эту концепцию. Своим поступком он не только нарушает христианские нормы, но действует против основ римской политики милосердия. Его случай можно рассматривать как необходимый антипример, исключение, подтверждающее правило: римляне миролюбивы по природе и стоят по крайней мере на ступень выше представителей неримских народов – греков, карфагенян, тех же нумантийцев. Именно так выглядит градация Драконциевых *exempla virorum*. Взгляд на остальное творчество поэта, в частности, упомянутые *carmina profana*, убеждает в том, что это особенность не только одного отдельно взятого произведения.

В «Контроверсии о статуе храброго мужа» доримский Карфаген противопоставляется римскому как пространство дикости и жестокости, подчиненное культуре Ваала с кровавыми жертвоприношениями. Исправить ситуацию в нем помогло

¹⁵ Shea 1952, 20; Moussy 1988, 23

¹⁶ В подобном этническом смысле, как антитеза римскому, этот термин встречается в позднеримской литературе, например у Аммиана Марцеллина в описании враждебных Риму племен (XVI. 12. 65; XVIII. 2. 13. Подробнее см. Edbrooke 1975, 414).

только римское завоевание, причем римляне вновь (как и в случае с Нуманцией в «Хвале Господу») отмечены как образец милосердия со стороны победителей¹⁷.

Антипатию же Драконция к греческим героям, проиллюстрированную в «Хвале» примерами Менекея, Кодра и Леонида, можно считать для его творчества едва ли не системным явлением. Она хорошо видна в «Размышлении Ахилла, выдать ли ему за выкуп тело Гектора», где Ахилл показан чрезмерно жестоким, отказываясь выдать Приаму труп поверженного врага, а все сочувствие автора — на стороне троянцев. Весь пафос произведения выдает скорее раздражение по отношению к врагам мифических предков римлян, чем недовольство христианина язычниками. Похожий настрой можно обнаружить и в мифологических поэмах «Медея» и «Трагедия Ореста»¹⁸. Все, что связано с чем бы то ни было греческим, будь то сами персонажи или пространство, в котором они действуют¹⁹, ассоциировано с абсолютным злом. Сюжет строится вокруг предательства (Ясон в «Медее» уходит от главной героини к Главке; Клитемнестра участвует в заговоре против Агамемнона в «Трагедии») и кровавой расплаты за него, с акцентом на том, что мстящие персонажи учиняли расправу над своими близкими, т. е. братоубийственное поведение им не чуждо²⁰.

В такой агрессивной проримской/протроянской риторике, с унижением представителей других народов, Драконций мог ориентироваться на вполне классические образцы, причем не обязательно только поэтические. Помимо Вергилия, чей протроянский пафос в «Энеиде» очевиден, уместно вспомнить сравнения римлян и греков, отнюдь не в пользу последних, у Саллюстия (*Cat.* 8. 1–5) или Цицерона (*Tusc.* I. 1–2²¹). Но вряд ли эта риторика была для Драконция чем-то умозрительным. Ее связь и с жизненными обстоятельствами поэта, и с особенностями политического климата, в котором он находился, видна в самом раннем его произведении, посвящении учителю Фелициану Грамматику. Здесь Драконций говорит о противостоянии «римлян» и «варваров», оказавшихся внутри одного учебного класса — где учился он сам, а учителем был Фелициан. «Варвары», под которыми, как ясно из контекста, имеются в виду вандалы, сравниваются с дикими, кровожадными хищниками (*fera, cruenta bestia*), а римляне — с травоядными, которые вынуждены с ними уживаться (*Romulea* I. 1–12).

¹⁷ *Romulea* 5 (= *Controversia de viri fortis*): 115–117, 144–151. Подробнее об этом см. Nikolsky 2019, 107.

¹⁸ Об антигреческой полемике Драконция в мифологических поэмах см. подробнее Nikolsky 2020.

¹⁹ В каком-то смысле поэт даже стужает краски, например, перенося действие «Медей» в Фивы, город, плотно укоренившийся как символ бед еще в классической античной традиции. См. об этом Malamud 2012, 186.

²⁰ См. подробнее Nikolsky 2020. Любопытно, что в смысле идеи о недопустимости убийства родственников мифологические поэмы перекликаются и с «Хвалой».

²¹ Объектами подобного сравнения в «Тускуланских беседах» становятся в том числе Кодр, Менекей и Леонид (ср. прим. 12). Несмотря на то что Цицерон отличным от Драконция образом оценивает их жертву, среди соотечественников он находит больше подобных положительных примеров.

Любопытно, что в одной из недавних работ, посвященных проблеме взгляда на римлян в «Хвале», статье З. Дидерих, существование этой антивандальской риторики в посвящении Фелициану отмечается²², но связь между ним и третьей книгой «Хвалы» не усматривается. На мой взгляд, эта связь есть и демонстрирует разные грани римского патриотизма Драконция как идеи приверженности к тому гражданскому коллективу, который существовал в Северной Африке до прихода вандалов. Один раз противопоставив римлян варварам при помощи аллегории с животными, поэт и в дальнейшем не отказался от этой идеи, используя для ее демонстрации в том числе и квазибогословскую риторику.

«Любящие мир» римляне в ней возводятся к Иакову, подобно двенадцати коленам Израилевым, и оказываются сродни богоизбранному народу. Их оппоненты, или, точнее, противопоставленные им в качестве варваров и дикарей все остальные, подобно библейским идумеям, оказываются потомками Исава.

Если эта интерпретация верна, то политический подтекст третьей книги «Хвалы», видимый сквозь мифологические и исторические примеры, отличается от того, который в ней обычно усматривается. Вряд ли вероисповедание вообще не играло никакой роли для автора богословской поэмы: очевидно, что римлянин-христианин имел в его глазах преимущество перед римлянином-язычником. Но за пределами того, что Драконций относил к римскому миру, эта иерархия уже не работала. Христианство вандалов (тем более принятое в арианском варианте) вряд ли играло какую-то роль — ведь варвар всегда остается варваром.

Для наших представлений о Драконции это может означать, что римский патриотизм не только не уступал христианству в его системе приоритетов, но не был сломлен даже тюремным заключением — несмотря на просительный характер посвященного вандальскому королю «Искупления»; а для наших представлений о римско-вандальских отношениях — что зачастую они были очень напряженными, и устоявшееся в литературе мнение о срачивании представленных римлянами и вандалами политических групп в духе мультикультурализма по крайней мере нельзя считать универсальным и применимым ко всем случаям их взаимодействия.

Литература / References

- Bright, D.F. 1999: The chronology of the poems of Dracontius. *Classica et Mediaevalia. Revue danoise de philologie et d'histoire* 50, 193–206.
- Conant, J. 2012: *Staying Roman. Conquest and Identity in Africa and the Mediterranean, 439–700*. Cambridge—New York.
- Consolino, F.E., Herrin, J. (eds.) 2020: *The Early Middle Ages*. (Bible and Women, 6.1). Atlanta.
- Courtois, C. 1955: *Les Vandales et l'Afrique*. Paris.
- Diederich, S. 2019: Dracontius auf Konfrontationskurs: Widerständige Positionen in *De laudibus Dei*. In: K. Pohl (Hrsg.), *Dichtung zwischen Römern und Vandalen. Tradition, Transformation und Innovation in den Werken des Dracontius*. Stuttgart, 261–272.
- Diesner, H.-J. 1966: *Das Vandalenreich. Aufstieg und Untergang*. Leipzig.
- Edbrooke, Jr. R.O. 1975: Constantius II and Hormisdas in the forum of Trajan. *Mnemosyne* 28/4, 412–417.
- Fielding, I. 2017: *Transformations of Ovid in Late Antiquity*. Cambridge.

²² Diederich 2019, 261–262.

- Gladhill, B. 2016: *Rethinking Roman Alliance. A Study in Poetics and Society*. Cambridge.
- Labarre, S. 2015: Dracontius et les 'crimes' des héros païens: historiographie, quête du salut et drames humains. In: É. Wolff (éd.), *Littérature, politique et religion en Afrique vandale*. Paris, 229–242.
- Malamud, M. 2012: Double, double: two African Medeas. *Ramus. Critical Studies in Greek and Roman Literature* 41, 1–2: *Roman Medea*, 161–189.
- Merrills, A.H. 2004: The perils of panegyric: the lost poem of Dracontius and its consequences. In: A.H. Merrills, *Vandals, Romans and Berbers: New Perspectives on Late Antique North Africa*. Burlington, 145–162.
- Merrills, A.H., Miles, R. 2009: *The Vandals*. Oxford.
- Moussy, C., Camus, C. 1985: *Dracontius. Œuvres*. T. I. *Louanges de Dieu, Livres I et II*. Paris.
- Moussy, C. 1988: *Dracontius. Œuvres*. T. II. *Louanges de Dieu, Livre III. Réparation*. Paris.
- Murray, J. 2014: Dracontius (LD3.279–95) and the source of the Thermopylae nyktomachia. *Classical Quarterly* 64 (1), 399–401.
- Nikolsky, I.M. 2019: [The image of Carthage in political ideology of the Vandal Kingdom. 'The Homeland of Asdingui' or a 'Phoenix Risen']. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii [Aristeas. Journal of Classical Philology and Ancient History]* 20, 104–113.
- Никольский, И. М. Образ Карфагена в политической идеологии вандалского королевства: «мать Асдингам» или «возрождающийся Феникс»? *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* 20, 104–113.
- Nikolsky, I.M. 2020: [Dracontius' mythological poems and the conflict of political elites in Vandal Africa]. *SHAGI [STEPS]* 6 (2), 102–117.
- Никольский, И. М. Мифологические поэмы Драконция и конфликт политических элит в вандалской Африке. *ШАГИ* 6 (2), 102–117.
- Romano, D. 1959: *Studi Draconziani*. Palermo.
- Schetter, W. 1994: Über Erfindung und Komposition des 'Orestes' des Dracontius. Zur spätantiken Neugestaltung eines klassischen Mythos. In: O. Zwielerlein (Hrsg.), *Willy Schetter. Kaiserzeit und Spätantike: kleine Schriften 1957–1992*. Stuttgart, 342–369.
- Shea, T.J. 1952: *Liber III Dracontii 'De Laudibus Dei' with Introduction, Text, Translation and Commentary*. M.A. Thesis. Villanova University.
- Simons, R. 2005: *Dracontius und der Mythos. Christliche Weltansicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike*. Leipzig.
- Stella, F. 2020: The women of the Old Testament in early Medieval poetry: Judith and the others. In: F.E. Consolino, J. Herrin (eds.): *The Early Middle Ages*. (Bible and Women, 6.1). Atlanta, 231–258.
- Tommasi Morescini, Ch.O. 2010: Roman and Christian history in Dracontius' *De Laudibus Dei*. In: J. Baun, A. Cameron, M.J. Edwards, M. Vinzent (eds.), *Papers Presented at the Fifteenth International Conference on Patristic Studies held Oxford, 2007*. (Studia Patristica, XLIV–XLIX). Leuven–Paris–Walpole, 303–308.
- van Zyl Smit, B. 2010: The amorous queen and the country bumpkin: Clytaemestra and Egistus in Dracontius' *Orestis tragoedia*. *Akroterion* 55, 25–36.
- Whelan, R. 2018: *Being Christian in Vandal Africa: The Politics of Orthodoxy in the Post-Imperial West*. Oakland.
- Zwielerlein, O. 2019: *Die 'Carmina Christiana' des Dracontius. Kritischer Kommentar*. Boston–Leiden.

ПАМЯТИ Ю.Г. ВИНОГРАДОВА (13.VI.1946 — 29.V.2000)

В этом году мы отмечаем 75 лет со дня рождения Юрия Германовича Виноградова, выдающегося специалиста по эпиграфике Северного Причерноморья. В СССР, а затем в России он был самой крупной фигурой своего поколения в этой сложной области, требующей высокой квалификации в самых разных дисциплинах антиковедения — филологии, лингвистике, истории и археологии. Именно с его именем связано возвращение российской эпиграфики на мировой уровень и признание ее достижений коллегами во всем мире. Заслуги Юрия Германовича очень велики, и все же ему удалось сделать гораздо меньше, чем он мог бы, если бы судьба была к нему благосклоннее. Он погиб очень рано: в этом году мы отмечаем не только его юбилей, но и 21-ю годовщину смерти. Юрий Германович в течение всей своей жизни был тесно связан с «Вестником древней истории» и как автор, и как член редколлегии, и как ответственный секретарь и заместитель главного редактора. Поэтому естественно, что ученики, друзья и коллеги Юрия Германовича решили почтить его память подборкой статей, опубликованных на страницах нашего журнала.

DOI: 10.31857/S032103910016266-5

УРОКИ Ю.Г. ВИНОГРАДОВА

Наше знакомство произошло, когда Юрий Германович начал давать мне частные уроки древнегреческого. Этому предшествовала фраза, оброненная Д. Б. Шеловым годом ранее в разговоре со мной: «Хочешь серьезно заниматься античной историей и археологией – изучай классические языки; наши учителя (он имел в виду прежде всего Б.Н. Гракова и В.Д. Блаватского. – Ф. Ш. -К.) ими владеют, а наше поколение – нет, и это очень мешает нам в работе».

По счастью, в ГМИИ им. А. С. Пушкина, где трудилась моя мама А. Г. Сакович, незадолго до того был принят и вел занятия любимого мною музейного археологического кружка давний друг Ю. Г. Виноградова И. Р. Пичикян. Он-то и познакомил нашу семью, как он сказал, с Баронетом (это прозвище было присвоено однокашниками еще студенту Юрию Виноградову за то, что, не имея никакого формального отношения к дворянскому сословию, он с молодых ногтей отличался глубоким аристократизмом духа и манер). Так с осени 1970 года я стал раз в неделю после школы появляться на Песчаной улице в районе метро «Сокол».

И с тех пор вот уже более 50 лет моя жизнь осенена присутствием – без всякого преувеличения – великого человека. Такое мое к нему отношение порой давало повод к подтруниванию – добродушному либо не очень – некоторых коллег по экспедициям, где нам с ним довелось вместе бывать.

От него я получил немало фундаментальных наставлений. Прежде всего, я навсегда запомнил, что так называемые «мертвые» языки, на самом деле, – *живой*, непрерывно развивающийся, организм, чуждый школярскому доктринерству и постоянно обновляемый за счет материала, доставляемого надписями и папирусами. А потому обучение должно приводиться в соответствие с единственно полностью аутентичными надежными данными эпиграфики и папирологии, но не наоборот. Чуть позже я усвоил, что каждый выпуск Bulletin épigraphique Луи Робера надобно подробно изучать целиком, не ограничиваясь тематикой текущих интересов. В остальном полученные мною уроки можно условно (настолько они переплетены) разделить на две группы – человеческую и профессиональную. Начну по порядку, ибо первая ярко окрашивает все, что происходит во второй.

Ю. Г. Виноградов принимал жизнь, как она есть: в полном соответствии с Тацитовой рекомендацией – *sine ira et studio*. Однако это вовсе не означало для него всепрощенчества. На нечистоплотность или не соответствующее квалификации самомнение он отвечал ледяной холодностью.

Проповедуя открытость, он и сам был ее примером. Предпочитал ошибиться в человеке, чем не подпускать того к себе, оскорбляя подозрением. Широта души и, соответственно, бескорыстного общения его была невероятной. Увы, здесь его ждала масса разочарований. Нередко бывало, что им хотели просто воспользоваться – либо талантом, либо статусом уважаемого члена редколлегии ВДИ. Обманутые ожидания были (наряду с веселым нравом, делавшим его душой многочисленных застолий) одной из главных причин развития у него обычного русского недуга.

Юрий Германович не был *формально* верующим. Но меня никогда не покидало чувство, что живет он в ощущении предстояния перед высшим судьей. Известно, что наука сама по себе не производит этику. Именно поэтому он не только говорил, что в ней важно нравственное поведение, но и придерживался его. Сам щедро делясь россыпями своих блестящих идей, он не то что никогда не присваивал себе чужих, но радовался, как ребенок, когда находил иной взгляд более убедительным. Тем более он никогда не пользовался своим мощным административным ресурсом: не торпедировал публикацию чуждого ему мнения, а вступал в открытую дискуссию.

Прикладывал максимум усилий к тому, чтобы потенциал того, в ком он увидел искру Божию, раскрылся полностью: вплоть до того, что, редактируя, лично кардинально дорабатывал при- сланный материал.

Вообще наука для него была храмом. Где надо *служить* и жить по совести, не останавливаться в своем развитии, не «бронзоветь» и безостановочно искать единственного, что доступно смертному, — правды. Которая (в отличие от истины, принадлежащей Богу) подвержена изменениям. Потому он не принимал заскорузлость и ни во что не ставил шаблоны.

От него я перенял умение моментально концентрироваться и быстро просчитывать все возможные варианты результата. *Служение* требует чистоты помыслов и поступков. Для него оно имело не менее ритуальный смысл, чем для клирика. Он учил меня, что в науке допустимы только самоотверженная собранная систематическая целеустремленная работа, широта мышления, многогранность, открытость новому, принятие решения на основе всестороннего изучения суммы разнообразных данных. Нельзя мельтешить, интриговать, шкурничать, преследовать выгоду, суетиться, «воспарять» — его выражение — над другими, самолюбоваться. Не может быть компромисса с теми, кто небрежен, тщеславен, поверхностен, ленив, жалеет себя и стремится во что бы то ни стало «застолбить» свое первенство. Например, в ущерб качеству, скоропалительно протолкнуть, «тиснуть» материал. В таком отношении к делу была причина его резкого расхождения с его «заклятым другом».

Приоритет самовыражения («я в науке»), вещание *ex cathedra*, личная заносчивость — даже когда речь шла о несомненных авторитетах — неизменно вызывали у него суровое отторжение. Он считал, что признание и любые награды, звания, должности, зарубежные стажировки и проч. нельзя принимать как нечто вполне заслуженное (а тем более — само собой разумеющееся). Он смотрел на них скорее как на явленную свыше милость.

Будучи учеником Б. Н. Гракова, питая подчеркнутый пиетет к А. В. Никитскому и тесно общаясь с такими выдающимися ленинградцами, как А. Н. Карасев, Е. И. Леви, А. И. Доватур, Ю. В. Андреев, А. И. Зайцев, Б. Б. Пиотровский, Я. В. Доманский, А. Н. Щеглов, А. М. Гилевич, К. К. Марченко, Н. В. Шебалин, Н. Н. Казанский, А. К. Гаврилов, К. С. Горбунова, И. Б. Брашинский, Н. Л. Грач, Н. С. Белова и др., он скептически относился к любителям многозначительно порассуждать о петербургской и московской школах. Справедливо (впрочем, как и все поименованные) полагая, что, вне зависимости от геолокации, существуют лишь наука и не-наука, а на прочее подчеркнуто упирают, за неимением иных аргументов, провинциально мыслящие и не слишком одаренные люди.

Что до полученных мною эпиграфических знаний и навыков, то здесь мне даже нет нужды что-либо специально вспоминать. Еще в 1978 году в выпущенном издательством «Наука» под редакцией В. Т. Пашуто сборнике «Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР» покойный опубликовал обширную — на тридцать страниц (46–75) мелким шрифтом — статью «О методике обработки греческих эпиграфических памятников (по ольвийским материалам)». В ней он кратко изложил незыблемые принципы ремесла.

Можно было бы ограничиться простой ссылкой на нее — она легко доступна в Интернете, — если бы все, кто начал активно издавать и интерпретировать надписи после смерти Ю. Г. Виноградова, относились к названной «методичке» с должным вниманием и не считали для себя возможным несколько легкомысленно смотреть на сформулированные там рекомендации, будто на личные предположения автора. Тот же собрал воедино и проиллюстрировал конкретными примерами лишь те правила, которые считали и считают обязательными *все* профессионалы, не исключая корифеев эпиграфической дисциплины — Адольфа Вильгельма и Луи Робера. Поэтому, наверное, основные мысли этой работы нелишне кратко перечислить — и нынешних, и будущих публикаторов ради.

Вот к чему нас призывает, вслед за титанами, Юрий Германович. И это — не пожелание. Это — выстраданный поколением ученых императив.

1. Категорически требуется работать с оригиналом. На худой конец (как иногда позволяли себе А. Вильгельм и Л. Робер) — с эстампажем или латексным слепком. Особенно это актуально, когда текст фрагментирован. Без таких возможностей эпиграфисту лучше воздержаться от исследования.

2. Пользоваться взамен «живой» надписи ее фотографиями, прорисовками и т. д. допустимо, только если она утрачена или хранится в частной коллекции, к коей нет доступа. Но

тогда и высказывать суждения можно (как показывают промахи даже В. В. Латышева: см. *КБН* 1237, 1254...) лишь с крайней осторожностью, не делая окончательных выводов.

3. Документ сначала должен быть изучен как *памятник*: его материал, типология, габариты, конфигурация изломов, характер использования полезной площади и плотность букв в строке, топография, археологический контекст находки и ее исторический фон. Если рассматривается граффито, то – тип и датировка сосуда/черепка (и рисунка на нем, если он есть), на который оно нанесено, качество лака (при его наличии), особенности почерка в разные периоды и в различных регионах.

4. При объединении обломков (особенно если они не в контакте) существенную роль играет оформление текста и его носителя, размер и формы букв, манера письма.

5. Важно высчитывать не столько общую длину строки, сколько размер лакун, учитывая «узкие» литеры (*йота* и проч.). Арифметика эпиграфики имеет первостепенное значение. Не может быть так, чтобы разница в количестве пропавших знаков в строках (особенно – соседних) была значительной, тем более – стремилась к десятку/ам.

6. Необходимо строго подходить к выбору аналогий. Тут подстерегают две опасности: излишне узкий взгляд на них и, наоборот, неразборчивость в поиске параллелей.

7. Принципиальна *филологическая* критика текста. А именно знание форм диалектов и языковых норм той или иной эпохи, учет действительной функции члена на вотивных предметах, разумная готовность к встрече с нестандартными лексикой и оборотами (и внимание к ним) и т. п.

8. Не следует смешивать содержание и текст надписи, они не равнозначны. Определение конструкции (включая принципы переноса), структуры и формул (недопустимо забивать в лакуну все, что только о них известно) текста – наиболее надежный путь к пониманию содержания, страхующий от пагубных для науки экспериментов с восстановлениями.

9. При выборе реконструкции нельзя исходить как из односторонних представлений, априорных установок и впечатлений, так и из произвольно выбранных аналогов. А также увлекаться дополнениями *exempli gratia*.

10. Не следует путать эпиграфику и нарративную традицию. Формулы документов меняются во времени. Их изучение, наряду с точным пониманием хронологии археологического слоя (кроме мешаного или вторичного), имеет для датировки намного больший вес, чем форма букв.

11. Надпись не может изучаться «как вещь в себе, необходима постоянная» прямая и обратная «корреляция эпиграфики с другими дисциплинами: археологией, нумизматикой, исторической географией и т. д.». Ведь «эпиграфические исследования <...> не просто игра ума», они «имеют конечной задачей воссоздание исторической картины того или иного региона в определенную эпоху».

12. «Главное условие», с учетом существенной автономности использования допустимых приемов, – «*комплексное* (курсив мой. – Ф. Ш.-К.) применение по возможности большего числа методов», в зависимости от сохранности документа и его конкретной специфики. Только так эпиграфист способен выполнить свою миссию – раскрыть памятник как полноценный исторический *источник*.

Fedor V. Shelov-Kovedyayev,
independent researcher, Moscow, Russia
E-mail: shel-kov@yandex.ru

Ф. В. Шелов-Коведяев,
к. и. н., независимый исследователь,
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S032103910013863-2

RHODES BEFORE THE SYNOECISM AND THE CULT OF ZEUS ATABYRIOS

Alain Bresson

The University of Chicago, Chicago, USA

E-mail: abresson@uchicago.edu

ORCID: 0000-0002-6622-2533

The question has been asked whether there already existed a federal state regrouping the three Rhodian cities in the Archaic and early Classical period, before the start of the process of unification of the Rhodian cities at the end of the fifth century BCE. This essay argues that although the existence of a formal Rhodian federal state remains unproven, there existed other institutional structures that linked the three Rhodian cities. They shared a common membership in the Hellenion of Naucratis in Egypt, a sanctuary that was managed by nine cities of western Asia Minor on the model of an amphictiony. The organization of their common cult of Zeus Atabyrios also had the characteristics of an amphictiony. A new restoration of an early Hellenistic dedication of the attendants of the cult proves the existence at that time of a rotating priesthood of this god between the three cities. This may suggest that such a system existed already before the synoecism and even that the organization of the common priesthood of Halios, the cult of the unified Rhodian state, was modeled on that of the previous organization of the cult of Zeus Atabyrios.

Keywords: Rhodian unification, synoecism, amphictiony, federal state, Zeus Atabyrios

РОДОС ДО СИНОЙКИЗМА И КУЛЬТ ЗЕВСА АТАБИРИЯ

А. Брессон

Университет Чикаго, Чикаго, США

E-mail: abresson@uchicago.edu

Автор статьи рассматривает вопрос, существовало ли федеративное объединение трех родосских городов в позднеархаический и раннеклассический период, до начала процесса синойкизма родосских полисов в конце V в. до н.э. В статье отстаивается точка зрения, согласно которой, хотя существование формального родосского федеративного государства остается недоказанным, в этот период существовали другие институциональные структуры, объединявшие три родосских города. Так, их объединяло совместное участие в Эллинии Навкратиса в Египте, святилище, которым управляли девять городов Западной Малой Азии по модели амфикистии. Организация общего культа Зевса Атабирия также имела характеристики амфикистии. Новое восстановление раннеэллинистического посвящения служителей культа доказывает, что в то время имела место своего рода ротация жрецов этого бога между тремя городами. Это может означать, что такая система существовала еще до синойкизма, и даже что организация единого жречества Гелиоса, главного божества объединенного родосского государства, копировала более раннюю модель культа Зевса Атабирия.

Ключевые слова: объединение Родоса, синойкизм, амфикистия, федеративное государство, Зевс Атабирий

Talking inscriptions with Yuri Vinogradov was always a fascinating experience. Having such a discussion in the freezing basement of the lapidarium at the Novodevichy Convent at the end of a Moscow winter was also a test of endurance. I do not remember whether that day we mentioned in our conversation the dedication from Neapolis Skythica to the Rhodian god Zeus Atabyrios, but we might well have¹. In any case, this inscription is only one among the many documents illustrating the close relations established between Rhodes and the Black Sea in antiquity, thus unwittingly prefiguring the friendship that was to come to exist between the modern scholars working on these two regions. It also provides the link that will allow me to dedicate this essay to the memory of our distinguished colleague.

The process of political unification of the three cities of Rhodes, Ialysos, Camiros and Lindos, was started in the winter of 411 BCE. Until this moment, the cities of the island were in the Athenian alliance and had democratic regimes. But, as explained by Thucydides (VIII. 88. 1–4), following its victory at Syme over an Athenian contingent the fleet of the Lacedaemonian navarch Astyochos set sail for Rhodes. The Lacedaemonians were invited by the local oligarchic party in Rhodes, whose prominent members, such as the Diagorid family at Ialysos, were by then in exile². Landing at Camiros, they summoned the people of the three cities and persuaded them to join them in their fight against Athens. The consequence of these events was that oligarchic regimes replaced democracies. Until then, Rhodes was not a unified state. It was precisely in 411 that the three cities formed a common federal state.

This can be implied from a proxeny decree found at Lindos for an Egyptian interpreter from Naucratis, in Egypt, which mentions that the *honorandus* would be “*proxenos* of all the Rhodians”, a formula characteristic of federal states³. Still in 408, according to

¹ *IOSPE*³ III. 594: Διὶ Ἀταβυρίῳι Ποσίδεος Ποσιδέου | χαριστήριον (middle – second half of second century BCE on the basis of paleography by I. Makarov).

² On the Diagorids see Bresson 1979, 149–161.

³ *I. Lindos* 16 (with Bresson 1980, 300–307 [= 2000, 28–36], and Demetriou 2012, 126–128). That Rhodes was in this period a federal state was the brilliant hypothesis of Kinch

Diodorus (XIII. 70. 2), Lysander received the help sent “by the cities of Rhodes”. However, the Athenian pressure remained very strong⁴. It is certainly to reinforce their political structure that the Rhodians decided to make a new step, that of the fusion of their three cities into one, homonymous to the island. The date of the Rhodian synoecism referred to by Diodorus (XIII. 75. 1) and Strabo (XIV. 2. 6–11) has been fixed to the end of 408 BCE⁵. In the following year (407), the Rhodians inaugurated the priesthood of Halios, their eponymous god⁶.

This is the story as it is commonly told and accepted by most scholars. However, an alternative scenario has been suggested by V. Gabrielsen⁷. For him, there existed a federal Rhodian state already before 411. The proxeny decree for an Egyptian interpreter at Naucratis assigned by Kinch to the period 411–408 BCE, which clearly refers to a Rhodian federal state, could also be dated to before 411 or after 408 (probably rather after 408 but a similar decree could have been passed before 411)⁸. Gabrielsen puts a strong emphasis on the use of the ethnic *Rhodos* (on both a collective basis and for individuals)⁹. Instead of a radical transformation that would have taken place all at once in 408/407 BCE, the fusion of the three cities into one state would have been only a slow process extending over a long period. The downgrading of the councils, *boulai*, of the three former cities into local councils of *mastroi* or the creation of the deme system would have taken place long after 408/407. Even the creation of the common priesthood of Halios would not have taken place before 358 BCE¹⁰.

Without any doubt, this thought-provoking article forces us to reexamine a series of questions relating to the formation process of the Rhodian state. The extreme poverty of the epigraphic dossier from fourth-century BCE Rhodes does not allow us to document the history of Rhodes in this period. But the view that the priesthood of Halios was only introduced in 358 cannot be accepted, if only because the unified Rhodian coinage introduced in 408/407 BCE has the head of the god as its main type on the obverse, a view that everyone accepts and that R. Ashton’s studies on Rhodian coinage have also reinforced¹¹. Besides, the names mentioned in the initial part of the list of the priests of Halios fit perfectly with a date in 408/407 BCE¹². If indeed Gabrielsen has brought forward a series of arguments in favor of the view that the inscription of the Rhodian federal state could be dated before 411 or after 408/407 (whether or not we accept his view is

in: Blinkenberg, Kinch 1905, 34–48. The fact that the decree was passed by a council alone, not by a popular assembly, fits well with both the structures of a federal state and with a period of oligarchic regime, although this view has been challenged (see below and n. 13).

⁴ On the context of the synoecism, see Wiemer 2002, 53.

⁵ The date has been fixed to October 17th, 408 by Badoud 2015, 23 (see also p. 163 on the question of the date of the synoecism).

⁶ Badoud 2015, 23.

⁷ Gabrielsen 2000.

⁸ By contrast, there is no doubt about the date of the *I. Lindos* 16 app. (Bresson 1980, 300–301 [= 2000, 27–28]; Demetriou 2012, 124–126), a proxeny decree of the city of Lindos dating to before 411 (Lindos was a democracy when the decree was passed).

⁹ Gabrielsen 2000, 181–183.

¹⁰ Gabrielsen 2000, 187, 202, n. 49.

¹¹ Ashton 2001, 79–82 for the earliest coinage of Rhodes.

¹² Badoud 2015, 23 and 159 for the date.

another matter), he has not disproved (and admittedly does not claim to have) Kinch's hypothesis on the date of the decree referring to a Rhodian federal state, which could well remain fully valid¹³.

Only a long and detailed study could allow us to examine all the points that have been made by Gabrielsen. It suffices here to say however that the existence of a formally fully organized federal state before 411, with a permanent common council, magistrates, regular common assemblies and one single common ethnic in all circumstances for Rhodian individuals in foreign territories, remains unproven. But, indeed, it is also clear that beyond episodes of occasional cooperation (for colonization or for military expeditions) there existed before the synoecism institutional links between the three Rhodian cities, although in themselves these links did not imply the existence of a formally established federal state¹⁴.

Even before the synoecism, the Rhodian cities entertained mythical bonds with one another¹⁵. Homer mentions that the hero Tlepolemos led nine ships to Troy arriving from the three cities of the island (*Il.* II. 653–670). For Pindar (*Ol.* VII. 60–76), Halios had begotten seven sons with goddess Rhodos, and one of them begat “Camiros, Ialysos the eldest, and Lindos”, each settling separately. The three cities bearing their names were thus supposed to be tied by close kinship links. But this close relationship also manifested itself in the fact that according to Herodotus (II. 178. 1–3), Rhodes, as a common entity, was one of the nine *poleis* of western Asia Minor that were in charge of the management of the Hellenion of Naucratis, founded in the 560s by Pharaoh Amasis. The *emporion* was managed by chief administrators named *prostatai* who were designated by the cities. Thus, the management of the Hellenion, which was still in existence in Herodotus' time, had all the characteristics of an amphictyony. For Rhodes, the system supposes direct collaboration between the three cities to designate the *prostatai* (“presidents”) of the *emporion*¹⁶. Besides, there existed clear similarities (with admittedly also true differences) between the coinages of the late Archaic and fifth-century Rhodian

¹³ Gabrielsen 2000, 179 and 200, n. 9 considers that the existence of a decree of the Rhodian *boula* (alone) from the Hellenistic period, when Rhodian democratic institutions were fully operative, disproves the view that the proxeny decree of the *boula I. Lindos* 16 would have been voted in a period of oligarchic government. Indeed, it was routine for a council to vote decrees on its own. For technical reasons, they could also be inscribed on stone (see *inter alia* for democratic Athens Rhodes 1972, 82–87). The decree of the Rhodian *boula* in question, *Syll.*³ 44, republished in Badoud 2015, 358–359, no. 16 (173 BCE), l. 10–16, is part of a dossier of four documents relating to the honors granted to Eudemos of Seleukeia on the Kalykadnos. The second and third documents, l. 4–10, are based on the first one, l. 1–4, the decree of the people for Eudemos. The fourth one, the decree of the *boula*, regulates the details of a diplomatic mission in Syria, which among others will meet with Eudemos: this falls exactly in the diplomatic prerogatives of a council. It remains that in democratic Rhodes just like in democratic Athens it was the people who voted on the decrees committing the city.

¹⁴ See already Cordano 1974; Bresson 1979, 156–161; 1980, 308–309 [= 2000, 37–40].

¹⁵ On the creation of a common Rhodian mythical world, see Hornblower 2004, 132–137, and Kowalzig 2007, 224–266.

¹⁶ On the institutions of Naucratis, see Bresson 1980, 291–349 [= 2000, 13–64, with map on p. 39].

cities¹⁷. In parallel to the question of the Rhodian participation to the Hellenion, this paper will reexamine one specific question: that of the organization of the common cult of Zeus Atabyrios.

On Mount Atabyrios, the highest summit of the island, existed a cult that was common to all Rhodians. Mythological traditions point to the existence of this cult in the earliest phases of Rhodian history¹⁸. Founded in 581 BCE, Akragas, the Sicilian colony of Gela, itself a colony founded by the Rhodians (some Rhodians might also have joined the Geloans for the foundation of Akragas) also had its cult of Zeus Atabyrios (Polyb. IX. 27. 7). This shows that already at an early date a common cult to Atabyrian Zeus was rendered by the Rhodians. Excavations on the site of Mount Atabyrios have revealed the existence of dedications dating back to the seventh century BCE, with even a votive inscription dating to the end of this century¹⁹.

We have an impressive series of later dedications and other testimonies relating to the cult of Zeus Atabyrios all over the Rhodian territories and beyond²⁰. A priest of Zeus Atabyrios belonging to the association of *damosioi*, the slaves that were the property of the Rhodian state, is mentioned in the city of Rhodes²¹. But the organization of the official cult of Zeus Atabyrios is known to us through one inscription only, dating to a little before 270 BCE (see the restored text below)²². Coming from the sanctuary of Zeus Atabyrios, its three fragments were originally published separately by G. Jacopi in 1932, who did not recognize that they belonged to the same inscription²³. In 1933, F. Hiller von Gaertringen first combined two of them²⁴. Then in 1989 I. Papachristodoulou combined the third one and proposed to see in the sequence of the three series of names *theoroi* representing the three cities of Rhodes and sent by each of them²⁵.

Commenting upon the now combined three fragments, the present writer suggested that, in its initial part, supposedly with three missing lines, the text referred not to *theoroi*, a term more appropriate to envoys sent to a foreign sanctuary, but to *hieropoioi*²⁶. The document was thus to be connected to the Lindian decree IG XII. 1761. In this document, the Lindians honored their three *epistatai* and other fellow tribesmen who had successfully made the case before the court of all the Rhodians that “the choice in Lindos

¹⁷ Bresson 1981; Nicolet-Pierre 2006; Stefanakis, Dimitriou 2015 (non vidi); Stefanaki 2015; Mielczarek 2015.

¹⁸ Strab. XIV. 2. 12, C655; Steph. Byz. s. v. Ἀτάβυρον; Apollod. *Bibl.* III. 2. 3; Diod. V.59. 2. See Morelli 1959, 46–49 (sources) and 138–141, with full references.

¹⁹ Jacopich 1928; Jacopi 1932, 236–237, no. 144 (Morelli 1959, 47).

²⁰ To the references of Morelli 1959, 46–49, add three references from the Peraia: I. *Pérée* 185 and 186 = I. *Rhod. Peraia* 2 and 1 (Loryma); *HTC* 26 (Pisye).

²¹ IG XII. 1 31, l. 4–5. An inscription from Camiros of the mid-imperial period (IG XII. 1786 and *TC* App. no. 38, l. 7, with detailed app. crit.) might refer to a priest Διός [Πολιέως] καὶ Ἀτα[βυρίου] from the city of Rhodes; the reading Ἀτα[βυρίου] is unfortunately uncertain. If the restoration were correct, it would imply that the Zeus Polieus of the city of Rhodes was no other than Zeus Atabyrios.

²² Badoud 2015, 444 for the date.

²³ Jacopi 1932, no. 150, 151, 186.

²⁴ Hiller von Gaertringen 1933, 17.

²⁵ Papachristodoulou 1989, 70, n. 293 and photo pl. I (see *SEG* 39: 719).

²⁶ Bresson 1994, I, 251–253 and II, catalogue, 182–183, no. 17.

of their priests, *hierothytai*, *hieropoioi* and all those in charge of public administration” (l. 39–40: ταὶ αἰρέσεις γίνονται ἐν Λίνδῳ τῶν ἱερέων κ[αὶ] ἱεροθυτῶν κ[αὶ] ἱεροποιῶν καὶ τῶν ἄλλων τῶν ἐπὶ τὰ κοινὰ τασσομέν[ω]ν) would be made among those who traditionally had the right to do so (that is Lindians from the island of Rhodes only)²⁷. If priests and *hierothytai* (the junior attendants who served the cults with the priests) are well attested in Lindos, in this decree the surprise came from the reference to the office of *hieropoios*, of which we do not have a single mention among the attendants of the official Lindian cults²⁸. The restoration of the mention of *hieropoioi* in the inscription from Mount Atabyros provided the solution to the enigma²⁹.

A further advance was made by N. Badoud. While endorsing the view that *hieropoioi* must have been mentioned in the document relating to the public cult of Zeus Atabyrios, he proposed a new and improved edition of this text³⁰. He showed that the supposed missing lines at the beginning of the text were an illusion and that the text was complete at the top. He also showed that line 1 must have been a reference to an eponym priest of Halios, Eukles. Amphora stamps attest to the existence of an eponym of that name between 280 and 270 BCE, a date fitting with the paleography of the stone and various prosopographical connections³¹. He recognized *hieropoioi* (and restored their name on line 4) in the three groups of envoys (l. 4–9 *hieropoioi* from Lindos, followed by those from Ialysos l. 10–15, and Camiros l. 16–21). This fits perfectly with the role of *hieropoioi* and the restoration must be adopted. There remains the question of line 2, for which, Badoud has suggested to restore [ἀρχι(ι)εροποι]ός, a function and a word not attested, but that would be the equivalent of the Lindian ἀρχι(ι)εροθύτας. There would be a “head of the *hieropoioi*” as in Lindos there was a “head of the *hierothytai*”.

There is however a better solution. We have here a list mentioning *hieropoioi* as attendants to the cult of Zeus. But a cult needs a priest. In the catalogues of the Rhodian state and of the Rhodian communities (Lindos and Camiros) the *hierothytai* or *hieropoioi* always accompany a priest³². Here, we would have attendants, but no priest. It is thus clear that on line 2, one should restore the reference to the priest of Zeus, in the form ἱερατεύσας rather than ἱερέυς because of the space on the line, which invites a comparatively longer restoration. In Camiros, for the role of the priest, it is almost

²⁷ The decree is republished by Badoud 2015, 372–375, no. 22, who dates it shortly after 304 BCE. Later Lindian documents show that indeed only Lindians from the island could be in religious or public office in Lindos: see Bresson 1988 and Badoud 2015, 171–172.

²⁸ By contrast at Camiros the junior attendants were called *hieropoioi*. At Camiros and Ialysos, there was no rejection of members of demes from the other islands or the Peraea for religious or public office.

²⁹ Bresson 1994, loc. cit. above n. 26.

³⁰ Badoud 2015, 445–446, no. 66, photo fig. 142, which includes several restorations for the names of the *hieropoioi*.

³¹ Badoud 2015, 253, *ad annum* 278. In Mount Atabyros inscription, l. 1, Eukles, obviously without a patronymic and with no demotic, can be no other than the eponymous priest of Helios: ἐπ’ (ἱερέως) + name of the priest of Halios only is the ordinary form of dating (although not the only one) of a long series of Rhodian epigraphic documents as well the dating formula of Rhodian amphora stamps.

³² For Lindos, see *IG XII. 1* and *I. Lindos* (passim); for Camiros *TC* and *TCS* (passim). The exceptions are rare (*hierothytai* alone *I. Lindos* 45, c. 320 BCE; Badoud 2015, 227 for the date).

a rule to have δαμιο(υ)ργήσας rather than δαμιουργός in similar dedications. Inscriptions from Camiros also show that the *hieropoioi* are mentioned more frequently in the form ἱεροποιοί than ἱεροποτήσαντες, following the name of the priest, the *damiourgos*, itself in the form δαμιο(υ)ργήσας³³. Line 2 should thus be restored: [ἱερατεύσας Δι]ὸς ἐκ Καμίρου³⁴.

The question remains why we do not have here the mention of the *epiclesis* of the god, Atabyrios. Indeed, mentions of the name of Zeus are usually accompanied by an *epiclesis*. But the rule is not absolute³⁵. Two inscriptions from Panamara, in Caria, even present formulars that closely parallel that of the sanctuary of Zeus Atabyrios, the *epiclesis* of the local Zeus, Panamareus, being omitted³⁶. Besides, in Lindos it is only in the course of the fourth century that the *epiclesis* Lindia was appended to the name of Athena and still at the end of the fourth century we have mentions of Athena alone³⁷. In Camiros, most of the time Athena appears with the *epiclesis* *Polias*. However, and interestingly in lists of priests of the mid-third century BCE, this *epiclesis* is casually omitted³⁸.

On Mount Atabyrios, Zeus was at home and at the time of the dedication it apparently still seemed better to keep the traditional form of “priest of Zeus” rather than “priest of Zeus Atabyrios”. The precision ἐκ Καμίρου was added to commemorate the fact that, that year, the priest was from Camiros. Consequently, one must assume that there existed a triennial rule and that each of the Rhodian cities provided a priest every three years, just as it was the case with the priest of Halios.

³³ Mention of δαμιο(υ)ργήσας with ἱεροποιοί: *TC* 9, 10, 11, 12, 13, 14, 14bis, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22, [24], 25, [26], [28], 29, 30, 31, 33, 34, [35], 36, 39, [45], 46, 52, *TCS* [53c?]; with ἱεροποτήσαντες: *TC* 17, 23, 27, 32, 38, 40, 44, [51], 52, *TCS* 53d. Mention of δαμιουργός: *TC* 42, 43, 50, 53, *TCS* [33a]. In Camiros, the δαμιουργός was the eponymous priest of Hestia and Zeus Teleios (Morelli 1959, 135).

³⁴ According to P. Weiß (2016), the formula ἱερατεύσας meant “having assumed the priesthood”, not “having served in the priesthood”. In any case, the eponym priest of Helios, the priest of Zeus Atabyrios and the *hieropoioi* were in function in one and the same year.

³⁵ The abstract form of the name of the god, with no mention of *epiclesis*, is found all over the Greek world in oaths (one of very many possible examples is *IG* XII. 4 1 152, l. 30, from Calymna, c. 208 BCE or shortly after). But the omission of *epiclesis* can also be observed in cases where it seemingly would be expected. This phenomenon of simplification appears for instance in the tablets of Dodona, where the *epiclesis* of the local Zeus, Naios, is frequently omitted: see ex. gr. Lhôte 2006 no. 46, l. 1 (c. 350–200 BCE), etc., when other tablets give the name of the god in full, ex. gr. *ibid.* no. 5, l. 3, τὸν Δία τὸν Ναῖον (350–280 BCE). At Stratos, in Acarnania, in the second century BCE manumission act *IG* IX. 1² 2394, l. 4, the *epiclesis* of the local Zeus is omitted (it was clear for everyone that it was the local Zeus of Stratos).

³⁶ See *IK* 21 (Panamara) 202, l. 6–8 and 205 + II p. viii, l. 4–6, for priests and priestesses ἱερατεύσαντες εὐσεβῶς μὲν πρὸς τοὺς θεοὺς, τὸν Δία καὶ τὴν Ἥραν. These inscriptions date to the second century CE, but the logic of the omission of the *epiclesis* remains the same.

³⁷ Until ca. 371 (*I. Lindos* 36, with date Badoud 2015, 277) the *epiclesis* Lindia is not appended to the name of the goddess. Then a majority of inscriptions mention it. But still in 304 BCE or right afterwards (*I. Lindos* 51, l. 2 [= Badoud 2015, 352–358, no. 15], the dedication of the vessels to the goddess, with date Badoud 2015, 80–82), *Lindia* is omitted. Much later, c. 50 CE, the *epiclesis* Lindia is also omitted in the dedication *I. Lindos* 430, l. 9.

³⁸ See *TC* 26, l. [1], and 29, col. I–II, l. 11.

The text should thus be read:

[ἐπ' ἱερέω]ς Εὐκλεῦς
 [ἱερατεύσας Δι]ὸς ἐκ Καμίρου
 [— — —]σιστράτου Κυμισαλε[ύς]
 [ἱεροποιοί] ἐγ Λίνδου
 5 [Πολυκράτης Τι]μομβρότου Νεπτίδα[ς]
 [— — Θ]ευπόμπου Κλάσιος
 [Νικαγόρας? Π]αναι[ίου] Ἀργεῖος
 [— — — —]κράτευσ Ἀργεῖος
 [— — — —]ου Πάγιος
 10 [ἐξ Ἰαλ]υσσοῦ
 [— — Μέλαι]νος? Κρουασσεύς
 [— — — —]υχάρμου Ἐριναιεύς
 [— — — —]μου Ὑπερεγγεύς
 [Ἀλκιμέδων Στρά]τητος Ποντωρεύς
 15 [— — —]ακτος Ποντωρεύ[ς]
 [ἐκ Καμί]ρου
 [— — —]μάχο[υ] Ἴριε[ύς]
 [— — —]ρο[. Ἀ]μνίστιος
 [— — — —]ε]υς Εὐθηνίτας
 20 [— — — —] Κυ]μισαλεύς
 [— — — —] Τύμνιος

We follow Badoud's restorations and signal only the differences between our readings and his text. L. 2: [ἀρχιεροποιοί] ὄς? B., [ἱερατεύσας Δι]ὸς Br.; l. 5: Νεπτίδας B., Νεπτίδα[ς] Br.; l. 7: [Π]αναιτίου B., [Π]αναιτ[ίου] Br.; l. 17: [—] μάχου Ἴριεῦς B., [—]μάχο[υ] Ἴριε[ύς] Br.; l. 18: Ἀμνίστιος B., [Ἀ]μνίστιος Br.; l. 19: Ἀμνίστιος per lapsum B., Εὐθηνίτας Br.; l. 21: Τύμνιος B., Τύμνιος Br.

Although it must be dated to the 270s BCE, well after the synoecism, the document is nevertheless of primary significance for the organization of the cult of Zeus Atabyrios and for the links between the Rhodian cities before the synoecism. Remarkably, in *Olympian 7* Pindar announces he comes to the island with Diagoras to sing the praise of Rhodes, the spouse of Halios (v. 15), and not only, as one might have expected, that of Ialysos, Diagoras' homeland. He then tells us that the three cities of the island had been founded by the three grandsons of Halios, "Camiros, Ialysos the eldest, and Lindos" (v. 73–74). Finally, the poet launches a prayer to Zeus Atabyrios (v. 87–93) already announced in the very beginning of the ode (v. 9: *hilaskomai*), where he asks the protection of this god for Diagoras and his family³⁹. As observed by F. Cairns, Zeus is mentioned several times in the poem (v. 23, 34, 43, and 55ff.). In these instances, he appears in his role of supreme god. It is only in the final lines that the specific Atabyrian Zeus is referred to. But then the god appears as the major deity of reference of all the Rhodians⁴⁰.

Pindar wrote *Olympian 7* for the victory of the Ialysian aristocrat Diagoras for boxing at Olympia in 464 BCE, more than half a century before the synoecism. But then already the reference to Zeus Atabyrios clearly has a pan-Rhodian character. Cairns has made the attractive suggestion that before the synoecism this cult had the character of an amphictyony⁴¹. This in turn invites us to suggest that the organization of the cult of the god revealed by the inscription of the early third century also already existed before

³⁹ Bresson 1979, 163–173.

⁴⁰ Cairns 2005, 79.

⁴¹ Cairns 2005, 79.

the synoecism. This form of structural cooperation would also perfectly explain how the Rhodians, as a single body, were able to manage their common sanctuary, just like they managed their common participation in the Hellenion of Naucratis, also as a single body.

A system of triennial rotation regulated the access to the priesthood of Halios between Ialysos, Camiros and Lindos since its creation in 408/407 BCE, each of the three cities providing a priest every three years⁴². If the hypothesis presented above about the management of the sanctuary of Zeus Atabyrios is correct, the system of triennial rotation for the priesthood of Halios may not have been a creation *ex nihilo* but simply have consisted in applying to the new common priesthood of Halios the old system that had prevailed for centuries for the management of the priesthood of Zeus Atabyrios. Of course, this is not the only possible scenario: life priesthoods rotating between the three cities would be another one, but perhaps less likely to maintain the common character of the cult.

To conclude, in connection with the several pre-synoecism sources illustrating the pan-Rhodian character of the cult of Zeus Atabyrios, the new restoration of the name of the priest of this god in an early Hellenistic dedication of the attendants of this cult invites to consider that this common management of the cult existed already before the synoecism. Gabrielsen was right to insist on institutional links between the three Rhodian cities. But these links did not necessarily take the shape of a formal federal state. As for their common cult to Zeus Atabyrios, the three Rhodian cities managed it as an amphictyony, as suggested by Cairns, just like they managed their common participation in the Hellenion of Naucratis, itself another amphictyony. In all likelihood, it was in 411 only that the three Rhodian cities formed a federal state, before the further step of complete unification into one single state in 408/407 BCE.

References

- Ashton, R. 2001: The coinage of Rhodes 408 – c. 190 BC. In: A. Meadows, K. Shipton (eds.), *Money and Its Uses in the Ancient Greek World*. Oxford, 79–115.
- Badoud, N. 2015: *Le temps de Rhodes: une chronologie des inscriptions de la cité fondée sur l'étude de ses institutions*. Munich.
- Blinkenberg, C., Kinch, K.F. 1905: Exploration archéologique de Rhodes (Fondation Carlsberg), IIIe Rapport. *Bulletin de l'Académie royale des Sciences et des Lettres de Danemark* 2, 29–125.
- Bresson, A. 1979: *Mythe et contradiction. Analyse de la VIIe Olympique de Pindare*. Paris.
- Bresson, A. 1980: Rhodes, l'Hellénion et le statut de Naucratis. *Dialogues d'histoire ancienne* 6, 291–349. (= Bresson 2000, 13–63).
- Bresson, A. 1981: Notes rhodiennes. *Revue des Études Anciennes* 83/3–4, 211–226.
- Bresson, A. 1988: Richesse et pouvoir à Lindos à l'époque hellénistique. In: S. Dietz, I. Papachristodoulou (eds.), *Archaeology in the Dodecanese*. Copenhagen, 145–154.
- Bresson, A. 1994: *Recherches sur la société rhodienne (480 av. J.-C. – 100 ap. J.-C.)*. Diss. Besançon.
- Bresson, A. 2000: *La cité marchande*. Bordeaux.
- Cairns, F. 2005: Pindar Olympian 7: Rhodes, Athens, and the Diagorids. *Eikasmos* 16, 63–91.
- Cordano, F. 1974: Rhodos prima del sinecismo e Rhodioi fondatori di colonia. *La Parola del Passato* 29, 179–182.
- Demetriou, D. 2012: *Negotiating Identity in the Ancient Mediterranean. The Archaic and Classical Greek Multiethnic Emporia*. Cambridge.
- Gabrielsen, V. 2000: The synoikized polis of Rhodes. In: P. Flensted-Jensen, T.H. Nielsen, L. Rubinstein (eds.), *Politics: Studies in Ancient Greek History*. Copenhagen, 177–205.

⁴² Badoud 2015, 154–155.

- Hiller von Gaertringen, F. 1933: [Rev.] G. Jacopi, A. Maiuri, "Clara Rhodos 2". *Göttingische Gelehrte Anzeigen* 195, 16–24.
- Hornblower, S. 2004: *Thucydides and Pindar: Historical Narrative and the World of Epinikian Poetry*. Oxford–New York.
- Jacopich, G. 1928: Esplorazione del santuario di Zeus Atabyrios. *Clara Rhodos* 1, 88–91.
- Jacopi, G. 1932: Nuove epigrafi dalle Sporadi meridionale. *Clara Rhodos* 2, 165–255.
- Kowalzig, B. 2007: *Singing for the Gods: Performances of Myth and Ritual in Archaic and Classical Greece*. Oxford–New York.
- Lhôte, É. 2006: *Les lamelles oraculaires de Dodone*. Geneva.
- Mielczarek, M. 2015: Pomiędzy Wschodem i Zachodem. Mennictwo ósrodków Rodos w okresach archaicznym i klasycznym [Between East and West. Coinage of the Rhodian poleis in the Archaic and Classical periods]. *Acta Archaeologica Lodziensia* 61, 13–22.
- Morelli, D. 1959: I culti in Rodi. *Studi Classici e Orientali* 8, 1–184.
- Nicolet-Pierre, H. 2006: Monnayages archaïques dans le Dodécanèse: un état des questions. *Ὀβολός [Obolos]* 8, 45–64.
- Papachristodoulou, I.C. 1989: *Οἱ ἀρχαῖοι Ῥωδιακοὶ δῆμοι. Ἱστορικὴ Ἐπισκόπηση: Ἡ Ἰαλυσία [The Ancient Demes of Rhodes. Historical Survey: Ialysos]*. Athens.
- Rhodes, P.J. 1972: *The Athenian Boule*. Oxford.
- Stefanakis, M.I., Dimitriou, E. 2015: *Ta nomismata tes nesou Rodou kata ten arhaiotata: Ialusoσ–Lindos–Kamiroσ–Rodos [The Coinage of the Island of Rhodes in Ancient Times: Ialysos–Lindos–Camiroσ–Rhodes]*. Athens.
- Στεφανάκης, Μ.Ι., Δημητρίου Ε. *Τα νομίσματα της νήσου Ρόδου κατά την αρχαιότητα: Ιαλυσόσ–Λίνδοσ–Κάμιροσ–Ρόδοσ*. Αθήνα.
- Stefanaki, V.E. 2015: Corpus des monnaies aux dauphins attribuées à Potidaion/Poseidion de Carpathos. In: U. Wartenberg, M. Amandry (eds.), *ΚΑΙΡΟΣ, Contributions to Numismatics in Honor of Basil Demetriadi*. New York, 231–253.
- Weiß, P. 2016: Öffentliche Leistungen: nach, am Ende oder während der Amtszeit? Zum Formular des Typs ἀγορανομήσας ἀνέθηκεν. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 200, 274–276.
- Wiemer, H.-U. 2002: *Krieg, Handel und Piraterie: Untersuchungen zur Geschichte des hellenistischen Rhodos*. Berlin.

DOI: 10.31857/S032103910011954-2

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЛАН ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ

А. В. Буйских

Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина

E-mail: abujskikh@ukr.net

ORCID: 0000-0001-7233-1288

Статья посвящена исследованию регулярного градостроительного плана Ольвии Понтийской конца VI в. до н.э. Определены основные элементы пространственной регламентации, реконструирована трасса Главной продольной улицы, выяснена роль агоры, прослежена последовательность появления трех теменосов — Западного (в начале VI в. до н.э.), Южного (в начале V в. до н.э.) и Восточного (в середине V в. до н.э.). Предложен вывод об особенностях градостроительного развития Ольвии, сочетавшего регулярную, но не ортогональную планировку, происходящую из Западного Средиземноморья, и жилую застройку, характерную для Восточного Средиземноморья.

Ключевые слова: Ольвия Понтийская, регулярный градостроительный план

CITY PLAN OF OLBIA PONTICA

Alla V. Buiskikh

The Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine

E-mail: allabuy@ukr.net

The paper is devoted to the study of the regular city plan of Olbia Pontica at the end of the sixth century BCE. It offers a reconstruction of the main elements of spatial division and determines the role of agora, the direction of the Main longitudinal street, and establishes the sequence of the foundations of the three temene: the Western temenos was founded approximately at the beginning of the sixth century BCE, the Southern at the beginning of the fifth century BCE, and the Eastern in the middle of the fifth century BCE. It is argued that the peculiarities of the urban development of Olbia combined regular but not orthogonal planning system of the Western Mediterranean origin with residential buildings typical of the Eastern Mediterranean.

Keywords: Olbia Pontica, regular town planning

Данные об авторе. Алла Валерьевна Буйских — доктор исторических наук, заместитель директора ИА НАН Украины.

В 2001 г. в выпуске журнала, также посвященном памяти Ю. Г. Виноградова, вышла моя с М. И. Золотаревым статья о Гипподамовом градостроительном плане Херсонеса Таврического¹. Для того чтобы понять логику градостроительной программы Ольвии Понтийской и доказать ее существование, понадобилось еще двадцать лет раскопок и аналитических исследований. Оказалось, что обобщать материалы по объемно-пространственному и планировочному развитию Ольвии, наряду с другими, нельзя без наследия Ю. Г. Виноградова. Как известно, его занимали иные, часто значительно более общие исторические проблемы. Тем не менее широта кругозора и великолепная эрудиция, а также чутье профессионала высочайшего уровня позволили Юрию Германовичу приблизить решение и этого сложного вопроса. Его вкладу в сегодняшние знания об Ольвии посвящается эта статья.

Почти сто лет назад, в 1926 г., Б. В. Фармаковский открыл пересечение двух улиц в центре Верхнего города Ольвии. Трасса одной из них шла в меридиональном направлении, другой – в широтном; их перекресток образовывал прямой угол. Улица, проходившая в меридиональном направлении, была определена как Главная продольная улица города, в этом месте она достигала ширины в 10 м. Обе улицы, появление которых автор раскопок, на основании стратиграфических наблюдений, отнес к концу VI в. до н.э., имели черепяное покрытие и тротуары, вымощенные крупными привозными гольшами (рис. 1)². Главная улица, как отметил Б. В. Фармаковский, ориентирована на север, в направлении городских ворот, фундаменты которых были раскопаны им же в 1908 г.³

На основании этого открытия автор раскопок пришел к заключению о том, что улицы в Ольвии были спланированы правильной сеткой. Наиболее близкой аналогией Б. В. Фармаковский счел планировку метрополии, Милета, перестроенного по новому плану после его разрушения персами в 494 г. до н.э. В результате был сделан вывод, что в Ольвии ионийцы уже в конце VI в. до н.э. заботились о рациональном планировании городской территории, готовя таким образом ту систему городского устройства, представителем которой позднее стал Гипподам Милетский. А до этого времени Ольвия не имела упорядоченной внутригородской застройки⁴. Из такого умозаключения следовало, что в Ольвии регулярная городская планировка появилась раньше, чем в Милете.

Информация о нерегулярной застройке раннего времени и скорее всего регулярном плане эллинистического времени в Ольвии, со ссылками на работы Б. В. Фармаковского, но еще до открытия им перекрестка в 1926 г., содержится в работе А. фон Геркана, одной из первых, посвященных античному городскому строительству в целом⁵. Тезис о планировочном развитии Ольвии, по Б. В. Фармаковскому, далее был повторен Э. Дилем в статье для 17 тома *Real-Encyclopädie*, с той, однако, разницей, что предположительный оттенок относительно Гипподамового плана

¹ Buřkikh, Zolotaryov 2001, 111–132.

² Pharmakowskyj 1929, 26–31, рис. 17–18, табл. II.

³ Farmakovsky 1912, 18–45.

⁴ Pharmakowskyj 1929, 40.

⁵ von Gerkan 1924, 36.

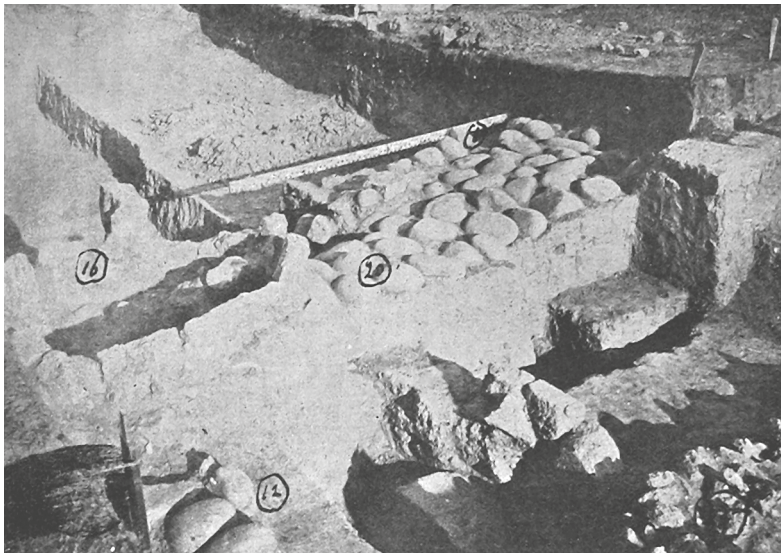

Рис. 1. Перекресток Главной продольной и поперечной улицы на участке АГД в центре Верхнего города (по: Pharmakowskyj 1929, fig. 17)

в Ольвии был изменен на утвердительный⁶. Более полувека назад увидели свет две работы по античному градостроительству, в которых, наряду с авторскими обобщениями, нашла отражение также информация об Ольвии. Р. Вичерли констатировал наличие прямоугольной уличной сети в ранней Ольвии с оговоркой, что детали ее неясны⁷, при этом вопрос о Гипподамовой планировке автор не затронул. Аналитическая часть книги Ф. Кастаньоли начинается с информации, что Ольвия, милетская колония в Черном море, обладала регулярной планировкой в центре Верхнего города, появившейся в конце VI в. до н.э.⁸ Такой информацией Ф. Кастаньоли был обязан упомянутой статье Э. Диля, только и в этом случае тезис о Гипподамовой планировке был опущен. Наиболее вероятно, это следует объяснить тем, что ко времени написания обеих работ, особенно Ф. Кастаньоли, опыт изучения городов Великой Греции дал возможность говорить о разнице между регулярной ортогональной планировкой архаического и классического времени (так называемой Гипподамовой планировкой)⁹.

Развитие городской планировки Ольвии наиболее предметно было рассмотрено С.Д. Крыжицким при изучении жилых ансамблей и градостроительного развития города в эллинистическое время. Он также отталкивался от заключения Б.В. Фармаковского о наличии в Ольвии регулярного плана, но без детализации,

⁶ Diehl 1937, 2416.

⁷ Wycherley 1967, 18.

⁸ Castagnoli 1971, 10.

⁹ Ф. Кастаньоли, пожалуй, едва ли не впервые сформулировал вопрос об особенностях планировочного и градостроительного развития городов до Гипподама Милетского: Castagnoli 1971, 56–64.

что это был Гипподамов план¹⁰. В результате подробного анализа топографии верхнего и нижнего плато С.Д. Крыжицкий постарался доказать, что в эллинистическое время город не мог обладать единым регулярным планом – кварталы имели трапециевидные или прямоугольные, а значит, нерегулярные, абрисы; ширина улиц практически на всех открытых участках варьировалась, причем это наблюдение касалось прежде всего центрального отрезка Главной продольной улицы. Этот вывод был экстраполирован и на более раннее время, поскольку в Ольвии в архаическое время, с точки зрения С.Д. Крыжицкого, планировка сложилась стихийно. В этом вопросе мнение С.Д. Крыжицкого оказалось сходным с заключением Б.В. Фармаковского об отсутствии упорядоченности в застройке города в раннее время. В результате Крыжицкий подчеркнул, что оснований для заключения о существовании в Ольвии Гипподамовой системы планировки нет. Более того, было признано ошибочным и мнение Б.В. Фармаковского о существовании в Ольвии «регулярной прямоугольной системы планировки»¹¹. При этом кратность размеров отдельных кварталов Крыжицкому все же удалось проследить, однако этого, как казалось, было недостаточно для более широкого обобщения¹².

Впоследствии в тезис о стихийности городской застройки Ольвии С.Д. Крыжицкий внес единственную коррективу. После открытия серии ранних углубленных жилищ вдоль Главной продольной улицы, у Западного теменоса, им был сделан вывод о наличии отдельных элементов городской пространственно-планировочной регламентации уже во второй половине VI в. до н.э. вдоль формирующейся продольной улицы. Это, однако, происходило на фоне общей стихийности застройки верхнего плато однокамерными углубленными жилищами и не повлияло на сделанный ранее вывод¹³.

К организации городской планировки коротко обратилась еще Е.И. Леви. В целом она повторила известные историографические сведения – сперва со ссылкой на Б.В. Фармаковского, что с самого начала существования города в Ольвии была применена Гипподамова система. Ниже, уже опираясь на мнение С.Д. Крыжицкого, она констатировала, что вывод Б.В. Фармаковского оказался преждевременным, поскольку был основан на малом количестве данных. К тому же планировочная сетка в центральной части города не была единообразной и не могла появиться в Ольвии ранее, чем она появилась в Греции. И в заключение Е.И. Леви добавила, «что говорить о Гипподамовой системе планировки Ольвии, особенно в ранний период, нет никаких оснований»¹⁴.

Отдельное место в истории развития представлений о городской планировке Ольвии занимает мнение А. Вонсович. Хорошее знакомство с актуальным

¹⁰ Kryzhitskiy 1971, 98–103. Здесь же (с. 98, прим. 2) перечень работ немногих отечественных исследователей, повторивших точку зрения Б.В. Фармаковского.

¹¹ Kryzhitskiy 1993, 35. Отсутствие «не только регулярной, но и хотя бы четкой ортогональной планировки» было сформулировано и в обобщающем исследовании о планировке и застройке Центрального жилого квартала: Kryzhitskiy, Leypunskaya 2014, 59.

¹² Kryzhitskiy 1971, 99.

¹³ Kryzhyc'kyj, Rusjajeva 1978, 19.

¹⁴ Levi 1985, 34, 118.

состоянием археологического исследования города и параллельно – средиземноморских памятников дало автору возможность заключить, что Ольвия в классическое время не находилась в стороне от общего процесса развития урбанизма в колониальном мире. Поэтому, несмотря на несоблюдение основных принципов Гипподамовой планировки, регулярная систематичность планировки в ней все же существовала, по крайней мере в центре города. В результате исследования конкретной ольвийской ситуации А. Вонсович пришла к выводу о наличии трех типов устройства городов античного мира: 1) иррегулярный и спонтанный, характерный для древних городов собственно Греции; 2) устройство по Гипподамовой схеме, характерное для новых городов, возникших в эпоху Великой колонизации в Великой Греции и Сицилии и повторенное при основании новых городов в Египте, Сирии и Малой Азии во времена Александра Македонского; 3) устройство планировочное и систематическое, основанное на геометрической разбивке, но не соответствующее Гипподамовому принципу. К третьему типу и была отнесена планировка Ольвии¹⁵. В одной из последних работ А. Вонсович, сравнивая планировку мегарских и милетских колоний, принципиально откорректировала прежний вывод: регулярный, или Гипподамов, план характерен именно для милетских колоний, таких как Истрия, Ольвия, Пантикапей и др., а для мегарских колоний, таких как Гераклея Понтийская и Херсонес, характерен также регулярный план, но построенный по принципу, близкому италийской системе нарезки земельных участков *per strigas*¹⁶.

В целом мнения, высказанные С.Д. Крыжицким, Е.И. Леви и А. Вонсович, наилучшим образом показывают, что, несмотря на отрицание общего вывода Б.В. Фармаковского о регулярности городской планировки Ольвии в позднеархаическое время, понятие о том, что же представляла собой ее городская планировка, так и осталось не сформулированным с привлечением необходимой доказательной базы. Даже краткое рассмотрение изложенных выше немногочисленных мнений о городской планировке Ольвии показывает, что в историографии до сих пор отсутствует современное понимание не только того, какой была градостроительная структура Ольвии и в чем состояла особенность ее пространственно-планировочного развития, но и что такое Гипподамова система городской планировки в целом и могла ли она быть реализована в Ольвии вообще. Более того, именно этот момент вызывал постоянную путаницу у всех без исключения исследователей: отличается ли регулярная планировка от Гипподамовой или эти понятия тождественны; о какой из них можно говорить применительно к Ольвии, и если можно, то для какого этапа ее исторического и пространственного развития. Не меньшую путаницу в выводах исследователей вызывает вопрос о разнице или тождестве регулярной и ортогональной планировки применительно к тому градостроительному решению, которое было реализовано в Ольвии.

Это значит, что пришло время выяснить, в чем сходство и (или) различия планировки Ольвии и регулярных градостроительных систем, известных

¹⁵ Waśowicz 1975, 73, 133–134. Этот момент, также с критикой в адрес Фармаковского, был специально отмечен И.Б. Брашинским в рецензии на книгу А. Вонсович (Brashinskiy 1977, 308).

¹⁶ Waśowicz 1996, 17.

в Средиземноморье¹⁷. Мнения о планировочном развитии Ольвии, высказанные ранее, уже не соответствуют современным представлениям о градостроительном развитии и организации городского пространства полисов, основанных в процессе Великой греческой колонизации. Поэтому для понимания пространственного развития полиса, основанного милетянами у слияния Гипаниса и Борисфена на рубеже VII–VI вв. до н.э.¹⁸, необходим его актуальный пространственно-планировочный анализ на фоне аналогичных процессов, происходивших в других регионах греческой колонизации.

На современном этапе изучения пространственно-планировочного развития античных городов необходимо наконец выяснить, во избежание дальнейших некорректных атрибуций, момент, постоянно провоцирующий путаницу у исследователей Ольвии. Прежде всего историография свидетельствует о том, что аналитическое изучение античного средиземноморского градостроительства действительно началось с Гипподама Милетского. Его имя и информацию о его практических деяниях сохранила нарративная традиция (*Arist. Pol.* II, 1267b, 22; *Xen. Hell.* II, 4, 11; *Diod.* XII, 10, 7), а созданные им градостроительные планы Милета в Южной Ионии, Фурий в Южной Италии и Пирея в Аттике, а также скорее всего Родоса, реально существовали и исследованы археологически, хотя и с разной степенью полноты. Безусловно и то, что обобщение итогов планировочного изучения городов Великой Греции началось несколько позднее, после их массовых раскопок в первой половине XX в. Поэтому неудивительно, что в литературе начала XX в. исследователи этой разницы не видели, из-за чего планировка открываемых городов в Южной Италии и Сицилии традиционно рассматривалась в контексте городов, спланированных Гипподамом в V в. до н.э.¹⁹ Тем не менее уже тогда А. фон Геркан обратил внимание на то, что такие сицилийские города, как Селинунт и Акрагант, получили регулярную планировку в конце VII–VI вв. до н.э., и предположил, что в разных регионах Средиземноморья существовали разные планировочные системы²⁰.

Лишь в последние десятилетия появились те представления о развитии городской планировки античной эпохи, которые в полной мере отражают накопленный опыт изучения городов Средиземноморского и Черноморского регионов. Античное градостроительство уже вполне можно считать отдельным научным направлением, сформированным благодаря теоретико-методическому обоснованию и системному обобщению огромного количества фактических данных. Задачи такого направления состоят в дальнейших поисках возможных исходных и производных вариантов градостроительного развития, уточнении роли пространственно-планировочного развития городов Южной Италии и Сицилии эпохи Великой

¹⁷ Этот вопрос мы уже поднимали и постарались на него ответить, исследуя регулярный градостроительный план Херсонеса Таврического, спроектированный по Гипподамовой планировочной схеме в рамках системы «полис-хора» в позднеклассическое время, с ретроспективным экскурсом, посвященным средиземноморским Гипподамовым городам V и IV в. до н.э. (Buyskikh 2008, 88–91).

¹⁸ Новейшая дата основания Ольвии (Buyskikh 2013, 223).

¹⁹ См., например, Haverfield 1913, 11.

²⁰ von Gerkan 1924, 36–37.

греческой колонизации для детализации теории и практики античной урбанистики, выявлении типовых проектов планировки – городской уличной сети, построенной по регулярному, и в том числе ортогональному, принципу, общественных центров, блоков типовых жилых домов, оборонительных систем.

Важнейшим результатом таких работ стало создание теоретической модели развития античного градостроительства. С точки зрения методического обобщения означенной проблемы бесценен фундаментальный труд В. Хофнера и Э.-Л. Шванднера, в котором градостроительство Великой Греции уже не только теоретически, но и практически отделено от градостроительных программ Гипподама Милетского. Это два связанных причинно-следственной связью, но разных в хронологическом отношении социокультурных явления²¹. Именно тот экспериментальный и практический опыт, который появился при основании и массовой застройке городов в Великой Греции, и привел Гипподама Милетского к появлению его проектов городов, адаптированных для строительства новых и перестройки уже существовавших поселенческих структур в Восточном и Западном Средиземноморье. Города Гипподама Милетского, созданные на основании квадратной сетки и застроенные стандартными в планировочном отношении домами с унифицированным набором помещений, явились к тому же лучшим практическим воплощением философской идеи гражданского равенства в демократическом обществе классической эпохи²².

Мой интерес к городской планировке Ольвии вызван значительным объемом информации, полученной в результате археологических исследований юго-восточной части Верхнего города в последние десятилетия. Здесь была открыта серия объектов, позволившая детализировать строительные периоды в рамках первых двух столетий жизни города; установлено наличие в Ольвии нового культового участка, городского теменоса, главной сакральной патронессой которого была Афродита (рис. 2)²³. Помимо этого, удалось сделать важные наблюдения над формированием ранней городской поселенческой структуры, развитием ее планировки и застройки. На этом основании уже высказано предположение, что пространственное освоение Ольвии соответствовало общей практике,работанной в процессе колонизации Западного Средиземноморья, а именно на верхнем плато от момента ее основания были выделены площади для будущих общественных и жилых зон²⁴. Именно в этом месте необходимо вспомнить мнение Ю.Г. Виноградова о том, что Ольвия изначально была спланирована как центр государства, поскольку после середины VI в. до н.э. в ней появились «основные элементы монолитной урбанистической структуры»²⁵. Поэтому новые данные

²¹ Hoepfner, Schwandner 1994 (первое издание – 1986 г.).

²² Hoepfner 1989, 7–26; 1999, 207–212.

²³ Bujskikh 2015, 222–250; Bujskikh 2015, 6–21.

²⁴ Bujskikh 2005, 164.

²⁵ Vinogradov 1989, 62. Это заключение можно откорректировать лишь хронологически, в остальном, как видно, оно не утратило своей актуальности. Более того, следует обратить внимание, что оно было высказано вразрез доминировавшей в те годы среди исследователей Ольвии идеи стихийности ее развития на раннем этапе.

Рис. 2. План раскопанных объектов в юго-восточной части Верхнего города Ольвии с показом углубленных сооружений и ям первого строительного периода; трасс Главной продольной и поперечных улиц второго строительного периода. Рис. А. В. Буйских

вместе с известными ранее позволили еще раз обратиться к городской планировочной структуре Ольвии, исследованию которой и посвящена данная статья.

Прежде всего установлено, что наиболее ранние строительные объекты, известные в южной части Верхнего города, датируются первой четвертью VI в. до н.э. Они представлены разного рода углублениями и ямами для утилизации мусора, что указывает на постоянный характер жизнедеятельности первого поколения колонистов. Объекты, которые можно уверенно определить как жилые²⁶, зафиксированы пока для начала второй четверти этого столетия. Несмотря на то что сооружения, синхронные времени основания Ольвии, установленному нами по наиболее ранним керамическим фрагментам, все еще не обнаружены, даже те объекты, что уже известны, очень важны²⁷.

²⁶ Здесь я констатирую факт наличия в южной части Ольвии углубленных объектов раннего строительного периода (раскопано порядка сорока таких сооружений), оставляя дискуссию об их функциональной интерпретации, реконструкции и правомерности экстраполяции такого строительного периода на другие северопричерноморские центры для отдельной, не менее актуальной работы. При этом я поддерживаю точку зрения В.Д. Кузнецова, согласно которой «интерпретация археологических материалов является делом отнюдь не простым – она многовариантна и зависит от многих факторов» (Kuznetsov 2018, 132).

²⁷ Необходимо помнить, что структуры, связанные с ранней строительной деятельностью, еще недавно датировались только после середины VI в. до н.э. (Kryzhitskiy 1993, 40). Единственным исключением казался только Западный теменос, ранний строительный горизонт которого отнесен к первой половине этого столетия (Rusyaeva 1994, 81).

Рис. 3. Углубленные сооружения у границы Западного теменоса, вид с юга.
Фото С.Д. Крыжицкого

Жилища раннего строительного периода в южной части Верхнего города Ольвии представлены однокамерными строительными комплексами, углубленными или слегка заглубленными в материк, преимущественно квадратной и прямоугольной, реже – круглой формы, с материковыми, сырцовыми или каменными стенками котлованов (рис. 2)²⁸. Лишь в редчайших случаях эти объекты взаимно перекрывались, в большинстве своем они расположены свободно, в несколько рядов вдоль края верхней террасы, ориентированы по сторонам света. В течение последней четверти VI в. до н.э., но не позднее конца этого столетия, все углубленные объекты были засыпаны, а поверхность нивелирована – этот факт определяет окончание раннего строительного периода²⁹. Следует вспомнить аналогичную серию углубленных жилищ, расположенных более компактно вдоль Главной продольной улицы в центре города (рис. 3)³⁰. Расположение углубленных жилищ рядами указывает на определенную пространственную регламентацию построек. С.Д. Крыжицкий и А.С. Русяева отметили такой важный элемент

²⁸ Глубина сооружений варьировалась от 0,15 до 1,7 м, а искусственная облицовка котлованов устраивалась в тех случаях, когда глубина сооружения достигала более 1 м.

²⁹ Ранее С.Д. Крыжицкий относил засыпь всех углубленных жилищ лишь к концу первой четверти или началу V в. до н.э.: Kryzhitskiy 1993, 41.

³⁰ Kryzhyc'kyj, Rusjajeva 1978, рис. 2.

Рис. 4. Отрезок Главной продольной улицы конца римского – начала позднеантичного времени, вид с юга. Фото В. В. Крапивиной, 2007 г.

городской инфраструктуры, как стихийно формирующаяся уже во второй половине VI в. до н.э. продольная улица.

Вопрос о времени появления градостроительного плана в Ольвии представляет особенный интерес. Работами предыдущих лет в центральной части города была прослежена преемственность планировочной сети для доримского времени³¹. То же самое можно теперь говорить и для его южной части. Здесь был открыт отрезок продольной улицы, длиной более 20 м, шириной порядка 5 м. Улица функционировала вплоть до конца римской эпохи³². Улица вымощена керамическими фрагментами, мелким бутом вперемешку с костями животных, по верхнему уровню сохранилась часть ее западного бордюра (рис. 4). Удалось выявить также нижний уровень этой улицы, залегавший на глубине 1 м от верхнего, устроенный на древнем гумусе; улица имела черепяное покрытие с подложенными гольшами (рис. 5)³³. Археологические материалы из нижнего уровня улицы датируются концом VI – началом V в. до н.э.

³¹ См. анализ планировочной структуры центральной части в Levi 1985, 115.

³² Судя по стратиграфии напластований, улица могла функционировать и в позднеантичное время (Крапивина 2014, 146, рис. 182–184).

³³ Аналогичное покрытие улиц зафиксировано повсеместно в центральной части Верхнего города (Levi 1985, 117–118).

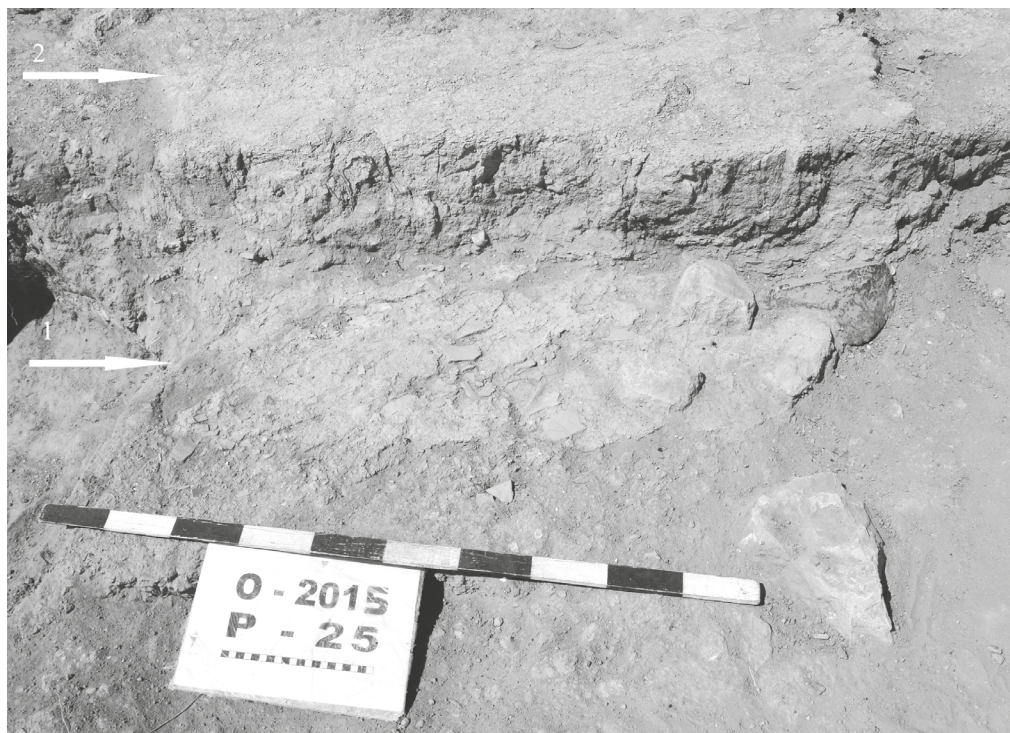

Рис. 5. Нижние уровни Главной продольной улицы: 1 – конец VI – начало V в. до н.э.; 2 – конец V – начало IV в. до н.э. Фото А. В. Буйских, 2015 г.

Открытие нового отрезка продольной улицы позволило не только подтвердить зафиксированную ранее преемственность планировочной сети Ольвии. Оказалось, что такая преемственность характерна для уличной сети почти всего тысячелетнего периода существования города, который в первые века нашей эры занимал южную часть верхнего плато. Удалось также выяснить, что появление уличной сети знаменует собой новый этап урбанистического развития Ольвии, который последовал после единовременной засыпи углубленных земляных структур³⁴. Это значит, что только начиная от конца последней четверти VI в. до н.э. можно говорить о целенаправленном внедрении упорядоченной городской планировки по верхнему плато. Предположение о том, что Главная продольная улица начала формироваться еще во второй половине этого столетия, о чем свидетельствуют вытянутые с севера на юг ряды полуземлянок, не следует отрицать. В этом предположении имеется смысл, следует только отказаться от идеи стихийности пространственного развития городского организма как чуждой для

³⁴ Параллельно произошла засыпь всех углубленных жилищ, открытых между Главной продольной улицей и Западным теменосом. А. С. Русяева связала этот этап с перестройкой теменоса и появлением в нем храма Аполлона Иетроса (Rusyaeva 2006a, 229).

Рис. 6. Регулярный градостроительный план Ольвии. Реконструкция А. В. Буйских

развития колониального эллинского полиса³⁵. Речь идет о становлении города как сложной комплексной системы: перспективное развитие его было продумано и явилось одним из элементов этой системы; оно выразилось, в частности, в определении на местности и резервации территорий для устройства разных в функциональном отношении городских зон. Кроме того, начало формирования инфраструктурной артерии города до появления общего градостроительного плана объясняется исключительной практичностью — Главная продольная улица начала формироваться по направлению линии водораздела.

Именно поэтому Главная продольная улица стала центральной планировочной осью города, важнейшим элементом ее инфраструктуры. Новый отрезок этой продольной улицы, открытый в южной части Верхнего города, позволил реконструировать ее трассу на всю почти километровую длину, соединив ее отрезки, исследованные ранее в разных частях города (рис. 6)³⁶. Очевидно, что трасса Главной продольной улицы представляет собой не строго прямую линию, а имеет несколько поворотов в северо-западном и северо-восточном направлении. Именно этот факт и подсказывает мысль, что основная артерия города была подчинена топографическим условиям местности, повторяя существовавшее направление водораздела верхнего плато. В местах поворотов поперечные улицы вполне могли иметь удвоенную ширину, равную ширине продольной. Очевидно, что благодаря этим поворотам Главная продольная улица как магистральная трасса разделила верхнее плато практически пополам. Такое расположение улицы позволяло к востоку и к западу нарезать одинаковое количество близких по размерам городских кварталов и вписать в новую уличную сеть площади, зарезервированные для общественных центров. Можно предположить, что в северной части, в месте максимального расширения треугольника Верхнего города, могли быть проложены еще несколько параллельных продольных улиц, имевших, однако, меньшую ширину и функциональную нагрузку, чем Главная.

Нарушением ритма квартальной нарезки стала выдающаяся северо-восточная оконечность верхнего плато, на которой практически сразу после основания города, в начале VI в. до н.э., был устроен некрополь (рис. 6, II)³⁷. С севера продольная улица подходила к северному въезду в город, устроенному в месте природной перемычки между двумя балками — Северной (восточной) и Безымянной

³⁵ Ю.А. Виноградов обосновал гипотезу, согласно которой политическая организация в северопричерноморских центрах опережала урбанистическое развитие (Vinoogradov 1999, 108–109). Однако земляночный этап, по крайней мере для Ольвии, как представляется, не следует противопоставлять общему урбанистическому процессу. Более того, он явился тем самым необходимым ранним периодом существования города, когда население, сконцентрированное в одном месте, начало освоение внутреннего пространства и его застройку для долговременного проживания. Критику идеи стихийности в отношении развития полисной хоры Ольвии см. Marchenko 1994, 92–93.

³⁶ В основу реконструкции городской планировки Верхнего города Ольвии положен сводный археологический план городища, зафиксировавший открытые и оставленные для экспонирования объекты преимущественно эллинистического времени: Kryzhyc'kiy, Karyaka 2017, рис. 7.

³⁷ Этот участок использовался для захоронений, как минимум, до середины V в. до н.э. (Книрович 1940, 92–106; 1941, 112–120).

(западной). Здесь же в это время, не позднее рубежа VI–V вв. до н.э., был выкопан ров, ставший самым ранним оборонительным рубежом Ольвии, а во второй половине IV в. до н.э. сооружены Северные ворота (рис. 6, I)³⁸. Второй въезд на городище был устроен с запада. На Западные ворота (рис. 6, X) также была ориентирована одна из поперечных улиц, к которым скорее всего ворота и оказались привязанными, будучи построенными в позднеклассическое время.

Сказанное означает только одно – в настоящее время есть все основания утверждать, что Верхний город Ольвии имел регулярный градостроительный план с Главной продольной и несколькими магистральными поперечными улицами. Очевидно также, что регулярный план не был строго ортогональным, т.е. не имел повсеместных прямоугольных кварталов, хотя в центре ортогональность скорее всего была частично соблюдена. Подчиняясь трассе Главной продольной улицы, кварталы имели искаженную прямоугольную, отчасти трапециевидную форму. Целые блоки кварталов оказались развернутыми в соответствии с поворотами Главной улицы и подчинялись топографии верхнего плато. Современными раскопками в южной части города открыты три поперечные улицы (рис. 6, XVI), магистральная поперечная улица в месте первого поворота продольной улицы зафиксирована микрорельефом, сохранившимся на современной дневной поверхности в виде стометровой глубокой ложбины. Прослеженные отрезки Главной продольной улицы в южной части по верхнему и нижнему уровням позволили восстановить ее ширину порядка 5 м, что соответствует 10 локтям, производным от египетского (самосского или большого ионийского) фута в 0,35 м; ширина двух поперечных улиц достигала 3,5 м, или 10 футов указанного стандарта. В результате в южной части Верхнего города по обе стороны Главной продольной улицы реконструировано не менее 19 кварталов, шириной каждый в 12,25 м, что соответствует 35 футам. Часть поперечных улиц сохранилась вплоть до первых веков нашей эры, например, с севера и с юга они ограничивали административное здание в центре римской цитадели (рис. 6, XXIII). Кроме того, в месте пересечения Главной продольной улицы и северной оборонительной линии были устроены въездные ворота римской цитадели (рис. 6, XIX).

Длина кварталов варьировалась в зависимости от размеров каждого участка верхнего плато, последовательно увеличиваясь с юга на север³⁹. Поперечные улицы эллинистического времени в центральной части, несмотря на измененную в ряде случаев ширину (как правило, в сторону уменьшения), зафиксировали почти без изменений трассы ранних улиц. Центральный квартал к западу от

³⁸ Вопрос о ранней обороне Ольвии в виде земляных рвов подробно рассмотрен в Buyskikh, Fornasier 2022. Здесь следует только отметить, что идея Фармаковского о раннем земляном рве в северной части Ольвии (Farmakovsky 1910, 5–6), раскритикованная в дальнейшем (Karasev 1958, 16–28), полностью реабилитирована в результате недавнего открытия трассы аналогичного рва на территории так называемого предместья к западу от Верхнего города (раскопки велись в рамках совместного исследовательского проекта с Гете-университетом (Франкфурт-на-Майне) при финансовой поддержке Немецкого исследовательского общества (DFG), соруководитель проекта – Й. Форнасье).

³⁹ Неслучайно площадь теменоса эллинистического времени имела трапециевидную форму (Karasev 1964, рис. 12).

агоры (рис. 6, *XII*) сформировался в эллинистическое время путем объединения трех ранних кварталов, при этом отрезок одной из поперечных улиц сохранился в виде переулка-тупика между домами. То же наблюдение относится и к Главной продольной улице, первоначальная ширина которой была сужена при строительстве общественных сооружений в районе гимназия (рис. 6, *XIV*) и Восточного теменоса (рис. 6, *VIII*) во второй половине IV в. до н.э. При этом все позднейшие искажения красных линий застройки по фронту Главной продольной улицы в отдельных кварталах не смогли изменить сохранявшуюся в течение столетий ее трассу. Интересно, что некоторые отрезки сохранились в первоначальном виде — улица, шириной порядка 5 м, была зафиксирована раскопками 1908 г.⁴⁰ и четко вписалась в реконструированную трассу Главной продольной улицы.

Вместе с разбивкой уличной сети и выделением на плане уже существовавшего Западного теменоса (рис. 6, *VII*) была очерчена агора (рис. 6, *XIII*). Неслучайно благоустройство Главной улицы и агоры оказались идентичными. Уже известно, что крупные голыши, привезенные в Ольвию, вероятно, в качестве судового балласта, затем вторично использовались в строительстве, в том числе в мощении улиц. Тротуары из голышей, зафиксированные Б.В. Фармаковским, не были исключением. Подмост с такими камнями зафиксирован также в южной части города, аналогичный подмост был выявлен и при охранных исследованиях агоры в 2002 г. Ее оформление в городском пространстве произошло, как установлено, также в последней четверти или ближе к концу VI в. до н.э.⁴¹

Формирование общественных зон в Верхнем городе представляет особенный интерес. Очевидно, что квартальная разбивка, наряду с резервированием общественных зон, предполагала также мобильное изменение их функционального использования, исходя из потребностей растущего и развивающегося города. Именно так последовательно увеличивалась площадь Южного теменоса (рис. 6, *XXV*). В позднеархаическое время он занимал территорию двух кварталов, в классическое время — четырех, а в эллинистическое время его площадь занимала уже семь городских кварталов. Однако Южный теменос появился на втором строительном периоде Ольвии, вместе с ее градостроительным планом.

Первый строительный период представлен только Западным теменосом (рис. 6, *VII*) и зарезервированной территорией в центре восточной части верхнего плато, на которой позднее возникли Восточный теменос (рис. 6, *VIII*) и агора (рис. 6, *XIII*). Пространственное развитие этих двух важнейших градостроительных образований, как считается, исследовано достаточно подробно. Коротко напомню, что, по мнению авторов раскопок, на раннем этапе территория Восточного теменоса была большей относительно его площади в эллинистическое время и с юга не имела ограды в виде Большой стои, отделявшей его от агоры. Возникновение теменоса в последней четверти VI в. до н.э. маркировано рядом объектов: прямоугольным каменным алтарем, квадратным в плане зданием, сложенным из массивных плит известняка, несколькими углублениями (ботросами и ямами), содержащими сосуды с посвящениями Аполлону Дельфинию, Афине

⁴⁰ Farmakovskiy 1912, табл. III.

⁴¹ Levi 1985, 116. Эта дата подтверждена и материалами современных исследований агоры.

и Зевсу, разнообразным культовым инвентарем, а также серией углублений, интерпретированных в качестве ямок под деревья культовой рощи. Следующий период существования теменоса датирован серединой V в. до н.э., когда появились монументальный алтарь, ограда, отделившая теменос от Главной продольной улицы, и храм, сакральным патроном которого стал Аполлон Дельфиний, а также жертвенники и другие сооружения. В раннеэллинистическое время территория теменоса уменьшилась за счет расширения на север территории агоры и строительства Большой стои, был перестроен храм Аполлона Дельфиния и появился новый храм Зевса⁴².

Ольвийской агоре много внимания уделила А. Вонсович. Она попыталась сопоставить информацию о планировочном развитии западносредиземноморских городов и их общественных центров с археологическими реалиями Ольвии. Отмечено, что в городах Великой Греции нередко агора и ближайшие к ней городские территории имели культовые функции. При этом, анализируя ранний период существования ольвийской агоры, А. Вонсович установила, что параллельное наличие теменоса к северу от агоры позволяет говорить о том, что агора на раннем этапе имела политические и административные функции, но не обладала архитектурным убранством, имея в виду те административные сооружения, которые появились вокруг агоры только в эллинистическое время⁴³.

В плане изучения общественных зон города заслуживает внимания гипотеза А.С. Русяевой о том, что на раннем этапе территория Западного теменоса, как и Восточного, была большей, чем в эллинистическое время. Это значит, что его южная граница доходила практически до северо-западного угла эллинистической агоры. Впоследствии же территория Западного теменоса сократилась за счет строительства в его юго-восточной части дикастерия. Сопоставление Восточного и Западного теменосов, наблюдения над хронологией их территориальных изменений и последовательности появления культовых сооружений дали возможность А.С. Русяевой сделать заключение об отсутствии статичных границ между двумя культовыми участками в раннее время, поскольку территория обоих теменосов изначально представляла собой единую сакральную зону, разделенную продольной улицей⁴⁴. Однако при таком вполне логичном предположении за пределами внимания осталась агора и территориальное соотношение этих общественных центров.

Все рассмотренные точки зрения указывают на отсутствие единого мнения о территориальном развитии Ольвии. Поэтому предложенная в этой работе реконструкция планировки Верхнего города Ольвии позволила и мне внести целый ряд корректив в устоявшиеся в историографии представления о градостроительном развитии города и функциональном зонировании его территории.

Прежде всего очевидно то, что Западный теменос начал формироваться в центрально-северной части верхнего плато сразу при основании Ольвии как городской структуры; этот участок был изначально отделен от формирующихся параллельно жилых зон. В направлении север–юг он занимал не менее восьми,

⁴² Karasev 1964, 27–49; Levi 1964, 131–133, рис. 1; 1985, 66–69.

⁴³ Wąsowicz 1975, 48.

⁴⁴ Rusyaeva 2006b, 249–251.

а с учетом предположения А.С. Русяевой, и десяти, кварталов появившегося позднее регулярного плана. Его открытая площадь составляет порядка 0,6 га, при этом общая площадь остается неизвестной до полного раскрытия в западном направлении, она могла быть равной не менее 1 га. Отделение сакрального пространства от профанного, частного и публичного, являлось одной из первостепенных задач пространственной размежевки городской территории при основании нового города. Вопрос, довольно давно заданный И. Малкиным, «How does man know where to worship his gods?», как видно, все еще остается актуальным, а появление теменоса небезосновательно рассматривается как один из основных этапов основания города⁴⁵. Представляется, что в конкретной ситуации с Западным теменосом определяющую роль сыграл топографический фактор — открытые размеры Западного теменоса свидетельствуют, что он мог занимать всю площадь ровного, слегка понижавшегося в сторону Заячьей балки плато к западу от Главной продольной улицы.

Для Южного теменоса была зарезервирована вся юго-восточная оконечность верхнего плато, до первого поворота Главной продольной улицы. Отсутствие здесь плотной жилой застройки, характерной для эллинистического времени, подсказывает, что значительная площадь в южной части Верхнего города также была выведена из зоны жилой застройки и предназначалась уже только для общественных нужд — но на втором строительном периоде, после единовременной застройки ранних углубленных сооружений. Территория Южного теменоса занимала семь кварталов на плане города и последовательно увеличивалась с 0,15 га в позднеархаическое время до 0,5 га в раннеэллинистическое время. При выборе места для Южного теменоса определяющим также оказался топографический фактор, но с несколько иным акцентом — его панорамное местоположение на краю высокого обрыва коренного берега указывало на вход в ольвийский порт. Афродита, как известно, покровительствовала мореплавателям-милетянам в Понте⁴⁶.

Наибольшее количество дискуссионных моментов связано с интерпретацией памятников Восточного теменоса и агоры, особенно раннего периода их существования. Прежде всего современные представления о том, какие сооружения позволяют интерпретировать то место в городе, где они возведены в качестве городских теменосов, особенно на примере рассмотренного выше Западного теменоса, дают возможность сделать однозначный вывод: какие-либо основания для заключения о появлении Восточного теменоса в последней четверти VI в. до н.э. в настоящее время отсутствуют. Городской теменос как организованная пространственная структура, как известно, обладал рациональным набором структурных элементов, среди которых храм, алтарь и ограда были необходимыми, остальные сооружения, появившиеся сразу или в процессе его эксплуатации, имели второстепенное значение⁴⁷. А.С. Русяевой принадлежит верное наблюдение — на Восточном теменосе не обнаружена привозная полихромная

⁴⁵ Malkin 1987, 135.

⁴⁶ Greaves 2004, 31.

⁴⁷ Подробный разбор структурных элементов теменоса архаического времени см. Bergquist 1967, 62–107; см. также о композиции теменоса: Lavas 1974, 83–85.

архитектурная терракота, служившая декором храмовой кровли и перекрытия алтарей⁴⁸. Такие находки, свидетельствующие о существовании монументальных культовых сооружений в последней четверти VI – первой половине V в. до н.э., представлены обильной коллекцией на Западном теменосе⁴⁹, в меньшем количестве они найдены на Южном теменосе⁵⁰, и аналогичный алтарный декор известен в Борисфене⁵¹. Единственная терракотовая волюта, найденная на Восточном теменосе⁵², имела отношение скорее к декору алтаря, но не к фасаду храма.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что в позднеархаической Ольвии существовало только два теменоса – Западный, самый ранний, сакральным патроном которого был Аполлон Иетрос, и Южный, следующий по времени появления, сакральной патронессой которого была Афродита. Третий, Восточный теменос, сакральным патроном которого стал Аполлон Дельфиний, появился на плане города позднее, ближе к середине V в. до н.э. При этом появление этого теменоса было подготовлено – место для отправления культа Дельфиния было выделено в северной части агоры уже в последней четверти VI в. до н.э. Но лишь к середине следующего столетия эта территория была обнесена оградой со стороны Главной продольной улицы, а сам теменос обозначен первыми монументальными сооружениями.

Такой вывод требует нового обоснования развития городского пространства Ольвии. С начала VI в. до н.э., наряду с Западным теменосом, значительная по размерам территория верхнего плато была зарезервирована для устройства общественного центра, агоры. При последовавшей позднее разбивке регулярного плана агора заняла территорию не менее 12 кварталов, площадью около 1,3 га. Поэтому к функциям ольвийской агоры в раннее время необходимо вернуться еще раз. Прежде всего ее расположение в центре Ольвии вполне соответствует идее функционального зонирования городской территории, заложенной

⁴⁸ Rusyaeva 2006b, 256.

⁴⁹ Kryzhitskiy, Rusyaeva, Nazarchuk 2006, 100–114.

⁵⁰ Buiskykh 2020, 46–60.

⁵¹ Bujskikh, Chistov 2018, 9–10, fig. 6, 8. Кроме Ольвии и Борисфена, идентичная коллекция архитектурной терракоты происходит из Сакральной зоны Истрии (Zimmermann 2005, 463–485).

⁵² Karasev 1964, 58–67, рис. 24–26, 33–34. Исходя из современных знаний о развитии ионического ордера в Ольвии позднеархаического – классического времени (см. подробнее Bujskikh 2017, 194–203), критиковать А.Н. Карасева за предпринятую более полувека назад реконструкцию капители ионического ордера, ошибочную как в конструктивном (терракотовая облицовка деревянной основы), так и в стилистическом отношении (скопировано построение ионической капители северного портика Эрехтейона на Афинском Акрополе), сейчас, конечно, не следует. Также ошибочна и объемно-планировочная реконструкция раннего храма Аполлона Дельфиния с деревянным портиком, предложенная А.Н. Карасевым. Поэтому сформированное им представление о раннеклассическом храме Аполлона Дельфиния, стоявшем в окружении деревьев культовой рощи, имеет уже только историографическое значение и не может использоваться для дальнейших исторических интерпретаций в качестве научно обоснованной реконструкции.

в градостроительную концепцию архаической эпохи⁵³. Это значит, что и функциональное назначение этой территории в Ольвии должно было быть близким.

Представляется, что поиски исходного варианта регулярного плана, реализованного в Ольвии, ведут к так называемым «полосатым городам» (*Streifenstädte* по В. Хофнеру – Э.-Л. Шванднеру), основанным в Южной Италии и Сицилии в процессе Великой греческой колонизации⁵⁴. Типовой образец градостроительного плана состоял в наличии одной или нескольких (в зависимости от размера селитебной зоны) прямых планировочных осей или продольных улиц, пересекавшихся с такими же поперечными, в месте их пересечения был образован один или несколько градостроительных узлов или городских общественных центров – агора и теменос(-ы); остальная территория была занята жилыми зонами, разделенными поперечными улицами на стандартные по ширине полосы кварталов, длина которых могла достигать 100 и более футов⁵⁵. Гениальность изобретения такого градостроительного плана заключалась в его основной концепции – простоте и универсальности, что нашло отражение в повсеместном распространении и быстрой практической реализации.

Колониальный город, построенный по регулярному (как правило, ортогональному) принципу, был рассчитан на долговременное существование, поэтому он учитывал демографические изменения, которые должны были произойти уже через поколение и далее, что выразилось в резервировании значительных территорий для перспективного увеличения жилых зон. Поскольку ортогональный план нового города предназначался для реализации преимущественно на равнинной территории (сицилийский Наксос, Мегара Гиблея, Сиракузы, Метапонт, Посейдония и др.), еще одной его важной особенностью стала быстрая адаптация к новым условиям, выразившаяся в умелом использовании неровного рельефа. При наличии единого принципа пространственного построения городской среды каждый городской план, исходя из особенностей микрорельефа местности, демонстрирует определенную композиционно-планировочную вариантность. Именно эта черта дала возможность строителям при разбивке уличной сети поворачивать под разными углами отдельные отрезки главной трассы и вместе с ней системы меридиональных улиц. В результате агора могла иметь нерегулярный план, теменос мог устраиваться на удалении от агоры, при этом они были обязательно связаны одной или несколькими магистральными осями⁵⁶.

То, что роль агоры в городе с течением времени менялась, также общеизвестно. Агора обладала несколькими функциями, как установлено, равными по своей значимости для общественной жизни каждого полиса. Это было место публичного отправления культов, встречи граждан, общего собрания гражданского

⁵³ Martin 1956, 30–33; 1983, 9–10; 1987, 89–117; Kolb 1984, 104–105.

⁵⁴ Hoepfner, Schwandner 1994, 1–9; Hoepfner 1999, 150–155.

⁵⁵ В Черноморском регионе план города с регулярными полосами кварталов подозревается пока только для Гераклеи Понтийской (Hoepfner, Schwandner 1994, 12, Abb. 7).

⁵⁶ Примеры такой планировочной организации дают Селинунт и Мегара Гиблея: Mertens 2010, 61–74, Abb. 2–3; 74–76, Abb. 9.

коллектива, его постоянной политической активности⁵⁷. Вследствие этого агора представляла собой не просто площадь, она, как правило, застраивалась разного рода общественными и культовыми сооружениями, включая алтари, причем сакральная часть не была отделена от остальной территории агоры⁵⁸.

Именно поэтому религиозная функция также была присуща ранней агоре Ольвии и отвергать ее, как это сделала ранее А. Вонсович, нет оснований. И то, что на агоре были открыты ямы и углубления с культовым инвентарем, свидетельствует только в пользу этого предположения. На раннем этапе ольвийская агора представляла собой единое в функциональном отношении пространство, северная часть которого была отведена для культовой деятельности, связанной с почитанием Аполлона Дельфиния, Зевса и Афины.

При исследовании градостроительного плана Ольвии следует обратить внимание на одну специфическую особенность, связанную с его практической реализацией. Очевидно отсутствие в Ольвии фронтальной многокамерной застройки с двумя домами по узкой стороне квартала. Такая застройка являлась неотъемлемой частью градостроительных образований архаического времени, т.е. того исходного варианта, который был положен в основу ольвийского регулярного плана. Относительно небольшая ширина квартала на плане Ольвии позволяет предполагать, что он был рассчитан скорее всего на один дом по узкой стороне каждого квартала. Интересно то, что ширина квартала по узкой стороне в Ольвии равна или приблизительно равна половине квартала архаической застройки в городах Великой Греции, в частности на Сицилии⁵⁹. И этот момент не является случайным совпадением, наоборот, он подсказывает, что общее направление реконструкции градостроительного плана Ольвии выбрано верно.

В Ольвии этот строительный период представлен наземными, частично заглубленными ниже дневной поверхности того времени жилыми домами из сырцового кирпича на каменных цоколях, причем их строительство началось незадолго до появления регулярного градостроительного плана⁶⁰. Значительные поздние напластования по всей площади Ольвии до сих пор не дали возможности не только проследить полную планировку отдельных домов, но и полностью реконструировать раннюю застройку в пределах хотя бы одного квартала. Тем не менее можно говорить, что такие дома состояли, как минимум, из двух помещений, лишь в редких случаях прослежена

⁵⁷ McDonald 1943, 40–43; Lang 1996, 63–68; Kenzler 1999, 106–110; 2000, 23–28; Robinson 2016, 242.

⁵⁸ О культовой функции агоры см. Martin 1956, 33–34; Kenzler 1999, 138–140. Хрестоматийный пример – агора Мегары Гиблеи, окруженная общественными сооружениями типа героона и гестиатория, на которой находилось несколько храмов, при наличии отдельного городского теменоса (Mertens 2001, 51–54; 2010, 61–66, Abb. 3); см. также исследования по организации агоры в Афинах архаического и раннеклассического времени: Thompson, Wycherley 1972; в городах северо-восточного Пелопоннеса того же времени: Donati 2011, 102–103.

⁵⁹ Размеры дома в Касменах составляют 12,5 x 12,5 м, в Мегаре Гиблее – 14,40 x 14,40 м, в Акраганте – 12 x 17 м, Наксосе – 12,30 x 18,50 м (Hoepfner, Schwandner 1994, 300, Abb. 291).

⁶⁰ В юго-восточной части они датированы концом VI – серединой – началом третьей четверти V в. до н.э. (Bujskikh 2017, 8–14).

ограда внутреннего двора. Пока также нет оснований утверждать, что ольвийские дома имели уличный фронт застройки, как, например, дома этого времени в Милете, хотя они и имеют определенное сходство с ними в расположении помещений вокруг внутренних дворов⁶¹. Обычные многокамерные дома с внутренними дворами и каменными подвалами, знаменующие следующий, третий строительный период, появились в Ольвии не ранее второй половины IV в. до н.э. На территории Верхнего города эти дома перекрыли дома второго строительного периода с сырцовыми стенами, при этом они оказались вписанными в распланированные ранее городские кварталы⁶². Нельзя исключать, что уменьшенная вдвое ширина ольвийского квартала относительно квартала типовой схемы в регулярных городах Великой Греции может объясняться сложностью местного микрорельефа и относительно небольшими размерами жилых зон, что не позволило возводить в каждом квартале по два многокамерных дома типовой планировки вдоль фронта продольной улицы. Не следует также забывать о превалирующем влиянии на организацию жилого строительства в Ольвии домостроительства, распространенного в Ионии, для которой также нехарактерны дома типовой структуры, известные по памятникам Великой Греции⁶³. В этом заключается еще одна особенность урбанистического развития Ольвии.

Очевидно, что регулярный градостроительный план и жилая застройка Ольвии имели свою специфику, при которой Верхний город оказался распланированным без синхронного появления плотной квартальной застройки. Этим планировка и жилая застройка Ольвии отличалась от планировочной схемы соседнего Борисфена. Здесь после 540-х годов до н.э. возводились многокамерные дома со стенами из сырцовых кирпичей на каменных цоколях; помещения группировались вокруг внутренних дворов. Современные исследования градостроительной ситуации показывают, что город Борисфен получил прямоугольную, но не ортогональную планировку; при этом уличная сеть не была строго параллельной, кварталы различались в размерах, а многокамерные дома не имели стандартных планов, хотя и строились вдоль уличных фронтов⁶⁴. Из общественных центров в Борисфене открыт теменос⁶⁵, местоположение общественного центра (агоры) еще доподлинно не установлено, хотя, исходя из двух открытых сооружений с простодами, получивших интерпретацию в качестве гестиаториев, уже обоснованно подозревается⁶⁶.

⁶¹ Senff 2000, 29–37, Abb. 5; Lang 1996, Abb. 79–88. Проблема правомерности соотношения отдельных строительных комплексов архаического времени, раскопанных на целом ряде памятников Ионии, и на этом основании – общих реконструкций градостроительных планов этих городов с учетом материалов Милета хорошо показана и на примере архаического Эфеса (Kerschner 2017, 487–488).

⁶² Неслучайно в последней обобщающей работе, посвященной строительным комплексам Центрального квартала, второй период выглядит самым проблемным в плане реконструкции отдельных домов (Kryzhitskiy, Leyunskaya 2014, 19–32, рис. 36–37).

⁶³ Этот момент уже отмечен для стилистики декора ионического ордера в монументальной архитектуре Ольвии позднеархаического времени (Buiškikh 2017, 229).

⁶⁴ Chistov 2017, 137–152; 2018, 9–24.

⁶⁵ Nazarov 2001, 154–165.

⁶⁶ Chistov, Krutilov 2014, 213, fig. 8; Buiškikh, Chistov 2018, 19.

В целом создается впечатление, что не во всем удачный опыт реализации регулярной планировки и застройки в Борисфене был максимально учтен при последовавшем через сорок лет обустройстве градостроительного плана Ольвии. Однако и в отношении Ольвии, большая часть территории которой до сих пор не раскопана, пока нельзя утвердительно говорить о полном соблюдении градостроительного плана и о строительстве жилых домов с уличным фронтом застройки. Скорее всего предложенную в этой работе реконструкцию плана можно пока интерпретировать в качестве идеальной градостроительной модели, практическая реализация которой могла отличаться от первоначального замысла. При этом те дома, что раскопаны, при всем недостатке имеющейся информации позволяют заключить об их большем соответствии основным принципам домостроительства позднеархаического и раннеклассического времен, принятым в Восточном Средиземноморье (одно-два, редко три помещения, нерегулярный внутренний двор), чем в Великой Греции (многокамерные дома стандартной планировки)⁶⁷.

Из сказанного следует, что регулярный градостроительный план в Ольвии действительно существовал. Градостроительную программу, реализованную в пределах Верхнего города, площадь которого без учета склонов составляла порядка 28 га, вполне можно соотносить с аналогичными урбанистическими системами, возникшими в период Великой греческой колонизации. Ольвийский план является их наиболее поздней репликой, значительно менее сложной и менее масштабной. Некрополь и общественные центры занимали порядка 3–4 га от общей площади, остальная территория была отдана под организацию жилых зон и обустройство инфраструктуры.

Характерной чертой реализованного в Ольвии градостроительного решения, которую вполне можно воспринимать как местную инновацию, является отсутствие плотной внутриквартальной застройки стандартными домами – их заменили более простые в объемном отношении дома. Жилые кварталы были рассчитаны на один дом по узкой стороне. Поэтому практическое соединение двух строительных традиций, западно- и восточносредиземноморской, можно считать характерной особенностью пространственного и градостроительного развития Ольвии в позднеархаический период. Нельзя исключать, что дальнейшие исследования ранних градостроительных систем позволят экстраполировать такой вывод и на другие полисы Причерноморья, основанные в позднеархаическое время, или, наоборот, подтвердить уникальность реализованного в Ольвии регулярного градостроительного плана.

⁶⁷ В этом контексте интересно сравнение градостроительной ситуации в Ольвии с той, что известна по результатам исследований последних лет в Фанагории. Здесь открыто несколько кварталов городской застройки с сырцовыми домами, вытянутыми вдоль фронта улицы с противоположных сторон (Kuznetsov 2018, 122, рис. 4). Скорее всего дома эти также были одно-двухкамерными (не исключено, что и трехкамерными), с внутренними дворами. Планировочные особенности фанагорийских домов также соответствуют общей планировочной организации жилого домостроительства в архаической Ионии.

Литература/ References

- Bergquist, B. 1967: *The Archaic Greek Temenos. A Study of Structure and Function*. Lund.
- Brashinskiy, I.B. 1977: [Rev.:] Waşowicz, A. Olbia Pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace. Paris, 1975. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 3, 300–308.
- Брашинский, И.Б. Рец.: Waşowicz A. Olbia Pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace. Paris, 1975. *СА* 3, 300–308.
- Buiskikh, A.V. 2017: Local architectural styles in the Northern Black Sea (with a particular focus on the Ionic Order). In: V. Kozlovskaya (ed.), *The Northern Black Sea in Antiquity. Networks, Connectivity, and Cultural Interactions*. Cambridge, 192–230.
- Buiskikh, A.V. 2020: [Roof-tiles and architectural terracotta from temple of Aphrodite at Olbia]. In: A.V. Buiskikh, N.A. Son (eds.), *Vid antychnosti do hrystyjanstva. Zbirnyk naukovykh statej, pry-svjachenyj 70-richchju Vitalija Myhajlovycha Zubarja* [From Antiquity to Christianity. Collected Research Articles Devoted to the 70th Anniversary of Vitalii Mykhailovych Zubar]. Kyiv, 46–60.
- Буйских, А.В. Черепица и архитектурная терракота храма Афродиты в Ольвии. В кн.: А.В. Буйских, Н.А. Сон (ред.), *Від античності до християнства. Збірник наукових статей, присвячений 70-річчю Віталія Михайловича Зубаря*. Київ, 46–60.
- Buiskikh, A.V. 2015: The southern *temenos* in Pontic Olbia (preliminary results of the investigation). *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 21, 222–250.
- Buiskikh, A.V. 2017: From dugouts to houses: urban development in Late Archaic Olbia Pontica. *Caiete ARA* 8, 5–16.
- Buiskikh, A.V. 2005: [Some polemical notes on the origin and development of Boristhenes and Olbia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 146–165.
- Буйских, А.В. Некоторые полемические заметки по поводу становления и развития Борисфена и Ольвии в VI в. до н.э. *ВДИ* 2, 146–165.
- Buiskikh, A.V. 2008: *Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu* [Spatial Development of Chersonesos Taurica in Antique Epouqe]. Simferopol.
- Буйских, А.В. *Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху*. (МАИЭТ, Suppl. 5). Симферополь.
- Buiskikh, A.V. 2013: *Arkhaischeskaya raspisnaya keramika iz Ol'vii (vostochnogrecheskaya, lakonskaya, korinf'skaya, imitatsii)* [Archaic Painted Pottery from Olbia (East-Greek, Laconic, Corinthian, Imitations)]. Kiev.
- Буйских, А.В. *Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации)*. Киев.
- Buiskikh, A.V. 2015: [The southern *temenos* of Olbia Pontica (preliminary results)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 6–21.
- Буйских, А.В. Южный теменос Ольвии Понтийской (предварительные итоги изучения). *ВДИ* 2, 6–21.
- Buiskikh, A.V., Zolotaryov, M.I. 2001: [The city plan of Chersonesus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 111–132.
- Буйских, А.В., Золотарев, М.И. Градостроительный план Херсонеса Таврического. *ВДИ* 1, 111–132.
- Buiskikh, A.V., Chistov, D.E. 2018: Architectural details and monumental buildings at Borysthenes. *Caiete ARA* 9, 5–22.
- Buiskikh, A.V., Fornasier, J. 2022: The City *et/versus* its Suburb: the Spatial Development of Pontic Olbia. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* (in print).
- Castagnoli, F. 1971: *Orthogonal Town Planning in Antiquity*. Cambridge (MA)—London.
- Chistov, D.E. 2017: [Dwelling house construction in the settlement of Berezan of the second half of the 6th – first half of the 5th century BC]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 23, 132–152.
- Чистов, Д.Е. Жилое домостроительство Березанского поселения второй половины VI – первой половины V в. до н.э. *Археологические вестни* 23, 132–152.
- Chistov, D.E. 2018: [Urbanization of Greek centres of the Northern Black Sea region in the 6th – the beginning of the 5th cent. BCE. Similarities and differences]. In: V. Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen. Obshchee i osobnoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Ch. 2 [The Bosporan Phenomenon: General and Peculiar

- Features of Historical and Cultural Space in the World of Classical Antiquity. Proceedings of the International Conference. Pt. 2]. Saint Petersburg, 8–24.*
- Чистов, Д. Е. Урбанизация античных центров Северного Причерноморья в VI – начале V вв. до н.э. Сходства и различия. В сб.: В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Ч. 2.* СПб., 8–24.
- Chistov, D., Krutilov, V. 2014: The archaic town on the Berezan island: new studies on the chronology and urban planning of the Berezan settlement. In: N. Povalachev (Hrsg.), *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov.* Göttingen, 209–229.
- Diehl, E. 1937: Olbia 4. In: *RE.* XVII, 2, 2405–2423.
- Donati, J.C. 2011: Civic buildings and the early Greek agora: the view from the Peloponnese. In: A. Gianikouri (ed.), *The Agora in the Mediterranean from Homeric to Roman Times. International Conference, Kos 14–17 April 2011.* Athens, 101–111.
- Farmakovskiy, B.V. 1910: [Excavations at Olbia]. *Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1907 god [The Report of Imperial Archaeological Commission, 1907]*, 1–66.
Фармаковский, Б. В. Раскопки в Ольвии. *ОАК за 1907 год*, 1–66.
- Farmakovskiy, B.V. 1912: [Excavations at Olbia]. *Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1908 god [The Report of Imperial Archaeological Commission, 1908]*, 1–84.
Фармаковский, Б. В. Раскопки в Ольвии. *ОАК за 1908 год*, 1–84.
- Gerkan, A. von 1924: *Griechische Städteanlagen. Untersuchungen zur Entwicklung des Städtebaues im Altertum.* Berlin–Leipzig.
- Greaves, A.M. 2004: The cult of Aphrodite in Miletos and its colonies. *Anatolian Studies* 54, 27–33.
- Haverfield, F. 1913: *Ancient Town-Planning.* Oxford.
- Hoepfner, W. 1989: Die frühen Demokratien und die Architekturforschung. In: W. Schuller, W. Hoepfner, E.-L. Schwandner (Hrsg.), *Demokratie und Architektur. Der hippodamische Städtebau und die Entstehung der Demokratie. Konstanzer Symposium vom 17. bis 19. Juli 1987.* München, 9–13.
- Hoepfner, W. 1999: Die Epoche der Griechen. In: W. Hoepfner (Hrsg.), *Geschichte des Wohnens.* Bd. I. 5000 v. Chr. – 500 n. Chr. *Vorgeschichte, Frühgeschichte, Antike.* Stuttgart, 123–515.
- Hoepfner, W., Schwandner, E.-L. 1994: *Haus und Stadt im klassischen Griechenland.* (Wohnen in der klassischen Polis, I). 2. Aufl. München.
- Karasev, O.M. 1958: [To a question of the earliest ramparts and ditches at Olbia]. *Arheologichni pam'jatky URSR [Archaeological Sites of Ukrainian Soviet Socialistic Republic]* VII, 16–28.
Карасьов, О. М. До питання про найдавніші вали і рови Ольвії. *Археологічні пам'ятки УРСР* VII, 16–28.
- Karasev, A.N. 1964: [Monumental remains of the Olbian temenos]. In: V.F. Gaydukevich (ed.), *Ol'viya. Temenos i agora [Olbia. Temenos and Agora].* Moscow–Leningrad, 27–49.
Карасев, А. Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса. В сб.: В. Ф. Гайдукевич (ред.), *Ольвия. Теменос и agora.* М.–Л., 27–49.
- Kenzler, U. 1999: *Studien zur Entwicklung und Struktur der griechischen Agora in archaischen und klassischen Zeit.* (Europäische Hochschulschriften. Reihe 38, Archäologie). Frankfurt am Main.
- Kenzler, U. 2000: Vom dörflichen Versammlungsplatz zum urbanen Zentrum. Die Agora im Mutterland und in den Kolonien. In: F. Krinzinger (Hrsg.), *Die Ägäis und das westliche Mittelmeer. Beziehungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. v. Chr.* Wien, 23–28.
- Kerschner, M. 2017: The spatial development of Ephesos from ca. 1000 – ca. 670 BC against the background of the other early Iron Age settlements in Ionia. In: A. Mazarakis Ainian, A. Alexandridou, X. Charalambidou (eds.), *Regional Stories Towards a New Perception of the Early Greek World. Acts of an International Symposium in Honour of Professor Jan Bouzek, Volos 18–21 June 2015.* Volos, 487–512.
- Knipovich, T.N. 1940: [Necropolis in North-Eastern part of Olbian site (based on excavations of 1937)]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]* 6, 92–106.
Книпович, Т. Н. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища (по раскопкам 1937 г.). *СА* 6, 92–106.
- Knipovich, T.N. 1941: [Necropolis at the territory of Olbia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kultury [Brief Communications of the Institute of History of the Material Culture]* X, 112–120.
Книпович, Т. Н. Некрополь на территории Ольвии. *КСИИМК* X, 112–120.
- Kolb, F. 1984: *Die Stadt im Altertum.* München.

- Krapivina, V.V. 2014: *Ol'vija Pontijs'ka. Greko-ryms'kuj ta pizn'oantychnyj periody* [Olbia Pontica. Greek-Roman and Late Antiquity Periods]. Kyiv.
- Крапивина, В.В. *Ольвия Понтийська. Греко-римський та пізньоантичний періоди*. Київ.
- Kryzhitskiy, S.D. 1971: *Zhilye ansambli drevney Ol'vii IV–II vv. do n.e.* [Living Dwellings of the Ancient Olbia, 4th–2nd cent. BCE]. Kiev.
- Крыжицкий, С.Д. *Жилые ансамбли древней Ольвии IV–II вв. до н.э.* Киев.
- Kryzhitskiy, S.D. 1993: *Arkitektura antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya* [Architecture of the ancient states of the Northern-Black Sea region]. Kiev.
- Крыжицкий, С.Д. *Архитектура античных государств Северного Причерноморья*. Киев.
- Kryzhitskiy, S.D., Leypunskaya, N.A. 2014: [Living dwellings of the central block at the region of agora]. In: S.D. Kryzhitskiy, N.A. Leypunskaya (eds.), *Zhilye doma Tsentral'nogo kvartala Ol'vii* [Living Dwellings of the Central Block of Olbia]. Simferopol–Kerch, 6–62.
- Крыжицкий, С.Д., Лейпунская, Н.А. Жилые дома Центрального квартала в районе агоры. В кн.: С.Д. Крыжицкий, Н.А. Лейпунская (ред.), *Жилые дома Центрального квартала Ольвии*. (МАИЭТ, Suppl. 13). Симферополь–Керчь, 6–62.
- Kryzhitskiy, S.D., Rusyaeva, A.S., Nazarchuk, V.I. 2006: [Architectural terracotta of VI–V centuries]. In: V.N. Zin'ko (ed.), *Drevneyshiy temenos Ol'vii Pontiysskoy* [The Earliest Temenos of Olbia Pontica]. Simferopol, 100–114.
- Крыжицкий, С.Д., Русяева, А.С., Назарчук, В.И. Архитектурная терракота VI–V вв. В кн.: В.Н. Зинько (отв. ред.), *Древнейший теменос Ольвии Понтийской*. (МАИЭТ, Suppl.2). Симферополь, 100–114.
- Kryzhyc'kuj, S.D., Karyaka, O.V. 2017: [To history of development of the general plan of architectural and building remains at Olbian hill-fort]. *Arheologija* [Archaeology] 3, 66–80.
- Крыжицкий, С.Д., Каряка, О.В. До історії створення загального плану архітектурно-будівельних залишків Ольвії. *Археологія* 3, 66–80.
- Kryzhyc'kuj, S.D., Rusjajeva, A.S. 1978: [The earliest dwellings of Olbia]. *Arheologija* [Archaeology] 28, 3–25.
- Крыжицкий, С.Д., Русяева, А.С. Найдавніші житла Ольвії. *Археологія* 28, 3–25.
- Kuznetsov, V.D. 2018: [Dwelling building at the Northern Black Sea littoral (archaic period)]. In: V.D. Kuznetsov (ed.), *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy*. Т. 7. [Fanagoria. Results of Archaeological Investigations. Vol. 7]. Moscow, 117–135.
- Кузнецов, В.Д. Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики). В кн.: В.Д. Кузнецов (ред.), *Фанагория. Результаты археологических исследований*. Т. 7. (Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 4). М., 117–135.
- Lang, F. 1996: *Archaische Siedlungen in Griechenland. Struktur und Entwicklung*. Berlin.
- Lavas, G.P. 1974: *Altgriechisches Temenos: Baukörper und Raumbildung*. Diss. Basel–Stuttgart.
- Levi, E.I. 1964: [Small finds from the Olbian Temenos (general description)]. In: V.F. Gaydukevich (ed.), *Ol'viya. Temenos i agora* [Olbia. Temenos and Agora]. Leningrad, 131–174.
- Леви, Е.И. Материалы ольвийского теменоса (общая характеристика). В сб.: В.Ф. Гайдукевич (ред.), *Ольвия. Теменос и агора*. Л., 131–174.
- Levi, E.I. 1985: *Ol'viya. Gorod epokhi ellinizma* [Olbia. The City of Hellenistic Period]. Leningrad.
- Леви, Е.И. *Ольвия. Город эпохи эллинизма*. Л.
- Malkin, I. 1987: *Religion and Colonization in Ancient Greece*. (Studies in Greek and Roman Religion, 3). Leiden–New York–København–Köln.
- Marchenko, K.K. 1994: [Spontaneous character of the Greek colonization (based on the materials from the North-Western Black Sea Coast)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 92–99.
- Марченко, К.К. «Стихийная линия» греческой колонизации или К вопросу о характере и путях формирования сельского населения Северо-Западного Причерноморья позднеархаического периода. *ВДИ* 4, 92–99.
- Martin, R. 1956: *L'urbanisme dans la Grèce antique*. Paris.
- Martin, R. 1983: L'espace civique, religieux et profane dans les cités grecques de l'archaïsme à l'époque hellénistique. In: *Architecture et société. De l'archaïsme grec à la fin de la République. Actes du Colloque international organisé par le Centre national de la recherche scientifique et l'École française de Rome (Rome 2–4 décembre 1980)*. Roma, 9–41.
- Martin, R. 1987: Rôle des principes fonctionnels dans l'urbanisme de la Grèce antique. In: M. Roland, *Architecture et urbanisme: aspects historiques et fonctionnels*. Roma, 89–117.
- McDonald, W.A. 1943: *The Political Meeting-Places of the Greeks*. Baltimore.

- Mertens, D. 2001: Mégara Hyblaea. Retours sur l'agora. In: E. Greco (ed.), *Architettura, urbanistica, società nel mondo antico. Giornata di studi in ricordo di Roland Martin*. Paestum, 51–63.
- Mertens, D. 2010: Von Megara nach Selinunt. Raumordnung und Baukunst als Mittel zur Identitätsbildung griechischer Poleis während der großen Kolonisation. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung* 116, 55–103.
- Nazarov, V.V. 2001: [The sanctuary of Aphrodite in Berezan]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 154–165.
Назаров, В.В. Святынище Афродиты в Борисфене. *ВДИ* 1, 154–165.
- Pharmakowskij, B.V. 1929: *Rozkopuvannja Ol'bij' r. 1926 [Excavations at Olbia in 1926]*. Odesa.
Фармаковський, Б.В. *Розкопування Ольбії р. 1926*. Одеса.
- Robinson, B.A. 2016: Urbanplanning and infrastructure. In: M.M. Miles (ed.), *A Companion to Greek Architecture*. Chichester, 241–253.
- Rusyaeva, A.S. 1994: Investigations of the Western temenos of Olbia. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 1/1, 80–102.
- Rusyaeva, A.S. 2006a: [The Western temenos in the context of history and spiritual culture of the Olbian Polis]. In: V.N. Zin'ko (ed.), *Drevneyshiy temenos Ol'vii Pontiysskoy [The Earliest Temenos of Olbia Pontica]*. Simferopol, 226–246.
Русяева, А.С. Западный теменос в контексте истории и духовной культуры Ольвийского полиса. В кн.: В.Н. Зинько (отв. ред.), *Древнейший теменос Ольвии Понтийской*. (МАИЭТ, Suppl. 2). Симферополь, 226–246.
- Rusyaeva, A.S. 2006b: [Olbian temene (general description)]. In: V.N. Zin'ko (ed.), *Drevneyshiy temenos Ol'vii Pontiysskoy [The Earliest Temenos of Olbia Pontica]*. Simferopol, 247–260.
Русяева, А.С. Теменосы Ольвии (сравнительная характеристика). В кн.: В.Н. Зинько (отв. ред.), *Древнейший теменос Ольвии Потийской*. (МАИЭТ, Suppl. 2). Симферополь, 247–260.
- Senff, R. 2000: Die archaische Wohnbebauung am Kalabaktepe in Milet. In: F. Krinzing (Hrsg.), *Die Ägäis und das westliche Mittelmeer. Beziehungen und Wechselwirkungen 8. bis 5. Jh. v. Chr.* Wien, 29–37.
- Thompson, H.A., Wycherley, R.E. 1972: *The Agora of Athens: The History, Shape and Uses of an Ancient City Center*. (The Athenian Agora, 14). Princeton (NJ).
- Vinogradov, Yu.A. 1999: [Greek colonization and Greek urbanization of the Northern Black Sea region]. *Stratum plus* 3, 101–115.
Виноградов, Ю.А. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья. *Stratum plus* 3, 101–115.
- Vinogradov, Yu.G. 1989: *Politicheskaya istoriya Ol'viyskogo polisa [Political History of the Olbian Polis]*. Moscow.
Виноградов, Ю.Г. *Политическая история Ольвийского полиса*. Москва.
- Wąsowicz, A. 1975: *Olbia Pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace*. Paris.
- Wąsowicz, A. 1996: Deux modèles d'aménagement de l'espace dans les colonies grecques. *Archeologia* XLXI, 7–18.
- Wycherley, R.E. 1967: *How the Greeks Built Cities*. 2nd ed. London–Melbourne–Toronto.
- Zimmermann, K. 2005: Terres cuites architecturales. In: P. Alexandrescu (éd.), *La zone Sacrée d'époque grecque (fouilles 1915–1989)*. (Histria, VII). București, 463–485.

DOI: 10.31857/S032103910013422-7

О БОРЕЕ, ПОНТЕ И ДРЕВНЕМ САДЕ ФЕБА: ЗАМЕЧАНИЯ К ГЕОГРАФИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА У СОФОКЛА

А. В. Подосинов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия*

E-mail: podossinov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2295-9290

В статье рассматривается цитата из неизвестной драмы Софокла, сохраненная Страбонам (VII. 3. 1), в которой говорится, что Борей унес похищенную им дочь Эрехтея Орифию «через весь Понт к крайним пределам земли, к истокам ночи, к открытому небу, к древнему саду Феба». Понимание этих строк представляет немалые трудности, их интерпретация различными исследователями неоднозначна. В статье обосновывается точка зрения, согласно которой Борей уносит свою будущую жену в страну гипербореев, располагающуюся на севере Восточной Европы «за Понтом (Эвксинским)», в вотчине Аполлона («древнем саду Феба»), который, в представлении древних греков, имел тесные связи с гиперборейями. Более того, по некоторым версиям мифа, гиперборейями управляли Бореады, потомки Борея и Орифии. Весь комплекс античных представлений о Брее, Бореадах, Рипейских горах, Понте Эвксинском, Аполлоне, гиперборейях, полярной ночи («истоки ночи»), проанализированный в статье, приводит к выводу, что Софоклу была известна связь «фракийского» Борея с гиперборейями (букв. «живущими за Бореем»). Тем самым фонд источников древней истории Северного Причерноморья пополняется еще одним интересным свидетельством.

Ключевые слова: Софокл, Страбон, Борей, Орифия, гиперборейи, Аполлон, Рипейские горы, античная география и мифология, Северное Причерноморье

Данные об авторе. Александр Васильевич Подосинов — доктор исторических наук, заведующий кафедрой древних языков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» ИВИ РАН.

ON BOREAS, PONTOS AND THE ANCIENT
GARDEN OF PHOIBOS:
SOME REMARKS ON THE SOPHOCLEAN GEOGRAPHY
OF THE EUROPEAN NORTH

Alexander V. Podossinov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

E-mail: podossinov@mail.ru

The article discusses a short text from an unknown drama of Sophocles, preserved by Strabo (VII. 3.1), which says that Boreas abducted and carried away Oreithyia, the daughter of Erechtheus, “across the entire Pontus to the extreme limits of the earth, to the sources of the night, to the open sky, to the ancient garden of Phoebus”. Understanding these lines presents considerable difficulties, and their interpretation by various researchers is ambiguous. The article substantiates the point of view according to which Boreas takes his future wife to the country of mythical Hyperboreans, located in the north of Eastern Europe “beyond Pontus (Euxine)”, in the patrimony of Apollo (“the ancient garden of Phoebus”), which, in the opinion of the ancient Greeks, had close connections with Hyperboreans. Moreover, according to some versions of the myth, the Hyperboreans were ruled by the Boreads, descendants of Boreas and Oreithyia. The whole complex of ancient ideas about Boreas, Boreads, Ripaeian mountains, Pontus Euxine, Apollo, Hyperboreans, polar night (“the sources of the night”), analyzed in the article, leads to the conclusion that Sophocles was aware of the connection between the “Thracian” Boreas and the Hyperboreans (lit. “living beyond Boreas”). Thus, our collection of sources on the Northern Black Sea region’s ancient history is replenished with one more interesting piece of evidence.

Keywords: Sophocles, Strabo, Boreas, Oreithyia, Hyperboreans, Apollo, Ripaeian mountains, ancient geography and mythology, Northern Black Sea region

В VII книге «Географии» Страбон, описывая северные части Европы, резко критически отзывается о фантастических, мифических и поэтических сюжетах, связанных с этой окраиной ойкумены (VII. 3. 1):

Из-за неизвестности этих мест до сих пор пользуются успехом некоторые сочинители басен (μυθολοιοῦντες) о Рипейских горах и гиперборейях и то, что выдумал массалиот Пифей об этом же побережье, прикрываясь [положениями] небесной и математической науки. Их следует оставить без внимания.

Ибо, если Софокл что-то описывает в трагедии об Орифии, говоря, что, похищенная Бореом, она была унесена

«через весь Понт к крайним пределам земли,
к истокам ночи, к открытому небу,
(и) к древнему саду Феба»,

то это, пожалуй, не имеет никакого отношения к настоящему [исследованию] и должно быть оставлено без внимания, как [делает] Сократ в «Федре». Мы же намерены обсуждать то, что получили из истории – как древней, так и современной¹.

¹ Διὰ δὲ τὴν ἄγνοιαν τῶν τόπων τούτων οἱ τὰ Ῥιπαῖα ὄρη καὶ τοὺς Ὑπερβορείους μυθολοιοῦντες λόγου ἡξίωσται καὶ ἃ Πυθέας ὁ Μασσαλιώτης κατεψεύσατο ταῦτα τῆς παρωικαντίδος προσήματι

Речь у Страбона идет о неизвестной трагедии Софокла, и эта цитата Страбона обычно публикуется как ее фрагмент (Fr. 879 Nauck = Fr. 956 Pearson). В ней, как мы видим, описывалось похищение Орифии, дочери афинского царя Эрехтея, фракийским царем Бореем, который выступал в этом мифе и как северный ветер (рис. 1)². В оценке реальности этой легенды Страбон солидаризируется со словами Сократа из диалога Платона «Федр». Имеется в виду следующее место (Plato. *Phaedr.* 229):

Рис. 1. Борей, преследующий Орифию. Афинский краснофигурный кратер V в. до н.э. © Museum of Fine Arts, Boston, USA

Федр. Скажи мне, *Сократ*, не здесь ли где-то, с Илиса, Борей, по преданию, похитил Орифию? *Сократ.* Да, по преданию... *Федр.* ... Но скажи, ради Зевса, Сократ, ты веришь в истинность этого сказания? *Сократ.* Если бы я и не верил, подобно мудрецам, ничего в этом не было бы странного — я стал бы тогда мудрствовать и сказал бы, что порывом Борей сбросило Орифию, когда она резвилась с Фармакеей на прибрежных скалах; о такой ее кончине и сложилось предание, будто она была похищена Бореем. Или он похитил ее с холма Арея? Ведь есть и такое предание — что она была похищена там, а не здесь. Впрочем, я-то, Федр, считаю, что подобные толкования хотя и привлекательны, но это дело человека особых способностей; трудов у него будет много, а удачи — не слишком, и не по чему другому, а из-за того, что вслед за тем придется ему восстанавливать подлинный вид гиппокентавров, потом химер и нахлынет на него целая орава всяких горгон и пегасов и несметное скопище разных других нелепых чудовищ.

Пер. А.Н. Егунова

В данной работе нас интересует загадочный маршрут, по которому, согласно Софоклу, Борей, похитив Орифию, перенес ее в свое царство. В далекой древности Борей помещали во Фракии, которая представлялась лежащей на самом севере ойкумены³: Борей как северный ветер упоминается уже у Гомера (*Od.* V. 295); он дует из Фракии (*Il.* IX. 5; ср. также *Schol. Od.* XIV. 533 о Фракии как резиденции Борей; так же в римской поэзии: *Ovid. Met.* VI. 710; *Sil. Ital.* XIV. 120). У Пиндара он царь ветров (*Pyth.* IV. 181), живущий в Пангейских горах во Фракии (*Pyth.* IV. 326; ср. *Val. Flacc.* I. 575), ему молятся и приносят жертвы; согласно мифу Борей похищает в Афинах Орифию и уносит ее во Фракию, где она

χρῶμενος τῇ περὶ τὰ οὐράνια καὶ τὰ μαθηματικὰ ἱστορίᾳ. ἐκεῖνοι μὲν οὖν ἔασθωσαν· οὐδὲ γὰρ εἶ τινα Σοφοκλῆς τραγῳδεῖ περὶ τῆς Ὠρειθυίας λέγων ὡς ἀναπλαγεῖσα ὑπὸ Βορέου κομισθεῖν ὑπὲρ τε Πόντον πάντ' ἐπ' ἔσχατα χθονὸς
νυκτός τε πληγὰς οὐρανοῦ τ' ἀναπτυχάς,
Φοίβου (codd. add. τε; del. Hermann et al. edd.) παλαιὸν κῆπον,
οὐδὲν ἂν εἶη πρὸς τὰ νῦν, ἀλλ' ἐατέον, ὥσπερ καὶ ἐν τῷ Φαίδρῳ ὁ Σωκράτης· ἃ δὲ ἔκ τε τῆς παλαιᾶς ἱστορίας καὶ τῆς νῦν παρελήφαμεν, ταῦτα λῶγομεν.

Перевод выполнен в семинаре по переводу и комментированию известий Страбона о Северном Причерноморье под руководством Л.И. Грацианской и А.В. Подосинова.

² См. подробнее об этом мифе Finkelberg 2014, 87–100.

³ См. Ivantchik 2005, 104.

становится его женой и родит ему сыновей Зета и Калаиса (будущих аргонавтов) и дочь Клеопатру⁴.

В архаической картине мира северный горизонт греков замыкался гористыми областями – Пиэрией, Македонией, Пеонией и Фракией. Грекам были знакомы большие горные массивы, фракийские Родопы, Пангей и Гем, откуда и дул северный ветер Борей. Сразу за горами должен был находиться или Северный океан (который окружал всю землю⁵ и по которому будто бы плавали аргонавты и Одиссей), или некая полоса суши между горами и океаном; при этом даже Истр-Дунай не был еще, по-видимому, известен Гомеровым грекам⁶. Итак, известная тогда Европа на севере оканчивалась неким большим горным массивом, который, на мой взгляд, был изначально известен грекам как Рипейские горы, каковые, по мере освоения периферии ойкумены, переместились затем веером на север Европы от Альп до Урала, сохранив свое соседство с северным океаном⁷.

В этих фракийских горах, согласно древним мифам, обитал ветер Борей (также в качестве персонифицированного мифического персонажа – царя), который со временем стал для греков синонимом холодного, порывистого северного ветра и севера вообще⁸. Связь северогреческих гор с Бореем сохранилась и тогда, когда эти горы отодвинулись далеко на север⁹ и когда они стали называться Рипеями. Так, если, по Ферекиду (*Schol. Ad Apollon. Rhod. I. 211*) и Каллимаху, Борей обитал в горах фракийского Гема и был знаменит своим бурным веянием (ῥιπή) и холодами, которые он приносил в Грецию¹⁰, а по Пиндару (*Puth. IV. 179–184*¹¹) и Валерию Флакку (*Argon. I. 574–575*¹²) – на горе Пангее, то согласно Плинию Старшему (*NH IV. 88*) и тому же

⁴ Wernicke 1897, 721–724 с указанием источников. Подробное исследование образа Борея как северного ветра и как фракийского царя также см. Rausch 2013, 11–14.

⁵ Ср. Strab. I. 3: «Гомер объявил, что обитаемый мир со всех сторон омывается Океаном, как это и есть в действительности».

⁶ Впервые Истр был назван Гесиодом в «Теогонии» в знаменитом каталоге рек (ст. 337–345).

⁷ Подробнее о локализации Рипейских гор см. Denisov, Podossinov 2016, 53–160.

⁸ О Борее как обозначении всего севера Европы см. Rausch 2013, 9–14.

⁹ См. об этом сдвиге Beckers 1914, 538; также см. с. 548–549. Ср. Wikén 1939, 540–552; Stenger 2001, 992–993; Rausch 2013, 16–17.

¹⁰ Call. *Hymn. Del. IV. 25*: «Ибо от вихрей Борея стримонского рушатся наземь / Башни и стены порой» (εἶχεα μὲν καὶ λᾶες ὑπὸ ῥιπῆς κε πέσοιεν / Στρυμονίου βορέαο; также см. *Hymn. Artem. 113–115*:

Αἴψα ἐπὶ Θρήικι, τόθεν βορέαο κατὰἶξ
ἔρχεται ἀχλαῖνοισι δυσᾶα κρυμὸν ἄγουσα.

Но куда ты (ср. Артемида) свою погнала впервые упряжку?
К Гему, Фракийской горе, отколе порывы Борея
Веют, стужей дыша на тех, кто плащом не укутан.

Пер. С. С. Аверинцева

¹¹ ταχέες
ἀμφὶ Παγγαίου θεμέθλοισι ναετᾶοντες ἔβαν.

И немедленно пришли живущие у подножий Пангея (ср. Калаис и Зет).

¹² «...Борей наблюдал с Пангейской крепости (Pangaea Boreas speculatus ab arce)».

Валерию Флакку (*Argon.* II. 516) — уже на Рипейских (Рифейских¹³) горах. Впервые название Рипеев, без указания их локализации, мы встречаем у поэта второй половины VII в. Алкмана в форме 'Рипас' (F 90 Page: 'Ρίπας ὄρος); о них сказано, что они есть «грудь черной ночи» — *νυκτὸς μελαίνας στέρνων*. Ночными, т.е. северными названы Рипеи и у Софокла в «Эдипе в Колоне» (1248: *ἐννυχίαν ἀπὸ Ρίπᾶν*). С дуновением Борея связана и популярная в античности (и принятая большинством современных историков¹⁴) этимология названия Рипеев — от глагола *ρίπτειν* — 'бросать, сбрасывать' и существительного *ρίπη* — 'натиск, напор, порыв'. Уже у Гомера встречается выражение *ρίπη* Βορέαο (*Il.* XV. 171). В антропоморфном виде Борей как царь ветров (*βασιλεὺς ἀνέμων*) и отец (*πατὴρ Βορέας*) аргонавтов Зета и Калаиса упоминается впервые у Пиндара (*Pyth.* IV, 182–183).

Возвращаясь к тексту Софокла, я полагаю, что когда, по обычному для античной этногеографии закону, локализация мифологических персонажей и реалий по мере расширения знаний об окружающем мире отодвигались все дальше к окраинам ойкумены, Борея и его царство логично было поместить «в крайних пределах земли» (*ἐλ' ἔσχατα χθονός*), куда путь вел к северу от Черного моря («через весь Понт» — *ὕπερ πόντον πάντ'*), сначала туда, где господствует ночь (букв. находятся «истоки ночи» — *νυκτὸς πηγαί*), затем к сияющему, открытому небу (*οὐρανοῦ ἀναπτυχή*), где находится «древний сад Феба» (*Φοίβου παλαιὸς κήλος*).

Некоторые детали, особенно последние слова о саде Аполлона, позволяют думать, что речь здесь идет гипербореях¹⁵, чью страну, по преданию, часто навещал Аполлон, в честь которого гипербореи устраивали пышные празднества и которого в Греции могли называть «Гиперборейским»¹⁶ (рис. 2).

Рис. 2. Аполлон Гиперборейский, скачущий на грифоне. Афинский краснофигурный килик IV в. до н.э. © *Kunsthistorisches Museum, Wien, Österreich*

¹³ В латинской традиции греческий звук -п- в слове «Рипеи» получил аспирацию и стал читаться как -ф- (Рифеи).

¹⁴ См., например, Kiessling 1914, 855.

¹⁵ Эту идею высказала уже М.В. Скржинская в 1985 г., хотя и без особой аргументации (Skrzhinskaya 1985, 145; также см. Skrzhinskaya 1991, 120), что дает нам возможность подробнее рассмотреть это высказывание Софокла и обосновать гиперборейскую версию маршрута Борей. Замечу, что этот пассаж Софокла не входит ни в собрание античных литературных источников истории Северного Причерноморья В.В. Латышева «*Scythica et Caucasia*», ни в обширную подборку текстов о севере Европы в книге С. Рауша, который большое внимание уделял сообщениям о гипербореях.

¹⁶ Особенно часто эта эпikleза употреблялась в отношении Пифагора, которого воспринимали как воплощение Аполлона Гиперборейского, см., например,

Надо заметить, что слово κῆλος, кроме обычного значения «сад», часто означает «благодатный край», а с расширением в виде имени бога (например, Ἀφροδίτης, Διός) еще и его место пребывания или сферы влияния (обладания). Сам Софокл упоминает Διὸς κῆλοι (Soph. Fr. 320 Pearson), что понимается или как «сады Гесперид (Геры и Зевса)»¹⁷, или как «владения Зевса, т.е. небеса»¹⁸. И в нашем случае Φοίβου κῆλος можно интерпретировать как «вотчина Феба»¹⁹, а ею, несомненно, и была земля гипербореев²⁰. В словаре Лидделла-Скотта (s.v. κῆλος), где приведены примеры с именами богов, «сад Феба» Софокла предлагается понимать как «the eastern sky», что, на мой взгляд, неверно, так как соседствует с «истоками ночи», которые, кстати, в том же словаре переводятся как the North (s.v. πηγαί); к тому же, как мы видим, предполагается путь через Понт (Эвксинский, см. об этом отождествлении ниже), т.е. на север, а не на восток.

Поскольку само название «гиперборей» (Ἵπερβόρειοι) означает «живущие за (ὑπέρ) Бореем»²¹, их соседство с Бореем и во фрагменте Софокла не вызывает особых сомнений²². Тем более что, по некоторым версиям, гиперборейями управляли сыновья Борея.

Arist. apud Aelian. *Var. hist.* II. 26: «Аристотель сообщает, что жители Кротона называли Пифагора гиперборейским Аполлоном (Ἀπόλλωνα Ἵπερβόρειον)» (пер. С.В. Поляковой). Ср. Diog. Laert. VIII. 11: «Видом, говорят, был он (Пифагор. — А. П.) величествен, и ученикам казалось, будто это сам Аполлон, пришедший от гипербореев (ὡς εἶη Ἀπόλλων ἐξ Ἵπερβορέων ἀφιγμένος)» (пер. М.Л. Гаспарова); Porphyg. *Vita Pythag.* 28: «Общеизвестно и то, как он показал гиперборейцу Абариду, жрецу гиперборейского Аполлона, свое бедро из золота в подтверждение его слов, что Пифагор и есть Аполлон Гиперборейский (Ἀπόλλωνα εἶναι τὸν ἐν Ἵπερβορέοις)» (перевод М.Л. Гаспарова). Также см. Iambli. *De vita Pyth.* VI. 30: «Одни считали его Пифийцем, другие — Аполлоном из страны гиперборейцев (τὸν ἐξ Ἵπερβορέων Ἀπόλλωνα)» (пер. И.Ю. Мельниковой); также см. ibid. XIX. 90–92; XXVIII. 135.

¹⁷ Pearson 1917, II, 2.

¹⁸ *LSJ* s.v. κῆλος.

¹⁹ Ср. перевод А. Пирсона: «the old domain of Phoebus» (Pearson 1917, III, 118).

²⁰ Интересно, что, в отличие от лирики (Алкей, Пиндар, Вакхилид и др.), в греческой драме, как, впрочем, и в гомеровском эпосе, ни разу не упомянуты гиперборейи (Rausch 2013, 50). Они, по-видимому, впервые встречаются в одном из фрагментов, приписываемых Гесиоду (Fr. 150, v. 21 M-W: ἦθη]νεα μ[... Ἵπερβορέων εὐίλλων — «народы гипербореев с хорошими лошадьми»). Наш фрагмент из Софокла является, возможно, единственной аллюзией на страну гипербореев в греческой драме.

²¹ Диодор Сицилийский объясняет это название следующим образом: «Гиперборейи так названы, поскольку они живут дальше (πιορρωτέρω) дуновения Борея» (Diod. II. 47. 1 со ссылкой на мнение Гекатея Абдерского). Близкие места также см. Mela III. 36; Plin. *NH* VI. 34; IV, 89; Pomp. Fest. *Excerpt.* 8. 103 M; Vib. Sequester *De flum.* s.v.; Mart. Capella VI. 664.

²² Так же интерпретирует этот текст Софокла А. Пирсон (Pearson 1917, III, 118). Правда, Пирсон тут же предлагает еще одну версию локализации гипербореев в... саду Гесперид!

Надо заметить, что блаженный народ гипербореев²³, обитающий в мягком теплом климате²⁴ и почитающий Аполлона, находится в тесной связи с Рипейскими горами, с которых дует Борей, и живет за ними на узкой полоске суши между Рипеями и Северным океаном. В качестве примера соединения этих двух названий²⁵ приведу слова Каллимаха, который в своем сочинении «Причины» говорит о «сынах гипербореев», которые сопровождают дары «от Рипейской горы» в Грецию на Делос²⁶.

Обратим также внимание на то, что Софокл знал о существовании Рипейских гор. Так, в «Эдипе в Колоне» хор сравнивает положение старика с невзгодами бурной погоды (ст. 1240–1248), когда на морской берег, обращенный к северу (βόρειος), во время бури обрушиваются отовсюду холодные ветра, неся на него валы волн, которые приходят то «от захода солнца», то «от восходящего солнца», то «с южной стороны» (букв. «с середины солнечного сияния»), то «от ночных Рипов»²⁷. Как уже говорилось, «ночной» здесь синонимичен «северному» (=полуночный), что фиксируют все словари и многие переводчики²⁸.

Вот лишь несколько примеров. Ф.Ф. Зелинский передал в своем переводе «Эдипа в Колоне» последние слова как «от полуночных граней». Р. Джебб переводит как «from the gloom-wrapped hills of the North», Г. Мёппей — «the wild winds of the north», И. Джонстон — «northern mountains, dark as night», Г. Теодоридис — «from the mountainous North, which the deep night darkens», М. Арто — «du septentrion, séjour de la nuit». П. Дж. Арендсдорф и Т.Л. Пангле, переведя как «from the dark north», правда, в сноске оговариваются: «Literally, “the Rhipaeon

²³ Первое подробное изложение легенды сохранилось у Геродота (IV. 32–35), хотя отдельные упоминания о ней встречаются и у более ранних писателей. Так, например, без всякой географической привязки гиперборей названы в гомеровском гимне к Дионису (I. 27–29). Легенда о гиперборейцах излагается в различных вариантах у многих античных авторов. О значении гиперборейского тоposa для античной географической литературы и об их локализации см. подробнее Daebritz 1914, 258–279; Harmatta 1955–1956, 57–66; Losev 1957, 402–423; Dion 1976, 143–157; 1977, 260–270; Ramin 1979, 55–71; Dovatur *et al.* 1982, 264–269; Romm 1989, 97–113; 1992, 60–67; Kyriazopoulos 1993, 395–398; Werhahn 1994, 967–986; Lazova 1996; Bridgman 2005, 27–98; Rausch 2013, 49–55; 77–80.

²⁴ Ср. Mela III. 37: «Страна их тянется узкой полосой, согрета солнцем и сама производит плоды»; Plin. *NH* IV. 89: «[Эта] область теплая со счастливой умеренностью климата и отсутствием всяческих вредных ветров»; 90: «Те, кто помещали их в ином месте, чем [то, где] полгода светло, рассказывали, что утром [гиперборей] сеют, в полдень жнут, на закате срывают плоды деревьев, ночью скрываются в пещерах». Недаром А. Пирсон связывает выражение Софокла οὐρανῶ ἀναπτύχῃ с гиперборейцами (Pearson 1917, III, 118).

²⁵ В. Беккерс называет гипербореев и Рипеи географическими близнецами (geographische Zwilling) (Beckers 1914, 539).

²⁶ *Aitia*, fr. 186. 8: υἱὲς Ὑπερβόρειων Ῥιπαίου πέμψουσιν ἀπ’ οὐρεος. С. Рауш считает, что о связи гипербореев с Рипеями можно говорить только начиная с Гелланика и Каллимаха (Rausch 2013, 24–25). До этого упоминались то одни, то другие без связи между собой.

²⁷ 1245 αἱ μὲν ἀπ’ ἀελίου δυσμαῖν,
αἱ δ’ ἀνατέλλοντος;
αἱ δ’ ἀνὰ μέσσαν ἄκτιν’,
αἱ δ’ ἐν νυχίᾳ ἀπὸ Ῥιπᾶν.

²⁸ См. Dueck 2021, 73: «In most contexts they (Rhipaeon Mountains. — А. П.) simply stand for extreme north, as several translators of these verses have decided».

[Mountains]” – “beyond utmost Scythia,” according to Aristotle (*Meteorologica* 1.13 [350b]) – which Sophocles evidently uses to designate the North»²⁹.

На мой взгляд, правильно переводят эти слова С. Пауш («von den nachtdunklen Rhipen her») ³⁰ и Д. Дуэк («from the Rhipaeen Mountains, shrouded in night») ³¹. Они вполне коррелируют с «истоками ночи» (конечно, на севере) ³² в обсуждаемом фрагменте и приводят нас опять к Рипеям и гипербореям. Важно отметить, что и античный схолиаст видел в ἀπὸ Ῥιπᾶν «Эдипа в Колоне» также Рипейские горы: Τὰ ἀπὸ τῶν ὀρέων φησὶ τῶν προσαγορευομένων Ῥιπῶν. Τίνας δὲ οὕτω καλοῦσι Ῥίπαια ὄρη – «Он это говорит, [имея в виду] горы, называемые Рипами. Некоторые так зовут Рипейские горы».

Интересную параллель к описанию пути к гипербореям находим в труде «О гипербореях» Гекатея Абдерского (вторая половина IV – первая половина III в. до н.э.) ³³. Герой повествования плывет через Черное (ср. «Понт» у Софокла) и Каспийское моря в Северный океан и оказывается на острове Эликсоя, который населяют гипербореи. Остров обладает хорошей почвой и плодороден, его отличает умеренный климат, приносящий двойной урожай. На этом острове, по мнению Гекатея, родилась богиня Лето ³⁴, поэтому гипербореи особенно почитают ее сына Аполлона (ср. «древний сад=вотчину Феба» у Софокла), который время от времени (раз в 19 лет) приходит к ним и празднует вместе с ними все ночи с весеннего равноденствия до восхода Плеяд; ему построен храм, в котором постоянно возносятся песнопения и гимны Аполлону. На острове есть город, посвященный Аполлону. Потомки бога Борея царствуют в этом городе и являются главными жрецами культа Аполлона («так называемые Бореады, потомки Борея, которые наследуют власть всегда в своем роду»). Считалось, что Бореады у гипербореев – это три сына Борея и Хионы. По другой версии, Хиона считалась дочерью Борея и Орифии, матерью мифического фракийского певца Эвмолпа. Древняя мифология (обычно «Аргонавтики») упоминает только двух братьев Бореадов – Зета и Калаиса.

Для нашей постановки вопроса важно, что, согласно Аполлонию Родосскому (*Argon.* I. 211), сыновья Борея и Орифии Зет и Калаис присоединяются к экспедиции Ясона, явившись из «отдаленнейшей окраины студеной Фракии» (ἐσχάτῃ Θρηίκης δυσχεμέρου), куда в соответствии с традиционной версией мифа «фракийский Борей» унес из Аттики Орифию. При этом схолиаст этого места

²⁹ Ср. разброс мнений в комментарии к этому месту Г.К.В. Шнайдера в веймарском издании Софокла 1826 г. (Schneider 1826, 175): «Entweder vom Nachtgeflimmer, d.i. von den nördlichen Gestirnen, oder von den mitternächtlichen, nördlichen Stürmen her, oder νυχίαν ἀπὸ Ῥιπᾶν von den nördlichen Rhipaischen Gebirgen... Der Sinn ist: von Mitternacht, von Norden her».

³⁰ Rausch 2013, 272.

³¹ Dueck 2021, 73.

³² Ср. комментарий А. Пирсона к νυκτὸς πληγαί: «Here the words refer generally to the north... always associated with darkness since the time of Homer's Cimmerians» (Pearson 1917, III, 118).

³³ Подробнее миф о гипербореях в переложении Гекатея Абдерского и издание его текстов см. Podossinov 2012, 146–185.

³⁴ Ср. Arist. *Hist. animal.* VI. 580a о том, что Лето пришла на Делос от гипербореев.

«Аргонавтики» замечает, что сыновья Борея приходят, по разным версиям, из разных мест (ἐκ διαφόρων τόπων): «Некоторые, как Аполлоний Родосский, считают, что они приходят из Фракии, Геродор — из Давлиды, Дурис — от гипербореев (ἐξ Ὑπερβορέων — *FGrHist.* 76 Fr. 86)... Фанодик говорит в первой книге «Истории Делоса», что они приходят от гипербореев (ἐξ Ὑπερβορέων ἐλθεῖν αὐτούς — *FGrHist.* 397 Fr. 1)». Таким образом, версия о гиперборейском месте пребывания Бореядов была довольно распространенной в античной мифографии и литературе³⁵, коль скоро ее высказывали такие известные писатели, как историк Дурис Самосский (середина III в. до н. э.). Так смыкаются «дальняя и холодная» Фракия Аполлония и за ней лежащая земля гипербореев.

Связь детей Борея со страной гипербореев, на наш взгляд, во многом проясняет странный маршрут фракийского Борея, уносившего Орифию в гиперборейскую «древнюю вотчину Феба». Здесь, очевидно, произошел переход от «ближнего севера» (der 'nahe Norden' — Фракии) через «дальний север» (der 'ferne Norden' — Скифию) к «мифическому северу» (der 'mythische Norden' — гиперборей), которые различает С. Рауш в своем исследовании греческих представлений о севере³⁶. Софокл, как представляется, в своем тексте как раз и отразил этот переход.

Издатели текста Софокла слово πόντος передают часто со строчной буквы и переводят как просто «море»³⁷, не видя здесь обозначения Понта Эвксинского (Черного моря). Представляется все же, что выражение ὑπὲρ τε πόντον πάντ' ἐλτ' ἕσχατα χθονὸς («через весь Понт к крайним пределам земли»), т.е. явно на крайний север, должно иметь в виду именно Черное море³⁸. Ведь едва ли надо

³⁵ См. Sandin 2014, 214.

³⁶ Rausch 2013, 14–59.

³⁷ См., например, перевод А. Пирсона: «Far over the sea» (Pearson 1917, III, 118); Д. Дуэк: «over the whole sea» (Dueck 2005, 95). Ф.Ф. Зелинский (Zelinskiy 1915, 372): «Через все пространство моря» также видел здесь имя нарицательное; Г.А. Стратановский перевел всю цитату из Софокла следующим образом: «Через всю морскую гладь на край земли / к потокам ночи, на простор небес / и к вертограду Феба древнему», — указав в комментарии к этому месту, что «к потокам ночи» означает «на запад», «на простор небес» — «на восток», а «к вертограду Феба» — «на юг», добавив при этом, что «согласно поэтической географии, “жилище” Борея (северного ветра) находилось на Рипейских или Балканских горах на “Сарпедоновой скале”» (Stratanovskiy 1964, 411); при таком толковании остается непонятным, куда же в конечном итоге унес Борей бедную Орифию...

³⁸ Ф.Г. Мищенко (Mishchenko 1879, 297) и А.Ф. Лосев (Losev 1957, 411) в своих переводах писали слово «Понт» с большой буквы, отождествляя его тем самым с Черным морем, и с ними согласна М.В. Скржинская (Skrzhinskaya 1985, 145; 1991, 120: «В действительности это имя собственное — Понт Евксинский, который греки нередко называли просто Понтом»). С. Радт в своем переводе Страбона также понимает под πόντος Понт Эвксинский — Черное море (Radt 2003, 251: «Ganz übers Schwarze Meer...»), как и Д.В. Роллер (Roller 2014, 291: «over the entire Pontos...»). В качестве примера употребления слова «понт» в значении «Понт Эвксинский» сошлюсь на «Историю животных» Аристотеля, где он много раз, говоря о «Понте», имеет в виду, несомненно, Черное море (см. *Hist. animal.* VI. 567b, 571a (bis); VIII. 596b, 597a (bis), 598a (ter), 598b, 601b, 605a, 606a). Если взять только первые две книги «Географии» Страбона, «Понт» в значении «Эвксинский» встречается в I. 2. 10; 28; 3. 4; 15; 21; II. 1. 15; 45; 4. 6; 5. 22; 23; 31. Число примеров можно легко увеличить.

было лететь *через все море, к крайним пределам земли*³⁹, чтобы из Аттики попасть во Фракию.

Напомню, кстати, одно место в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, где он, описывая высадку аргонатов на остров Финиаду около южного побережья Черного моря в районе Гераклеи Понтийской, рисует явление аргонавтам Аполлона (II. 674–676):

Им же Латоны сын, что из Ликийи вспять возвращался
К гиперборейам, к народу, числом неисчетному, сразу
Зримым вдруг стал⁴⁰.

Здесь и далее пер. Г. Ф. Церетели

Итак, Аполлон из малоазийской Ликийи, где был его культ и святилище Аполлона Ликийского, направляется через Черное море на север к своему избранному народу – к гиперборейам, и здесь Аполлоний явно помещает последних, как и Софокл, за морем, на северо-востоке Европы, и также летит туда по воздуху (см. ст. 683–684: «По воздуху к морю, / Мимо прошел он, от них в отдаленье» – αὐτὰρ ὁ τηλοῦ βῆ ῥ' ἴμεναι λόντωνδε δι' ἠέρος)⁴¹. Заметим, что Аполлон появляется именно здесь неслучайно – на острове схолиаст отмечает наличие храма, или алтаря, посвященного Аполлону (*ad Argon.* II, 684). Схолиаст ссылается при этом на Геродора, автора из Гераклеи Понтийской, что должно свидетельствовать о достоверности этого сообщения.

Для объяснения слов Софокла сначала об «истоках ночи», а затем об «открытом (зияющем) небе»⁴², явно имеющих противоположный смысл, возможно, сле-

³⁹ Ср. слова Геродота о том, что живущие в Северо-Восточной Европе «гиперборейи простираются до моря» (IV. 13), т.е. до Северного океана (см. подробнее об этой локализации: Podossinov 2018, 286–289).

⁴⁰ τοῖσι δὲ Λητοῦς υἱός, ἀνερχόμενος Λυκίηθεν
τῆλ' ἐπ' ἀλείρονα δῆμον Ὑπερβορέων ἀνθρώπων,
ἐξεφάνη...

Н.А. Чистякова в своем переводе «Аргонавтики» прямо указывает на северное расположение гипербореев:

Сын Лето, направляясь из Ликийи к северным людям,
К гиперборейам бесчисленным, им внезапно явился.

⁴¹ Пиндар, от которого дошло первое упоминание гипербореев в оде 498 года, отмечал (*Pyth.* X. 28–30), что к гиперборейам нельзя попасть ни по суше, ни по морю:

ναυσι δ' οὔτε πεζὸς ἰών κεν εὔροισ
ἐς Ὑπερβορέων ἀγῶνα θαυματὰν ὁδόν.

Но ни вплавь, ни впешь
Никто не вымерил дивного пути
К сходу гипербореев.

Пер. М.Л. Гаспарова

Таким образом, остается туда только лететь, что и делали Борей у Софокла и Аполлон у других античных авторов. Даже Персей каким-то образом *прилетал* однажды к гиперборейам (см. *Pyth.* X. 31–34; см. подробнее об этом эпизоде: Köhnken 1971, 177–181; Rausch 2013, 53–55).

⁴² οὐρανοῦ τ' ἀναπτηχάς – довольно редкое выражение, означающее «открытость, безоблачность, чистоту неба», ср. у Еврипида такую же связь с небесными явлениями:

дует привлечь описание полярных дневных и ночных сезонов в стране гипербореев у римских авторов Помпония Мелы и Плиния. Так, Мела пишет (III. 36):

На азиатском побережье первыми находятся гипербореи за аквилоном⁴³ и Рифейскими горами под самой осью созвездий; там солнце восходит не каждый день, как у нас, но лишь во время весеннего равноденствия, а заходит только в осеннее равноденствие, так что день длится непрерывно шесть месяцев и столько же ночь⁴⁴.

Пер. М.Л. Гаспарова

Мог ли Софокл знать, что долгота дня на севере ойкумены зимой и летом различна? Известно, что только после плавания Пифея в IV в. до н.э. на север Европы об этом появились первые научные данные, которые в совокупности с теорией Аристотеля о зональности земного шара стали постепенно входить в географический и астрономический обиходы античных авторов⁴⁵.

Тем не менее смутные сведения Гомера об острове лестригонов где-то на севере Европы, где дни длинные, а ночи короткие (*Od.* X. 82–86)⁴⁶, и о северном народе киммерийцев, где никогда не появляется солнце (*Od.* XI. 14–19), а также Геродота о том, что за северными горами в Восточной Европе живут люди, которые спят в течение 6 месяцев (*Hdt.* IV. 25), дают возможность предполагать, что и в классической Греции имело хождение представление о полярных ночах.

Не исключено, что эти представления о длительных перепадах ночи и дня в северных широтах и отразились в Софокловых следующих друг за другом «истоках ночи» и «открытом небе».

Таким образом, слова драматурга о пути Борея и Орифии далеко на север скорее всего предполагают их прибытие в страну гипербореев. Об этом же свидетельствует тот факт, что прямо перед цитированием Софокла Страбон упоминает рассказы о гиперборейях вместе с Рипейскими горами как праздные измышления мифотворцев и ссылка на Софокла сразу после этого должна была показать связь и сходство мифотворчества в сфере истории и географии с поэтическими

Eurip. Ion 1445: αἰθέρος ἀμπτυχαί; *Hipp.* 601: ἡλίου ἀναμπτυχαί.

⁴³ Аквилон – латинское обозначение греческого Борея, за которым должны были жить гипербореи, чье название означает именно «живущие за Бореем» (см. об этом выше).

⁴⁴ Ср. *Plin. NH* IV. 89.

⁴⁵ См. подробнее Rausch 2013, 128–139.

⁴⁶ Уже Кратет Малосский во II в. до н.э. считал слова Гомера о сходящихся путях ночи и дня (ἐγγύς γὰρ νυκτός τε καὶ ἡματός εἰσι κέλευθοι – «ибо дороги и ночи, и дня там сходятся близко») свидетельством знания поэтом о коротких ночах в северных широтах (см. пересказ теории Кратета: *Gemin.* VI, 10). Многие современные исследователи считают, что здесь мы имеем дело со смутными знаниями греков о полярной ночи в северных широтах, при этом часто добавляется тот аргумент, что янтарь с берегов Балтики достигал Греции со II тысячелетия до н.э. (см., например, Marg 1970, 234; Hölscher 1988, 145–147; Käppel 2001, 18–19; подробнее анализ этого текста Гомера см.: Podossinov 2015, 58–59). В одном из фрагментов Гесиода лестригоны упомянуты рядом с янтарем (*Fr.* 150, v. 24–26 M-W: ἡλέκτροιο), что также свидетельствует о знакомстве греков этого времени с европейским севером (Rausch 2013, 46–47). В.П. Яйленко также воспринимает близость дня и ночи на острове лестригонов как знание о северных белых ночах: «Этой реалией, введенной в мифическое повествование, Гомер акцентировал северное расположение лестригонов» (Yaylenko 2013, 14).

баснями. Последующие слова географа и его солидарность со скептическим отношением к этому мифу, выраженным в платоновском «Федре», в очередной раз свидетельствуют о рациональном подходе⁴⁷ Страбона к древним мифологическим преданиям. Рассмотренный пассаж расширяет источниковую базу исследований истории Северного Причерноморья, изучению которой во всех ее аспектах Юрий Германович Виноградов посвятил всю свою научную жизнь. Памяти выдающегося исследователя я и посвящаю свои заметки.

Литература / References

- Beckers, W.J. 1914: Die rätselhafte Hochgebirge des Altertums, die sogenannten Rhipäen. *Geographische Zeitschrift* 20/9–10, 534–557.
- Bridgman, T.P. 2005: *Hyperboreans: Myth and History in Celtic-Hellenic Contacts*. London–New York.
- Daebritz, R. 1914: Hyperboreer. In: *RE*. Hlbd. 17, 258–279.
- Denisov, A.O., Podosinov, A.V. 2016: [Rhipaeen mountains in ancient and medieval geocartography]. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii* [Aristeas. *Philologia classica et historia antiqua*] 14, 53–160.
- Денисов, А.О., Подосинов, А.В. Рипейские горы в античной и средневековой геокартографии. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* 14, 53–160.
- Dion, R. 1976: La notion d'Hyperboréens: ses vicissitudes au cours de l'Antiquité. *Bulletin de l'Association G. Budé* 2, 143–157.
- Dion, R. 1977: *Aspects politiques de la géographie antique*. Paris.
- Dovatur, A.I., Kallistov, D.P., Shishova, I.A. 1982: *Narody nashey strany v «Istorii» Gerodota. Teksty, perevod, kommentariy* [The Peoples of Our Country in the “Histories” of Herodot. Texts, Translation, Commentary]. Moscow.
- Доватур, А.И., Каллистов, Д.П., Шишова, И.А. *Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий*. (Древнейшие источники по истории народов СССР). М.
- Dueck, D. 2005: Strabo's use of poetry. In: D. Dueck, H. Lindsay, S. Potheary (eds.), *Strabo's Cultural Geography. The Making of a Kolossourgia*. Cambridge–New York, 86–107.
- Dueck, D. 2021: *Illiterate Geography in Classical Athens and Rome*. London–New York.
- Finkelberg, M. 2014: Boreas and Oreithyia: a case-study in multichannel transmission of myth. In: R. Scodel (ed.), *Between Orality and Literacy: Communication and Adaptation in Antiquity*. Leiden, 87–100.
- Harmatta, J. 1955–1956: Sur l'origine du mythe des Hyperboréens. *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae* 3, 57–66.
- Hölscher, U. 1988: *Die Odyssee. Epos zwischen Märchen und Roman*. München.
- Ivantchik, A.I. 2005: *Nakanune kolonizatsii. Severnoye Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. v antichnoy literaturnoy traditsii: fol'klor, literatura i istoriya* [On the Eve of Colonization. Northern Black Sea Region and Steppe Nomads of the 8th–7th Cent. BC in the Ancient Literary Tradition: Folklore, Literature and History]. Moscow–Berlin.
- Иванчик, А.И. *Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история*. Москва–Берлин.
- Käppel, L. 2001: Bilder des Nordens im frühen antiken Griechenland. In: A. Engel-Braunschmidt, G. Fouquet, W. von Hinden, I. Schmidt (Hrsg.), *Ultima Thule. Bilder des Nordens von der Antike bis zur Gegenwart*. Frankfurt am Main et al., 11–27.
- Kießling, E. 1914: Ῥίπται ὄρη. In: *RE*. 2. Reihe, Hlbd. 1, 846–916.
- Köhnken, A. 1971: *Die Funktion des Mythos bei Pindar. Interpretation zu sechs Pindargedichten*. Berlin–New York.

⁴⁷ Ср. Dueck 2005, 96 о причинах обращения к тексту Софокла: «Perhaps this time he (Strabo. – A. II.) is seizing any occasion to display his erudition and his knowledge of both poetry and philosophy».

- Kyriazopoulos, A. 1993: The land of the Hyperboreans in Greek religious thinking. *Parnassos* 35, 395–398.
- Lazova, Tz. 1996: *The Hyperboreans. A Study on the Palaeo-Balkan Tradition*. Sofia.
- Losev, A.F. 1957: *Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razvitiy* [Ancient Mythology in Its Historical Development]. Moscow.
- Лосев, А.Ф. *Античная мифология в ее историческом развитии*. М.
- Marg, W. 1970: [Rez.:] Hans-Helmut und Armin Wolf. Der Weg des Odysseus. Tunis – Malta – Italien in den Augen Homers. Tübingen: Wasmuth 1968. *Gnomon* 42/3, 225–237.
- Mishchenko, F.G. 1879: *Geografiya Strabona v semnadtsati knigakh. Perevod s grecheskogo s predisliviem i ukazatelem F.G. Mishchenko* [Geography of Strabo in 17 Books. Translation from Greek with the Introduction and Index by F.G. Mishchenko]. Moscow.
- Мищенко, Ф.Г. *География Страбона в семнадцати книгах. Перевод с греческого с предисловием и указателем Ф.Г. Мищенко*. М.
- Pearson, A.C. 1917: *The Fragments of Sophocles*. Vol. I–III. Cambridge.
- Podossinov, A.V. 2012: [Hekataeus of Abdera. “On Hyperboreans”. Introduction, publication of Greek and Latin text of fragments, Russian translation and commentary]. In: *Trudy kafedry drevnikh yazykov istoricheskogo fakul'teta MGU*. Вып. 3 [Works of the Department of Classical Languages of Historical Faculty of MSU. Issue 3]. Moscow, 146–185.
- Подосинов, А.В. Гекатей Абдерский. «О гипербореях». Введение, публикация древнегреческого и латинского текста фрагментов, русский перевод и комментарий. В сб.: *Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ*. Вып. 3. М., 146–185.
- Podossinov, A.V. 2015: *Kuda plaval Odissey? O geograficheskikh predstavleniyakh grekov arkhaiskoy epokhi* [Where Did Odysseus Sail? On the Geographical Concepts of the Greeks of the Archaic Epoch]. Moscow.
- Подосинов, А.В. *Куда плывал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи*. М.
- Podossinov, A.V. 2018: [Where did Herodotus' Hyperboreans live – “by the sea” or “over the sea”]. In: O.L. Gabelko, A.V. Makhlayuk, A.A. Sinityn (eds.), *PENTEKONTAETIA. Issledovaniya po antichnoy istorii i kul'ture. Sbornik statey, posvyashchennykh yubileyu Igorya Evgen'evicha Surikova* [ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Studies in Ancient History and Culture. Collection of Articles dedicated to the Anniversary of Igor Evgenievich Surikov]. Saint Petersburg, 286–289.
- Подосинов, А.В. Где жили гипербореи Геродота – «у моря» или «за морем»? В сб.: О.Л. Габелко, А.В. Махляук, А.А. Синицын (ред.), *ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. Сборник статей, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова*. СПб., 286–289.
- Radt, S. 2003: *Strabons Geographika*. Bd. 2. *Buch V–VIII: Text und Übersetzung*. Göttingen.
- Ramin, J. 1979: *Mythologie et Géographie*. Paris.
- Rausch, S. 2013: *Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus*. Darmstadt.
- Roller, D.W. 2014: *The Geography of Strabo*. Cambridge.
- Romm, J. 1989: Herodotus and mythic geography: the case of Hyperboreans. *Transactions of the American Philological Association* 119, 97–113.
- Romm, J. 1992: *The Edges of the Earth in Ancient Thought: Geography, Exploration and Fiction*. Princeton.
- Sandin, P. 2014: “Famous Hyperboreans”. *Nordlit* 33, 205–221.
- Skrzhinskaya, M.V. 1985: [The North Black Sea theme in Sophocles]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 142–148.
- Скржинская, М.В. Тема Северного Причерноморья в творчестве Софокла. *ВДИ* 2, 142–148.
- Skrzhinskaya, M.V. 1991: *Drevnegrecheskiy fol'klor i literatura o Severnom Prichernomor'e* [Ancient Greek Folklore and Literature about the Northern Black Sea Region]. Kiev.
- Скржинская, М.В. *Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье*. Киев.
- Stenger, J. 2001: Rhipaia ore. *Der neue Pauly* 10, 992–993.
- Stratanovskiy, G.A. (ed.) 1964: *Starbon. Geografiya v 17 knigakh* [Strabo. Geography in 17 books]. Moscow.
- Страбон. *География в 17 книгах*. Перевод, вступит. статья и комментарии Г.А. Стратановского. М.

-
-
- Werhahn, H.M. 1994: Hyperboreer. In: E. Dassmann *et al.* (Hrsg.), *Reallexikon für Antike und Christentum*. Vol. 16. Stuttgart, 967–986.
- Wernicke, K. 1897: Boreas 2. In: *RE*. Hlbd. 5, 721–730.
- Wikén, E. 1939: Die Ansichten der Hellenen über den Nordrand der Oikoumene vor Pytheas: Rhipaien und Hyperboreer. In: *ΔΡΑΓΜΑ. Festschrift für Martin P. Nilsson*. Lund, 540–552.
- Yaylenko, V.P. 2013: [Localization of Aja and the country of the Cimmerians in the early Greek mythological tradition]. In: V.P. Yaylenko (ed.), *Ocherki etnicheskoy, politicheskoy i kul'turnoy istorii Skifii VIII–III vv. do n.e.* [*Essays on Ethnic, Political and Cultural History of Scythia in the 8th–3rd Centuries BC*]. Moscow, 11–21.
- Яйленко, В.П. Локализация Эи и страны киммерийцев в раннегреческой мифологической традиции. В кн.: В.П. Яйленко, *Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н.э.* М., 11–21.
- Zelinskiy, F.F. (ed.) 1915: Sofokl. *Dramy* [Sophocles. *Dramas*]. Vol. III. Moscow. Софокл. *Драмы*. Пер. и вступ. очерк Ф.Ф. Зелинского. Т. III. М.

DOI: 10.31857/S032103910013862-1

GRAFFITES GRECS SUR UN GROUPE STATUAIRE EN PLOMB ET *DEFIXIO* SUR PLOMB (OLBIA DU PONT) : RÉÉDITION ET COMMENTAIRES ONOMASTIQUES

Madalina Dana¹, Dan Dana²

¹ *Université Jean Moulin Lyon 3, Lyon, France;
Laboratoire Histoire et Sources des Mondes Antiques, Lyon, France*

² *Centre national de la recherche scientifique, Lyon, France;
Laboratoire Histoire et Sources des Mondes Antiques, Lyon, France*

¹ *E-mail* : madalina-claudia.dana@univ-lyon3.fr ² *E-mail* : dan.dana@mom.fr

¹ *ORCID*: 0000-0003-4712-6252 ² *ORCID*: 0000-0001-9462-7266

Cette notice réédite deux documents épigraphiques mineurs sur support métallique (plomb) provenant d'Olbia du Pont : (I) une série de graffites grecs, inscrits sur un groupe statuaire en plomb figurant une scène de sacrifice ; (II) une *defixio* sur une lamelle de plomb, comportant une liste de noms. De nouvelles lectures sont proposées pour certains passages, accompagnées de commentaires onomastiques pour des anthroponymes caractéristiques et pour plusieurs noms attestés pour la première fois dans cette cité nord-pontique.

Mots-clés : épigraphie grecque, *defixio*, graffites, Olbia du Pont, onomastique, plomb, sacrifice

GREEK GRAFFITI ON LEAD STATUETTES AND A LEAD CURSE TABLET (OLBIA PONTICA): RE-EDITION AND ONOMASTIC COMMENTARY

Madalina Dana¹, Dan Dana²

¹ *Jean Moulin University Lyon 3, Lyon, France;
History and Sources of the Ancient Worlds Research Center, Lyon, France*

² *National Center for Scientific Research, Lyon, France;
History and Sources of the Ancient Worlds Research Center, Lyon, France*

¹ *E-mail* : madalina-claudia.dana@univ-lyon3.fr ² *E-mail* : dan.dana@mom.fr

This short note republishes two epigraphic documents on metallic support (lead) from Olbia Pontica: (I) a series of Greek graffiti on a group of lead statuettes showing a sacrificial scene; (II) a *defixio* on a lead tablet, containing a list of names. New readings of certain passages are proposed, supplied with onomastic commentaries on the typical anthroponyms and numerous names attested in the North Pontic city for the first time.

Keywords: Greek epigraphy, *defixio*, *graffiti*, Olbia Pontica, onomastics, lead, sacrifice

ГРЕЧЕСКИЕ ГРАФФИТИ НА СВИНЦОВОЙ ПЛАСТИНКЕ И ЗАКЛЯТИЕ НА СВИНЦЕ (ОЛЬВИЯ ПОНТИЙСКАЯ): ПЕРЕИЗДАНИЕ И ОНОМАСТИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ

Мадалина Дана¹, Дан Дана²

¹ *Университет Жан Мулен Лион 3, Лион, Франция;*

Лаборатория изучения источников и истории древних цивилизаций, Лион, Франция

² *Национальный центр научных исследований, Лион, Франция;*

Лаборатория изучения источников и истории древних цивилизаций, Лион, Франция

¹ *E-mail* : madalina-claudia.dana@univ-lyon3.fr ² *E-mail* : dan.dana@mom.fr

Эта заметка содержит переиздание двух небольших эпиграфических документов на металлических носителях (свинце), происходящих из Ольвии Понтийской: (I) серии греческих граффити, нанесенных на свинцовую пластинку с многофигурной композицией, изображающей сцену жертвоприношения; (II) заклятия на свинцовой пластинке, содержащего группу имен. Для некоторых пассажей предложены новые чтения, сопровождающиеся ономастическими комментариями для характерных антропонимов и нескольких имен, впервые засвидетельствованных в этом северо-понтийском городе.

Ключевые слова: греческая эпиграфика, заклятия, граффити, Ольвия Понтийская, ономастика, свинец, жертвоприношение

La republication de deux pièces inscrites sur plomb appartenant au genre de l'« épigraphie mineure », en provenance d'Olbia du Pont, occasionnera quelques relectures et commentaires onomastiques de plusieurs noms caractéristiques¹.

I. GROUPE STATUAIRE EN PLOMB AVEC DES GRAFFITES

Nous reprenons ici une pièce connue par une publication d'Odessa, grâce aux photos généreusement envoyées par Petro Grygorovych Loboda, directeur du Musée Numismatique d'Odessa. Ce document a été publié avec un lot d'autres figurines de plomb d'Olbia du Pont, en particulier des bucranes². L'état de conservation est assez bon en dépit du type de matériau, le plomb étant généralement plus affecté que d'autres métaux par le passage du temps ; la pièce présente toutefois des craquelures et des oxydations qui rendent parfois difficile le déchiffrement des graffites. Si la face A du

¹ Sauf indication contraire, toutes les dates s'entendent avant notre ère.

² Ces objets proviennent des fouilles illégales et se trouvent dans une collection privée. L'information concernant leur provenance est par conséquent soumise à caution.

1

2

Fig. 1. Groupe statuaire en plomb : 1 – recto ; 2 – verso. Photos de P.G. Loboda

NOYMHNI^o
 NOYMHNIOC
 NIKH
 EI
 IKECIOC
 MIKI^{^i^v}
 MOYSAI^o

Fig. 2. Graffites sur le groupe statuaire des faces A et B. Fac-similé. Auteurs

groupe statuaire est en relief, le *verso* (face B) est lisse, indiquant l'emploi d'un moule. Les éditeurs fournissent des analogies de ces pièces votives dans le contexte régional³.

Ce groupe statuaire placé sur un support long de 7,6 cm (ht. du bord gauche 0,7 cm ; ht. du bord droit 0,4 cm) comporte une succession de figures et d'objets (fig. 1, 1–2) :

a) à l'extrémité gauche, un autel bien profilé et mouluré (ht. 2,3 cm), au-dessus duquel une flamme semble avoir été représentée ;

b) au milieu, une scène composée d'une bête et de deux personnages : un bœuf (ht. 2,2 cm) mené à l'autel par un personnage masculin (ht. 2,8 cm), la main gauche levée et collée au visage ; le bœuf est suivi par une femme, de plus petite taille (ht. 2,3 cm), vêtue d'une longue tunique (*chiton*) et d'un *himation* relevé ; la tête, le bras droit et une partie du bras gauche de la femme ont disparu ; d'après la disposition de ce qui reste de ses bras, ceux-ci semblent avoir été levés, soit dans un geste similaire à celui des deux autres personnes, soit pour porter des objets ;

c) à l'extrémité droite, une femme (ht. 4 cm) vêtue d'un long *chiton* drapé, par-dessus lequel elle semble porter un *himation* relevé ; des traces de sa coiffure sont visibles sur le front ; elle lève les bras, le gauche pour porter un panier (?) sur la tête, le droit pour toucher son visage, à l'instar du premier personnage.

On peut raisonnablement y reconnaître une scène-type de sacrifice privé, grâce aux indices suivants : l'autel ; la victime (un bœuf) ; le dédicant qui mène la bête vers l'autel et qui s'apprête à la sacrifier ; enfin, deux femmes portant des objets, sans doute un panier où se trouvaient le couteau et les grains d'orge à jeter sur la tête de la victime, ainsi qu'une jarre remplie d'eau qui servait elle-aussi à faire secouer la tête à la victime. Aussi bien l'homme que la femme qui ferme le cortège, et peut-être aussi la femme de plus petite taille mais dont les bras sont perdus, portaient leur main au visage, levée en signe de supplication.

Des figurines votives en bronze avec la particularité d'être inscrites ont été découvertes dans plusieurs sanctuaires grecs, mais les supports témoignant de la piété ordinaire devaient être beaucoup plus divers. Les lectures des premiers éditeurs des figurines olbiennes étaient les suivantes : au *recto*, sur la partie inférieure de l'autel : E|KEXIOC ; au *verso*, MOYΣAI sur la victime, NOYMINIO sur la grande figure féminine, et NIKH sur la petite figure féminine⁴.

Les séquences inscrites des deux côtés du groupe statuaire sont pourtant plus nombreuses et doivent être reprises (fig. 2). Quant à la paléographie, qui suggère selon nous la haute époque hellénistique, les lettres incisées sont de hauteur inégale (ht. des lettres : 0,2–0,3 cm). Lettres remarquables : *kappa* avec des hastes obliques, tantôt petites tantôt grandes ; petit *omikron* ; *my* de forme plus cursive ; *sigma* tantôt lunaire et de petite taille, tantôt à quatre bras, rapidement tracé ; grand *upsilon*.

Plusieurs graffites ont été incisés sur les deux faces du groupe statuaire :

Face A (*recto*) (fig. 3) :

a (à la base de l'autel) – E|

³ Alekseev, Loboda 2015, 8–10, n° 9 (photos p. 28, fig. 9–9a).

⁴ Alekseev, Loboda 2015, 9, avec la traduction de G.V. Batizat : «Гекехий... (посвятил) Музам в новолуние... (по случаю) победы».

Fig. 3. Graffites sur le groupe statuaire. Face A. Photo de P.G. Loboda

- b (à la base de l'autel, en-dessous du graffite a)⁵ – Ἰκέσιος
 c (sur le corps du bœuf) – Νουμήνιος
 d (sur le support, en-dessous du bœuf) – Μικίωγ

Face B (verso) :

- a (au dos de la grande figure féminine, perpendiculairement au support) (fig. 4, 1) – Νουμήνιος
 b (au dos de la petite figure féminine suivant le bœuf, perpendiculairement au support) (fig. 4, 2) – Νίκη
 c (sur le corps du bœuf, parallèlement au support) (fig. 4, 3) – Μουσαῖος

À l'exception des deux lettres inscrites à la base de l'autel, appartenant à une séquence de sens inconnu, toutes les autres notations concernent des anthroponymes (quatre noms masculins et un nom féminin), dont un noté par deux fois. L'identification avec les personnages du groupe statuaire ne saurait être retenue, non seulement parce que le nombre d'anthroponymes (quatre) ne correspond pas au nombre de figures représentées (trois), mais aussi en raison du décalage entre le sexe de ces dernières (un homme et deux femmes) et le type de noms (quatre masculins, un seul féminin). On a vraisemblablement affaire à une production de série, qui a été personnalisée à l'aide de plusieurs graffites afin de témoigner de l'acte de piété d'un groupe familial – sans doute un couple avec leurs enfants. La double mention de Νουμήνιος pourrait indiquer soit sa position de chef de famille, soit un père et son fils homonyme.

Ces anthroponymes sont plutôt fréquents :

Ἰκέσιος – même s'il signifie « suppliant », il faut s'attendre ici à un anthroponyme de bon augur, attesté une quinzaine de fois à Olbia du Pont (*LGPN* IV 173), dont le père d'un Νουμήνιος dans le catalogue *IOSPE* I² 201 du IIIe s. (col. II, l. 24-25).

⁵ On préfère cette lecture, à la place de l'alternative Ἐξήκεστος.

1

2

3

Fig. 4. Graffites sur le groupe statuaire. Face B : 1 – premier graffite ; 2 – deuxième graffite ; 3 – troisième graffite. Photos de P.G. Loboda

Μικίων – cet hypocoristique était connu par deux autres occurrences à Olbia du Pont (*LGPN* IV 237), auxquelles il convient d'ajouter le destinataire d'une lettre sur plomb inédite signalée par A. V. Belousov : Σωσίβιος Μικίωνι | χαίρειν κτλ.⁶

Μουσαῖος – « l'homme des Muses », nom attesté pour la première fois à Olbia du Pont.

⁶ Belousov 2015, 201–202. La lettre sera publiée par Askold Ivantchik.

Νίκη – ce nom fréquent, de bon augur, est attesté pour la première fois à Olbia. On peut toutefois évoquer un graffite sur céramique du site de Širokaja balka 7 sur le territoire olbien (IVe s.), avec la séquence NIKH, qui pourrait noter soit l’anthroponyme féminin, soit l’abréviation d’un nom masculin comme Νικήρατος⁷.

Νουμήνιος – « celui de la nouvelle lune »⁸, est un nom fréquent au nord de la mer Noire, dont à Olbia du Pont (*LGPN* IV 247, 248 et 257), y compris sous les formes non-contractes Νεομήνιος et Νευμήνιος.

II. DEFIXIO AVEC UNE LISTE DE NOMS

Dans le même article de 2015 est publiée une défixion sur plomb, sous la forme d’une liste de noms⁹, qui n’est pas reprise dans le corpus récent des *defixiones* olbiennes de A. V. Belousov (*DefOlb*, 2020). Il nous semble utile de reprendre la lecture de ce document¹⁰, occasion de commenter plusieurs noms, comme cela a été fait pour trois autres tablettes de malédiction d’Olbia du Pont¹¹ et de son territoire¹² par l’un des signataires de cet article, en collaboration avec des savants russes et ukrainiens¹³.

Il s’agit d’une lamelle de plomb (fig. 5, 1) de forme vaguement triangulaire (largeur entre 4,3 et 1,8 cm ; longueur 7,2 cm ; ép. 0,1 cm), qui avait été enroulée – d’après les plis irréguliers, de gauche à droite – après la gravure de la liste des personnes maudites ; on ignore le contexte de découverte. Six lignes d’inscription donnent un catalogue de douze noms, avec deux noms par ligne, à l’exception de la l. 4 (trois noms) et de la dernière ligne (un seul nom), puisque le rédacteur avait utilisé l’espace disponible de la lamelle. La paléographie¹⁴ mérite de s’y attarder (fig. 5, 2), non seulement pour les caractères de taille variable (ht. des lettres : 0,2-0,6 cm), mais aussi parce que plusieurs lettres connaissent des graphies divergentes (*alpha, gamma, epsilon, kappa, my, ny, omikron, rhô, sigma, upsilon, ômega*). La rapidité de la gravure, indice d’une main habituée à écrire, est bien illustrée par les formes de l’*ômega*, parfois réduit à une simple ligne (ainsi l. 4), et par le *chi* sous la forme d’une croix. Le tableau que nous donnons ci-dessous (fig. 6) témoigne de la diversité graphique de la main d’un seul rédacteur à l’intérieur du même document. Les traits très cursifs, la forme de l’*ômega* et le petit *omikron*, ainsi que l’absence des formes dialectales, placent la rédaction de la liste des personnes maudites à l’époque hellénistique, sans doute avancée (cf. la paléographie de la *defixio* olbienne *IGDOP* 110 = *DefOlb* 12, du IIe s.).

⁷ Papanova, Diaptoptov 2017, 86, n° 17 (dessin p. 87, fig. 2, 6).

⁸ Voir l’étude de Masson 1994 (= *OGS*, III, 172-178).

⁹ Alekseev, Loboda 2015, 19-21, n° 22 (photo et dessin p. 31, fig. 22-22a), avec la lecture de G. V. Batizat et des considérations sur les noms ; la date proposée par les premiers éditeurs est la fin du IVe-IIIe s.

¹⁰ Nous remercions pour l’envoi de la photo Petro Grygorovych Loboda, directeur du Musée Numismatique d’Odessa.

¹¹ Certaines ont été reprises dans le corpus exemplaire de Belousov 2020 (= *DefOlb*).

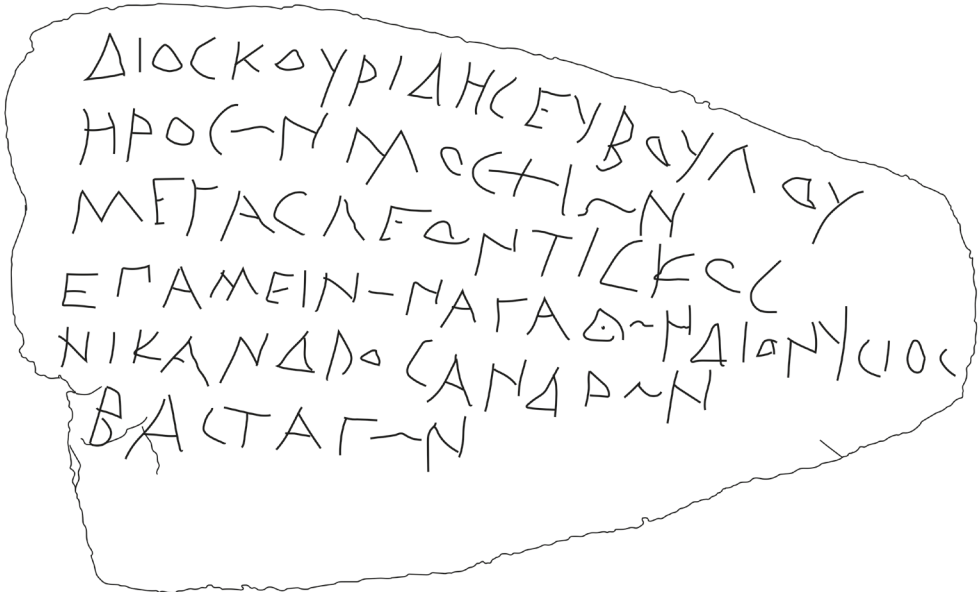
¹² Alekseev, Loboda 2016, 9-10, n° 5 (photo p. 32, fig. 5 ; dessin p. 32, fig. 5a) ; *defixio* republiée par Belousov, Dana 2017, 162-164 ; Belousov 2020, 45-50 (*DefOlb* 11).

¹³ Belousov, Dana, Nikolaev 2015, 170-191 (= Belousov, Dana, Nikolaev 2016, 167-177).

¹⁴ Pour la paléographie des textes olbiens sur plomb (lettres privées et tablettes de malédiction), voir plusieurs tableaux chez Belousov 2020, xxix-xxxi.

1

2

Fig. 5. La lamelle inscrite : 1 – photo (de P.G. Loboda); 2 – fac-similé (auteurs)

Διοσκουρίδης Εὔβουλου,
 Ἡροσῶν, Μοσχίων,
 Μέγας, Λεοντίσκος,
 4 Ἐπαμείνων, Ἀγάθων, Διονύσιος,
 Νίκανδρος, Ἄνδρων,
 Βασταγων.

Les onze personnes maudites sont définies par leurs idionymes¹⁵, à l'exception de la première, identifiée également par son patronyme ; elle devait avoir un rôle prééminent, du moins dans le scénario du rédacteur. La plupart de ces gens portent des noms plus ou moins banals (Ἀγάθων, Ἄνδρων, Διονύσιος, Διοσκουρίδης, Εὔβουλος¹⁶, Μέγας, Μοσχίων, Νίκανδρος), dont certains sont pourtant attestés pour la première fois à Olbia (Ἀγάθων, Ἄνδρων, Μέγας, Νίκανδρος), mais aussi quelques anthroponymes qui méritent d'être commentés :

Βασταγων – nom indigène, de facture iranienne, cf. pour une autre suffixation Βαστακας (LGPN IV 67)¹⁷. À l'époque impériale, il est attesté sous une graphie légèrement différente à Panticapée, Βοσταγων (CIRB 638)¹⁸, et c'est toujours dans le Bosphore Cimmérien que d'autres noms de cette famille apparaissent à la même époque : Βοστακος, Βοστακων et, avec un suffixe grec, Βοστακίων (LGPN IV 73). Il est remarquable de retrouver un autre exemple de ce nom, avec une variation de l'occlusive (sourde à la place de la sonore)¹⁹, sur une *defixio* olbienne opisthographe du IVe s., qui plus est en combinaison avec un patronyme grec épichorique dont il sera bientôt question : Βαστακων Ἡροσῶντος²⁰. Nous pouvons à présent reconstituer la série des graphies du même nom indigène : Βασταγων/Βαστακων/Βοσταγων/Βοστακων. Il convient donc d'ajouter Βασταγων/Βαστακων aux autres noms de facture iranienne – dans ce cas précis scythes, en raison de la chronologie – qui apparaissent dans les *defixiones* d'Olbia du Pont²¹ et qui montrent que la population de la grande cité pontique se diversifiait : Αταης, Θατορακος, Καρακης, Κοκονακος, Μασας (?), Φαρναβα[[σ]]ζος, Χαρασπα[ς].

Ἐπαμείνων – ce nom n'est pas rare, mais dans l'espace pontique il n'était attesté qu'à Odessos et dans son voisinage (LGPN IV 119) ; ce n'est que récemment qu'il vient d'être attesté sur une *defixio* opisthographe du IVe s., indiquée comme découverte à Nikonion²².

¹⁵ La seule différence de lecture par rapport aux premiers éditeurs se trouve à la l. 3, où ils transcrivent un nom inconnu par ailleurs, « Agontiskos ». On reconnaît pourtant, au tout début du nom, un *lambda* suivi d'un *epsilon* gravé plus négligemment.

¹⁶ À des époques plus anciennes (Ve s.), ce nom apparaît en graphie dialectale sur deux autres lamelles de plomb olbiennes, Εῶβδος Μοιραγόρεω (IGDOP 101 = DefOlb 14) et [E]ῦβδος (DefOlb 22, l. 17, IVe s.) ; et au IVe s., sur la *defixio* opisthographe de Nikonion, cf. Belousov 2017, 55–64 (= Belousov 2018, 149–153), *verso*, l. 7 : [Eῦ]βουλος.

¹⁷ Voir Zgusta 1955, 84 (§ 83, Βαστακας) ; interprétation par le grec chez Tokhtas'ev 2016, 999–1001.

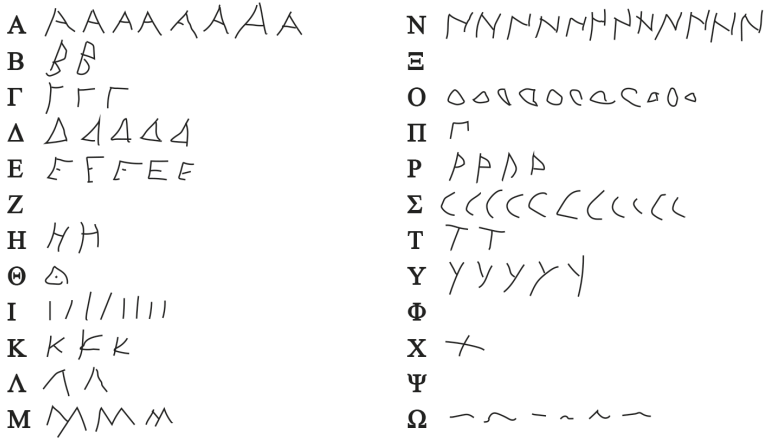
¹⁸ Voir Zgusta 1955, 190 (§ 282–283, Βοσταγων et Βοστας).

¹⁹ Cf. Δαδακος et Δαδαγος.

²⁰ Nikolaev 2019, *verso*, l. 8 (graphie rétrograde).

²¹ Voir Belousov, Dana, Nikolaev 2016, 175 et n. 22. On peut ajouter à cette liste le nom micrasiatique (paphlagonien) Ατοτας.

²² Belousov 2017 (= Belousov 2018), *verso*, l. 3 : [Ἐ]παμείνων.

Fig. 6. Paléographie de la *defixio*. Auteurs

Ἡροσῶν – ce nom ionien (cf. *LGPN* V.A 206, au moins cinq occurrences)²³ est épichorique à Olbia du Pont (*LGPN* IV 172), en raison de sa fréquence (voir ci-dessous) ; aux occurrences connues s’ajoutent deux autres sur des *defixiones* opisthographiques récemment publiées provenant d’Olbia (voir *supra*, s.v. Βασταγων) et de Nikonion²⁴. Ce nom théophore est bâti sur le nom d’Héra et sur σῶς (-σῶν < σά(=)ων), comme, entre autres, Ἀντίσων, Δημοσῶν/Δαμοσῶν, Μεγασῶν, Συλοσῶν²⁵. Voici la liste des occurrences du nom caractéristique Ἡροσῶν à Olbia du Pont et dans son voisinage, aux époques classique et hellénistique :

- (1) patronyme d’Ἐπικράτης, dans une *defixio* (*IGDOP* 106, l. 3 = *DefOlb* 15, IVe s.) ;
- (2) dans une *defixio* relue par Belousov (*DefOlb* 22, l. 9, IVe s.) ;
- (3) père de Βαστακων, dans une *defixio* (Nikolaev 2019, *verso*, l. 8, IVe s.) ;
- (4) fils de Φιλόξενος, dans un thiasé (*IGDOP* 95, IVe-IIIe s.) ;
- (5) fils de Πρωτογένης et père de Πρωτογένης, dans une famille de notables (*IOSPE* I² 32, A, l. 2, et 201, col. I, l. 63, seconde moitié du IIIe s.) ; cf. le magistrat monétaire Πρωτ(ογένης) fils d’Ἡρ(οσῶν) (Ju.G. Vinogradov, *BE*, 1990, 519) ;
- (6) fils d’Ἡρόδωρος, dans un catalogue (*IOSPE* I² 201, col. I, l. 4, IIIe s.) ;
- (7) père de Λεοντομένης, dans le collège des Sept (*IOSPE* I² 76 = *IGDOP* 88, IIIe s.) ;
- (8) notre *defixio* (époque hellénistique).

Enfin, à Nikonion²⁶, petite cité ionienne fondée vers la fin du VIe s. sur la rive gauche de l’estuaire du Tyras :

- (9) dans une *defixio* (Belousov 2017 = Belousov 2018, *verso*, l. 10, IVe s.).

²³ Bechtel 1917, 192.

²⁴ Au IVe s., sur la *defixio* déjà citée, cf. Belousov 2017 (= Belousov 2018), *verso*, l. 10 : Ἡρο[σ]ῶν.

²⁵ Bechtel 1917, 397 ; Zgusta 1955, 387 (§ 1032).

²⁶ Auj. Roksolani (raïon d’Ovidiopol’, région d’Odessa).

Ce nom caractéristique semble avoir été remplacé à l'époque impériale, en raison sans doute d'une étymologie populaire (sans oublier l'iotacisme), par un autre nom épichorique, Ἱεροσῶν, attesté au moins six fois à Olbia et Tyras, qui plus est dans l'élite civique²⁷ :

(1) Olbia, père de Παπίας, membre du collège des stratèges, dans une dédicace du tout début de l'ère chrétienne²⁸ ;

(2) Olbia, père de Δαδακος, chef du collège des stratèges (*IOLbia* 87, ll. 3–4) ;

(3) Olbia, fils d'Ἐπικράτης, dans le collège des archontes (*IOSPE* I² 134, l. 5 ; *IOLbia* 87, l. 11) ;

(4) Olbia, sans doute prêtre éponyme, ἐπὶ [ἱερέως Ἴ]εροσῶ[ντος] (*IOSPE* I² 332, ll. 1–2) ;

(5) Tyras, père de Σεπτουμῖος, dans l'élite de la cité (*IOSPE* I² 2, ll. 25–26, en 181) ;

(6) Tyras, père de l'archonte Θεοκλής (*SEG* XLVII 1196, l. 12, ca. 211–217).

Ἱεροσῶν est par ailleurs le nom de l'un des informateurs olbiopolites de Dion Chrysostome dans le *Borystheniticus* (*Oratio* 36)²⁹, qui insiste sur la vénération de ces Hellènes périphériques pour Homère et Platon³⁰ ; même s'il s'agit d'un personnage fictif, le choix du nom n'est pas anodin.

Λεοντίσκος – pour la seconde moitié de la l. 3, à la place du nom « Agontiskos » lu par les premiers éditeurs, nous reconnaissons le zoonyme bâti sur le nom d'un animal noble. L'hypocoristique « Lionceau » apparaît en outre dans une *defixio* olbienne d'époque hellénistique (*IGDOP* 110 = *DefOlb* 12, l. 3).

Bibliographie / References

- Alekseev, V.P., Loboda, P.G. 2015: [Lead objects founds in the region of Olbia]. *Vestnik Odesskogo Muzeya Numizmatiki* [Journal of the Odessa Numismatic Museum] 57, 4–31.
Алексеев, В.П., Лобода, П.Г. Свинцовые изделия, найденные в окрестностях Ольвии. *Вестник Одесского музея нумизматики* 57, 4–31.
- Alekseev, V.P., Loboda, P.G. 2016: [New finds of classical monuments of culture and art in the Northern Black Sea region (metal, epigraphy, painted ceramics, figure vase, toreutics)]. *Vestnik Odesskogo Muzeya Numizmatiki* [Journal of the Odessa Numismatic Museum] 59–60, 4–42.
Алексеев, В.П., Лобода, П.Г. Новые находки античных памятников культуры и искусства в Северном Причерноморье (металлопластика, эпитафиа, расписная керамика, фигурный сосуд, торевтика). *Вестник Одесского музея нумизматики* 59–60, 4–42.
- Bechtel, Fr. 1917: *Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit*. Halle.
- Belousov, A.V. 2015: [Rev.] P. Ceccarelli. Ancient Greek Letter Writing. A Cultural History (600 BC – 150 BC), Oxford, 2013. *Journal of Hellenic Studies* 135, 201–202.
- Belousov, A.V. 2017: [A new Greek *defixio* from Nikonion]. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii* [Aristeas. Philologia classica et historia antiqua] 16, 55–64.
Белусов, А.В. Новое греческое заклятие из Никония. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* 16, 55–64.
- Belousov, A.V. 2018: A new Greek *defixio* from Nikonion. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 206, 149–153.

²⁷ Bechtel 1917, 216 ; *LGN IV* 172 (cinq occurrences).

²⁸ Ivantchik 2017, l. 11 (Παπίας Ἱεροσῶντος).

²⁹ Correction d'August Voeckh en 1843, dans *CIG* II, p. 115 (ῥοσων ms.).

³⁰ Voir Hupe 2005, 34–35 ; Podossinov 2009, 147–168 ; Dana 2011, 372.

- Belousov, A.V. 2020: *Korpus zaklyatiy pontiyskoy Ol'vii* [*Corpus of the Curses of Olbia Pontica. Defixiones Olbia Ponticae*]. Moscow.
Белоусов, А.В. *Корпус заклятий понтийской Ольвии*. Москва.
- Belousov, A., Dana, M. 2017: Une nouvelle *defixio* du territoire d'Olbia du Pont. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 204, 162–164.
- Belousov, A.V., Dana, M., Nikolaev, N.I. 2015: [Two new *defixiones* from the territory of Olbia]. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii* [*Aristeas. Philologia classica et historia antiqua*] 12, 170–191.
Белоусов, А.В., Дана, М., Николаев, Н.И. Два новых заклятия с Ольвийской хоры. *Арустей. Вестник классической филологии и античной истории* 12, 170–191.
- Belousov, A., Dana, M., Nikolaev, N. 2016: Deux nouvelles *defixionum tabellae* du territoire d'Olbia du Pont. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 197, 167–177.
- Dana, M. 2011: *Culture et mobilité dans le Pont-Euxin. Approche régionale de la vie culturelle des cités grecques*. (Scripta Antiqua, 37). Bordeaux.
- Hupe, J. 2005: Der Dedicantenkreis des Achilleus als ein Gradmesser von Akkulturationsprozessen im kaiserzeitlichen Olbia. Ein Beitrag zur olbischen Onomastik. In: F. Fless, M. Treister (Hrsg.), *Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet. Kolloquium in Zschortau/Sachsen vom 13.2–15.2.2003*. Rahden, 27–42.
- Ivantchik, A.I. 2017: A new dedication from Olbia and the problems of city organization and of Greco-barbarian relations in the 1st century AD. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 23, 189–209.
- Masson, O. 1994: Le nom Νεομήνιος, Νουμήνιος « enfant de la nouvelle lune » et ses variantes. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 102, 167–173.
- Nikolaev, N.I. 2019: [On the transformation of the onomastic materials to the valuable historical source (case of a new magic opisthograph from Olbia)]. *Scripta antiqua* 8, 276–308.
Николаев, Н.И. О преобразовании ономастического материала в полноценный исторический источник (на примере нового магического опистографа из Ольвии). *Scripta antiqua* 8, 276–308.
- Papanova, V.A., Diatropov, P.D. 2017: [Graffiti from suburban farmsteads of Olbia]. In: *Pivnichne Prychornomor'ja za antychnoi doby (na poshanu S.D. Kryzhyts'kogo)* [*Northern Black Sea Region of the Classical Period (in Honour of S.D. Kryzhitsky)*]. Kiev, 82–93.
Папанова, В.А., Диатропов, П.Д. Граффити с пригородных усадеб Ольвии. В: *Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С.Д. Крижицького)*. Киев, 82–93.
- Podossinov, A. 2009: Barbarians and Greeks in Northern Pontus in the Roman period: Dio Chrysostomus' account of Olbia and archaeology. *Ancient West and East* 8, 147–168.
- Tokhtas'ev, S.R. 2016: [From the onomastics of the Northern Black Sea region: XXIII]. *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 20(2), 999–1010.
Тохтасьев, С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья: XXIII. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 20(2), 999–1010.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Prague.

DOI: 10.31857/S032103910015328-3

ВРАЧИ РИМСКОГО ГАРНИЗОНА ТИРЫ: НОВЫЕ ЧТЕНИЯ ИЗВЕСТНЫХ НАДПИСЕЙ

А. И. Иванчик

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия;
Институт исследования древности и средневековья «Авзоний», ИЦНИ, Бордо, Франция*

E-mail: ivantchika@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0861-7761

В статье пересматриваются чтения двух надписей Тире, предположительно содержащих сведения об организации медицинской службы в римском гарнизоне этого города во II в. н.э. В первой из них (AE 1995, 1350) подтверждается упоминание *medicus vexillationis* — термина, неизвестного в других текстах; сама надпись принадлежит к очень немногочисленным свидетельствам существования должности врача *вексилляции*. При этом подтверждается существование в *вексилляции* Тире по меньшей мере двух врачей, один из которых был флотским. Однако сама надпись оказывается иной по характеру, чем предполагал ее первый издатель П.О. Карышковский, — это не надпись «за успех» командующего тирасского гарнизона, а посвящение, поставленное в честь Асклепия и Гигии от имени не только двух врачей, но и двух легионеров, по-видимому, рядовых. Текст первых трех строк восстанавливается иначе: [D(eo) A]sclepio • et • Hygi(ae) | [e.g. T(itus) • Fl(avius) •] Successus • M(arcus) • Atal[eus? • P]lacid[us] m(ilites) | leg(ionis) • I • Ital(icae). Во второй надписи (AE 1990, 869) упоминание уникального термина *valetudinarius*, толковавшегося как обозначение обслуживающего персонала госпиталя (*valetudinarium*), не подтверждается. На его месте восстанавливается *согномен* одного из посвятителей Valens, а сам термин должен быть признан фантомом.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Тира, эпиграфика, римская армия, античная медицина

Данные об авторе. Аскольд Игоревич Иванчик — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, научный руководитель Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, руководитель Центра античной и восточной археологии ИКВИА НИУ ВШЭ.

Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект 18-18-00237-П «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ»).

DOCTORS OF THE ROMAN GARRISON OF TYRAS: NEW READINGS OF KNOWN INSCRIPTIONS

Askold I. Ivantchik

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institut Ausonius, UMR 5607 CNRS, Bordeaux, France*

E-mail: ivantchika@gmail.com

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 18-18-00237-П

The article revises the readings of two inscriptions of Tyras which arguably contain information about the organization of medical service in the Roman garrison of that city in the second century AD. In the first of these (AE 1995, 1350) the re-examination confirms a mention of the medicus vexillationis, an otherwise unattested term; the inscription itself belongs to the very few testimonies of the existence of the vexillation doctor's position. It confirms the existence of at least two doctors in the vexillation of Tyras, one of whom was a naval doctor. However, the inscription turns out to be of a different nature than its first editor P.O. Karyshkovsky suggested – it is not an inscription “for the success” of the garrison commander, but a dedication to Asclepius and Hygia on behalf not only of the two doctors, but also two legionaries, presumably privates. The text of the first three lines is restored differently: *[D(eo) A]sclepio • et • Hygi(ae) | [e.g. T(itus) • Fl(avius) •] Successus • M(arcus) • Ata[eus? • P]lacid[us] m(ilites)] leg(ionis) • I • Ital(icae)*. In the second inscription (AE 1990, 869) the mention of the unique term *valetudinarius*, usually interpreted as referring to the personnel of hospital (*valetudinarium*), is not confirmed. In its place the cognomen of one of the dedicators Valens is to be restored and the term itself should be considered to be a “ghost”.

Keywords: Northern Black Sea region, Tyras, epigraphy, Roman army, ancient medicine

Вся научная жизнь Ю.Г. Виноградова была посвящена изучению и публикации надписей Северного Причерноморья. Наряду с вводом в научный оборот новых текстов, он считал насущной задачей российской антиковедческой науки подготовку нового свода надписей этого региона, который должен был заменить изданный почти столетие назад корпус В.В. Латышева. Этой цели он отдавал много времени и сил, но, к сожалению, достичь ее ему не было суждено: Ю.Г. Виноградов погиб в расцвете лет – в этом году мы отмечаем не только его 75-летие, но и 21-ю годовщину смерти. Выполнение этой масштабной задачи осталось его коллегам следующего поколения. В последние 20 лет работа в этом направлении продолжалась, и в результате А.Ю. Виноградов, И.А. Макаров и автор этих строк подготовили три тома нового корпуса; их предварительные версии опубликованы в электронной форме¹, а печатная версия первого из них, корпуса надписей Тиры и ее окрестностей, должна выйти в этом году. Несмотря на то что в этот том вошли и неопубликованные надписи, в нем, разумеется, переиздаются и те, что уже были опубликованы раньше. Они были заново изучены

¹ URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/index.html>; дата обращения: 15.08.2021.

по оригиналам в тех случаях, когда эти оригиналы сохранились, что позволило уточнить предыдущие издания — предложить новые чтения или отказаться от старых. Предлагаемые вниманию читателя заметки выросли из работы над этим корпусом, и я посвящаю их памяти своего покойного друга и старшего коллеги, Ю.Г. Виноградова.

Как известно, в римской армии существовала собственная медицинская служба, и военные врачи время от времени упоминаются в надписях. Поскольку таких упоминаний не очень много, каждое из них привлекает внимание исследователей. Среди надписей Тире есть два памятника, имеющих отношение к этой проблематике. Ознакомление с оригиналом первого из них и внимательное изучение фотографии второго (к сожалению, пропавшего) позволяют предложить новые чтения, а значит, и новое понимание этих надписей.

Первая надпись — *посвящение воинов I Италийского легиона и военных врачей Асклепию и Гигии* (рис. 1). Посвящение сделано на плите серого мрамора, ее сохранившиеся размеры $33,4 \times 26,1 \times 6,0-6,7$, в нижней части она тоньше, чем в верхней. Плита состоит из пяти сходящихся фрагментов, ее лицевой и оборотный фасы отшлифованы, правый, верхний и нижний обработаны грубыми сколами, левый отбит. Над полем надписи находится врезанный орнамент, состоящий из ряда горизонтальных волют, завершающегося изображением листка. Плита была найдена осенью 1981 г. при земляных работах у пересечения улиц Ушакова и Попова в Белгороде-Днестровском, в нескольких десятках метров от Центрального раскопа на территории античной Тире; в Одесский музей, где она сейчас хранится (инв. № 88200), ее передал в 1982 г. краевед В.П. Пушкарёв. Надпись расположена на лицевой стороне плиты, ее левая часть отбита. Размеры поля надписи $24,8 \times 23,6$ см. Над ним находится поле, заполненное растительным орнаментом высотой 4,0 см, под ним — поле размером 2,3 см, справа надпись доходит до края плиты. Буквы вырезаны глубоко и тщательно, украшены небольшими апексами, имеют несколько вытянутые пропорции. Последние буквы в первой и пятой строках уменьшены и вписаны в предыдущие буквы. Все слова и сокращения разделены крупными точками, помещенными на середине высоты букв. Высота букв заметно уменьшается от верхней строки к нижней: в стк. 1 она составляет $3,6-3,7$ см, в стк. 2/3— $3,0/3,3$ см, в стк. 4— $2,7/2,8$ см, в стк. 5— $2,5/2,6$ см, в стк. 6/7— $2,3/2,4$ см. Среднее расстояние между строк 0,5 см.

Рис. 1. Посвящение легионеров I Италийского легиона и военных врачей Асклепию и Гигии
© Одесский археологический музей.
Инв. № 88200. Фото автора

Надпись была опубликована П.О Карышковским и впоследствии воспроизводилась² в следующей форме:

[D(eo) A]sclepio et Hygi(ae)
 [pro] successu{s} M(arci) Ata-
 [e.g. li P]lacid[i (centurionis)] leg(ionis) I Ital(icae) L(ucius) Pa-
 [e.g. piri]us Olympicus me-
 5 [dic]us ve[xi]l(lationis) et M(arcus) · Seius · Ga-
 [e.g. rgil]ius medicus duplicar(ius)
 [clas]sis Fl(aviae) Moes(icae) v(otum) s(olverunt) l(ibentes) m(erito)

Карышковский справедливо заметил, что примерную длину строк можно определить по строкам 5 и 7, где вряд ли могут быть сомнения в восстановлении me[dic]us и [clas]sis. Хотя плотность букв в строках довольно сильно варьирует, все же эти строки дают представление о размере лакун, однако их восстановление вызывает ряд сложностей. Карышковский предлагал восстановление [pro] successu{s} Ata[li P]lacid[i (centurionis)] leg(ionis) I Ital(icae). Соответственно, он считал, что речь идет о посвящении, поставленном двумя врачами тирской вексилляции «за успех» (последняя буква, по его мнению, написана резчиком по ошибке и должна быть исключена) командира этой вексилляции, центуриона I Италийского легиона Марка Аталия Плацида.

Однако с этим восстановлением трудно согласиться. Формула pro successu в латинской эпиграфике, кажется, неизвестна – во всяком случае, Гейдельбергская база данных³ не знает, кроме данной надписи, ни одного ее употребления. Если учитывать, что для восстановления этой уникальной формулы приходится исправлять слово, сохранившееся на камне, то предложенный вариант оказывается еще более сомнительным. В то же время Successus – широко распространенный cognomen⁴, и его восстановление здесь напрашивается. Если это предположение верно, то в лакуне в начале строки должны находиться сокращенные praenomina и nomen, или только nomen. Вероятнее первый вариант – хотя в надписях этого времени нередко используются два имени вместо трех, все же в этой надписи все сохранившиеся имена имеют praenomina. В лакуне есть место для 3–4 букв перед S, и здесь можно восстанавливать, например, [M(arcus) Aur(elius)/Au(relius)] Successus, [T(itus) Fl(avius)] Successus и т.д. Соответственно и следующее за ним имя должно стоять в номинативе, а не генетиве. Отсутствие ET между двумя именами не должно смущать: союз далеко не всегда присутствует при перечислении имен в латинских надписях, даже когда названо только два имени. В данной надписи он отсутствует и в третьей строке, между именами второго и третьего посвященных, и разделяет только последнего и предпоследнего из них.

Cognomen второго посвященного вряд ли можно восстанавливать иначе, как Placidus – он широко распространен. Что касается nomen, то предложенный Карышковским вариант Atalium не единственно возможен – здесь можно

² Karyshkovsky 1987, 52–56, ср. Sarnowski 1995, 326, с ошибкой в стк. 5 (N. Selius), повторенной в AE 1995, 1350 и Aparaschivei 2012, 118, no. 5.

³ URL: <https://edh-www.adw.uni-heidelberg.de/home/>; дата обращения: 15.08.2021.

⁴ Kajanto 1965, 356.

предполагать также Atatius, Atanius и Ataeus. Учитывая размер лакуны, где можно уместить 2–3 буквы перед надежно восстанавливаемым Р, предпочтителен вариант Ata[eus] (ср. *AE* 1979, 226), возможен и Ata[lius] (изредка встречается и написание Atalus), учитывая, что буквы L и I в надписи узкие, а в этой строке они написаны весьма тесно. Поскольку между PLACID и LEG есть место только для двух узких или одной широкой буквы, а здесь еще должно поместиться указание на должности двух первых посвятителей, приходится предполагать, что *cognomen* Placidus сокращен – случаи подобных сокращений в надписях известны (именно для Placidus см. *AE* 1924, 23; 2004, 1062), хотя и не очень часты. В таком случае в лакуне можно восстанавливать m(ilites). Карышковский предполагал здесь восстановление знака, обозначающего центуриона. Однако для первого посвятителя должность не указана, и, следовательно, стоящее здесь указание должно относиться к обоим первым посвятителям. Это исключает восстановление здесь должности центуриона – вряд ли можно предполагать присутствие двух центурионов одного легиона в составе размещенной в Тире небольшой vexillarii. Таким образом, для восстановления строк 2–3 можно предложить такой вариант: [e.g. T(itus) · Fl(avius) ·] Successus · M(arcus) · Ata[eus? · P]lacid[us) · m(ilites) ·] leg(ionis) · Ī · Ital(icae). Соответственно текст, после уточнения чтений по оригиналу в Одесском археологическом музее, следует читать следующим образом (разночтения с предыдущими издателями приведены в критическом аппарате):

[D(eo) A]sclepio · et · Hygi(ae)

[e.g. T(itus) · Fl(avius) ·] Successus · M(arcus) · Ata-

[eus? · P]lacid(us) [· m(ilites) ·] leg(ionis) · Ī · Ital(icae) · L(ucius) · Pa-

[. . .]us · Olympicus · me-

5 [dic]us · vexil(lationis) · et · M(arcus) · Seius · Ga-

[. . .]ius · medicus · duplicar(ius)

[clas]sis · Fl(aviae) · Moes(icae) · v(otum) · s(olverunt) · l(ibentes) · m(erito) ·

2: [pro] successu{s} Karyshkovskii; 3: [e.g. li P]lacid[i (centurionis) Karyshkovskii; 4: [e.g. piri] us Olympicus me- Karyshkovskii; 5: N. Selius Sarnowski *per errorem*; 6: [e.g. rgil]ius medicus Karyshkovskii

Перевод: [Богу] Асклепию и Гигии [Тит Флавий (?) Сукцес, Марк Ата[. . .] Пл]ацид, [воины] I Италийского легиона, Луций Па[. . .]ий Олимпик, [вр]ач vexillarii, и Марк Сей Га[. . .]ий, врач с двойным окладом Флавиева Мезийского [фл]ота, исполнили обет достойно и охотно.

По сравнению с восстановлением Карышковского, этот вариант имеет то преимущество, что не требует исправления сохранившейся части текста и введения в него более нигде не засвидетельствованной формулы, хотя, конечно, и здесь есть некоторые трудности, в частности, необходимость предполагать сокращение *cognomen* Placid(us), хотя и встречающееся в латинских надписях, но не очень часто. Восстанавливаемый *nomen* Ataeus также довольно редок.

Перед нами, таким образом, посвящение не двух, а четырех посвятителей – двух легионеров и двух врачей. Обращено оно к богам-целителям, покровительствующим деятельности двоих посвятителей, римских военных врачей. Несмотря на то что в латинских надписях посвящения Aesculapius (часто в паре с Гигией) встречаются примерно вдвое чаще, чем Asclepius (по данным Epigraphische

Datenbank Heidelberg), все же использование заимствованного из греческого имени божества вполне банально и засвидетельствовано далеко не только в грекоязычных провинциях, так что из его употребления вряд ли можно сделать какие-нибудь выводы.

Два первых посвятителя были воинами Первого Италийского легиона, который был дислоцирован в Мезии и занимал лагерь в Нове с эпохи Веспасиана. Однако первоначально основную ответственность за территорию Добруджи и гарнизоны в греческих городах Северного Причерноморья нес не он, а V Македонский легион — до своего вывода из Нижней Мезии в 60-е годы II в. Точная дата вывода легиона из Нижней Мезии неясна — мы знаем, что в 168 г. он уже размещался в Потаиссе в Дакии (*CIL VI 1377*), а в 162–166 гг. участвовал в войне против Парфии в составе армии Луция Вера, откуда, видимо, в Нижнюю Мезию уже не возвращался. Наиболее вероятно, что легион был выведен в 162 г. на Восток в полном составе, однако высказывалось предположение, что небольшие vexillationes, включавшие его воинов, оставались в Нижней Мезии, в частности в Тире и Ольвии, до возвращения легиона с Востока и его перемещения в Дакию, т.е. до 167 г.⁵ Таким образом, полный вывод легиона из Нижней Мезии, включая его причерноморские vexillationes, следует датировать между 162 и 167 гг. Какое-то время в Тире стоял смешанный гарнизон из воинов всех трех нижнемезийских легионов (I Italica, V Macedonica, XI Claudia) и auxilia, который возглавлял центурион I Италийского легиона: эта ситуация засвидетельствована черепичным клеймом⁶. Аналогичный состав гарнизона, правда под управлением центуриона XI Клавдиева легиона, зафиксирован и в Ольвии надписью *IOSPE I² 322*. Мы не знаем, насколько долго длилась такая ситуация — возможно, речь идет о кратком переходном периоде передачи зоны ответственности от V Македонского к I Италийскому легиону⁷. Также нельзя полностью исключать и того, что в греческих городах Причерноморья могли формироваться смешанные vexillationes из воинов разных легионов и в обычное время — в таком случае клеймо из Тиры и надпись из Ольвии отражали бы эту ситуацию.

После вывода из Нижней Мезии V Македонского легиона основная роль перешла к I Италийскому (ср. *CIL VIII 619 = ILS 2747*: военный трибун I Италийского легиона, занимавший должность praepositus vexillationibus Ponticis apud Scythia et Tauroisam)⁸; его воины составили костяк гарнизона Тиры, а возглавлял этот гарнизон один из центурионов легиона. Таким образом, можно предполагать, что данная надпись относится к периоду после 162/167 г., но вряд ли позже конца столетия. Об этом свидетельствует и форма букв надписи, и тот факт, что все упомянутые лица носят tria nomina, тогда как начиная с середины II в. praepomen все чаще опускался.

Nomen третьего посвятителя восстановить по первым двум буквам невозможно, слишком много подходящих вариантов. Его cognomen скорее всего

⁵ Sarnowski 1987, 90–91.

⁶ Karyshkovsky, Kleiman 1985, 98–99, рис. 32; Sarnowski 1987, 73; Son 1993, 31–34. К сожалению, названия вспомогательных частей, стоявших в Тире, неизвестны.

⁷ Ср. Sarnowski 1987, 90.

⁸ Об истории легиона см. подробно Absil 2000, 227–238; Matei-Popescu 2010, 77–123.

свидетельствует о греческом происхождении. Та же орфография засвидетельствована в надписи *CIL* III 9430 IV–V вв. из Салоны (Сплит). Олимпик занимает должность врача вексилляции (очевидно, тирской). В римской армии существовала довольно развитая медицинская служба: врачи присутствовали в каждом подразделении и, очевидно, были разных рангов. Конечно, должны были быть врачи и в вексилляциях, хотя эта надпись, по-видимому, единственное свидетельство использования термина *medicus vexillationis*. Известны еще две надписи, очевидно, тоже упоминающих врача вексилляции, хотя и не употребляющих этот термин. Это посвящение *miles medicus* Гению вексилляции (*Genius vexillationis*) легиона I *Minervia* (Iversheim, 145 г., *CIL* XIII 793) и посвящение от имени вексилляции XI Клавдиева легиона в Монтане (Михайловград в Болгарии, 155 г., *CIL* III 7449). В последней надписи, очевидно, перечисляется весь состав вексилляции, в том числе среди принципалов упомянут *medicus* – на предпоследнем месте, перед *immunes venatores*, вслед за которыми следует список рядовых легионеров по когортам. Видимо, в вексилляции Тире, которая вряд ли была большой, эту должность занимал врач низшего статуса, в ранге рядового легионера, имевшего привилегию *immunis*, как и остальные легионные специалисты⁹. Таков же статус (*miles medicus*, хотя точное значение этого термина спорно) и врача вексилляции из Иверсхайма; статус врача из Монтаны, видимо, немного выше, поскольку он причислен к принципалам.

Cognomen четвертого посвятителя невозможно надежно восстановить по сохранившимся буквам. Он, как и третий посвяtitель, был врачом, но формально более высокого статуса *duplicarius*, т.е. получал двойное жалование. По-видимому, такой статус был обычным для флотских врачей: из 10 известных по надписям флотских врачей 9 его имели¹⁰, в том числе те, кто умер после пяти лет службы (*CIL* XI 29; VI 3910¹¹), и только Л. Лоллий Валент (*CIL* X 3559), умерший через 17 дней службы, имел статус *manipularis*. Возможно, двойное жалование назначалось врачам, служившим на флоте, потому что статус и, соответственно, жалование моряков были ниже, чем у воинов сухопутных войск и особенно легионеров, и удвоение их низкого заработка должно было компенсировать эту разницу¹². Возможно также, это обуславливалось большей нагрузкой, чем у врачей сухопутных подразделений. Надпись свидетельствует о том, что в Тире помимо сухопутных частей стояла часть кораблей Флавиева Мезийского флота, основная база которого размещалась в Новиодуне, но присутствие кораблей которого фиксируется надписями или черепичными клеймами во многих других местах, как на Дунае, так и на Черноморском побережье¹³. В соседней Ольвии присутствие

⁹ Прямое указание: *Dig.* 50, 6,7, о военных врачах разного статуса см. Wilmanns 1995, *passim*, особенно 75–88; Baker 2004, 42–45; Rémy, Faur 2010, 50–54; Bader 2014, 44–49 с литературой.

¹⁰ Список см. Nutton, 1970, 66–71; Reddé 1986, 536; Wilmanns, 1995, 19–29.

¹¹ Ср. Rémy, Faure 2010, 176–177.

¹² Ср. Starr 1960, 81; Hirt Raj 2006, 129–131.

¹³ Об истории Мезийского флота см. Starr 1960, 129–137; Kienast 1966, 110–112; Aricescu 1980, 30–32; Bounegru, Zahariade 1996; Matei-Popescu 2010, 245–255.

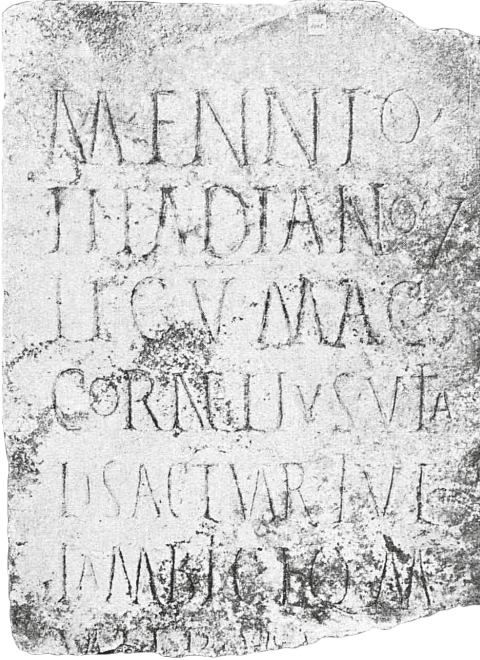

Рис. 2. Почетная надпись в честь Марка Энния Илладиана, центуриона V Македонского легиона (по: Nicorescu 1937, fig. 7)

раскопках румынского исследователя П. Никореску в 1936 г. Как и все остальные надписи из его раскопок, она, видимо, была увезена в Яссы: П. Никореску с 1927 г. был профессором древней истории и эпиграфики в Ясском университете, а с 1937 г. — также директором университетского Музея древностей. В самом деле, по крайней мере одна из этих надписей в конце 1950-х годов находилась в Яссах: об этом свидетельствует письмо П. Петреску-Дымбовица и Н. Гостара П. О. Карышковскому от 27 мая 1960 г., на которое ссылается последний в одной из своих работ¹⁶. Однако в Музее истории Молдовы в Яссах, который является преемником Музея древностей, ни одну из тирских надписей обнаружить не удалось: здесь хранится только плита с поддельным декретом, вывезенная во время Второй мировой войны из Одесского археологического музея¹⁷. По всей видимости, все надписи из раскопок Никореску в настоящее время утрачены, во всяком случае их местонахождение неизвестно, и о них можно судить только по его публикациям.

кораблей Мезийского флота засвидетельствовано в 157 г.¹⁴ Посвятитель надписи был врачом, обслуживавшим корабли (если их было несколько) или корабль (видимо, в состав экипажа каждого корабля входил врач¹⁵) тирской вексилляции, в отличие от своего коллеги, отвечавшего за сухопутные войска. Данная надпись — пока единственное эпиграфическое свидетельство о враче *duplicarius* провинциального флота (ср., однако, Galen. *De compos. medic.* IV. 8, где упоминается Аксий, *medicus ocularius* Британского флота) — остальные такие надписи относятся к Мисенскому и Равеннскому флотам.

Кроме этой надписи еще одна латинская надпись из Тиры традиционно считается относящейся к медицинской службе римской армии; в ней также предполагается упоминание уникального термина *valetudinarius*.

Памятник, о котором идет речь, — почетная надпись в честь Марка Энния Илладиана, центуриона V Македонского легиона (рис. 2) — была обнаружена при

¹⁴ Ivantchik, Krapivina 2007a, 66–83 = 2007b, 219–242.

¹⁵ Starr 1960, 56; Nutton 1970, 70; Reddé 1986, 536.

¹⁶ Karyshkovsky 1963, 109.

¹⁷ См. о ней: Ivantchik 2015a, 152–153, рис. 7 = 2015b, 292–294, fig. 7.

Надпись, о которой идет речь, опубликована Никореску с довольно хорошей фотографией и описанием¹⁸ и затем неоднократно воспроизводилась по его изданию и комментировалась¹⁹, в том числе потому, что в ней видели свидетельство об организации медицинской службы в римской армии — предположительно упомянутый в ней *valetudinarius* считался служащим военного госпиталя, *valetudinarium*. Надпись нанесена на мраморный блок высотой 37,0, шириной 28,3 и толщиной 8,8 см с заглаженным или отполированным лицевым фасом. Сохранилась его верхняя часть, нижняя отбита. Верхний правый угол слегка профилирован, на основании чего П. Никореску предполагал, что блок использован вторично и первоначально был частью архитрава. Буквы надписи вырезаны ровно и аккуратно, украшены небольшими апексами и прокрашены красной краской, следы которой видны на камне. Используются лигатуры и словоразделители в виде небольших треугольников, некоторые буквы уменьшены. Высота букв 3,5 см.

Текст надписи читается следующим образом:

M(arco) ▲ Ennio ▲
 Illadiano ▲ > (centurioni)
 leg(ionis) ▲ ▽ ▲ Mac(edonicae) ▲
 Cor⁴ne¹lius ▲ V⁴it¹a-
 5 lis ▲ act⁴ua¹r(ius), ▲ Iul(ius)
 Iamb⁴li¹c(hus) ▲ eq(ues), ▲ M(arcus)
 (V⁴a¹le¹r(ius) ▲ (V⁴A¹L)[- - -]
 [- - -]

6: Iamblic(us) edd; eques Nicorescu; 7: val(etudinarius) edd.

Перевод: Марку Эннию Илладиану, центуриону V Македонского легиона, Корнелий Виталий, актуарий, Юлий Ямблих, всадник, Марк Валерий Вал[- - -]

Таким образом, перед нами почетная надпись, поставленная, очевидно, в честь командующего тирским гарнизоном принципалами, находившимися у него в подчинении и служившими в том же легионе. Центурион V Македонского легиона Марк Энний Илладиан упомянут в еще одной надписи из Тирь²⁰, которая точно датируется по титулатуре Траяна, приводимой в ней. Титулатура включает прозвище «Парфянский», которое Траян получил от Сената 20 или 21 февраля 116 г.²¹; соответственно, надпись должна относиться к периоду между этой датой и смертью Траяна 7 августа 117 г. Почетная надпись в честь Илладиана должна, следовательно, датироваться близким временем.

Среди принципалов, сделавших посвящение в честь своего командира, на первом месте упоминается актуарий, ведавший ведением документации и снабжением провиантом. Данная надпись, насколько мне известно, содержит самое раннее датированное упоминание должности актуария. За ними следует всадник Юлий Ямблих.

¹⁸ Nicorescu 1937, 219–220, n° 2, tabl. VI–VII, fig. 7–8; cp. 1944, 502, n. 2.

¹⁹ Karyshkovsky 1959, 117, № 6; Sarnowski 1987, 72, Nr. 9; *AE* 1990, 869; Aparaschivei 2012, 118, no. 6.

²⁰ Nicorescu 1944, 501–510, pl. 1, fig. 2, 3; Karyshkovsky 1959, 116–117, № 5; Sarnowski 1987, 71–72, Nr. 8; *AE* 1990, 868.

²¹ *CIL* XIV, 244; Kienast *et al.* 2017, 117.

Он единственный из упомянутых в надписи воинов имеет *cognomen* нелатинского происхождения и, очевидно, происходит из грекоязычной среды, а его «императорский» *nomen* свидетельствует о получении его семьей гражданства в эпоху Юлиев – Клавдиев. Легионные всадники нередко причисляются к принципалам, очевидно, потому, что они были «штабной кавалерией»²². Входящие в состав тирской вексилляции принципалы, по всей видимости, составляли штаб ее командующего.

Затем следует упоминание третьего посвятителю. В последней строке сохранились лишь верхние части букв ее левой части. Восстановление последних трех букв как VAL вполне убедительно, однако их расшифровка как *val(etudinarius)*, предложенная П. Никореску и ставшая общепринятой, вызывает сомнения. Прежде всего, после *nomen Valerius* здесь ожидается не название должности, а *cognomen*: в надписях этого времени *praenomen* нередко опускается (как и в этой надписи – у центуриона названы все три имени, а у актуария и всадника – только два), но *cognomen*, служивший личным, а не родовым, именем присутствует практически всегда. К тому же и восстанавливаемая здесь должность *valetudinarius*, по-видимому, является фантомом. В текстах засвидетельствована должность *optio valetudinarii* (*Dig.* 50.6.7; *CIL* VIII 18047; XIII 8011; *AE* 1937, 181; 1955, 13 и др.) – речь идет о персонале госпиталей (*valetudinarium*), но *valetudinarius* не встречается ни разу. Это слово засвидетельствовано, но совершенно в ином значении – «человек слабого здоровья, инвалид» (см., например, *OLD* s.v.), т.е. не врач, а, наоборот, больной. Так что восстанавливать здесь этот термин решительно невозможно. Единственным подходящим вариантом здесь является восстановление *cognomen* третьего принципала, должность которого не сохранилась. Среди *cognomina*, начинающихся на Val-, наиболее распространено, особенно в военной среде, имя *Valens*, которое, видимо, и восстанавливается здесь, хотя возможны и другие варианты. Итак, последние две строки надписи должны читаться: *Iamb'li'c(hus) ▲ eq(ues), ▲ M(arcus) | 'V̄a'l̄eř(ius) ▲ 'V̄a'l̄[ens- -]*. Соответственно, надпись в действительности не имеет отношения к медицинской службе и ее сохранившаяся часть не упоминает ни врачей, ни больничного персонала. Она должна быть исключена из круга источников, связанных с римскими военными врачами, а термин *valetudinarius* в приложении к медицинскому персоналу никогда не существовал.

Таким образом, пересмотр чтений надписей Тире позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся истории медицинской службы в римской армии. В первой из них подтверждается упоминание *medicus vexillationis* – термина, неизвестного в других текстах; сама надпись принадлежит к очень немногочисленным свидетельствам существования должности врача вексилляции. При этом подтверждается существование в вексилляции Тире по меньшей мере двух врачей, один из которых был флотским. Надпись является единственным пока свидетельством того, что врачи, служившие и на провинциальных, а не только преторианских (Мисенском и Равеннском) флотах, имели статус *duplicarius*. Однако сама надпись оказывается иной по характеру, чем предполагалось – это не надпись «за успех» командующего тирасского гарнизона, а посвящение, поставленное

²² Domaszewski 1967, 47–50.

в честь Асклепия и Гигии от имени не только двух врачей, но и двух легионеров, по-видимому, рядовых. Во второй надписи упоминание уникального термина *valetudinarius*, толковавшегося как обозначение обслуживающего персонала госпиталя, не подтверждается. На его месте восстанавливается *conpomen* одного из посвятителей, а сам термин должен быть признан фантомом.

Литература / References

- Absil, M. 2000: *Legio I Italica*. In: Y. Le Bohec, C. Wolff (éds.), *Les légions de Rome sous la Haut-Empire*. Lyon, 227–238.
- Aparaschivei, D. 2012: Physicians and medicine in the Roman army of Moesia Inferior. *Dacia* 61, 99–118.
- Aricescu, A. 1980: *The Army in Roman Dobrudja*. (BAR International Series, 86). Oxford.
- Bader, P. 2014: The identity, legal status and origin of the Roman army's medical staff in the Imperial age. In: B. Maire (ed.), *'Greek' and 'Roman' in Latin Medical Texts*. Leiden, 43–59.
- Baker, P.A. 2004: *Medical Care for the Roman Army on the Rhine, Danube and British Frontiers in the First, Second and early Third Centuries AD*. (BAR International Series, 1286). Oxford.
- Bounegru, O., Zahariade, M. 1996: *Les forces navales du Bas Danube et de la Mer Noire aux Ier – VIe siècles*. (Colloquia Pontica 2). Oxford.
- Domaszewski, A. von 1967: *Die Rangordnung des römischen Heeres*. 2. Aufl. Graz.
- Hirt Raj, M. 2006: *Médecins et maladies de l'Égypte romaine. Étude socio-légale de la profession médicale et de ses praticiens du Ier au IVe siècle ap. J.-C.* Leiden.
- Ivanchik, A.I. 2015a: [On some forged inscriptions of Olbia and Tyras]. *Arheologija i davnja istorija Ukraïny [Archaeology and Ancient History of Ukraine]* 1(14). *Olbio. In memoriam V.V. Krapivina*. Kiev, 147–157.
- Иванчик, А.И. О некоторых поддельных надписях Ольвии и Тиры. *Археологія і давня історія України* 1(14). *Olbio. In memoriam V.V. Krapivina*. Київ, 147–157.
- Ivanchik, A.I. 2015b: Some fake inscriptions from Olbia and Tyras. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 21, 280–301.
- Ivanchik, A.I., Krapivina, V.V. 2007a: [Roman military diploma of 157 AD, issued to a sailor of the Flavian Moesian fleet]. In: V.N. Zinko, V.V. Krapivin (eds.), *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya v antichnoye vremya [Antiquities of the Northern Black Sea Region in Antiquity]*. Simferopol, 66–83.
- Иванчик, А.И., Крапивина, В.В. Римский военный диплом 157 г., выданный матросу Флавиева Мезийского флота. В кн.: В.Н. Зинько, В.В. Крапивина (ред.), *Древности Северного Причерноморья в античное время*. (МАИЭТ, Suppl. 4). Симферополь, 66–83.
- Ivanchik, A.I., Krapivina, V.V. 2007b: A Roman military diploma issued to a sailor of the *Classis Flavia Moesica*. *Chiron* 37, 219–242.
- Kajanto, I. 1965: *The Latin Cognomina*. Helsinki.
- Karyshkovsky, P.O. 1959: [Materials for the collection of ancient inscriptions of Sarmatia and Tauris]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*, 4, 111–131.
- Карышковский, П.О. 1959: Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. *ВДИ* 4, 111–131.
- Karyshkovsky, P.O. 1963: [Epigraphic monuments of the Belgorod-Dniester Museum]. *Kratkie soobshcheniya o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeya v 1961 g. [Brief Reports on Field Archaeological Research of the Odessa State Archaeological Museum in 1961]*, 102–109.
- Карышковский, П.О. Эпиграфические памятники Белгород-днестровского музея. *Kratkie soobshcheniya o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh Odesskogo gosudarstvennogo arkheologicheskogo muzeya v 1961 g.*, 102–109.
- Karyshkovsky, P.O. 1987: [Dedicatory inscription of Roman doctors from Tyras]. In: T.L. Samoilova, G.A. Dzis-Raiko, P.O. Karyshkovsky, N.A. Kravchenko, E.F. Patokova (eds.), *Novye issledovaniya po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya [New Research in the Archeology of the Northern Black Sea Region]*. Kiev, 52–56.

- Карышковский, П.О., Посвятительная надпись римских врачей из Тира. В сб.: Т.Л. Самойлова, Г.А. Дзис-Райко, П.О. Карышковский, Н.А. Кравченко, Э.Ф. Патокова (ред.), *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*. Киев, 52–56.
- Karyshkovsky, P.O., Kleiman, I.B. 1985: *Drevniy gorod Tira. Istoriko-arkheologicheskii ocherk* [*Ancient City of Tyras. Historic Archaeological Essay*]. Kiev.
- Карышковский, П.О., Клейман, И.Б., *Древний город Тира. Историко-археологический очерк*. Киев.
- Kienast, D. 1966: *Untersuchungen zu den Kriegsflotten der römischen Kaiserzeit*. Bonn.
- Kienast, D., Eck, W., Heil, M. 2017: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. 6., überarb. Aufl. Darmstadt.
- Matei-Popescu, F. 2010: *The Roman Army in Moesia Inferior*. Bucharest.
- Nicorescu, P. 1937: Garnizoana romană în sudul Basarabiei. *Analele Academiei Române. Memoriile secțiunii istorice*, Ser. III, 19, 217–225.
- Nicorescu, P. 1944: O inscripție a împăratului Traian găsită la Cetatea Albă. *Analele Academiei Române. Memoriile secțiunii istorice*, Ser. III, 26, 501–510.
- Nutton, V. 1970: The Doctors of the Roman Navy. *Epigraphica* 22, 66–71.
- Reddé, M. 1986: *Mare Nostrum. Les infrastructures, le dispositif et l'histoire de la marine militaire sous l'Empire Romain*. Rome.
- Rémy, B., Faure, P. 2010: *Les médecins dans l'Occident romain*. (Scripta Antiqua, 27). Bordeaux.
- Sarnowski, T. 1987: Das römische Heer im Norden des Schwarzen Meeres. *Archeologia* 38, 61–98.
- Sarnowski, T. 1995: L'organisation hiérarchique des vexillationes Ponticae au miroir des trouvailles épigraphiques récentes. In: Y. Le Bohec (ed.), *La hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous la Haut-Empire. Actes du congrès de Lyon*. Paris, 323–328.
- Son, N.A. 1993: *Tira rimskogo vremeni* [*Tyras in the Roman Period*]. Kiev.
- Сон, Н.А., *Тира римского времени*. Киев.
- Starr, G.G. 1960: *The Roman Imperial Navy. 31 B.C. – A.D. 324*. 2nd ed. Cambridge.
- Wilmanns, J. C. 1995: *Der Sanitätsdienst im Römischen Reich. Eine sozialgeschichtliche Studie zum römischen Militärsanitätswesen nebst einer Prosopographie des Sanitätspersonals*. Hildesheim–Zurich–New York.

DOI: 10.31857/S032103910015368-7

ОБ ОСТРАКОНЕ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

И. А. Макаров

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия*

E-mail: ig.a.makarov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1197-7493

В статье рассматривается древнегреческое граффито с городища Чайка, изданное в 2013 г. С.Р. Тохтасьевым. Первоиздатель интерпретировал документ как хозяйственную запись, сделанную торговцем или ремесленником, в которой содержатся имена контрагентов, а также цифры, обозначающие денежные суммы или количество товара. Надпись неоднократно комментировалась (*SEG* 63, 570), однако ее заключительная строка до настоящего времени не получила удовлетворительного объяснения. Автор датирует граффито временем около рубежа эр, предлагает новое чтение указанной строки, позволяющее уточнить интерпретацию надписи, вносит ряд исправлений и комментирует текст.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, древнегреческая эпиграфика, Северо-Западный Крым, поздние скифы, Чайкинское городище, граффити, хрисолит, зеркало

NOTES ON AN OSTRACON FROM NORTHWESTERN CRIMEA

Igor A. Makarov

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

E-mail: ig.a.makarov@gmail.com

The inscription under discussion was published in 2013 by S.R. Tokhtasiev who explained it as a list of Iranian names made by a merchant or a craftsman who enumerated his customers and some items with their prices or quantities. Several corrections and comments were proposed after his edition (*SEG* 63, 570). Nevertheless, the last line (l. 6) of the graffito has not received

Данные об авторе. Игорь Анатольевич Макаров – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН; старший научный сотрудник отдела античной литературы ИМЛИ РАН.

any satisfactory interpretation. The *editor princeps* read the line, without translation, as follows: καθρουλι(?)ον κτενω[- -]. In the republication of this inscription S.Yu. Saprykin corrected the line to: κα<ι> θρούπτον κτενώδης, but his translations of the participle θρούπτον (“breaking in pieces”) as “combing” and of the adjective κτενώδης (“like a comb”) as “a comb” is grammatically wrong. Moreover, the decipherment of the tree last letters of the proposed form κτενώδης cannot be confirmed by the comparison with the photograph of this ostrakon. The present paper discusses a number of new readings. In particular it deals with the interpretation of the last line, which is crucial for the correct understanding of the graffito.

Keywords: Northern Black Sea region, Greek epigraphy, Northwestern Crimea, Late Scythians, Chaika settlement, graffiti, chrysolite, mirror

В 2013 г. С.Р. Тохтасьев опубликовал шестистрочное граффито на фрагменте донца краснолаковой тарелки (см. рисунок)¹, который был случайно обнаружен в отвалах на Чайкинском городище близ Евпатории². Отметив, что полученные им результаты имеют предварительный характер и что «для более уверенных заключений» потребуется дополнительное изучение черепка³, он предложил следующее чтение и перевод:

[? Αγ]ουζακου γυνή· ..
 .π(?)άτεις, γυνά· χρυσόλιθο[ς]
 Αζεακος· Α
 Αγουζακο<υ> γυνή· Β
 5 Λαυθιακου θυγάτηρ· Λ
 καθρουλι(?)ον κτενω[- -]

Перевод: Жена [? Αγ]узака... [.]татис, (его) жена: топаз. Азеак: 1. Жена Агузака: 2. Дочь Лавтиака: 30...

Тохтасьев высказал предположение, что речь идет о хозяйственной записи, сделанной неким торговцем или ремесленником, с именами («скифскими» или «сарматскими» в зависимости от датировки граффито, но в любом случае «иранскими») его контрагентов, а также с цифрами для обозначения денежных сумм или количества каких-то товаров, среди которых прямо назван лишь драгоценный камень топаз.

Спустя некоторое время надпись переиздал С.Ю. Сапрыкин⁴. Он привел дополнительные данные об условиях находки, из которых следовало, что граффито было обнаружено случайно⁵. Согласившись в целом с предложенной в ed. pr. интерпретацией, Сапрыкин предложил ряд поправок к чтению надписи и снабдил ее комментарием. Предложенный им греческий текст и перевод выглядит так:

¹ Благодарю Т.Н. Смекалову, любезно приславшую мне фотографию фрагмента.

² Tokhtas'ev 2013, 263 (далее ed. pr.). Надпись издана по фотографии и прорисовке. В ссылке на них имеется неточность: в заголовке вместо рис. 136 должен быть указан рис. 142 (ср. Smekalova et al. 2013, 174, рис. 142).

³ Tokhtas'ev 2013, 263.

⁴ Saprykin 2014, 24–27 (по фотографии и прорисовке; далее издание/ републикация 2014 г.).

⁵ Saprykin 2014, 24. В настоящее время остракон хранится в Евпаторийском краеведческом музее (инвентарный номер отсутствует).

Ουζάλκου γυνή Η
Πάτεις, γυνά χρυσόλιθοι

Α

Αζεκος Α

5 Αγουζάκο(υ) γυνή Β
Λαυθιακου θυγάτηρ Α
κα<ι> θρύπτον κτενώ-
δης

Перевод: Удзалка жена — 8; Патейс, жена, топазы — 1; Адзек — 1; Агудзака жена — 2; Лаутиака дочь — 1 и гребень для расчесывания.

В обоих изданиях надпись датирована в пределах I в. до н.э. — III в. н.э. Основным критерием датировки послужили близкая по типу краснолаковая посуда, встречающаяся в Северном Причерноморье⁶, а также палеографические параллели — шрифт дипинти на светлоглиняных амфорах, происходящих из Южного Причерноморья⁷. На мой взгляд, при определении верхней хронологической границы памятника необходимо учитывать то обстоятельство, что поселение, откуда он происходит, прекращает свое существование в I в. до н.э., скорее всего в первой половине века⁸. Палеографический критерий (в частности, форма *ню*) в совокупности с данными изучения керамики показывает, что надпись не может датироваться раньше I в. до н.э. Таким образом, граффито следует относить к «позднескифскому» периоду существования Чайкинского городища и датировать с наибольшей вероятностью временем около рубежа эр.

Как видно из сопоставления вариантов текста, предложенных в ed. pr. и в издании 2014 г., наиболее значительные расхождения касаются чтения последней строки⁹. В ed. pr. последовательность букв καθρυλι(?)ον κτενω[- -] оставлена без интерпретации как не поддающаяся надежному прочтению и восстановлению. Автор републикации предложил чтение κα<ι> θρύπτον κτενώδης, что должно, по его мнению, означать: «и гребень для расчесывания». Однако это решение имеет серьезные недостатки. Во-первых, в слове κτενώδης чтение последних трех букв очень сомнительно: если две черты в начале постулируемой Сапрыкиным и отсутствующей в ed. pr. последней строки ΔΗΣ с оговорками можно принять за наклонные гасы *дельты*, то расположенные справа от них царапины, несомненно, носят случайный характер и даже отдаленно не напоминают *эту* и *сигму* в том виде, как они начертаны в других строках этой

⁶ Tokhtas'ev 2013, 263, прим. 2 (замечание принадлежит редакторам сборника В.А. Кутайсову и Т.Н. Смекаловой). Тохтасев отметил, что «датировка памятника остается под вопросом и требует дальнейших изысканий по выявлению ближайших палеографических параллелей». Ср. Saprykin 2014, 24, где указывается, что подобные блюда засвидетельствованы в комплексах, относящихся к I в. до н.э. — I в. н.э.

⁷ С.Ю. Сапрыкин отмечает, что стиль письма «характерен для римской эпохи» (Saprykin 2014, 26). В северопричерноморских граффити подобный тип письма неизвестен.

⁸ Ророва 2017, 303–304.

⁹ Согласно ed. pr. это стк. 6, в републикации Сапрыкина — стк. 7–8. Далее в нумерации строк я следую ed. pr.

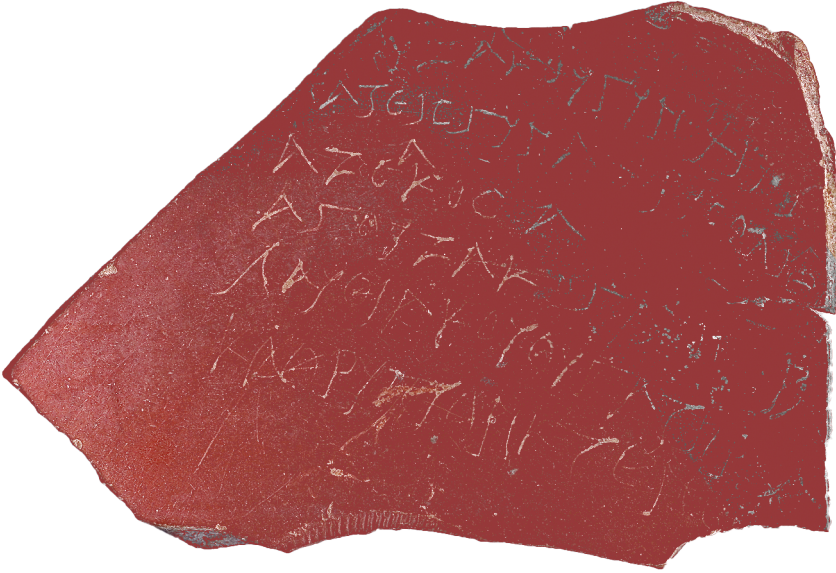

Рисунок. Остракон с надписью из поселения Чайка (Северо-Западный Крым).
 Фото Т. Н. Смекаловой. 2013 г.

надписи¹⁰. Во-вторых, κτενώδης является прилагательным со значением «имеющий форму гребня», «гребнеобразный», а не существительным со значением «гребень». В-третьих, причастие θρούπτων (средний род) не согласуется в роде с прилагательным κτενώδης (мужской или женский род). Наконец, причастие от глагола θρούπτω не может значить «расчесывающий»¹¹. Его регулярное значение – «размельчающий, разрыхляющий». Это трудно соотносить с функцией гребня, которым расчесывают, а не измельчают волосы. Таким образом, предложенная в републикации синтагма при буквальном прочтении выглядит абсурдно: «и размягчающее имеющий/ая форму гребня».

Вполне объяснимо, что чтение Сапрыкина κα<ι> θρούπτων κτενώδης не получило поддержки у последующих комментаторов¹², которые предпочли сохранить вариант, предложенный первоиздателем: καθρούλι(?)ον κτενω[---]¹³. Однако в таком виде строка была оставлена без какой бы то ни было интерпретации.

¹⁰ В конце строки после *ню* оба издателя читают *омегу*. Это допустимое, но не единственно возможное чтение: на черепке хорошо видна лишь левая полукруглая линия, которая может быть также частью *эпсилона* или *омикрона*.

¹¹ Ссылка автора (Сапрыкин 2014, 27) на однокоренное существительное θρούψις в данном случае ничего не объясняет. Ср. значения в *LSJ s. v.*: «breaking in small pieces; softness, weakness; daintiness».

¹² *Bull. ép.* 2015, 531 (A. Avram); Belousov 2015, 210; *SEG* 63, 570.

¹³ Чтение Тохтасьева принято для последней строки в двух из указанных публикаций: Belousov 2015, 210; *SEG* 63, 570. К сожалению, в *SEG* 63, 570 (как в основном тексте леммы, так и в критическом аппарате) чтение ed. pr. приводится с опечаткой: ΚΑΝΘΡΥΠΙΟΝ (?) ΚΤΕΝΩ[---].

Обратимся к ее рассмотрению. На фото и прорисовках издателей в середине строки б после буквы *ni* достаточно хорошо различима длинная верхняя горизонталь. Таким образом, необходимо признать правильным предложенное С.Ю. Сапрыкиным исправление *ιоты* (ed.pr.) на *tau* и чтение ΘΡΥΠΤΟΝ вместо ΘΡΥΠΙΟΝ в левой части последней строки. Однако, казалось бы, напрашивающееся в этом случае понимание данной последовательности букв как причастия среднего рода от глагола θρύπτω порождает перечисленные выше непреодолимые трудности, связанные с отсутствием у глагола θρύπτω значения «расчесывать».

Место для интерпретации оставляет лишь его метафорическое употребление в значении «ослаблять» (*LSJ s.v. θρύπτω*). Это приводит к единственно грамматически возможной синтагме θρύπτων κτενῶ («ослабляя, я убью»), которая сама по себе бессмысленна, однако в данном контексте выглядит парадоксально. При таком понимании оказывается, что цель, которую преследует говорящий, — смерть перечисленных в надписи лиц, причем средний род причастия θρύπτων заставляет подразумевать в качестве подлежащего при глаголе κτενῶ некий предмет (сам остракон?), наделенный магическими свойствами. Единственный тип надписей, в котором данное словосочетание могло бы быть уместно, — это заклятия (*defixiones*) или близкие к этой категории тексты магического характера. В пользу такой интерпретации можно было бы привести ряд доводов. Действительно, для заклятий могли использовать не только свинцовые пластинки, но и остраконы¹⁴. Кроме того, известны примеры, когда, как и в рассматриваемом граффито, глагол, обозначающий действие, направленное на объект заклятия, стоит не в настоящем времени, а в футуруме в 1 л. ед. ч.¹⁵ Далее, глагол κτείνω («убивать») с приставкой засвидетельствован в «*Sethianorum tabellae*»¹⁶. Наконец, для глагола θρύπτω, если понимать его здесь метафорически в значении «ослаблять», параллелью в заклятиях могут служить глаголы τήκω («плавить») и ἐκτρίβω («изнашивать», «вытирать»)¹⁷. Тем не менее все только что перечисленные элементы, сближающие граффито из Чайки с надписями магического характера, в целом представляются недостаточными для его атрибуции, поскольку прямых аналогий в корпусе *defixiones* и магических надписей обнаружить не удается.

Дополнительная трудность связана с чтением начальных букв интересующей нас строки. По мнению Сапрыкина, здесь читается соединительный союз κα<ι>:

¹⁴ На это обратил внимание С.Р. Тохтасьев, который привел ряд интересных параллелей (Tokhtas'ev 2002, 74 слл.)

¹⁵ Ср. два аттических *defixiones* *DTA* 108 (δήσω ἐγὼ Σωσικλείαν κα[ι] κ[ι]τήματα καὶ μέγα κῦδος... δήσω ἐγὼ κείνην ὑπὸ Τάρταρον ἀερόεντ[α]) и *SEG* 57, 297 (δήσω τὸν γ' ἐμὸν ἐχθρὸν Δημήτριον καὶ Φαναγόραν ἐν αἵματι καὶ κονίᾳσι σύμλασιν φθιμένους... ἐγὼ δήσω δεσμιῶ... γλώττει κυνωτὸν ἐπεγκρόσω).

¹⁶ *DT* 187, стк. 57–58: ὀλέσατε ἀποκτίνατε συνκλάσατε Εὐχέριον τὸν ἡνῶχον καὶ ὄλους τοὺς ἵπλους αὐτοῦ. Семантически близки к κτείνω встречающиеся в заклятиях глаголы ἀφανίζω («уничтожать») и ἀπόλλυμι, ἐξόλλυμι («губить»). Ср. *DT* 49, стк. 16–17: τοὺτους ἀπαντας καταδῶ ἀφα[ν]ίζω κατ[ο]ρύττω καταπαταλεύω; *SEG* 58, 265 A, стк. 1: ἀφανίζω ἐξ ἀνθρώπων; *DT* 92, стк. 7: ἀπολύο[ι]ντο καὶ πα[ῖ]δες[ς] αὐτοῖς; *SEG* 47, 510, стк. 9: αὐτοὺς ἐξολόσειεν.

¹⁷ Ср. Franek, Urbanová 2019, 36: ὡς ὁ βολιμος κατατάκετε εἶνα οὕτω τὰ(ν) Πρώτην κατατάξης; *SEG* 47, 510, стк. 11: ἐκτρίψαι κακοῦς μελέου[ς]; стк. 30: ἐκ[τρί]ψαι τε αὐτοὺς.

«писавший пропустил *йоту*... затем исправил ошибку и размашисто начертил пропущенную букву так, что сначала получилась одна большая косая черта, а затем снова написал ее косо, но уже мельче»¹⁸. Однако первая «большая косая черта» написана ниже строки, а вторая линия расположена не «косо», а почти перпендикулярно *альфе* и *каппе*. Обе они скорее перечеркивают ранее написанные буквы и явно выглядят как царапины. Принять какую-либо из этих линий за *йоту* вряд ли возможно, особенно если сравнить это предполагаемое «исправление» с исправлением в стк. 3, где пропущенная буква надписана сверху самым аккуратным образом. Таким образом, изучение фотографий и прорисовок практически не оставляет сомнений в том, что в левой части стк. 6 нужно читать не ΚΑΘΥΡΥΠΙ(?) ΟΝ (ed. pr.) или κα<i>i> θρύπτον (републикация 2014 г.), а ΚΑΘΥΡΥΠΤΟΝ.

Полученное сочетание букв на первый взгляд также не дает удовлетворительного смысла и требует эмендации, поскольку ни у античных авторов, ни в античных надписях или папирусах оно не засвидетельствовано. Тем не менее формы, которые можно рассматривать как близкие, удается обнаружить для более поздней эпохи. Речь идет о трех текстах византийского времени. В изданной М.А. Шангиным астрологической рукописи XI в. с сочинением «О знаках зодиака» упоминается существительное καθύρτυιον, означающее «зеркало»¹⁹. В другой рукописи того же времени, содержащей так называемый Etymologicum Gudianum, фигурируют несколько существительных, служивших для обозначения зеркала в качестве «геометрического прибора и медицинского инструмента», и среди них, возможно, интересующая нас форма, — правда, с окончанием, которое не поддается надежному прочтению: καθυρτυτ[---]²⁰. Наконец, в трактате Константина Багрянородного «О церемониях» (I. 119. 8) близкая форма встречается как часть сложного прилагательного μηλινοκάθρυπτος, с помощью которого охарактеризована парадная одежда патрикиев («украшенный желтыми медальонами») ²¹. Эти свидетельства дают возможность предполагать, что и в Чайкинском граффито упоминалось зеркало, однако вместо обычного для античности существительного τὸ κάτοπτρον фигурировало не засвидетельствованное до сих пор слово τὸ κάθρυπτον. Ближайшей параллелью в этом случае оказывается обнаруженная в среднегреческих памятниках форма ср. р. τὸ καθύρτυιον²², отличающаяся от варианта, читаемого в надписи, лишь наличием суффикса -ι-.

Поскольку возможные параллели обнаруживаются лишь в средневековых текстах, эта гипотеза, очевидно, нуждается в дополнительной аргументации. Следует выяснить, не встречаются ли следы интересующей нас формы и в античное время. Предпринятый поиск приводит к следующим результатам. В греческом языке для слова «зеркало» наряду с τὸ κάτοπτρον уже в античности

¹⁸ Saprykin 2014, 24.

¹⁹ Šangin 1936, 179, стк. 19: ἐν καθυρτυτίῳ μὴ θεωρήσῃ («пусть он не смотрит в зеркало»).

²⁰ Stefani 1920, s.v. δίοπτρα: κάτοπτρον, καθυρτυτ..., ἐνοπτρον, ἔσοπτρον, ἔστι καὶ ὄργανον γεωμετρικὸν καὶ ἱατρικὸν ἐργαλεῖον.

²¹ Ср. LBG s.v. μηλινοκάθρυπτος mit gelben Spiegeln (Pailletten).

²² Ср. также существительное м.р. καθρέφτης («зеркало») в современном греческом языке.

засвидетельствован вариант τὸ κάτρολτων. Возникнув в результате метатезы ρ²³, этот вариант в какой-то момент получил весьма широкое распространение. Так, например, в аттических надписях IV в. до н.э. написание κάτροлτων практически полностью вытеснило нормативное κάτολτρον²⁴, очевидно, отражая принятое произношение.

В связи с этим показателен пассаж в диалоге Платона «Кратил», где упомянуто «неуместно вставленное ρο» в слове κάτολτρον²⁵. Следуя рукописной традиции, большинство издателей сохраняют здесь регулярное чтение κατόλτρον. Однако правы, очевидно, те комментаторы, которые исправляют его на κατρόλτων, полагая, что вопрос Сократа относительно «неуместного ρο» оказывается обоснованным лишь в том случае, если критикуемой формой являлась получившее распространение в живой речи в IV в. до н.э. κάτροлτων: ρο, оказавшись между приставкой и корнем, действительно затемняет внутреннюю форму слова²⁶. Некоторые исследователи не без оснований идут еще дальше. Так, М. Уэст высказал мнение, что в платоновском корпусе, где форма κάτολτρον встречается 17 раз, она должна быть повсеместно исправлена на κάτροлτων²⁷. В свою очередь, К. Довер, ссылаясь на данные аттической эпиграфики, восстановил разговорное κάτροлτων вместо книжного κάτολτρον в «Облаках» Аристофана²⁸.

В отличие от κάτροлτων интересующее нас написание κάθροлτων прямо не засвидетельствовано в античное время ни в эпиграфических памятниках, ни в литературной традиции. Тем не менее обнаруживаются дополнительные веские доводы в пользу того, что в Чайкинском граффито мы имеем дело не с ошибкой писавшего, а с вариантом слова, действительно существовавшим уже в античности. Написание *тхеты* вместо *тау* в данном слове встречается трижды: в аттическом храмовом инвентаре сер. IV в. до н.э. (*SEG* 21, 558, стк. 10: [κά]θολτρον στῦλον ἔχων)²⁹; в галикарнасском храмовом инвентаре III в. до н.э. (*SEG* 4, 187, стк. 25: [Θεσσα?]λίαις τῆς Μητροδότου κάθολ<τ>ρον)³⁰ и с очень большой вероятностью в посвящении римского времени из святилища Дейр-эль-Кала в Ливане

²³ Подробнее об этом фонетическом явлении в древнегреческом языке см. Bueck 1955, 45, 64; *GGI* 267.

²⁴ См. Meisterhans 1900, 80, § 31; Thraette 1980, 477 (к приводимым здесь примерам можно добавить *SEG* 60, 175, стк. 9 и 21).

²⁵ В «Кратиле» (414c) Сократ спрашивает собеседника: ἐλεῖ ἐν τῷ κατόλτρον (MSS) οὐ δοκεῖ σοι ἄτολον εἶναι τὸ ἐμβεβλήσθαι τὸ ῥῶ;

²⁶ Dalimier 1998, 253; ср. *LSJ* s.v. κάτολτρον.

²⁷ West 2002, 380–381.

²⁸ Аристофан, «Облака» 751–752: αὐτὴν [scil. τὴν σελήνην] καθεῖραμι' εἰς λοφεῖον στοργγύλον ὡς περ κάτροлτων (Dover), κᾶτα τηροίην ἔχων. См. Dover 1968, 193. Правда, в данном случае возможное возражение против эмендации состоит в том, что известные эпиграфические свидетельства относятся к более позднему времени (после 385 г. до н.э.) по сравнению с комедией Аристофана. На это обращено внимание в West 2002, 380, n. 2.

²⁹ Л. Трит не учитывает этот пример, утверждая, что «θ for τ remains without parallel in Athens» (Thraette 1980, 468).

³⁰ Исправлено А. Вильгельмом вместо бессмысленного καθόλτρον в ed. pr. В *LSJ* (s.v. κάτολτρον) учитывается возможность такого чтения в этой надписи («κάθολτρον shd. perh. be restored in *Annuario* 4/5.463»).

(SEG 49, 1989, no. 4, стк. 7: ἀνέθηκε τὰ δύο ΚΑΘΟΠΥΣ)³¹. То, что появление *тхеты* в этих примерах имеет не случайный характер, подтверждается также словом Гесихия, который для однокоренного с κάτοπτρον глагола κατοπτεύω («осматривать») отмечает наряду с регулярной формой также вариант καθοπτεύω³². В эпиграфике Северного Причерноморья примеры, касающиеся данного слова, отсутствуют, однако sporadическое смешение τ и θ фиксируется здесь по крайней мере начиная с I в. н.э.³³ Так или иначе, существование форм κάθοπτρον и κάτροпτρον, отклоняющихся от книжного κάτοπτρον, можно считать установленным фактом. Наконец, смешение гласных ο и υ (само по себе нередкое в рассматриваемую эпоху³⁴) для данного корня также находит эпиграфическое подтверждение: в посвянительной надписи из сицилийских Акр, которое датируется около рубежа эр, вместо ἔωπτρον (= κάτοπτρον) фигурирует написание ἔυπτρον (SEG 42, 836, стк. 9). Из всего сказанного следует, что для обозначения зеркала в античное время наряду с регулярным κάτοπτρον фигурировали формы κάτροпτρον, κάθοпτρον, ἔυπτρον. На фоне засвидетельствованного для византийского периода καθρύπτιον эти данные не оставляют сомнений, что καθρύπτιον³⁵ Чайкинского остракона представляет собой еще один вариант этого существительного, ранее не встречавшийся в памятниках древнегреческой письменности³⁶.

Прочтение слова «зеркало» дает нам ключ к пониманию последующих букв в рассматриваемой строке. Предположение С.Ю. Сапрыкина, согласно которому речь могла идти о гребне, оказывается вполне вероятным, поскольку именно гребень и зеркало вместе с предметами для рукоделия и сосудами для благовоний изображаются в качестве регулярных атрибутов женского быта на многочисленных надгробиях начиная с эллинистического времени. При этом, как уже говорилось, предложенное Сапрыкиным чтение прилагательного κτενύδης должно быть

³¹ Единственным удовлетворительным среди обсуждавшихся вариантов чтения последней строки данного посвящения является предложенное Ш. Клермоном-Ганно (Clermont-Ganneau 1888, 103, 394) τὰ δύο κάθοπτρα («эти два зеркала»).

³² Hesych. s. v. κατοπτεύει· καθορῶ. В LSJ s. v. κατοπτεύω написание καθοπτεύω не нашло отражения.

³³ Dovatur 1965, 808, § 3.

³⁴ Примеры смешения гласных ο > υ в греческом языке римского времени см. Gignac 1976, 293.

³⁵ На основе приведенных данных можно предположить, что по аналогии с κάτοπτρον > κάτροпτρον интересующий нас вариант возник следующим образом: κάθοпτρον > *κάθυпτρον (ср. ἔυпτρον) > καθρύпτιον.

³⁶ Нельзя исключить, что форма, близкая к καθρύпτιον, фигурировала уже у Гесихия. Единственная существующая рукопись этого словаря (Marc. Gr. 622) рядом с κάτοпτρον и ἔωпτρον указывает слово, в чтении которого издатели Гесихия расходятся. К. Латте читает его как ρυπτην и восстанавливает в качестве исходного чтения καθρέπτην на основании сопоставления с цитирующей эту лемму Гесихия рукописью Vat. gr. 23 (Antistoecharium), где стоит καθρύπτιον, и с новогреческим καθρέφτης. Его предшественник М. Шмидт в своем издании 1858 г., читает в этом месте καθρύπτην. Судя по его замечанию в критическом аппарате («forte καθρύπτέτην vel καθρύπτέτην ἔσοпτρον»), он не понимал значения этой формы. Однако в данном случае это можно расценивать как дополнительный довод в пользу именно его чтения.

отвергнуто. Вместо него следует восстанавливать одну из форм существительного κτεῖς («гребень»). Учитывая неуверенное чтение буквы в конце стк. 6, допустимы следующие варианты: именительный падеж мн.ч κτέν(ες?) +[---] или κτένε[ς ---] («гребни»); родительный пад. мн.ч. κτένῳ[v ---] («гребней»). Таким образом, в последней строке Чайкинского граффито фигурировало зеркало и гребни.

Остановимся на других спорных вопросах, связанных с чтением и интерпретацией текста. Они касаются главным образом личных имен³⁷ и цифровых обозначений³⁸. В начале стк. 1 частично сохранилось имя [---]ουζακος в родительном падеже. В ed. pr. по аналогии с стк. 4 было предложено восстановление [Αγ]ουζακου³⁹, в то время как в републикации Сапрыкина предпочтение отдается иному варианту — Ουζάκου⁴⁰, на том основании, что между *альфой* и *каптой* над строкой якобы надписана *лямбда*. Но если сравнить начертание упомянутого знака в стк. 1 с написанием *лямбды* в других строках надписи, обнаруживаются заметные различия (прежде всего форма и расположение левой гасты по отношению к правой), указывающие на то, что речь скорее всего идет не о букве, а о случайных линиях. Исход -ακος вполне обычен для иранских имен, в то время как исход -αλκος/αλκης характерен для греческих антропонимов, восходящих к существительному ἀλή («сила»; ср. Ἀντάλης, Ἐλάλης и т.п.⁴¹). Наконец, по сохранившемуся левому краю остальных строк граффито видно, что начальные буквы в них расположены ровно одна под другой. Из такого расположения следует, что в стк. 1 пропали две начальные буквы. Таким образом, предпочтительнее, чем Ουζάκου выглядит чтение [..]ουζακου, при котором с некоторой вероятностью может быть восстановлено в том числе и предложенное в ed. pr. [Αγ]ουζακου.

Далее, в начальной строке первоиздатель после слова γυνή отмечает наличие двух неопределенных цифровых знаков, в то время как автор републикации читает *эту*, предполагая цифровое значение 8⁴². В действительности же после генетива личного имени слово γυνή написано как ΓΥΝ (в результате намеренного или случайного пропуска конечной буквы), а за ним хорошо различимы буквы ΧΡΥ. На основе сопоставления со следующей строкой, в которой ясно читается либо

³⁷ На их несомненно иранское происхождение указано в ed. pr. (Tokhtas'ev 2013, 263).

³⁸ С.Р. Тохтасев отметил, что цифры обозначают «денежные суммы или количество какого-то товара» и читаются в стк. 1, 3–5 (Tokhtas'ev 2013, 263). По мнению С.Ю. Сапрыкина, «цифры обозначали количество камней для упомянутых в надписи лиц, на что указывает слово “хрисолиты” в именительном падеже множественного числа». При этом он в отличие от первоиздателя читает цифру 8 в начальной строке и цифру 1 между стк. 2 и 3. В стк. 5 после имени дочери Лавтиака он читает цифру 1, в то время как первоиздатель читал цифру 30 (Saprykin 2014, 27).

³⁹ Личное имя известно только по этой надписи.

⁴⁰ С чтением Сапрыкина соглашается А.В. Белоусов (Belousov 2015, 210), оно же воспроизводится в основном тексте леммы SEG 63, 570, в то время как к чтению Тохтасева склоняется А. Аврам (*Bull. ép.* 2015, 531).

⁴¹ Похожий элемент изолированно встречается также в двух фракийских именах: Ροιμητάλης, Σιτάλης.

⁴² Saprykin 2014, 27.

форма ед. ч. χρυσόλιθο[ς], либо с учетом контекста скорее мн. ч. χρυσόλιθο[ι]⁴³, наиболее вероятным выглядит понимание ХРΥ как сокращения того же слова: χρυ(σόλιθοι). Что касается цифрового обозначения, то его следы можно усмотреть не после слова γυνή, а в самом конце строки вслед за *vasat* после χρυ(σόλιθοι). Остатки символа могут быть поняты как Γ, Ι, Λ, Μ (соответственно 3, 10, 30, 40).

В начале стк. 2 перед словом «жена» С. Ю. Сапрыкиным верно прочитано личное имя ее супруга Πατεϊς (вместо.τ(?)άτεις ed. gr.) ранее уже засвидетельствованное на Боспоре и в Западном Причерноморье⁴⁴. После слова «жена» указаны, как и в начальной строке, относящиеся к ней предметы, в данном случае χρυσόλιθο[ι], после чего в несохранившейся правой части черепка, вероятно (по аналогии с соседними строками), следовало цифровое обозначение.

В следующей строке (стк. 3) следует предпочесть чтение ed. gr. Αζεακος, понимаемая *альфу*, написанную над строкой между *эпсилоном* и *каппой*, как первоначально пропущенную и затем вставленную букву в личном имени. Ошибочно мнение Сапрыкина, толкующего этот знак как цифру 1 над именем Αζεκος, которая будто бы указывала на количество драгоценных камней супруги Патиса, упомянутых в предыдущей строке⁴⁵. Если бы речь шла о цифре, указывающей на количество хрисолитов, упомянутых в стк. 2, то, пропустив ее, автор граффито, очевидно, должен был написать ее над словом «хрисолиты» в той же строке, а не над новым именем в стк. 3. Кроме того, автор публикации и сам вслед за первоиздателем отметил близкое личное имя Αζιακος (Ольвия, римское время)⁴⁶, которое является фонетическим вариантом Αζεακος Чайкинского граффито, хотя и предпочел по непонятным причинам вместо Αζεακος читать на остраконе не имеющее параллелей Αζεκος. Напротив имени Азеака процарапан цифровой символ 1 в виде *альфы*. Ввиду упоминания хрисолитов в предыдущей строке эту цифру, равно как и цифры в следующих стк. 4–5, с наибольшей вероятностью следует относить именно к ним как указание на стоимость или количество драгоценных камней. В противном случае пришлось бы допустить упоминание еще одной группы неких ценных предметов в стк. 2 в несохранившейся правой части остракона.

В стк. 4 издатели отмечают пропуск конечной буквы в неизвестном ранее антропониме и восстанавливают окончание родительного падежа: Αγουζακο<υ>, супруга которого упомянута или как обладательница двух (Β) «хрисолитов», или как заплатившая за «хрисолиты» сумму в два номинала. Признавая возможность исправления Αγουζακο<υ>, я тем не менее не исключаю и другое чтение: именительный падеж Αγουζακο<ς>, γυνή («Агузак, (его) жена» вместо «жена Агузака») по аналогии с Πατεϊς, γυνή в стк. 2.

В стк. 5 издатели по-разному читают цифровой символ после упоминания дощери Лавтиака (Λαυθιακου θυγάτηρ)⁴⁷: речь идет об указывающей на количество

⁴³ Конечная йота на черепке не читается (вопреки Saprykin 2014, 24), хотя восстановление формы множественного числа не только возможно, но даже предпочтительно с точки зрения содержания надписи.

⁴⁴ Ср. *LGPN IV s.v.*

⁴⁵ Saprykin 2014, 24.

⁴⁶ *IOSPE I²*, 86, стк. 10; Zgusta 1955, 62, § 45.

⁴⁷ Личное имя Λαυθιακος засвидетельствовано впервые (Saprykin 2014, 24).

или стоимость хрисолитов цифре 30 (*лямбда* согласно ed. gr.) или цифре 1 (*альфа* согласно републикации). К сожалению, из-за повреждения поверхности остракона в конце стк. 5 трудно выбрать то или иное чтение. Тем не менее взаимное расположение боковых гаст, особенно в верхней части, скорее напоминает написание в этом граффито *лямбды* (30), нежели *альфы* (1). Тридцать, на первый взгляд, кажется слишком большой цифрой при сопоставлении с цифрами 1 и 2 у соседей по списку. Однако, как мы видели выше, весьма значительные цифры, связанные с «хрисолитами» (10, 30 или 40), могли фигурировать выше в первой строке граффито. Кроме того, дочь Лавтиака по смыслу надписи скорее всего является владелицей еще двух драгоценных предметов, а именно упомянутых зеркала и гребней, и тем самым выделяется на фоне других лиц⁴⁸. Таким образом, при всех оговорках чтение ed. gr. кажется более вероятным.

О значении слова *χρυσόλιθος* в античности достаточно подробно говорилось в одной из предшествующих публикаций⁴⁹. Оно могло обозначать различные виды прозрачных и блестящих камней золотистого цвета, так что во многих случаях затруднительно найти современное соответствие для того или иного «хрисолита», упомянутого античным автором⁵⁰. При этом можно утверждать, что отождествление античного *χρυσόλιθος* с современным хризолитом (также известным как оливин, или перидот) является ошибочным. Судя по имеющимся текстам, среди которых основным источником информации служит XXXVII книга «Естественной истории» Плиния Старшего, для обозначения оливина с его преимущественно зеленоватым оттенком слово *χρυσόλιθος*/*chrysolithos* в интересующую нас эпоху не использовалось⁵¹.

Термином *χρυσόλιθος* могли обозначаться преимущественно две группы камней. Во-первых, это желтый корунд, с которым уже давно было предложено соотносить описания Плиния (XXXVII. 42. 126: *chrysolithos aureo fulgore tralucentes* — «прозрачные с золотым блеском»)⁵². В пользу такой идентификации может свидетельствовать то, что Плиний упоминает этот минерал вместе с синим корундом,

⁴⁸ Вероятность восстановления еще одного имени в утраченной правой части стк. 6 остракона крайне мала, поскольку надпись выполнена таким образом, что имена владельцев располагаются каждый раз слева с новой строки.

⁴⁹ Saprykin 2014, 26. Следует отметить, что перевод «топаз», предложенный издателями вслед за словарями (*LSJ s. v. χρυσόλιθος*), имеет условный характер.

⁵⁰ Затруднение возникает и в случае с другими минералами. Тому или иному античному обозначению нередко могут соответствовать несколько камней похожего цвета (например, *σιδάραγδος* обозначает различные камни зеленого оттенка: изумруд, малахит, халцедон, см. Halleux, Schamp 1985, 327, n. 2).

⁵¹ Оно стало использоваться так только в поздней античности. На это обращалось внимание уже в работах XIX в.: Berthelot 1887, 244. Слово *chrysolithus*, вероятно, указывает не перидот в описании Исидора («Этимологии» (XVI. 15. 2): *chrysolithus auro similis est cum marini coloris similitudine*). Но в текстах более ранних, прежде всего в «Естественной истории», современному перидоту соответствует название не *chrysolithus*, а иное, скорее всего *topazos* (XXXVII. 32. 107–108). Тем не менее некоторые комментаторы литературных текстов (например, Enk 1962, 244; Richardson 1977, 262) продолжают толковать *chrysolithos* как античное название оливина (перидота).

⁵² King 1867, 93.

или сапфиром (в терминологии Плиния *hyacinthos*), отмечая, что и «хрисолит» и «гиацинт» (т.е. желтый и синий корунды) привозят из Эфиопии, а лучшими из «хрисолитов» являются индийские⁵³. Дело в том, что из всех минералов, к которым предлагалось относить античное название *χρυσόλιθος*, только корунд сопоставим по стоимости с изумрудами⁵⁴. Как и все корунды, этот «хрисолит» отличался не только блеском и чистотой, но и особой твердостью. Минерал, очевидно, имел очень высокую стоимость и вряд ли мог пользоваться спросом у достаточно широкого круга представителей той среды на периферии античной цивилизации, из которой происходит Чайкинское граффито.

Одновременно словом *χρυσόλιθος* могли обозначать как минимум еще два не столь дорогих минерала: желтый циркон, а также цитрин (желтый кварц)⁵⁵. Скорее всего именно их имел в виду Плиний, когда писал, что «хрисолиты» из Тибарены на южном берегу Понта бывают неоднородного цвета (*variae*), а наименее прозрачные и разноцветные среди этих минералов происходят из Аравии (*turbidae sunt et variae, fulgoris interpellati nubilo macularum*). С.Ю. Сапрыкин обратил внимание на то, что вставка из желтого циркона украшала браслет, найденный в погребальном комплексе Ногайчинского кургана, датирующемся I в. до н.э., и на этом основании предположил, что под «хрисолитом» в рассматриваемом граффито подразумевается циркон⁵⁶. Дополняя это удачное наблюдение, следует отметить, что в данном погребении были найдены не один, а два браслета с изображениями Эрота и Психеи, один с вставкой из желтого циркона, другой с вставкой из цитрина⁵⁷. Таким образом, циркон и цитрин с большой вероятностью могли фигурировать и на Чайкинском остраконе под именем «хрисолитов». Учитывая географическую близость, вполне логичным представляется также предположение Сапрыкина, что в Крым доставлялись скорее всего южнопонтийские камни⁵⁸.

Популярные представления о свойствах минералов нашли отражение в дошедших до нас сочинениях, относящихся к жанру лапидариев, которые были адресованы массовому читателю и, в частности, описывали камни с точки зрения народной медицины и бытовой магии⁵⁹. Что касается интересующего нас «хрисолита», то, согласно так называемому «Посланию Орфея о камнях» (*Ὀρφέως λιθικά κηρύγματα*), этот минерал способен в повседневной жизни сделать человека более дисциплинированным и разумным (37: οὗτος φοροῦμενος κοσμίους ποιεῖ καὶ

⁵³ Очевидно, именно этот минерал имел в виду упоминающий «хрисолиты» Проперций (II. 16. 44: *quoscumque smaragdus, quasve dedit flavo lumine chrysolithos*), говоря о дорогих подарках, преподнесенных возлюбленной богатым соперником.

⁵⁴ King 1867, 96.

⁵⁵ Подробнее см. Eichholz 1962, 267, n. c, e; King 1867, 94.

⁵⁶ Saprykin 2014, 26.

⁵⁷ Zaytsev, Mordvintseva 2003, 75–76.

⁵⁸ Saprykin 2014, 26. Правда, что касается «хрисолитовых» браслетов Ногайчинского погребения, то анализ параллелей показал, что они датируются не позднее рубежа II–I в. до н.э. и скорее всего были изготовлены на эллинизированном Востоке (Treister 2000, 201–202; Zaytsev, Mordvintseva 2003, 88–89). Таким образом, их связь с тибаренскими «хрисолитами» Плиния остается чисто гипотетической.

⁵⁹ Последнее критическое издание этих сочинений: Halleux, Schamp 1985.

ἀγαθούς ταῖς γνώμας), и по этой причине носить «хрисолит» в качестве украшения в первую очередь рекомендуется женщинам (μάλιστα δὲ ταῖς γυναῖξι φορεῖν συμφέρειν). Такого рода представления о «хрисолите» находят отражение и в других позднеантичных сочинениях, относящихся к указанному жанру⁶⁰.

Я не исключаю, что представление о «хрисолите» как преимущественно «женском» камне помогает объяснить одну особенность Чайкинского граффито. Слово χρυσόλιθοι дважды фигурирует здесь в начальных строках непосредственно после упоминания женщин: жены [---]зуака и жены Патиса⁶¹. Оставшиеся предметы из списка, а именно зеркало и гребни, как мы видели, регулярно фигурируют в качестве женских бытовых аксессуаров. Как было отмечено выше, цифровые знаки рядом с именами в стк. 3–5 с наибольшей вероятностью также должны относиться к «хрисолитам» (обозначая их количество или стоимость), а не к каким-либо иным предметам, названия которых не сохранились на черепке. При этом лишь в одном из пяти случаев (стк. 3) в качестве владельца (или заказчика) фигурирует мужчина, некий Азеак (Ἀζεακος). Все остальные владельцы драгоценных предметов в данном случае женщины. Разумеется, само по себе указание лапидариев на то, что «хрисолиты» особенно рекомендовались женщинам, еще не позволяет сделать вывод, что мужчина, в данном случае Азеак, не мог быть обладателем этого драгоценного камня. Тем не менее преимущественно «женский» контекст Чайкинского граффито побуждает искать возможные объяснения указанного обстоятельства.

Как кажется, издатели и комментаторы надписи не придали значения специфическому способу идентификации женщин в этом списке. Ни в одном случае их личные имена не названы, так что женщины обозначаются исключительно через имена мужчин-родственников: «жена» или «дочь такого-то». Хотя сам по себе указанный способ идентификации засвидетельствован у греческих

⁶⁰ В основе данной рекомендации лежит традиционный античный взгляд на сдержанность (σωφροσύνη) как преимущественно женскую добродетель (ср. Kollmann 1941). Популярное представление относительно дисциплинирующих и укрепляющих характер (в особенности женский) свойств «хрисолита» связано, очевидно, в первую очередь со свойствами «хрисолита»-корунда, отличавшегося особой твердостью и плотностью, что, в частности, отмечает лапидарий, чье авторство приписывалось магу Дамигерону (Damigeron—Evax 47: lapis est spissus). Эта характеристика, очевидно, легко распространялась и на остальные драгоценные камни, считавшиеся «хрисолитами», в том числе циркон и цитрин. К тому же самому представлению, возможно, восходит и мнение, согласно которому порошок «хрисолита» является средством, помогающим от недомоганий, связанных с желудком и кишечником. Епифаний Саламинский, «О двенадцати драгоценных камнях» (10): οὗτος στομαχικοῦς καὶ κοιλιακοῦς τριβόμενος καὶ πινόμενος ἰαματικὸς ὑπάρχει. Ср. Neophytus Inclusus, *Decem homiliae* 9, 23: χρυσόλιθος δὲ τριβόμενος στομαχικοῦς, κωλικοῦς καὶ κοιλιακοῦς ἐστὶν ἰατρικὸς. Кроме того, согласно Дамигерону «хрисолит» также защищает от ночных страхов (Damigeron—Evax 47: tutamentum est ad nocturnos timores).

⁶¹ Примечательно, что уже упоминавшиеся украшения с «хрисолитами» из Ногайчинского кургана также принадлежали женщине: они были найдены в женском захоронении (Zaytsev, Mordvintseva 2003, 75–76).

авторов⁶², известных примеров его последовательного применения в греческой эпиграфике мало⁶³, а в эпиграфике Северного Причерноморья такого рода примеры до сих пор не встречались. Здесь, однако, автор последовательно придерживается указанного способа идентификации. Исходя из контекста Чайкинской надписи, можно допустить, что в стк. 3, как и в остальных строках, составитель списка имел в виду не самого Азеака, а его супругу. В этом случае писавший должен был сослаться на нее, как и на других женщин, без упоминания ее личного имени, а именно написать «жена Азеака» (Αζεακου γυνά)⁶⁴. Как показывает разбор надписи, автор не придавал большого значения единообразию формуляра. Например, в предшествующей стк. 2 вместо ожидаемого «жена Патия» (Πατει γυνά) он употребил более свободную конструкцию «Патий, (его) жена» (Πατεις, γυνά)⁶⁵. Вполне вероятно, что и ниже, в стк. 4, следует восстанавливать номинатив Αγουζακο<υ>, γυνή («Агузак, (его) жена») вместо предлагавшегося издателями генетива Αγουζακο<υ> γυνή («жена Агузака»). В этом случае не исключено, что и в стк. 3 писавший использовал ту же конструкцию в номинативе, но для краткости вместо Αζεακος, γυνά («Азеак, (его) жена») ограничился именем Αζεακος, поскольку эллипс слова γυνά/γυνή легко восполнялся по аналогии с предшествующей и последующей строкой. Пропуск слова «жена» в стк. 3 мог возникнуть и по причине невнимательности составителя списка. Примеров намеренной или

⁶² Так, например, судя по сочинениям судебных ораторов, избегание личного имени женщины в рамках судебного процесса было скорее нормой, чем исключением. Вместо него называлось имя родственника-мужчины. Ср. Dem. 28. 3 (πρῶτον μὲν γὰρ Δημοχάρης, ἔχων ἀδελφὴν τῆς ἐμῆς μητρός, θυγατέρα δὲ Γύλωνος, οὐκ ἀποκέκρυπται τὴν οὐσίαν); [Dem.] 40. 6 (ἢ γὰρ μήτηρ ἢ ἐμὴ, ᾧ ἄνδρες δικασταί, θυγάτηρ μὲν ἦν Πολυαράτου Χολαργέως, ἀδελφὴ δὲ Μενεξένου καὶ Βαθύλλου καὶ Περιάνδρου) и 12 (ἐμὲ δ' εὐθύς ἔπειθε περὶ ὀκτωκαίδεκ' ἔτη γεγενημένον τὴν Εὐφύμου γῆμαι θυγατέρα); Dem. 57, 8 (Εὐβουλίδης γὰρ οὐτοσί, ᾧ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, ὡς ὑμῶν ἴσασι πολλοί, γραψάμενος ἀσεβείας τὴν ἀδελφὴν τὴν Λακεδαιμονίου τὸ λέμπτον μέρος τῶν ψήφων οὐ μετέλαβεν); Is. 2. 18 (καὶ ἐγὼ λαμβάνω τὴν τοῦ Φιλωνίδου θυγατέρα). Подробнее об афинской практике классического времени см. Schaps 1977, 323–330.

⁶³ Например, в отчете афинских полетов 367/366 г. до н.э., где две женщины—собственницы земельных участков фигурируют как «жены таких-то». См. SEG 12, 100, стк. 68–69: «на полях жены Хармила» (ἐν τοῖς χωρίοις τῆς Χαρμύλο(ς)υ γυναικός); «поле жены Алипета» (τὸ χωρίον τῆς γυναικός τῆς Ἀλυπῆτο). В подавляющем большинстве надписей как общественного, так и частного характера при упоминании женщин регулярно указывается их личное имя. Окончательно ответить на вопрос, с чем именно связан выбор способа обозначения женщин в Чайкинском граффито, вряд ли можно. Это могло объясняться в том числе и влиянием традиций негреческого населения Северо-Западного Крыма.

⁶⁴ Или Αζεακου γυνή. Составитель списка пользуется как формами греческого койне, так и дорийскими формами, бытовавшими в эпиграфике соседнего Херсонеса. Далее в стк. 3 я условно дополняю дорийский вариант γυνά (ср. стк. 2).

⁶⁵ Указав на мужские имена в родительном падеже в других строках, А. В. Белоусов предложил и в данном случае исправление в форме родительного падежа: Πατει(ς) (Belousov 2015, 211; ср. Dovatur 1965, 817, § 9). Мое понимание этой и следующей строки убеждает меня сохранить интерпретацию С. Р. Тохтасьева с учетом исправления чтения личного имени, предложенного С. Ю. Сапрыкиным.

случайной небрежности в этой короткой надписи довольно много. В стк. 1 написано $\gamma\upsilon\nu$ вместо $\gamma\upsilon\nu\acute{\alpha}$ или $\gamma\upsilon\nu\eta$, там же $\chi\rho\upsilon$ вместо $\chi\rho\upsilon\sigma\acute{o}\lambda\iota\theta\omicron\iota$; в стк. 2 дорийская форма $\gamma\upsilon\nu\acute{\alpha}$ рядом с общегреческим вариантом $\gamma\upsilon\nu\eta$ в стк. 4; в стк. 3 пропуск второй *альфы* в имени $\text{Α}ζεσ\kappa\omicron\varsigma$ с последующим исправлением ошибки; в стк. 4 пропущена последняя буква в окончании родительного падежа $\text{Α}γ\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\omicron\upsilon$ или окончании именительного падежа $\text{Α}γ\omicron\upsilon\zeta\alpha\kappa\omicron\varsigma$. Итак, сказанное выше позволяет предположить, что в стк. 3, возможно, имелась в виду жена Азеака, независимо от того, намеренно или случайно автор пропустил слово $\gamma\upsilon\nu\acute{\alpha}$. В первом случае чтение должно быть оставлено без изменений: $\text{Α}ζε\alpha\kappa\omicron\varsigma$, во втором следует исправлять: $\text{Α}ζε\alpha\kappa\omicron\varsigma$, $\langle\gamma\upsilon\nu\acute{\alpha}\rangle$ («Азеак, его жена»). Эта гипотеза позволила бы исключить из списка женщин единственного мужчину, придав тексту большую однородность и приведя его в большее соответствие с характером упомянутых в нем ценных предметов.

В заключение следует обратить внимание на еще одну любопытную деталь, касающуюся популярных представлений о «хрисолите». Внушение благоразумия и твердости духа — не единственное магическое свойство этого драгоценного камня. Помимо этого, авторы лапидариев указывают на его особую связь с богиней Афродитой. Так, в сочинении «О камнях», дошедшем под именем неких Сократа и Дионисия ($\Sigma\omega\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\upsilon\varsigma$ καὶ Διονυσίου περὶ λίθων), рекомендуется вырезать на «хрисолитах» изображение этой богини и посвятить кольцо ей, чтобы таким образом снискать ее благосклонность ($\Sigma\omicron\kappa\rho.$ et Dion. 37: ἐπιχάρασσε οὖν Ἀφροδίτην καὶ τελέσας ἔχε. Ποιεῖ δὲ πολλὴν χάριν). С этим связана и способность минерала, о которой говорится в лапидарии Дамигерона: он помогает «в случаях страстного желания, любви и (для достижения) справедливости», а также делает людей «внушающими доверие, красноречивыми, влиятельными, любимыми, приятными» (Damigeron—Evax 48: cupidinis et amoris et iustitiae adiutor... facit autem bene susceptos et eloquentes, et gratiosum et amabilem esse, et amicabilem ab his qui eum vident, et omnem ingressum aperit). Корни указанной идеи обычно видят в популярной астрологии, постулирующей связь между минералами и знаками зодиака, затем между знаками зодиака и планетами, и, наконец, между минералами и планетами⁶⁶. Однако связь «хрисолита» с Афродитой легко могла возникнуть в обыденном сознании более простым путем — из банальной ассоциации между широко известным эпитетом богини «золотая», засвидетельствованным начиная

⁶⁶ Halleux, Schamp 1985, 171, n. 4; 328, n. 5. С меньшей уверенностью об этом говорит Wirbelauer 1937, 36–37. Связь камня с Афродитой обосновывается с этой позиции в сочинении «Минералы семи планет» ($\text{Οἱ λίθοι τῶν ζ' πλανητῶν}$; Weinstock 1953, 151–157), сохранившемся в рукописи XV в., но, вполне возможно, созданном значительно раньше и отражающим античные представления. Там утверждается, что «хрисолит» является камнем планеты Венеры и рекомендуется вырезать на нем особые имена в то время, когда планета находится в знаке Тельца, что позволит добиться внимания со стороны царей и знатных особ ($\text{λίθος Ἀφροδίτης ἐστὶν ὁ χρυσόλιθος. τοῦτον λαβὲ ἐν τῇ ὥρᾳ ἐν ἣ κυριεύει ἡ Ἀφροδίτη, [Ἡλίου καὶ Σελήνης] οὕσα ἐν τῷ Ταύρῳ, ἐγγάραξον ἐν τῷ λίθῳ τὰς ὀνομασίας ταύτας. . . καὶ τὸν λίθον βάσταζε καὶ ἔση τιμώμενος παρὰ βασιλέων καὶ μεγιστάνων}$).

с Гомера (χρυσή Ἀφροδίτη)⁶⁷, и названием минерала χρυσόλιθος, а также его золотистым цветом⁶⁸. Поскольку среди функций Афродиты фигурирует покровительство любви, плодородию и браку, в представлении о свойствах «хрисолитов» мог присутствовать и этот аспект, что, в свою очередь, служило бы дополнительным объяснением интереса к этим минералам, в частности со стороны женщин. Нельзя исключать, что упоминаемые в надписи предметы могли использоваться в том числе как вотивные дары⁶⁹. В этом контексте представляет интерес сделанное на основании археологических данных предположение о существовании культа Афродиты на Чайкинском городище⁷⁰. Однако поскольку интересующая нас надпись не содержит каких-либо определенных указаний на этот счет, идея о возможной связи Чайкинского остракона с культом Афродиты, разумеется, остается лишь гипотезой.

Изложенные выше аргументы и наблюдения позволяют остановиться на следующем варианте прочтения надписи.

- [..]ουζακου γυν<ή>` χρυ(σόλιθοι) vac. 1 litt. +[---]
 Πάτεις, γυνά` χρυσόλιθο[ι vac. 1 litt. ---]
 Αζεακος, <γυνά?>` vac. 1 litt. Α
 Αγουζαко<υ?> γυνή` vac. 1 litt. Β
 5 Λαυθιακου θυγάτηρ` vac. 1 litt. Δ?
 κάθρυλτον, κτέν(εξ?) +[---]

1: [?] Αγ]ουζακου γυνή` .. *Тохтасъев*; Ουζάλκου γυνή Η *Сапрыкин*; в конце стк. следы вертикальной галы; 2: π(?)άτεις, γυνά` χρυσόλιθο[ς] *Тохтасъев*; Πάτεις, γυνά χρυσόλιθοι *Сапрыкин*; Πάτει{ς} *Белуосов*; 3: Αζεακος` Α *Тохтасъев*; Αζεκος Α *Сапрыкин*; 4: не исключаю Αγουζαко<ς>, γυνή («Агузак (его) жена»); Αγουζαко<υ> γυνή` Β *Тохтасъев*; Αγουζάκο(υ) γυνή Β *Сапрыкин*; 5: Λαυθιακου θυγάτηρ` Α *Тохтасъев*; Λαυθιακου θυγάτηρ Α *Сапрыкин*; в конце стк. не исключаю *альфу*; 6: καθρυλι(?)ον κτενω[---] *Тохтасъев*; κα<ι> θρύπτον κτενώ[δης] *Сапрыкин*; в конце стк. после *ню* следы изогнутых линий; не исключаю κτενώ[ν ---] или κτένε[ξ ---].

Перевод: Жена [..]узака, хрисолиты --- Патис, (его) жена: хрисолиты --- Азеак, (его жена?): 1. Жена Агузака: 2. Дочь Лавтиака: 30(?). Зеркало, гробн(и?) ---

⁶⁷ Например, *Ном. II*. 3. 64; 5. 427; 9. 389.

⁶⁸ Против чисто астрологических корней указанного представления говорит и то, что лапидарий Сократа и Дионисия нередко упоминает имена богов—покровителей минералов, явно не связанных в их представлении с планетами, например, Посейдона, Афины или Артемиду. Это наводит на мысль о том, что представления о связи между драгоценными камнями и божествами, в частности между «хрисолитом» и Афродитой, могли возникать независимо от астрологических идей. Так, например, когда функции лапидария связывают минерал гиацинт с Посейдоном и приписывают камню функции оберега для мореплавателей, наиболее простым объяснением выглядит сближение цвета минерала с цветом морской воды (*Socr. et Dionys.* 27: λίθος ύάκινθος. Γλύφεται εν τούτω τῷ λίθῳ τῷ καθαρῷ Ποσειδῶν ἔχων δελφίνα τῷ δεξιῷ ποδι καὶ τρίαιναν τῇ δεξιᾷ χειρὶ· τελέσας οὖν οὕτως ἔχε φορῶν τῷ δακτυλίῳ... καὶ τοὺς διὰ θαλάσσης ἐμπορευομένους ἀπὸ κλύδωνος ῥύεται).

⁶⁹ Об использовании зеркал в качестве посвященных даров, в том числе Афродите, см., например, *Barrauol* 1985; 1987.

⁷⁰ *Ророва* 2000, 132–136.

Литература / References

- Barruol, G. 1985: Miroirs votifs découverts en Provence et dédiés à Sélène et à Aphrodite. *Revue archéologique de Narbonnaise* 18, 343–373.
- Barruol, G. 1987: Miroirs dédiés à Sélène et à Aphrodite: observations et découvertes nouvelles. *Revue archéologique de Narbonnaise* 20, 415–418.
- Belousov, A.V. 2015: [Epigraphica Pontica: Greek and Latin inscriptions of ancient North Black Sea region. 2014 year]. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii* [Aristeas. *Philologia classica et historia antiqua*] 12, 192–217.
- Белоусов, А.В. Эпиграфика pontica: Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2014 г. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* 12, 192–217.
- Berthelot, M. 1887: *Collection des anciens alchimistes grecs*. T.I. Paris.
- Buck, C.D. 1955: *The Greek Dialects: Grammar, Selected Inscriptions, Glossary*. Chicago.
- Clermont-Ganneau, Ch. 1888: *Recueil d'archéologie orientale* I. Paris.
- Dalimier, C. 1998: *Cratyle. Platon. Traduction inédite, introduction, notes, bibliographie et index*. Paris.
- Dovatur, A.I. 1965: [Brief survey of the grammar of the Bosporan inscriptions]. In: V.V. Struve (ed.), *Korpus bosporskikh nadpisey* [Corpus inscriptionum regni Bosporani]. Moscow–Leningrad, 797–831.
- Доватур, А.И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей. В кн.: В.В. Струве (ред.), *КБН. М. – Л., 797–831*.
- Dover, K.J. 1968: *Aristophanes. Clouds*. Oxford.
- Eichholz, D.E. 1962: *Pliny. Natural History*. Vol. X: *Books XXXVI–XXXVII*. (Loeb Classical Library, 419). London–Cambridge (MA).
- Enk, P.J. 1962: *Sex. Propertii Elegiarum Liber Secundus*. Vol. I–II. Leyden.
- Franek, J., Urbanová, D. 2019: “May their limbs melt, just as this lead shall melt...”: sympathetic magic and similia similibus formulae in Greek and Latin curse tablets (Part 1). *Philologia Classica* 14/1, 27–55.
- Gignac, F.T. 1976: *A Grammar of the Greek Papyri of the Roman and Byzantine Periods*. Vol. I. *Phonology*. Milan.
- Halleux, R., Schamp, J. (eds.) 1985: *Les lapidaires grecs: Lapidaire Orphique; Kérygmes lapidaires d'Orphée, Socrate et Denys; Lapidaire nautique; Damigéron–Évax*. Paris.
- King, C.W. 1867: *The Natural History of Gems or Decorative Stones*. London.
- Kollmann, A. 1941: Sophrosyne. *Wiener Studien* 51, 12–34.
- Meisterhans, K. 1900: *Grammatik der attischen Inschriften*. Berlin.
- Popova, E.A. 2000: [Terracottas from the fortified settlement of Chaika in Eupatoria]. *Rossiyskaya arkhéologiya* [Russian Archaeology] 1, 131–143.
- Попова, Е.А. Терракоты с городища “Чайка” в Евпатории. *РА* 1, 131–143.
- Popova, E.A. 2017: [Chaika hillfort in the North-Western Crimea in the 2nd century BC – 1st century AD]. *Stratum plus* 3, 259–307.
- Попова, Е.А. Городище «Чайка» в Северо-Западном Крыму во II в. до н.э. – I в. н.э. *Stratum plus* 3, 259–307.
- Richardson, L. 1977: *Propertius. Elegies I–IV*. Norman.
- Šangin, M.A.F. 1936: *Codices Rossici* (Catalogus codicum astrologorum Graecorum, XII). Bruxelles.
- Saprykin, S. Ju. 2014: The monuments of “minor” epigraphy from Northwestern Crimea in ancient epoch. In: V.A. Kutaysov, T.N. Smekalova (eds.), *Istoriya i arkhéologiya severo-zapadnogo Kryma* [History and Archeology of the Northwestern Crimea]. Simferopol, 7–31.
- Сапрыкин, С. Ю. Памятники «малой» эпиграфики северо-западного Крыма античной эпохи. В сб.: В.А. Кутайсов, Т.Н. Смекалова (ред.), *История и археология Северо-Западного Крыма*. (Материалы к археологической карте Крыма, XIV). Симферополь, 7–31.
- Schaps, D. 1977: The woman least mentioned. Etiquette and women's names. *Classical Quarterly* 27/2, 323–330.
- Smekalova, T.N., Kutaysov, V.A., Chudin, A.V. 2013: [Archaeological map of the vicinity of Kerkinitis]. In: V.A. Kutaysov, T.N. Smekalova (eds.), *Ortli. Antichnye usad'ba i vinogradnik na dal'ney khore Khersonesa* [Ortli. An Ancient Greek Farmstead and Vineyard in the Remote Chora of Chersonesos]. Simferopol, 136–239.
- Смекалова, Т.Н., Кутайсов, В.А., Чудин, А.В. Археологическая карта окрестностей Керкинитиды. В кн.: В.А. Кутайсов, Т.Н. Смекалова (ред.), *Ортли. Античные усадьба*

- и виноградник на дальней хоре Херсонеса.* (Материалы к археологической карте Крыма, XI.2). Симферополь, 136–239.
- Stefani, A. de 1920: *Etymologicum Gudianum quod vocatur*. Fasc. II: *Litteras Β (Βομολόχοι) – Ζ (Ζεαί)*. Lipsiae.
- Threatte, L. 1980: *The Grammar of Attic Inscriptions*. Vol. I: *Phonology*. Berlin–New York.
- Tokhtas'ev, S.R. 2002: [Ostrakon from the settlement Kozyrka XII of the Olbian chora]. *Hyperboreus* 8/1, 72–98.
- Тохтасьев, С.Р. Остракон с поселения Козырка XII ольвийской хоры. *Hyperboreus* 8/1, 72–98.
- Tokhtas'ev, S.R. 2013: [Preliminary conclusion concerning the inscription on the ostrakon from the Chaika settlement] In: V.A. Kutaysov, T.N. Smekalova (eds.), *Ortli. Antichnye usad'ba i vinogradnik na dal'ney khore Khersonesa [Ortli. An Ancient Greek Farmstead and Vineyard in the Remote Chora of Chersonesos]*. Simferopol, 263.
- Тохтасьев, С.Р. Предварительное заключение о надписи на остраконе с городища Чайка. В кн.: В.А. Кутайсов, Т.Н. Смекалова (ред.), *Ортли. Античные усадьба и виноградник на дальней хоре Херсонеса.* (Материалы к археологической карте Крыма XI.2). Симферополь, 263.
- Treister, M. Yu. 2000: [The jewelry of Nogaichik Tumulus]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 182–202.
- Трейстер, М.Ю. О ювелирных изделиях из Ногайчикского кургана. *ВДИ* 1, 182–202.
- Weinstock, S. 1953: *Codices Britannici*. Pars II: *Codices Londinenses, Cantabrigienses*. (Catalogus Codicum Astrologorum Graecorum, IX.2). Bruxelles.
- West, M.L. 2002: Seventeen distorted mirrors in Plato. *Classical Quarterly*, 52/1, 380–381.
- Wirbelauer, K.-W. 1937: *Antike Lapidarien*. Inaugural-Diss. Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Würzburg.
- Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. 2003: [The “Nogaichnski” barrow in the steppe-land Crimea]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 61–99.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И. «Ногайчинский» курган в степном Крыму. *ВДИ* 3, 61–99.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.

DOI: 10.31857/S032103910016267-6

DE TITULIS BOSPORANIS ET VICINIIS III

11. *Боспор и Рим в начале III в. н.э.*

Ф. В. Шелов-Коведяев

Независимый исследователь, Москва, Россия

E-mail: shel-kov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6846-2856

В заметке переиздается недавно опубликованная Н.А. Павличенко надпись, которая на проверку является строительной. Предлагаемая реконструкция текста показывает, что накануне ввода римского гарнизона на Боспор его правитель Савромат II был за фронду лишен императором Септимием Севером царского достоинства.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Боспорское царство, греческая эпиграфика, Савромат II, Римская внешняя политика

DE TITULIS BOSPORANIS ET VICINIIS III

11. *Bosporus and Rome at the Beginning of the Third Century A.D.*

Fedor V. Shelov-Kovedyaev

Independent researcher, Moscow, Russia

E-mail: shel-kov@yandex.ru

The paper offers a new edition and interpretation of the inscription from Kyz-Aul necropolis recently published by N.A. Pavlichenko. The proposed restoration of the text supposes that it describes the reconstruction of a ruined military building. It reveals that before sending a Roman garrison to the Bosporan Kingdom at the beginning of the third century AD, Emperor Septimius Severus deprived its ruler Sauromates II of his royal status for disobedience.

Keywords: Northern Black Sea region, Bosporan kingdom, Greek epigraphy, Sauromates II, Roman foreign policy

Данные об авторе. Фёдор Вадимович Шелов-Коведяев – кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Первую серию моих заметок (1–9а) см. Shelov-Kovedyaev 2020, 426–442; вторую (10): Shelov-Kovedyaev 2021, 80–85.

Недавно Н.А. Павличенко и Н.Ф. Федосеев издали любопытный памятник (рис. 1), обнаруженный на некрополе в урочище Кыз-Аул (юго-восточное побережье Керченского полуострова рядом с деревней Яковенково)¹. В археологическом комментарии к нему Н.Ф. Федосеев сообщает², что он был найден в обкладке погребального комплекса № 10, IV–V вв. н.э., который в раннем Средневековье был использован позднейшими насельниками для проживания.

Эпиграфический раздел статьи написан Н.А. Павличенко. Ей представляется, что она вводит в оборот новое посвящение (воспроизвожу текст ее восстановления надписи):

[-----]ου ε[-----]
 [---κα]τα λεσουσ[---]
 [... καθιέρ]ωσεν ἐκ τῶ[ν ιδ-]
 [ίων ἀναλω]μάτων δι' ἐπιμελ-
 5 [είας Ἡρακᾶ] Ποντικῆ ἀρχερμ-
 [ηνέως Ἀλα]νῶν ἄρχοντος αὐ-
 [λῆς vacat ἐν τῶ] αφ', Δαεισίω κε'

Издательница³ правильно отталкивается от стоящей на камне даты — 204/205 г. н.э., верно соотносит ее с датировкой похожих изображений и отождествляет личность и функции Герака. Она справедливо определяет форму глагола καταλίπτω и оборот ἐκ τῶν [ιδίων ἀναλω]μάτων, обращая внимание на близкие формулировки в тексте надписи о реставрации храмового портика еще при Савромате I (КБН 1045: 105 г.). Заслуживает внимания ее мнение о близости шрифта КБН 1005 и новой публикуемой надписи из Кыз-Аула. К сожалению, согласиться с первоиздателями надписи можно только в этом.

Во-первых, они не учли вероятности того, что надпись на обороте рельефа может говорить о восстановлении объекта, часть которого послужила для нее материалом. В стк. 2 могло быть упомянуто изображение, обозначенное существительным женского рода (ἡ εἰκὼν: см. apparatus criticus к моему чтению). Во-вторых, вторичное использование *обоих* камней с именем сына Понтика говорит об экономических трудностях Савромата II в период каких-то важных событий⁴. Остается непонятным, *как и почему*, на взгляд публикаторов документа⁵, этот артефакт попал с бедного камня таманского берега на керченский, где его в избытке.

Для стк. 3 предпочтение дополнению καθιέρ]ωσεν (что, кому, за что — повисает в воздухе) отдано a priori — еще до разбора вероятности форм от (ἀν) οἰκοδομέω и ἐπισκευάζω. Более того, иные известные в эпиграфике в схожих положениях и, следовательно, возможные тут глаголы с подобным окончанием не

¹ Pavlichenko, Fedoseev 2018, 315–336. Когда статья уже была принята к печати, Н.А. Павличенко (Pavlichenko 2020, 119–127; том вышел в 2021 году), по-прежнему без аутопсии, переиздала на русском языке свою часть общей с Н.Ф. Федосеевым работы. Сохранив все свои прежние недочёты, она их умножила новыми, которые требуют своей критики и вскоре будут рассмотрены отдельно.

² Pavlichenko, Fedoseev 2018, 315–318 (планы между с. 316 и 317).

³ Pavlichenko, Fedoseev 2018, 318, 321–322, 324–325, 329.

⁴ Ср. Frolova 1997, 147.

⁵ Pavlichenko, Fedoseev 2018, 321.

рассматриваются вовсе. В стк. 6–7 утверждение о том, что αὐ/[λῆς «is the single variant», ничем не подкреплено. В стк. 6 генитив ἄρχωντος без каких-либо объяснений относится первоиздателями исключительно к Гераку⁶.

К тому же перевод обязанностей ὁ ἐπὶ τῆς αὐλῆς как «superintendent of the royal court»⁷, вопреки мнению авторов публикации, «*elucidated*» (курсив мой. — Ф. III.-К.) the functions of this officials». Неудачей представляется и смешение⁸ шрифта (script) с индивидуальной манерой письма (writing) каждого резчика⁹.

В статье не уделяется должного внимания филологической стороне дела. Титул боспорского *правителя* ἄρχων¹⁰ переводится¹¹ неразличимо с «managing some thing/who managed», то есть просто — в иных контекстах — *управляющего*¹². Точно также упускается из виду, что формула ἐκ τῶν ἰδίων ἀναλωμάτων не отрывалась от предиката, указывающего, на что (строительство, ремонт и т. п.) пошли средства. Из-за этого авторы публикации соединяют с ней глагол κἀιερώ — «посвящать», который сюда никак не подходит. Один раз перевод не совпадает с предлагаемым восстановлением¹³ — «having restored» дано без скобок или курсива, а в дополнении нет соответствующего глагола либо упоминания реставрированного предмета/сооружения, да и места в реконструкции для них не предусмотрено.

Нечувствительность авторов публикации к нюансам проявляется и при подборе ими аналогий. Упоминаемые в статье ἄρχων, ἄρχοντες танатитов, кесарийцев¹⁴, а вне Боспора — в Милете, Дидимах и т. д.¹⁵ — в действительности архонты, а не «управляющие»¹⁶. Поэтому они не имеют отношения к поднимаемой в статье теме.

Рассуждения о сановниках ὁ ἐπὶ κτλ. в эллинистической Малой Азии¹⁷ имеют исключительно библиографическую ценность. Ведь те были деятелями куда большего масштаба, чем их «коллеги» на Боспоре: ср., например, ὁ ἐπὶ τῶν πραγμάτων (управляющий имуществами), ὁ ἐπὶ τῶν χρημάτων (казначей), ὁ ἐπὶ τῆς αὐλῆς (начальник двора), ὁ ἐπὶ τῶν ἄνω σατραπειῶν et sim. (аналог ахеменидских сатрапов из числа родственников Великого Царя)¹⁸. Вместо анализа функций этих должностей и занимаемого их носителями положения авторы статьи дают их простое перечисление¹⁹. Поэтому, не раз подходя вплотную к корректному

⁶ Pavlichenko, Fedoseev 2018, 323, 324, 327.

⁷ Pavlichenko, Fedoseev 2018, 328.

⁸ Pavlichenko, Fedoseev 2018, 321.

⁹ Об их различии см., например, *Bull. ép.* 74, 369.

¹⁰ В свое время я, развивая мысль Ю. Г. Виноградова, предложил писать не «архонт» (с кавычками или без), как было с необходимыми оговорками принято в старой русской науке, но «правлящий», и рад ныне тому, что это было признано.

¹¹ Pavlichenko, Fedoseev 2018, 325–326.

¹² Pavlichenko, Fedoseev 2018, 325, 326, 329.

¹³ Pavlichenko, Fedoseev 2018, 325.

¹⁴ Pavlichenko, Fedoseev 2018, 326, 329.

¹⁵ Ср. *Bull. ép.* 74, 542а.

¹⁶ Ср. *Bull. ép.* 74, 553.

¹⁷ Pavlichenko, Fedoseev 2018, 328.

¹⁸ См. Bickerman 1985, 184, 190, 191 и прим. 591; ср. *Bull. ép.* 74, 509.

¹⁹ Pavlichenko, Fedoseev 2018, 326–328.

Рис. 1. Новая строительная надпись Герака Понтикова (по: Pavlichenko, Fedoseev 2018, 319 fig. 4a)

Рис. 2. Конская протома на обороте надписи (по: Pavlichenko, Fedoseev 2018, 319 fig. 4b)

пониманию документа²⁰, авторы всякий раз сбиваются с верного пути. Следует отметить невнимание публикаторов надписи к специфике камня. Они полагают, что в стк. 4–7 сохранился его правый край²¹. Между тем даже на приложенной к статье фотографии видно, что излом всюду разный и только в стк. 6–7 он «съел» совсем небольшую часть поля надписи.

На самом деле плита обломана со всех краев, кроме нижнего. Она представляет собой фрагмент строительной надписи, связанной с деятельностью упомянутого в ней Герака, сына Понтика, который был известен уже из надписи *КБН* 1053. Судя по состоянию ее тыльной стороны, плита вырезана из какого-то рельефа, от которого на обороте сохранилась протома конской головы и шеи (рис. 2).

Ознакомление с мрамором, проведенное мною в Керчи в мае 2019 г.²², показало, что сохранность букв надписи отличается от того, что прочитали первоиздатели. В начале стк. 1 перед *ΟΥ* видны нижние сегменты наклонной (от *альфы* или *лямбды*) и вертикальной черт (то, что на фото кажется чем-то вроде горизонтали, суть их слившиеся апексы: ср. эффекты их соединения у соседних *альфы* и *пи* стк. 2, *мю* и *альфы*, *альфы* и *тау* стк. 4, *альфы* и *ро* стк. 6, *альфы* и *эпсилона* стк. 7), а в конце строки после *эпсилона* — упор вертикали. В начале стк. 2 частично сохранилась *альфа*, а в финале стк. 3 — *ню*; в конце стк. 4 прослеживается *лямбда*. В стк. 5 видны половины букв *пи* в начале и *мю* в конце. В стк. 6 после *ΑΥ* на затертости просматривается фрагмент от нижней части вертикальной черты. В стк. 7 перед *ΑΦ* частично дошла *омега*. В окончании стк. 7 внизу хорошо видны остатки двойных линеек, по которым был вырезан текст.

²⁰ Pavlichenko, Fedoseev 2018, 324: допустимость сказуемых, указывающих на обновление чего-либо; 326: применимость ἄρχοντας к правителям Боспора в римское время; 329: попечительство Герака, сына Понтика, в строительных проектах.

²¹ Pavlichenko, Fedoseev 2018, 328.

²² Сердечно благодарю за предоставленную возможность работать с памятником директора Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника Т.В. Умрихину и за помощь в его обследовании — заведующую отделом лапидария музея Н.Л. Кучеревскую.

Ширина букв варьирует от строки к строке: стк. 2—16.25 мм, стк. 3—~ 19.4 мм, стк. 4 (за вычетом *vacat*)— 16 мм, стк. 5—16.15 мм; стк. 6: в ΝΩΝ— по 22 мм, в ΑΡΧΟΝΤΟΣΑΥ— 16.3 мм. Высота их около 17 мм. В стк. 3 и 5 она меньше на 2—3 мм, в стк. 3 шрифт мельче в начале, в стк. 5— во второй половине текста. Это позволяет рассчитать лакуны с правого и левого краев и объяснить колебания количества пропавших знаков. Прежде всего, следует отказаться от чтения в стк. 6—7 αὐ/[λῆς]. Кроме видимых на камне остатков букв, делающих подобное восстановление невозможным, наличие лексемы ἄρχων в титулатуре ряда боспорских правителей (Спартокидов, Гиgienонта, Асандра) делает неуместным ее сочетание с именами их подданных. Справедливости ради следует заметить, что Н.А. Павличенко (реконструкция надписи— ее прерогатива) колеблется в своем дополнении стк. 6—7 и пишет— «if we have correctly restored the last line»²³. Жаль, что дальше этого *if* она не пошла.

Итогом моей работы с камнем в лапидарии Керченского музея стала следующая реконструкция надписи:

№ строки	Лакуна левая	Текст	Лакуна правая	Длина строки
0	—	[Ο δεῖνα τοῦ δεῖνος τοῦ]	—	~ 23
		7 [.] λίον ἐπ[ι τῆς Θεοδοσί]-	11 (10)	~ 24 (22,5)
2	6	[ας τῆν κ] καταπεσοῦσ[αν εἰκόνα]	8 (7,5)	23 (22,5)
	5	[ἀνεvé]ωσεν ἐκ τῶν [ιδίων]	5 (4)	19 (18)
4	5	[ἀναλω]μάτων δι' ἐπιμελ[είας]	4 (3,5)	22 (20,5)
	5	[Ἡρακλᾶ] Δοντικῶ ἀρχερμ[ηνέως]	5	24 (23,5)
6	3	[Α λ α] ν ὦ ν ἄρχοντο(ς) Σαυρ[ομά]-	3	20
	6	[τοῦ ἐν τ]ῷ ν ΑΦ ν Δαεισίῳ νν ΚΕ		23 (вкл. <i>vac.</i>)

Вариативность длины строк обычна (22—24 знака; в стк. 3 шрифт крупнее, поэтому там их меньше; в скобках указано число мест букв с учетом количества *йот*, занимающих половину пространства полноценных литер); одно место буквы в стк. 3, как сказано выше, более чем на 3 мм (около четверти) больше, чем в стк. 2, 4, 5 и в конце стк. 6, поэтому меньшее количество знаков, даже с учетом двух *йот*, не создает препятствий для предложенной реконструкции; в стк. 3—7 левые лакуны примерно одинаковы, правые плавно уменьшаются, начиная со стк. 2 (см. рис. 1); после на треть бóльших мест букв в этнониме аланов остальные знаки стк. 6 следуют обычным (16.3 мм) размерам, что не препятствует формированию лакуны в три буквы в ее конце; в стк. 6 и 7 правый край (ср. лакуну в стк. 5) незначительно обломан, что хорошо видно на фотографии оборота (там он— левый); обычай присоединять к личному имени и патронимику имя деда при помощи члена τοῦ (стк. 0) фиксируется на Боспоре с I в. н.э.; ||1 ср. *ΚΒΗ* 36A14: Γοσεμφλίου, не исключен и γεν. ~αίου; для ἐπί без члена: см. *ΚΒΗ* 36A—Б (регулярно) и титул Герака без ὀ в стк. 5, cf. et *Bull. ép.* 74, 410 (Фера, эллинизм); ||1—2 вертикаль стк. 1, среди прочих, вполне подходит и для *nu*; кроме Θεοδοσίας возможны и иные варианты, но именно этот идеально заполняет лакуны; ||2 член τῆν в роли указательного местоимения; εἰκόν в качестве обозначения статуи/изображения фиксируется на Боспоре уже с IV в. до н.э. (*ΚΒΗ* 113, 840, 1240), ср. *OGIS* 218 (эллинизм), *Bull. ép. passim*; сама εἰκόν была, судя по небольшому фрагменту ее фриза, оборот которого вместил немаленькую надпись, весьма внушительной, и к ее разрушению вполне подходит глагол καταλίπτω; ||3 к активной форме ἀνεvéωσεν «восстановил» см. *Bull. ép.* 59, 459, p. 263; 59, 493; 76, 751 etc. (включая изображения); другие вероятные здесь глаголы (см. выше) не подходят по размеру лакун; ||4 δι' ἐπιμελ[είας] восстановлено по аналогии с первой надписью Герака (*ΚΒΗ* 1053); ||6 разрядка букв в названии аланов позволяет подсчитать возможное количество букв в других строках надписи; к ἄρχοντο(ς) см. пропуск *сигмы* в царском титуле на монете Савромата I:

²³ Pavlichenko, Fedoseev 2018, 329.

βασιλεὺς) Σα(υρο)μάτης²⁴, а также в других словах: *КБН* 682.2, 877.1 (Ἀπολλώνιο(ς), нарушая порядок *йоты* и *омикрона*, или Ἀπολλωνιοί(ς) — по модели Ἀπολλωνί(ς), 1243.16 (*омикрон* окончания ος просматривается), и, может быть (камень утерян), в *КБН* 1237.17. К личному имени правителя в конце ср. *КБН* 1252 (нижний ее фрагмент на фотографии напрасно сдвинут влево) — ясно видны петля *ро* (под правой половиной *ню* в имени Антонина стк. 11), а за ней верхний сегмент *эты* (с обеих сторон у ее вертикалей хорошо заметны окончания вытертой в середине горизонтали). В.В. Латышев (*IOSPE* II 429) прочел βι и дополнил [φ' ἔτει], но ничего напоминающего *фи*, спинку прямоугольного *эpsilon* (все остальные *эpsilon* лунарные) и перехват *беты* (ср. ее в стк. 3) тут нет. В отличие от *ро* (ср. его в стк. 2) и вполне видной на увеличенном фото по сколу правой, упирающейся, подобно левой, вверху в апекс, вертикали *эты*. При длине же строки в данной надписи в 16–17 знаков число пропавших и оставшихся букв в начале стк. 11 (включая правую часть *ню*) равняется 11.5 (с учетом *йот* — 10.5), что дает в стк. 12 перед *РН* достаточно места для начала датировки (14, но, учитывая *йоты*, 11 м.б.) [ἐτὶ Ἰνυθιαῶν] (ср. *КБН* 1251 в восстановлении В.В. Латышева — А.И. Болтуновой). Добавляя сюда *Ῥη[σκού]* — (что вполне позволяет размер конечных лакун в иных строчках), в стк. 12 получаем 20 (при шести *йотах* — 17) графем, с завершением в пропавших за стк. 12 строках датировки, включающей окончание патронимика, царский статус и титулатуру Ининфимея, сына Рескупорида (IV), друга кесаря и друга римлян, благочестивого (ср. *КБН* 1249, 1250 — там в генитиве), то есть: [ἐτὶ Ἰνυθιαῶν] Ῥη[σκού]— 20 (17) / πόριδος βασιλεῖ φίλο— 18 (16) / καίσαρι καὶ φίλω— 17 (15) / μαίωι, εὖσεβεῖ ἐν (год) + месяц и день] (к [βασιλεῖ] в позиции ср. *КБН* 41.4, 54.3–4, 1008 и расположение падежей от βασιλεὺς между компонентами личных имен царей в *КБН* 52.6, 56.1–3, 63.2, 955.1, 976.1, 1045.1). Впрочем, резкое уменьшение шрифта к концу надписи *КБН* 1252 — см. контраст между ее стк. 1–9 и 10–11 — допускает размещение царского титула, либо *Τιβ. Ἰουλ.* (ср. сокращенные род. пад. в *КБН* 1249.3 и 1277.1; см., однако, отсутствие родового римского помен правителя в стк. 4 той же *КБН* 1252), в ней и *перед* именем Ининфимея, и, как следствие, сведение окончания текста не в четыре, а в 2–3 строчки.

Перевод: [Такой-то сын такого-то, внук имярек], управляющий [Феодосией, вот этот] разбитый²⁵ [монумент] восстановил на собственные средства при попечительстве начальника аланских переводчиков Герака, сына Понтика, при архонте Савромате в (год) 501-й, в Даисий 25-го (дня).

Альтернатив восстановлению τὴν εἰκόνα немного: τὴν στοῶν (стою), τὴν πύλην / τὰς πύλας (ворота: при мн. ч. существительного надо ставить κ[αταλεσοῦς(α)s), τὴν στήλην. Первые два не проходят за отсутствием каких-либо следов столь монументальных сооружений в урочище Кыз-Аул. Третье чтение указывало бы на надгробную стелу, на что наводит аналогия с *КБН* 1053 того же Герака. Однако оно требует насилья либо над лакуной в начале стк. 3 даже при форме ἐνέ[ωσεν], либо над порядком слов (κ[αταλεσοῦς(α]ν τὴν στή/λην). Этому противоречат также как батальная сцена на рельефе на обороте плиты (судя по углу прямоугольного щита перед мордой коня)²⁶, так и вполне достаточная для эпитафии, но красноречиво пустая полочка под изображением (рис. 2).

Дополнение в стк. 4 δι' ἐπιμελ[ητῶν] по аналогии с *КБН* 61.3, 1242.12, 1245.14, 1246.14, 1248.13, 1250.12 (не исключено и 1256.8; кроме № 61, все — из Танаиса), *новой для Герака* формулировки, невозможно. Оно значило бы пропажу в лакуне стк. 4 практически пяти (от *лямбды* виден лишь апекс) полноценных букв, как в стк. 3

²⁴ Frolova 1997, 252.

²⁵ Глагол καταλίπτο имеет значение как «падать», так и «ронять». В надписях он применяется к разрушенным (разрушившимся) стенам, воротам, портику, монументам и т.п. Для памятника выбрана более подходящая к случаю лексема.

²⁶ Ср. Pavlichenko, Fedoseev 2018, 318.

(считая там две *йоты* за одну обычную графему: скол пришелся на левую вертикаль *ню*). Излом же на уровне стк. 4 скрадывает от половины до одного знака меньше, чем в предыдущей строчке.

Предложенное восстановление подтверждает верные, но не отраженные в интерпретации Н.А. Павличенко и Н.Ф. Федосеева слова, что сын Понтика был попечителем строительства²⁷. Теперь оказывается, что у него было широкое поприще по обеим сторонам пролива. Вопреки первоиздателям надписи, трудно представить, чтобы камень из бедного на него таманского края прибыл в изобилующий им Восточный Крым. Интересно, что оба текста, отмеченные именем Герака, были вделаны в кладки: *КБН* 1053 (с. 614) в здание в Гермонассе, а новый предположительно использовался как пьедестал прежде разрушенного трофея, стоявшего, очевидно, на месте битвы у современного урочища Кыз-Аул.

Настоящая *сгук* заключена в генитиве ἄρχωντο(ς). Было бы соблазнительно добавить к нему известное на Боспоре имя Аврелия, усматривая в нем второго попечителя. Однако такая гипотеза потребовала бы апелляции к пропуску резчиком союза *και*. А к ней стоит прибегать в последнюю очередь, и с текстами лучшей сохранности. При этом в большинстве боспорских надписей, в отличие от других регионов греческого мира, имя Αὐρήλιος не сокращается, но пишется полностью (см. *КБН*, указатель VIII). Аббревиатуры присутствуют лишь в *КБН* 58.8–9 (гераклеот) и 64.3–5 (боспорец); в последнем случае после *po* стоит знак сокращения (Ϟ), занимающий место полноценной буквы (см. *КБН-альбом* 64), а это (лимит пропавших литер до начала даты в стк. 7 с учетом компактной лакуны в конце в стк. 6 равняется всего шести) оставляло бы на прочие компоненты имени (Αὐρήλιος в лапидарных надписях Боспора всегда сопровождается отчеством либо греческим *сoγnoтeп*) всего пять знаков, что невероятно. Да и *КБН* 64 на сто лет (306 г. н.э.) моложе нового памятника, то есть — для него — анахронизм. Наконец, если видеть в ἄρχων некоего *полисного* магистрата, то он немыслим без указания сферы его полномочий — таковы архонты танаитов, кесарийцев (пантикапейцев) и агриппийцев (фанагорийцев). Для ἄρχων Ταναεϊτῶν (ἄρχων Ταναεῖος в *КБН* 1237 — явная ошибка казачьего офицера, списавшего надпись: уже В.В. Латышев не видел ее, т.к. не знал ее места нахождения — см. *КБН*), Καισαρέων или Ἀγριππιάδων, и еще с именем и патронимиком «Аврелия», места, тем более, нет. Да и датировка *только по полисному* должностному лицу (не тогда, когда она дополняет дату по монарху — ср. *КБН* 1245, 1246, 1248) в начале III в. н.э. сомнительна.

Таким образом, потестарный термин ἄρχων должен относиться к Савромату II. В лапидарных надписях уже было засвидетельствовано его *понижение* в статусе. В *КБН* 1049 он *прижизненно* единственный (*КБН* 1135 сохранилась слишком плохо) раз именуется «великим царем». В.В. Латышев пришел к выводу, что надпись *КБН* 1049 старше датированной 489 г. б.э. = 192 г. н.э. надписи *КБН* 1243, где Савромат II назван просто царем (ср. *КБН* 56, 1242, 1256). Можно предположить, что окрыленный своими военными успехами²⁸ Савромат II в какой-то момент правления Коммода взял на себя слишком многое, что отразилось в принятии титула великого

²⁷ Pavlichenko, Fedoseev 2018, 329: «supervised construction works».

²⁸ Здесь и далее ср. Gajdukevič 1971, 322–356.

царя²⁹; это, предположительно, вызвало недовольство римлян, и под их давлением он был вынужден отказаться от эпитета «великий» в титулатуре.

В надписи *КБН* 56 сын Савромата II Рескупорид III на постаменте воздвигнутой им по восшествии на престол статуи отца называет его без обычной у многих боспорских владык титулатуры «друг цезаря, друг римлян, благочестивый». Такая скромность в почетных надписях необычна (*КБН* 44, 45, 953, 1118 и проч.; ср. пышные титулы Савромата II в датировочной формуле фиаса: *КБН* 1135), а когда речь идет о наследниках — особенно (см. *КБН* 42 и др.). В данной связи нельзя пройти мимо того факта, что в 208 г. н.э., т.е. тремя годами позже изучаемого документа и за пару лет до окончания царствования Савромата II, в такой же строительной надписи (*КБН* 1053, Тамань) тот же Герак, сын Понтика, вообще никак не упоминает царя — своего сюзерена.

Савромат II был далеко не первым боспорским владыкой, который правил как ἄρχων (т.е. был не царем, а правившим на Боспоре). Например, Асандр не сразу заслужил право носить титул царя³⁰. Аспург, прежде чем стать царем, должен был отправиться за получением полномочий ко двору императора³¹. М.И. Ростовцев убедительно показал, что такие личные поездки обнаруживают именно соискателя; для подтверждения уже признанного положения процедура была другой³². Точно неизвестно, был ли Аспург ἄρχων до своей поездки в Рим и во время долгой отлучки³³. Но до его утверждения некие назначенцы (по мнению Н.А. Фроловой, римские), имена которых скрыты в монограммах KNE, ПА, ПАР, не менее четырех лет управляли, как минимум, денежной эмиссией государства³⁴. Вычитывать в них имя Аспурга³⁵ не получается даже на основании двух последних: скорее это личное имя на Пср-. Но можно здесь предположить и имя чиновника, начинающееся на *ни*, к которому было добавлено, в одном случае, ἄ(ρχωντος), в другом — ἄρ(χωντος). Как бы там ни было, в то время Аспург еще не утвердился в царских правах³⁶, ибо царская монограмма Аспурга ΒΑΡ появляется лишь с 14 г. н.э.³⁷

Неоднозначна и ситуация с восприятием Реметалка в Риме. Во время его пребывания в столице империи, где он вел тяжбу с приставленным к нему римским администратором (*SHA Vita Pii IX*, 8), на Боспоре, возможно, по распоряжению императора Антонина Пия, на 4–5 лет (137–141 гг. н.э.) была прекращена чеканка золота с его титулатурой³⁸. Медь с его царским титулом в эти годы продолжала выпускаться³⁹, хотя

²⁹ Характерно, что во второй период его чеканки (186–196 гг. н.э.) его победы приравниваются к подвигам Геракла: Zograf 1951, 205; Frolova 1997, 150–151.

³⁰ Zograf 1951, 153, 188–189; Frolova 1997, 14, 20, 23: надписи на монетах показывают, что первые четыре года правления Асандр титуловался как ἄρχων.

³¹ Blavatskaya 1965, 197–200.

³² Rostovtzeff 1917, 5–7; ср. Frolova 1997, 64, 67, 70.

³³ Blavatskaya 1965, 197 (текст), 200 (перевод). Но это и не исключено, см. Heinen 2000, 283–287.

³⁴ Zograf 1951, 191; Frolova 1997, 69–70.

³⁵ Так, не без колебаний, полагал А.Н. Зорграф (Zograf 1951, 191, ср. 196), ср. Frolova 1997, 67.

³⁶ Н.А. Фролова (Frolova 1997, 40) прямо пишет о вмешательстве Августа в дела Боспора в 8–13 гг. н.э.

³⁷ Frolova 1997, 65.

³⁸ Frolova 1997, 143.

³⁹ Frolova 1997, 287–288.

при этом использовались штемпеля более ранних лет. Датированные надписи *КБН* 47 и 976 были поставлены соответственно до и после его поездки в Вечный Город.

Отношения Рима с Боспором и его правителями вовсе не всегда были безоблачными. Римляне ревниво следили за тем, как складывалась там обстановка, тем более что поводов для беспокойства боспоряне давали им немало. Взаимные претензии, подчас перераставшие в открытые конфликты, как при Митридате VIII, взбунтовавшемся против ставленника Калигулы Полемона II, нередко омрачали боспороримские контакты. При Нероне Боспор и вовсе чуть было не стал обычной провинцией: с 62 г. н.э. с боспорских монет исчезло всякое упоминание о Котисе I, верном союзнике и друге римлян⁴⁰.

В этом контексте особенно показательны перипетии царствования Савромата I⁴¹. Он вел успешные войны со скифами, усиливал оборону крепостей и городов. Пока император в 102–109 гг. был с большим напряжением сил (*Dio Cass.* 68. 14, 1) занят замирением даков, он убрал его портрет с боспорских монет, стал «царем царей» и, может быть, пропустил через свои земли посольство, направленное Децебалом к врагу Рима парфянскому царю Пакуру II (*Plin. Epist.* 10. 74) с целью организации совместного наступления на римлян. Раскопки Н.И. Сокольского укрепленных «Батареек» на Тамани и В.П. Толстикова на горе Митридат в Керчи показывают, что в обмен на повторное подтверждение прав на правление Савромата I Траян потребовал срыть цитадель акрополя Пантикапея и все укрепления Фанталовского полуострова, без права их восстановления. Судя по находимым в слоях этого периода бронзовым фигуркам римских военных орлов, для надзора над исполнением высочайших распоряжений на Боспор были введены какие-то римские силы.

Некоторые цари Боспора, к неудовольствию римлян, демонстративно называли себя «великими», «царями царей» (*КБН* 33, 45, 980, 1118) или вступали, как Реметалк, в конфликт с римским куратором. Можно поэтому допустить, что в этом ряду не стал исключением и Савромат II, тем более что у его отца Реметалка (*КБН* 1134, 1242, 1243) были свои проблемы с римскими властями. Судя по третьему периоду чеканки Савромата II (см. ниже), у него сложились нелегкие отношения с Септимием Севером.

Получение и сохранение царской власти на Боспоре, а также передача титула (как раз пример Савромата II здесь очень показателен) тоже не обязательно были автоматическими и не переходили строго по наследству от отца к сыну. После смерти Аспурга римляне вознамерились передать царство Полемону II. Когда им это не удалось, то они оставили трон не потомству воспротивившегося им Митридата VIII, но его брату Котису I. Ничего не известно о родственных связях Реметалка и Эвпатора как с их предшественниками, так и между ними самими⁴². Отсутствие монет не позволяет судить о том, кто правил в 170–174 гг. н.э. (считается, что продолжал Эвпатор, но это ничем не подтверждено). Савромат II, в отличие от двух своих предшественников, называет имя своего отца — Реметалка. Тем самым, наследование uvedeno из линии Эвпатора.

⁴⁰ Frolova 1997, 88, 98.

⁴¹ Ср. к дальнейшему Tolstikov 1992, 55–62; Saprykin 1997, 89–94; 1998, 191–205; Levchenko 1999, 214–218.

⁴² Ср. Frolova 1997, 142.

И обретение, и подтверждение царского достоинства всегда требовало его утверждения Римом. Аспургу в конце жизни пришлось снова быть ходатаем у Тиберия, и в третий раз — у Калигулы. Савромат I дважды⁴³ одобрялся Траяном и однажды — Адрианом. Савромат II — один раз Марком Аврелием, второй — Коммодом, третий — Септимием Севером⁴⁴. У последнего символом признания служит уже не курульное кресло (одна из *тещи* от римского сената⁴⁵), но — признак приниженного статуса Савромата II — изображение головы императора⁴⁶.

Как правило (см. указатель V к *КБН*), и почетные титулы боспорские владыки получали не сразу. Даже ставленник Рима Котис I стал «пожизненным первосвященником Августов» лишь при Нероне, а Савромат I — к середине правления. Котис II, Реметалк, Савромат II (ср. *КБН* 1134), а также Эвпатор и Котис III не дождалась первосвященства. Тот же Савромат II долго звался просто «царь», «сын великого царя Реметалка» или «великого Реметалка» (*КБН* 1242, 1243, 1256). Первая *датированная* надпись, где Савромат II назван другом цезаря и другом римлян, благочестивым, относится только к 201 г. н.э. (*КБН* 52). Недаром как раз в том же году он воздвиг статуи Марка Аврелия Антонина Августа (*КБН* 52), «благодетеля личного и своего царства», и, вероятно, его супруги (*КБН* 955: с той же, по В.В. Латышеву, формулировкой). Видимо, Каракалла и его жена лично добились для него этой почести, так как Септимий Север не был к нему расположен. Савромат II долго ждал этой милости, ибо и в середине правления он был ею обделен (см. *КБН* 1242, 1243 — 188 и 192 гг. н.э.; ср. 1256). Септимий Север даже мог запретить чеканить портрет Савромата II в третий период его чеканки⁴⁷. Именно в 205 г. н.э. — году появления обсуждаемой надписи — копьё как символ прерогатив правителя на его территории появляется на боспорских монетах между бюстами императоров-соправителей Септимия Севера и Каракаллы⁴⁸, т.е. вне связи с боспорским монархом. Это лишний раз подчеркивает умаление Римом власти Савромата II⁴⁹. Считая себя, по-видимому, не по заслугам перед Римом и не по своим достижениям в борьбе с пиратами на Понте и варварами в Крыму и Прикубанье (*КБН* 1237: 193 г. н.э.) отмеченным, он, вероятно, не удержался от действий, которые, предположительно, низвели его до положения *ἄρχων*. Данное обстоятельство заставляет по-новому взглянуть на то, что в *КБН* 1053 он представлен лишь тамгой⁵⁰.

Стремился ли он, склоняясь, обеспечить себе престолонаследие? Или за смирение, по примеру Котиса I и Савромата I, его сыну Рескупориду III в надписи на постаменте его статуи (*КБН* 56) было разрешено скромно (без упоминания утраченной тем пышной титулатуры) назвать отца даже не великим, как было принято, но просто царем? Или же мотив его умаления и конец его были другими? В качестве постановки вопроса хотелось бы обратить внимание, что как-то уж подозрительно быстро и, судя по *КБН* 56, фактически сразу при восшествии на трон его сыну Рескупориду III были

⁴³ Например, Frolova 1997, 124–125, 129.

⁴⁴ Frolova 1997, 152–153.

⁴⁵ Frolova 1997, 124.

⁴⁶ Frolova 1997, 153–157.

⁴⁷ Frolova 1997, 323–328, ср. 153.

⁴⁸ Frolova 1997, 313.

⁴⁹ Zograf 1951, 155, 199; Frolova 1997, 88, 98, 140, 219–220.

⁵⁰ Shkorpil 1911, 112 № 28; ср. *КБН* 614.

дарованы регалии «друга цезаря, друга римлян, благочестивого», которых Савромату II сначала пришлось ждать больше четверти века, а потом, вероятно, потерять. Не было ли это наградой Рескупориду III за то, что он предал отца так же, как Фарнак предал своего отца Митридата VI (или как Котис предал своего брата Митридата VIII)? И не результатом ли такого поворота в отношениях с Римом стала вскоре дислокация на Боспоре собственно римских воинских частей?⁵¹

Таким образом, надпись из Кыз-Аула заставляет вспомнить о многих событиях боспорской истории II – начала III в. н.э., когда усилился натиск варваров на Боспор⁵². Надпись *КБН 1237* (193 г. н.э.) сообщает о победе Савромата II над крымскими скифами и прикубанскими сираками. Эти события могли быть отмечены трофеем владыки с фризом (от которого и дошла протома коня на обороте надписи), изображающим баталию, в ее основании. Впоследствии он, по-видимому, был низвергнут врагом (*καταλεσούσα*) и восстановлен (*ἀνενέωσεν*) при попечении Герака, сына Понтика, в 204/205 г. н.э. Кыз-аульский эпиграфический документ оказывается важным и полноценным историческим источником. Он, в частности, позволяет сформулировать гипотезу, что Савромат II предстает в нем простым ἄρχων, «правителем»*.

Литература / References

Bickerman, E. 1985: *Gosudarstvo Seleukidov [The Seleucid State]*. Moscow.
Бикерман, Э. *Государство Селевкидов*. Пер. Л. М. Глускиной. М.

⁵¹ Ср. Ivantchik 2013, 59–77.

⁵² Gajdukevič 1949, 335–336; ср. 1971, 352–353.

* Данная статья, на взгляд редколлегии ВДИ, представляет особый интерес тем, что является первой публикацией, основанной на изучении оригинала этой важной надписи. Благодаря этому автору удается поправить ряд чтений первоиздателей, издавших надпись по фотографии, и отвергнуть некоторые из предложенных ими восстановления. В то же время некоторые собственные восстановления текста (в особенности стк. 6) представляются маловероятными. В нашем распоряжении нет ни одного документа, который бы подтверждал «архонтскую» титулатуру Савромата II или любого другого царя династии Тибериев Юлиев; после Асандра термин ἄρχων в приложении к боспорским царям не засвидетельствован. Все они имели наследственный титул «царь», иногда «великий царь», к которым добавлялись эпитеты «друг цезаря и друг римлян, благочестивый». Последний титул, в отличие от царского, не наследовался, а давался по решению римского императора, и в некоторых случаях не включался в титулатуру: или потому, что царь его (еще) не имел, или потому, что его включение в краткую версию титулатуры не считалось обязательным. Кроме того, на Боспоре нет и ни одного надежного примера упоминания царя рядом с датировочной формулой в конце надписи; нет его и в *КБН 1252*, а его восстановление автором неубедительно и во всяком случае не может служить основанием для дальнейших рассуждений. Пропуск *сигмы* перед именем Савромата в принципе не исключен, как и любая ошибка резчика, однако также не имеет параллелей в эпиграфике, и восстановление здесь опирается лишь на легенду некоторых монет Савромата I, где пропущены и другие буквы. Здесь гораздо вероятнее восстановление банального Αὐρ(ηλίου) в столь же банальном для надписей римского времени сокращении, пусть и относительно редком на Боспоре. Таким образом, восстановление 6-й строки трудно принять. Восстановление εἰκόνα во второй строке хотя и не исключено, но ненадежно (примеров сочетания этого слова с производными *καταλίπτο* в надписях нет, и здесь больше подошло бы восстановление названия крупной постройки). — *Прим. редколлегии.*

- Blavatskaya, T.V. 1965: [The rescripts of King Aspurgos]. *Sovetskaya Archeologiya* [Soviet Archaeology] 2, 197–209.
- Блаватская, Т.В. Рескрипты царя Аспурга. *СА* 2, 197–209.
- Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.)*. Ch. I [The Coinage of Bosporus (mid 1st B.C. – mid 4th A.D.)]. Pt. I]. Moscow.
- Фролова, Н.А. *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.)*. Ч. I. М.
- Gajdukevič, V.F. 1949: *Bosporskoe tsarstvo* [The Bosporan Kingdom]. Moscow–Leningrad.
- Гайдукевич, В.Ф. *Боспорское царство*. М.–Л.
- Gajdukevič, V.F. 1971: *Das Bosporanische Reich*. Berlin.
- Heinen, H. 2000: [Two letters of the Bosporan king Aspurgus (AE 1994, 1538): Overlooked corrections of Günter Klaffenbach, and further observations]. In: O.L. Gabelko (ed.), *Mezhgosudarstvennye otnosheniya i diplomatiya v antichnosti* [Interstate Relations and Diplomacy in Antiquity]. Kazan', 278–291.
- Хайнен, Х. Два письма боспорского царя Аспурга (AE 1994, 1538): Незамеченные поправки, предложенные Гюнтером Клаффенбахом, и дальнейшие наблюдения. В сб.: О.Л. Габелко (отв. ред.), *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. Казань, 278–291.
- Ivantchik, A.I. 2013: [New data on the Roman military presence in the Bosporus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 59–77.
- Иванчик, А.И. Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре. *ВДИ* 1, 59–77.
- Levchenko, N.V. 1999: [An episode of the Sauromates' I governance]. In: A.V. Podossinov (ed.), *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy* [The Earliest States of East Europe] 1996–1997. Moscow, 209–219.
- Левченко, Н.В. Эпизод правления Савромата I. В сб.: А.В. Подосинов (отв. ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы* 1996–1997. М., 209–219.
- Pavlichenko, N., Fedoseev, N. 2018: A new inscription of Herakas, son of Pontikos, ΑΡΧΕΡΜΗΝΕΥΣ ΑΛΑΝΩΝ. *Hyperboreus* 24/2, 315–336.
- Pavlichenko, N.A. 2020: [The second inscription of Herakas, son of Ponticos, the head of Alan's translators]. *Tavrisheskiiye Studii* [Tauric Studies] 22, 119–127.
- Павличенко, Н.А. Вторая надпись Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов. *Таврические студии* 22, 119–127.
- Rostovtzeff, M.I. 1917: [Caesar and Chersonesos]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission] 63, 1–21.
- Ростовцев, М.И. Цезарь и Херсонес. *ИАК* 63, 1–21.
- Saprykin, S. Yu. 1997: [King Sauromates I the Bosporan]. In: *Antichnost': istoriya i istoriki. Materialy kruglogo stola «Izucheniye antichnogo mira v zavisimosti ot uspekhov nauki i prosveshcheniya», 17 fevralya 1997 g.* [Antiquity: History and Historians. Proceedings of the Round Table “Study of Antiquity in Relation to the Progress in the Field of Science and Education”. February 17, 1997]. Kazan', 89–94.
- Сапрыкин, С.Ю. Царь Савромат I Боспорский. В сб.: *Античность: история и историки. Материалы круглого стола «Изучение античного мира в зависимости от успехов науки и просвещения», 17 февраля 1997 г.* Казань, 89–94.
- Saprykin, S. Yu. 1998: [Pliny the younger and the Northern Black Sea region]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 191–205.
- Сапрыкин, С.Ю. Плиний Младший и Северное Причерноморье. *ВДИ* 1, 191–205.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 2020: De titulis Bosporanis et viciniis. *Drevnosti Bospora* [Bosporan Antiquities] 25, 426–442.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. De titulis Bosporanis et viciniis. *Древности Боспора* 25, 426–442.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 2021: De titulis Bosporanis et viciniis II. 10. An Astragalus from Phanagoria. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 80–85.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. De titulis Bosporanis et viciniis II. 10. Астрagal из Фанагории. *ВДИ* 1, 80–85.
- Shkorpil, V.V. 1911: The Bosporan Inscriptions founded in 1910. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission] 40, 92–114.
- Шкорпил, В.В. Боспорские надписи, найденные в 1910 году. *ИАК* 40, 92–114.
- Tolstikov, V.P. 1992: [Unknown pages of the history of Bosporan Kingdom]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv* [Reports of the Fine Arts State Museum] 10, 41–65.
- Толстиков, В.П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства. *Сообщения ГМИИ* 10, 41–65.
- Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety* [The Antique Coins] Moscow–Leningrad.
- Зограф, А.Н. *Античные монеты*. М.–Л.

DOI: 10.31857/S032103910013616-0

О ПОЭТИЧЕСКОМ ВЫМЫСЛЕ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЕ

По поводу одной песни, сочиненной Ю.Г. Виноградовым

Ю. А. Виноградов

*Институт истории материальной культуры Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: vincat2008@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4447-5679

Статья посвящена песне Ю.Г. Виноградова, в которой он в шуточной форме изобразил начало археологических исследований на Березани. Это важное событие он связал с Археологическим съездом в Одессе (1884 г.), что соответствует действительности. Одновременное участие в раскопках на острове Б.В. Фармаковского, Г.Л. Скадовского и Э.Р. фон Штерна, конечно, является плодом фантазии автора. Однако сюжет, связанный с конфликтом из-за вина, приобретенного за казенные деньги, основан на реальных событиях.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Березань, история археологии, археологический фольклор

ON POETIC FICTION AND HISTORICAL TRUTH

Concerning a song composed by Yu.G. Vinogradov

Yu. A. Vinogradov

Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

E-mail: vincat2008@yandex.ru

The article is dedicated to a song of Yu.G. Vinogradov, in which he, in a humorous manner, depicted the beginning of archaeological research on Berezan. He correctly connected this important event with the Archaeological Congress in Odessa (1884). The simultaneous participation of B.V. Farmakovskiy, G.L. Skadovskiy and E.R. von Stern in the excavations on the island is, of course, a fruit of the author's imagination. However, the plot related to the conflict over the wine purchased with public money is true.

Keywords: Northern Black Sea region, Berezan Island, history of archaeology, archaeological folklore

Данные об авторе. Юрий Алексеевич Виноградов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН.

Среди исследователей, посвятивших свою жизнь изучению античных древностей Северного Причерноморья, Юрию Германовичу Виноградову принадлежит особое место. Он знаменит не только своими замечательными научными публикациями, по достоинству ставшими классическими, но также стихами и песнями, которые не просто приобрели популярность среди археологов, но и вошли в экспедиционный фольклор.

Не он первым из серьезных исследователей взялся за поэтическое перо. Из всех греческих государств Северного Причерноморья в этом отношении больше всех повезло Ольвии, воспетой в стихах П.О. Карышковского и С.Б. Буйских. Их сочинения всегда отличает романтическая или ностальгическая нотка, которой отдал дань и Юрий Германович, но он к тому же часто наполнял свои песни ярким юмором, столь востребованным в молодежной среде. Одна из его песен такого рода («С Одесского архсъезда...») пародизирует известную песню «С одесского кичмана» и использует характерную «одесскую» лексику. Она посвящена археологическому изучению Березани и написана к 100-летию первых раскопок на острове. Текст песни опубликован, его легко найти также и в Интернете¹, так что нет смысла воспроизводить его целиком.

Археологическое изучение Березани, как известно, имеет долгую историю, восходящую еще к первой половине XIX в.² Ю.Г. Виноградов ее отправной точкой назвал VI Археологический съезд, проходивший в Одессе в 1884 г. Названные в песне герои поездки на остров (Э.Р. фон Штерн, Б.В. Фармаковский и Г.Л. Скадовский) в действительности такой поездки не совершали. Первые раскопки на Березани, однако, действительно были предприняты в 1884 г. по поручению VI Археологического съезда: их провел член Одесского общества истории и древностей Р.А. Прендель, помощником которого был лаборант Виндгальм. Масштабы исследований были весьма ограниченными, при этом Р.А. Прендель нацеливал их на поиски следов «доисторического человека», а не на «выявление античности»³.

В 1896 г. Б.В. Фармаковский провел свои первые раскопки некрополя Ольвии⁴. Они не отличались особым размахом⁵, во всяком случае, никак нельзя сказать, что тогда Борис Владимирович «врезал обороты». Эти слова скорее относятся к более позднему времени – 1901, особенно 1902 и последующим годам, когда Б.В. Фармаковский начал систематическое и планомерное изучение как ольвийского некрополя, так и городища⁶.

В 1896 г., несмотря на занятость, Б.В. Фармаковский посетил и Березань и даже предпринял там ограниченные раскопки. Его работы были сосредоточены в северной части острова, где было открыто несколько могил, которые исследователь

¹ Beletskiy 2000, 59–61, № 25, см. также, например, <http://a-pesni.org/profes/farmak.php> (дата обращения: 14.08.2021).

² Fabritsius 1951, 56–61; Kaposhina 1956, 214–232; Solovyov 1999, 19–27; Solov'ev 2005a; 2005b, 9–12; Tunkina 2002, 416–423; Vinogradov 2013, 266–269.

³ Prendel 1886, 216–219.

⁴ Vinogradov, Musin 2009, 496–498.

⁵ ОАК за 1896 год, 78–81.

⁶ Vinogradov, Musin 2009, 505–511.

датировал первыми веками н.э.⁷ Такой эпизод, конечно, вряд ли заслуживает того, чтобы ему посвящать даже несколько слов в песне.

После этого, как сказано Ю.Г. Виноградовым, на острове «могилки рыл Скадовский», и это уже было очень важное событие в истории изучения Березани. Г.Л. Скадовский был председателем Херсонской ученой архивной комиссии и предводителем дворянства Херсонской губернии. Он не был археологом и серьезного опыта в проведении раскопок не имел, хотя и занимался археологией «для души»⁸. Георгий Львович провел масштабные работы на березанском некрополе (1900–1901 гг.), которые в методическом плане были весьма далеки от совершенства. К сожалению, он не составил отчета о своих работах, поэтому мы не знаем даже точного числа открытых им погребений: ясно лишь, что их было несколько сотен. Сам он считал, что ему удалось раскопать 800 могил, эту цифру повторяют и другие исследователи⁹. Называется, правда, и другая цифра – 500 погребений¹⁰. С.Л. Соловьёв отмечает при этом, что в дневнике Г.Л. Скадовского, находящемся в Одесском археологическом музее, имеется информация только о 513 погребальных комплексах¹¹.

Руководство Императорской археологической комиссии, недовольное отсутствием отчетов о раскопках Г.Л. Скадовского, пришло к решению, что дальнейшие археологические исследования на Березани лучше поручить профессору Новороссийского университета в Одессе Э.Р. фон Штерну¹². Тот начал их летом 1904 г.¹³, а затем с успехом проводил в 1905–1909 и 1913 гг. Этот исследователь продолжил изучение березанского некрополя, но, что для нас более важно, принял масштабные раскопки поселения. В песенке Ю.Г. Виноградова говорится, что Эрнест Романович «рыл» там землянки. И это, казалось бы, вполне правдоподобно, ибо Березань знаменита открытыми там заглубленными в землю жилищами и хозяйственными конструкциями¹⁴, вот только все эти открытия были сделаны позднее. Как ни странно, в отчетах Э.Р. фон Штерна сведения о подобных сооружениях отсутствуют почти полностью¹⁵. В этом отношении повествование Ю.Г. Виноградова не вполне соответствует фактической стороне дела, но в шуточной песне обращать внимание на эти тонкости, конечно, было неуместно.

Совсем другое надо сказать в отношении конфликта, возникшего у археологов с «крысами министерскими». Понятно, что обозначенная «троица» никак не могла выступить против несправедливых действий начальства, так сказать, единым фронтом. А вот в документах, находящихся в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН и касающихся раскопок одного из трех персонажей

⁷ *ОАК за 1896 год*, 81, 211–212.

⁸ Vdovychenko 2006.

⁹ von Stern 1901, 89; Kaposhina 1956, 217, прим. 1; Lapin 1966, 120.

¹⁰ Kaposhina 1956, 217, прим. 1; Solovyov 1999, 20.

¹¹ Solov'ev 2005a, 41, прим. 2.

¹² Häusler 1984; 1996; Vanchugov 1989; Shcheglov 1996; Kuzmishchev 2012a; 2012b; 2013; 2014; 2015.

¹³ von Stern 1904.

¹⁴ Kryzhitskiy 1993, 41; Chistov 2020, 113–116.

¹⁵ Solov'ev 2005a, 34.

песни, Э.Р. фон Штерна, имеются бумаги, которые позволяют признать, что конфликт такого рода действительно имел место.

Ревизионный отдел Министерства Императорского двора 3 марта 1909 г. направил в Императорскую археологическую комиссию официальное письмо, в котором говорилось, что профессор Э.Р. фон Штерн на средства, выделенные на проведение раскопок 1908 г., приобрел ящик в 16 бутылок красного столового вина, а кроме того оформил месячную подписку на газету «Одесский листок» и, наконец, израсходовал 30 коп. на два обеда для собаки. В общем, имело место нарушение финансовой дисциплины, и Археологической комиссии следовало разобраться, «для какой надобности приобретен был ящик красного вина и почему за счет аванса произведена была подписка на “Одесский листок”»¹⁶.

От Э.Р. фон Штерна действительно потребовали объяснений, и таковые были даны в письме, направленном в Санкт-Петербург 14 марта 1909 г.: «Исходя из предположения, что проживание заведующего раскопками включено в сумму, отпускаемую на раскопки, я по примеру прошлых лет включил <в отчет> сумму (т.е. стоимость. — Ю. В.) 16 бутылок красного столового вина. Так как на Березани нет воды, годной для питья, и приходится доставлять ее с берега на расстояние 5 верст из довольно загрязненного колодца, то чистой (т.е. несмешанной. — Ю. В.) воды по предписанию врача мне там пить запрещено. Мне доктор высказал требование, чтобы я пил воду с красным вином, так как последнее уничтожает действие вредных бактерий и предохраняет в летнюю жару от дизентерии. Исходя далее из предположения, что на сумму раскопок заведующему можно отнести расходы, которые для него вызваны отправлением на необитаемый остров, я по примеру прошлых лет включил счет на доставку газеты на Березань, которая мне в Одессе ничего не стоит и которую я счел нужным выписать на Березань, чтобы узнать о том, что делается на свете.

<...> относительно корма для собаки имею честь сообщить, что на необитаемом острове мне надо иметь сторожевую собаку и, следовательно, надо ее и кормить.

В заключение скажу, что если Комиссия считает указанные счета неправильными и не подлежащими уплате, я, конечно, немедленно покрою <их> из собственного кармана. Прошу мне сообщить, какая сумма от меня требуется»¹⁷.

В Министерстве Императорского двора объяснения Э.Р. фон Штерна были признаны вполне убедительными, и финансовый отчет был принят 21 апреля 1909 г. без всяких исправлений¹⁸. На раскопки 1908 г. Эрнесту Романовичу было выделено 1540 руб. Из них 7 руб. 05 коп. он потратил на ящик вина¹⁹, месячная подписка на «Одесский листок» обошлась в 1 руб. 35 коп.²⁰ Если к этому добавить 30 коп., потраченных на два обеда для собаки, то общая сумма «нецелевых» расходов составляет 8 руб. 70 коп. Почему-то петербургское начальство не смутило, что Эрнест

¹⁶ *Дело Императорской археологической комиссии о раскопках проф. Э.Р. фон Штерна на о-ве Березань. 1908 г.* Рукописное отделение Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49. Л. 24.

¹⁷ *Дело Императорской археологической комиссии...* Л. 20–21.

¹⁸ *Дело Императорской археологической комиссии...* Л. 22.

¹⁹ *Дело Императорской археологической комиссии...* Л. 38 об., № 4.

²⁰ *Дело Императорской археологической комиссии...* Л. 39 об., № 34.

Романович за все время пребывания на острове покормил свою собаку всего два раза, хотя она, надо думать, несла службу по охране хозяина не два дня, а целый месяц. В общем, никаких денег Э.Р. фон Штерну возвращать не пришлось.

У меня почти нет сомнения, что именно этот эпизод был переосмыслен Ю.Г. Виноградовым как конфликт трех археологов с «крысами министерскими». Любопытно, что в «Листе использования» обозначенного архивного дела подпись Юрия Германовича отсутствует, т.е. он знал об этом инциденте понаслышке, вероятнее всего, от Я.В. Доманского, который изучал это дело в 1985 г. — в том же году, когда была написана разбираемая песня. Ю.Г. Виноградов был чрезвычайно дружен с Ярославом Витальевичем, многие годы они работали вместе на раскопках Березани.

Остается выразить признательность Ю.Г. Виноградову не только за его огромный вклад в науку, но и за то, что, благодаря его песням, жизнь в археологических экспедициях нашей страны не только стала ярче и веселее, но и обрела, так сказать, некоторый исторический фундамент.

Литература/References

- Beletskiy, S.V. (ed.) 2000: *Dalekoe proshloe Pushkinogor'ya*. Vyp. 6. *Pesennyi fol'klor arkheologicheskikh ekspeditsiy* [Remote Past of the Pushkinskiye Gory. Issue. 6. Song Folklore of Archaeological Expeditions]. Saint Petersburg.
- Белецкий, С.В. (ред.), *Далекое прошлое Пушкиногорья*. Вып. 6. *Песенный фольклор археологических экспедиций*. СПб. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/basharin7.htm>; дата обращения: 14.08.2021.
- Chistov, D.E. 2020: [Dugouts, huts, houses: notes on early days of Greek urbanization of the Northern Black Sea Coastal Region]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 29, 111–128.
- Чистов, Д.Е. Землянки, хижины, дома: заметки о начальном периоде греческой урбанизации Северного Причерноморья. *Археологические вести* 29, 111–128.
- Fabritsius, I.V. 1951: *Arkheologicheskaya karta Prichernomor'ya Ukrainoy SSR*. Vyp. 1 [Archaeological Map of the Black Sea Region of the Ukrainian SSR. Issue I]. Kiev.
- Фабрициус, И.В. *Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР*. Вып. I. Киев.
- Häusler, A. 1984. Ernst von Stern, Archäologe in Odessa und Halle. Zum 125. Geburtstag. *Ethnographisch—Archäologische Zeitschrift* 25/4, 683–695.
- Häusler, A. 1996: [Ernst von Stern, archaeologist in Odessa and Halle]. In: V.M. Masson (ed.), *Traditsii Rossiyskoy arkheologii. Materialy metodologicheskogo seminaru IIMK RAN* [Traditions of Russian Archeology. Proceedings of the Methodological Seminar of the IIMC RAS]. Saint Petersburg, 54–56.
- Хойслер, А. Эрнст фон Штерн, археолог в Одессе и Халле. В сб.: В.М. Массон (ред.), *Традиции российской археологии. Материалы методологического семинара ИИМК РАН*. (Археологические изыскания, 33). СПб., 54–56.
- Karoshina, S.I. 1956: [From the history of the Greek colonization of the Lower Bug]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Investigations for the Archaeology of USSR] 50, 211–254.
- Капошина, С.И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. *Материалы и исследования по археологии СССР* 50, 211–254.
- Kryzhitskiy, S.D. 1993: *Arkhitectura antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya* [The Architecture of the Ancient States of the Northern Black Sea Region]. Kiev.
- Крыжицкий, С.Д. *Архитектура античных государств Северного Причерноморья*. Киев.
- Kuzmishchev, A.G. 2012a: [Archaeological researches conducted by E.R. Stern: Berezan, Tyras, Petrenoi]. *Arheologija i davnja istorija Ukrai'ny*. Vyp. 9 *Istorija arheologii': doslidnyky ta naukovi centry* [Archeology and Ancient History of Ukraine. Vol. 9. History of Archeology: Researchers and Science Centers], 139–147.
- Кузьмишев, А.Г. Археологические исследования Э.Р. фон Штерна: Березань, Тира, Петрены. *Археологія і давня історія України*. Вип. 9. *Історія археології: дослідники та наукові центри*, 139–147.

- Kuzmishchev, A.G. 2012b: [Berezan in archaeological research of E.R. von Stern]. *Bosporskie issledovaniya* [*Bosporan Studies*] 26, 433–461.
Кузьмищев, А.Г. Березань в археологических исследованиях Э.Р. фон Штерна. *Боспорские исследования* 26, 433–461.
- Kuzmishchev, O.G. 2013: [E.R. von Stern in homeland historiography]. *Arheologija* [*Archaeology*] 4, 121–130.
Кузьмищев, О.Г. Е.Р. фон Штерн у вітчизняній історіографії. *Археологія* 4, 121–130.
- Kuzmishchev, O.G. 2014: [Bosporan research by E.R. von Stern]. *Arheologija* [*Archaeology*] 4, 134–138.
Кузьмищев, О.Г. Боспорські дослідження Е.Р. фон Штерна. *Археологія* 4, 134–138.
- Kuzmishchev, O. 2015: [Ernst Romanovich von Stern's scientific, pedagogical and managerial activity]. *Materialy i doslidzhennya z arkeologii' Prikarpattya i Volyni* [*Materials and Studies on Archaeology of Sub-Carpathian and Volhynian Area*] 19, 46–57.
Кузьмищев, О. Науково-педагогічна та організаційна діяльність Ернста Романовича фон Штерна. *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині* 19, 46–57.
- Lapin, V.V. 1966: *Grcheskaya kolonizatsiya Severnogo Prichernomor'ya* (*Kriticheskiy ocherk otechestvennoy teorii kolonizatsii*) [*Greek Colonization of the Northern Black Sea Region (A Critical Sketch of the National Theory of Colonization)*]. Kiev.
Лапин, В.В. *Греческая колонизация Северного Причерноморья (Критический очерк отечественной теории колонизации)*. Киев.
- Prendel, R.A. 1886: [Archaeological investigations on the Berezan island]. In: *Trudy VI Arkheologicheskogo s'ezda v Odessa (1884 g.)*. T. I [*Proceedings of the 6th Archaeological Congress in Odessa (1884)*]. Vol. I]. Odessa, 216–219.
Прендель, Р.А. Археологические расследования на острове Березани. В сб.: *Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.)*. Т. I. Одесса, 216–219.
- Shcheglov, A.N. 1996: [E.R. Stern in Russia (several amendments and notes to the theses of A. Häusler)]. In: V.M. Masson (ed.), *Traditsii rossiyskoy arkeologii. Materialy metodologicheskogo seminaru IIMK RAN*. [*Traditions of Russian Archeology. Proceedings of the Methodological Seminar of the IIMC RAS*]. Saint Petersburg, 56–57.
Щеглов, А.Н. Э.Р. Штерн в России (несколько поправок и заметок к тезисам А. Хойслера). В сб.: В.М. Массон (ред.), *Традиции российской археологии. Материалы методологического семинара ИИМК РАН*. (Археологические изыскания, 33). СПб., 56–57.
- Solovyov, S.L. 1999: *Ancient Berezan. The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea*. Leiden–Boston–Köln.
- Solov'ev, S.L. 2005a: [History of archaeological researches on Berezan]. In: S.L. Solov'ev (ed.), *Borisfen – Berezan'*. *Arkeologicheskaya kolleksiya Ermitazha*. T. I [*Borysthene – Berezan. The Hermitage Archaeological Collection*]. Vol. I]. Saint Petersburg, 31–40.
Соловьев, С.Л. История археологических исследований на Березани. В сб.: С.Л. Соловьев (ред.), *Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа*. СПб., 31–40.
- Solov'ev, S.L. (ed.) 2005b: *Borisfen – Berezan'. Nachalo antichnoy epokhi v Severnom Prichernomor'e. K 120-letiyu arheologicheskikh raskopok na ostrove Berezan'*. *Katalog vystavki* [*Borysthene – Berezan. The Beginning of the Antique Era in the Northern Black Sea Region. The 120th Anniversary of Archaeological Investigations of the Ancient Settlement on Berezan Island. Catalogue*]. Saint Petersburg.
Соловьев, С.Л. (ред.). *Борисфен – Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань. Каталог выставки*. СПб.
- Stern, E.R. von 1901: [About the newest excavations in Akkerman and on the island of Berezan]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [*Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*] 23, 88–91.
фон Штерн, Э.Р. О новейших раскопках в г. Аккермане и на острове Березани. *Записки Одесского общества истории и древностей* 23, 88–91.
- Stern, E.R. von 1904: [About trial excavations on the Berezan Island]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [*Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*] 25, 97–100.
фон Штерн, Э.Р. О пробных раскопках на острове Березани. *Записки Одесского общества истории и древностей* 25, 97–100.
- Tunkina, I.V. 2002: *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)* [*Russian Science about Classical Time Antiquities of the Southern Russia (the 18th – Middle of the 19th Century)*]. Saint Petersburg.
Тункина, И.В. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.)*. СПб.

-
- Vanchugov, V.P. 1989: [Odessa Society of History and Antiquities at the turn of the 19th-20th centuries and E.R. Stern]. In: *150 let Odesskomu Obshchestvu istorii i drevnostei 1839–1989. Tezisy dokladov yubileynoy konferentsii 27–28 oktyabrya 1989 g.* [150 years of the Odessa Society of History and Antiquities, 1839–1989. Abstracts of the anniversary conference, 27–28 October, 1989]. Odessa, 24–27.
- Ванчугов, В.П. Одесское Общество Истории и Древностей на рубеже XIX–XX вв. и Э.Р. Штерн. В сб.: *150 лет Одесскому Обществу Истории и Древностей 1839–1989. Тезисы докладов юбилейной конференции 27–28 октября 1989 г.* Одесса, 24–27.
- Vdovychenko, Je.V. 2006: [Contribution for the science (to the memory of Georgiy L. Skadovskiy)]. *Arheologija* [Archaeology] 3, 108–110.
- Вдовиченко, Є.В. Меценат науки (пам'яті Георгія Львовича Скадовського). *Археологія* 3, 108–110.
- Vinogradov, Ju.A. 2013: Die Kaiserliche Archäologische Kommission und die Erforschung der klassischen Altertümer im nördlichen Schwarzmeergebiet (1859–1917). *Hyperboreus* 19, 239–272.
- Vinogradov, Yu.A., Musin, A.E. 2009: [The Imperial Archaeological Commission and studies of the ancient city of Olbia]. In: E.N. Nosov, A.E. Musin (eds.), *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917). K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoy arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya* [The Imperial Archaeological Commission (1859–1917). To the 150th anniversary of foundation. At the source of the national archaeology and preservation of the cultural heritage]. Saint Petersburg, 487–521.
- Виноградов, Ю.А., Мусин, А.Е. Императорская археологическая комиссия и исследование древней Ольвии. В сб.: Е.Н. Носов, А.Е. Мусин (ред.), *Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия.* СПб., 487–521.

DOI: 10.31857/S032103910016268-7

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПЕРЕВОД «ШУ ЦЗИНА» АРХИМАНДРИТА ДАНИИЛА (1798–1871)

Л. В. Стеженская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: lstezhenskaya@hse.ru

ORCID: 0000-0002-4011-6783

«Шу цзин» (букв. русский перевод «Канон записей») включает различного рода речи древних правителей и их советников, как предполагается, записанные в конце II – конце I тыс. до н.э., и представляет собой важнейший письменный памятник древнекитайской истории и политической мысли. Знакомство европейцев с «Шу цзином» началось с утраченного ныне латинского перевода XVII в., а наибольшее число переводов было сделано в XVIII–XIX вв. Первым русским переводчиком всего текста «Шу цзина» был архимандрит Даниил (Дмитрий Петрович Сивиллов, 1798–1871). В статье определяется место перевода Д.П. Сивиллова в европейской переводческой традиции «Шу цзина», уточняется датировка перевода, представляются особенности работы переводчика с текстом древнекитайского оригинала. С публикацией рукописи перевода о. Даниила и с учетом сделанного ранее и уже опубликованного незаконченного архивного перевода о. Иакинфа (Н.Я. Бичурин, 1777–1853) можно будет говорить о русской православной версии перевода «Шу цзина» в сопоставлении с французской иезуитской и английской протестантской версиями. К статье прилагается ранее не публиковавшийся перевод о. Даниила главы 55–26 из «Шу цзина».

Ключевые слова: Д.П. Сивиллов, архимандрит Даниил, Китай, «Шу цзин», «Шан шу»

Данные об авторе. Лидия Владимировна Стеженская – кандидат филологических наук, доцент ИКВИА НИУ ВШЭ.

Часть исследования проведена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-012-00026).

UNKNOWN PAGES OF ANCIENT CHINESE HISTORIOGRAPHY:
SHU JING TRANSLATION
 BY ARCHIMANDRITE DANIIL (1798–1871)

Lidiya V. Stezhenskaya

HSE University, Moscow, Russia

E-mail: lstezhenskaya@hse.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-012-00026

Shu jing or *The Book of Historical Documents* which includes various orations of the ancient Chinese rulers and their advisers, presumably recorded at the end of the second – end of the first millennium BC, is the most important written monument of ancient Chinese history and political thought. The first Latin translation of the book (not extant now) appeared in the seventeenth century, and the majority of translations were produced in the eighteenth and nineteenth centuries. Archimandrite Daniil (Dmitriy Petrovich Sivillov, 1798–1871) was the first Russian translator of the complete text of *Shu jing*. The article discusses the place of Sivillov's translation in the European *Shu jing* translating tradition, clarifies its date, and presents some features of the translator's method. A publication of Fr. Daniil's translation manuscript along with the already published unfinished manuscript translation by Fr. Hyacinth (N.Ya. Bichurin, 1777–1853) would establish the place of the Russian Orthodox version of the *Shu jing* translation alongside the French Jesuit and English Protestant translations. A previously unpublished Fr. Daniil's Russian translation of Chapter 55–26 of *Shu jing* is included into the article.

Keywords: D.P. Sivillov (1798–1871), Archimandrite Daniil, China, *The Book of Documents*, *Shu jing*, *Shang shu*

Среди письменных исторических источников древнего Китая «Шу цзин» занимает исключительное место. Достаточно сказать, что некоторые главы этой книги датируются XI в. до н.э., а если говорить в целом, то считающиеся подлинными тексты из ее состава были записаны не позднее первой половины II в. до н.э.¹ Сохранность данной книги и возможность ее чтения в наши дни определяются ее канонизацией во II в. до н.э. в рамках учения конфуцианства, которое оставалось официальной доктриной китайского государства до начала XX в. Содержание «Шу цзина» покрывает значительный период древней истории Китая от мифических времен в традиционной китайской датировке ранее 2300 г. до н.э. до вполне исторически подтвержденной реальности 627 г. до н.э. Слово «цзин» в названии книги обозначает ее каноничность. Тексты или главы этой книги представляют собой «записи» (*шу*) речей различных исторических персонажей. Преимущественно в своих заглавиях они обозначаются как «повеления» (*мин*), «обращения» (*гао*), «клятвы» (*ши*), «установления» (*дянь*) правителей либо как «советы» (*мо*) или «наставления» (*сюнь*) государственных мужей правителю. Даже если в названии главы нет таких слов, ее содержание все

¹ Mayorov 2014, 766–769; Nylan 2001, 135.

равно можно отнести к одному из перечисленных жанров. Лишь в нескольких главах заметно преобладание повествовательности (нарративности в узком, первоначальном смысле) — описаний местностей или событий.

Важность «Шу цзина» как самого раннего документального свидетельства о древней истории Китая и в то же время своего рода прецедентного основания конфуцианской политической доктрины довольно рано обеспечили этой книге пристальное внимание сначала традиционной китайской, потом и иностранной миссионерской и, наконец, уже и современной научной историографии в Китае и за рубежом. Вместе с тем другая сторона этой древности: во многом архаический язык и неоднократное переписывание текстов этой книги, в том числе и в исторически сменявших друг друга системах иероглифического письма, — весьма затрудняла адекватное понимание ее содержания не только для иностранцев, но и для самих китайцев.

Текст этого памятника изобилует так называемыми темными местами. Это касается и наиболее сложных для понимания глав «новых писем» (*цзиньь вэнь*), которые считаются подлинными и восходят к записанным с голоса по памяти текстам II в. до н.э. Но имеются они и в главах более понятных так называемых древних писем (*гу вэнь*), тексты которых были обнаружены в начале IV в. н.э. и которые в наше время преимущественно считаются подделкой. Некоторая часть «темных мест» объясняется просто — ошибки появились в результате многократного переписывания текста. Но эта часть небольшая, так как благодаря ранней канонизации текст оставался достаточно стабильным. При переписывании не только делались новые ошибки, но и исправлялись предыдущие. По-настоящему «темные места» имеют все же другое происхождение. Современная китайская письменность — результат длительной исторической эволюции. «Темные места» «Шу цзина» в значительной степени определяются особенностями иероглифической письменности раннего периода, когда первоначально были записаны тексты этого памятника, т.е. до и сразу после конфуцианской канонизации «Шу цзина». К ним можно отнести так называемое фонетическое письмо, которое дало фонетические замены, когда один и тот же иероглиф использовался для записи омонимов или близких по звучанию слов с различными значениями. Это также слабая первоначальная стандартизация написания иероглифа, наличие его так называемых разнописей. Первоначальное отсутствие, а затем нестабильность смысловых элементов (детерминативов) в составе фонетических иероглифов, которые составляют подавляющее большинство современных китайских иероглифов. Смена писчего материала и писчих принадлежностей и, как следствие, смена писарских почерков, при которой значительно изменился внешний вид, а нередко и состав иероглифа. Все это позднее могло привести к ошибкам в узнавании иероглифа и его последующей записи. Понятно, что конкретное прочтение некоторых мест «Шу цзина» — это результат позднейшей комментаторской трактовки. Комментарии же могли разниться в трактовке текста канона. Обычно один из комментариев, выполненный под эгидой государства, как и текст самого канона, тоже канонизировался, его трактовки применялись в системе государственных экзаменов, которые использовались для формирования чиновничьего корпуса китайских империй.

За пределами Китая переводы «Шу цзина» на иностранные языки в силу их трудности всегда немного запаздывали по сравнению с переводами другой конфуцианской классики и были сравнительно малочисленны. В то же время в мировой синологии «Шу цзин» постоянно удерживал внимание к себе, что определяло периодическое появление новых переводов. В последнее время это внимание только возрастает в связи с появлением новых археологических находок в Китае.

Самый первый перевод или пересказ «Шу цзина» на иностранный язык, в этом случае – латинский, был сделан в Китае еще в 1626 г. иезуитским миссионером родом из нынешней Бельгии Никола Триго (1577–1628). Этот перевод давно пропал и никак не отметился в историографии². В 30-х годах XVIII в. на французский язык «Шу цзин» перевел Антуан Гобиль (1689–1759), но книга была издана во Франции только в 1770 г.³ По поручению Гобилья около 1755 г. закончил свой латинский перевод другой иезуитский миссионер-француз – Мишель Бенуа (1715–1774). Этот перевод не издавался. Перевод предназначался для России и был сразу выслан Гобилем из Пекина президенту Петербургской академии наук графу К. Г. Разумовскому (1728–1803)⁴. К началу XIX в. этот список рукописи перевода каким-то образом оказался в Европе и позднее, уже в 20-х годах XX в., осел в Библиотеке Конгресса США⁵. Архимандрит Даниил в 1831 г. привез с собой из Китая другой сохранившийся список⁶. Ныне он хранится в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета. С переводами Гобилья и Бенуа Д. Сивиллов мог познакомиться в Китае или после возвращения в Россию. Русский архивный черновой рукописный перевод 1822 г., в то время еще архимандрита, а позднее разжалованного в простые монахи и сосланного Иакинфа (Никита Яковлевич Бичурин, 1777–1853), по понятным причинам долгое время оставался никому неизвестным. Он был подготовлен к печати и издан только в 2014 г.⁷ Бичурин свой перевод не закончил, из 58 глав оригинала без перевода остались большая часть главы 46 и все последующие 12 глав. Таковы были предшественники архимандрита Даниила.

Не позднее начала 40-х годов XIX в. к переводу «Шу цзина» приступил архимандрит Даниил. С 1837 по 1844 г. он возглавлял кафедру китайской словесности в Казанском университете и использовал перевод в своих учебных курсах. Примерно в одно время с ним над английским переводом работал в Китае миссионер-конгрегационалист Уолтер Генри Медхёрст (1796–1857). Перевод был издан в Шанхае в 1846 г.⁸ До сих пор востребованные и поэтому своего рода классические переводы на английский язык шотландского конгрегационалиста из Лондонского миссионерского общества Джеймса Легга (1815–1897)

² Ma Zhou 2018, 2–3.

³ Gaubil 1770.

⁴ Majorow 2019, 8.

⁵ Benoist 1755.

⁶ *Antiquissimi sinarum annales sive liber classicus Chang-chou vel vulgatius Chou-king*. Отдел рукописей и редких книг библиотеки Казанского федерального университета, № 4563.

⁷ Bichurin 2014.

⁸ Medhurst 1846.

и на французский язык (с приложением параллельного латинского перевода) миссионера-иезуита Серафина Куврёра (1835–1919) были изданы соответственно в 1865 и 1897 гг.⁹ В начале XX в. У. Олд (1864–1929) опубликовал свою теософскую переделку¹⁰ английского перевода Медхёрста, которая в силу своего низкого уровня не вошла и не могла войти в научный оборот. В середине прошлого века английский перевод традиционно считающихся аутентичными глав так называемых современных писем опубликовал шведский синолог Бернхард Карлгрэн (1889–1978)¹¹. В этой работе переводчик использовал результаты собственных исследований по истории древнекитайского языка. Перевод пользуется заслуженным авторитетом среди историков и часто цитируется в указанной части текстов «Шу цзина». В нашем веке пока единственным новым полным переводом остается русский научный перевод В.М. Майорова, увидевший свет в 2014 г.¹²

Учет архивных работ даже такой значительной фигуры бичуринского периода русского китаеведения, как начальник 9-й духовной миссии в Пекине, о. Иакинфа показывает, насколько богаче и разнообразнее была его научная деятельность, чем представляется при взгляде на его печатные труды; и это при том, что о. Иакинфу удалось издать невиданное количество работ для русского китаеведения того времени¹³. Другой видный синолог – архимандрит Петр (Павел Иванович Каменский, 1765–1845), участник 8-й и начальник 10-й миссий, который раньше Н.Я. Бичурина, еще в 1819 г., был избран членом-корреспондентом Академии наук, стал участником различных российских и заграничных ученых обществ и смог выпустить в свет совсем мало работ, хотя и воспитал пусть немногих, но оставивших заметный след в китаеведении учеников, ставших наставниками следующего поколения китаеведов – ученых и практиков. В архивах мы обнаруживаем многочисленные труды П.И. Каменского, нередко опережавшие по тематике и глубине исследования его западных коллег, но до недавнего времени не привлекавшие внимания историков¹⁴.

Судьбу своих современников – российских китаеведов разделил и архимандрит Даниил (Дмитрий Петрович Сивиллов, 1798–1871). Он первым в российском китаеведении полностью перевел книгу «Шу цзин». Хранящаяся в Архиве внешней политики Российской империи чистовая писарская рукопись датируется 1855 г.¹⁵, но очевидно, что перевод был выполнен еще в начале 1840-х годов. Таким образом, архимандрит Даниил стал первым русским и одним из ранних европейских переводчиков всего текста этого древнекитайского памятника. Появление его перевода совпало с важным этапом в истории науки о Китае: сначала во Франции в 1814 г., а потом в России в 1837 г. были учреждены первые в Европе

⁹ Legge 1865 (переизд. Legge 1991); Couvreur 1897 (переизд. Couvreur 1950).

¹⁰ Old 1904.

¹¹ Karlgren 1950.

¹² Mayorov 2014.

¹³ Mayorov, Stezhenskaya 2015, 6–7.

¹⁴ Chegodaev 2011; Datsyshen 2013.

¹⁵ *Шу-цзин, или Летопись. Одна из канонических книг*. Перевод с китайского [архимандрита Даниила]. 1855 г. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 152. Оп. 505. Д. 89.

университетские кафедры китайского языка. Роль Д. П. Сивиллова, первого заведующего подобной кафедрой в Казанском университете, в организации преподавания китайского языка в целом достаточно известна. Он же был первым, кто начал читать университетский курс истории Китая, который полностью охватывал древнейший период китайской истории. Подготовленные в качестве материала для чтения этого курса переводы «Шу цзина» и других исторических источников дают основание считать его если не основателем, то зачинателем преподавания этой академической дисциплины в России.

Рукописные версии «Шу цзина», в которых наиболее легко копились ошибки и описки переписчиков, начиная с первой половины X в. постепенно заменились в Китае печатными ксилографическими изданиями, которые хотя и не могли полностью избежать ошибок, несравненно точнее, чем рукописи, воспроизводили исходный текст.

Все западные переводы «Шу цзина», включая перевод Сивиллова, выполнялись по одному и тому же изданию оригинала, впервые отпечатанному в 1680 г. и получившему название ««Канон записей» с объяснениями и комментариями для ежедневных занятий» («Жи цзян шу цзин цзе и», *Ri jiang Shujing jieyi*, 日講書經解義. 庫勒納解義). Гобиль, Бенуа и Бичурин в разных пропорциях, но опирались в работе не только на китайский оригинал, но и на его маньчжурский извод: оба языка признавались в Цинской империи (1644–1911). Сивиллов, насколько можно судить по его переводу, пользовался только китайской версией, вполне официальной, но не предназначавшейся для экзаменационной системы. Сопровождавшие его комментарии представляли собой переработку материалов, которые наставники будущего императора Канси (1654–1722, император в 1661–1722 гг.) использовали, преподавая ему конфуцианский канон. Соответственно, комментарий этот был лишен всякой полемичности, он как бы отражал обычную точку зрения китайцев на свою древнюю историю.

Структура перевода архимандрита Даниила наводит на мысль о его учебном предназначении. Число примечаний и пояснений сведено к необходимому минимуму, зато Сивиллов впервые разбил тексты глав на значимые периоды и предпослал им краткие вступительные заметки. По содержанию они в принципе согласуются с китайским комментарием, который следует за соответствующим фрагментом канонического текста, но являются как бы смысловой выжимкой данного комментария, иногда с добавлением от самого переводчика.

Так же поступил и Дж. Легг, автор самого известного, английского 1865 г. перевода «Шу цзина», но вводные замечания к разделам были полностью заимствованы переводчиком из учебного китайского издания Цзоу Шэнмо (1692–1762)¹⁶.

Несмотря на непростой древний язык оригинала, Сивиллову удалось вполне адекватно передать его содержание, т.е. засвидетельствовать достаточно высокий уровень владения китайским языком. Сложность перехода в то время от маньчжурского языка к китайскому как основному языку отечественного китаеведения была отмечена Петром Каменским¹⁷. Это было обусловлено сменой языковой

¹⁶ Mayorov 2014, 1031.

¹⁷ Mozharovskiy 1896, 595.

среды в Пекине – постепенной утратой маньчжурами своего родного языка и их переходом на китайский язык. Трудность, которую вполне понимал Сивиллов, усугублялась еще и различием «правил и оборотов ... вообще всего состава речи» «ученого или книжного языка» и «простого, общенародного наречия». С учетом этого различия была построена его система преподавания китайского языка в Канзанском университете¹⁸.

Выбрав «“Канон записей” с объяснениями и комментариями для ежедневных занятий» как базовый текст для перевода, Сивиллов тем самым выбрал и определенную трактовку «Шу цзина». Заметим, что эти объяснения были также написаны не на современном разговорном (байхуа), а на письменном классическом языке (вэньянь), хотя и стандартном, и не таком древнем, как сам текст канона. Д.П. Сивиллов в целом следовал объяснениям китайских комментаторов. Однако если китайский комментарий с его точки зрения не был логически оправдан, Сивиллов мог дать и свой оригинальный вариант перевода.

Отклонения от догматического комментария, по-видимому, были продиктованы общим подходом Сивиллова к нормам китайского языка. Он считал, что в китайском языке «грамматика заключается не в одних правилах, собственно к ней одной относящихся, но в ней заключены многие и такие правила, которые у нас должны быть отнесены к составным частям риторики или к первым началам логики». Не случайно он настаивал, чтобы при обучении китайскому языку «особенно в ученом его отношении», т.е. при обучении письменному языку, учащимся непременно давались «некоторые сведения в правилах риторики и логики». Кроме того, Сивиллов учитывал историческую изменчивость в написании иероглифов и самом значении письменных знаков¹⁹.

Посмотрим, как теоретические воззрения Сивиллова претворились на практике. Показателен пример перевода одного из «темных мест» в главе 28–0 «Великая клятва. Часть 2». Здесь буквально говорится о том, что народ испуган так, будто «валятся (бэн) его (цзюэ) рога (цзяо)» (*Ri jiang*, цз. 6, 15а). Так же эти слова толкуются в китайском комментарии группы редакторов под руководством главного редактора – маньчжура Кулэны (*маньчж.* Курене), но в более стандартной вэньяневской записи – бэнцуй (рушатся) ци (его) тоуцзяо (рога на голове). Лапидарный текст главы не дает возможности понять, о каких рогах у народа идет речь. Предшественники Д.П. Сивиллова, очевидно, посмотрели и маньчжурский перевод. Здесь говорится: «Учжу шэнгинь мэйчжэхэ гэсэ омби», т.е. «будто разбили лоб» (*Yuzhi fanyi Shujing*, 185/297). Поэтому в своем французском переводе Гобиль говорит о «голове» (*tête*)²⁰ и не грешит против китайского текста – французское *tête* имеет также значение «рога». Н.Я. Бичурин говорит об испуганном народе, который «в непрерывном ужасе, как будто ударился *челом* обо что»²¹. Латинский перевод Бенау (1755 г.) в лексическом отношении ближе к китайскому,

¹⁸ Архимандрит Даниил. *Конспект для преподавания китайского языка*. П. 8. В: Khokhlov 2014, 507.

¹⁹ Архимандрит Даниил. *Конспект...* (Khokhlov 2014, 504–505, 507).

²⁰ Gaubil 1770, 154.

²¹ Bichurin 2014, 104, 359 (л. 32, низ).

а не к маньчжурскому тексту, он говорит об ударе именно *рогами* (cornibus) и предлагает собственное объяснение. Это якобы метафора, подразумевающая нападение ослепленного (яростью?) рогатого животного, которое в результате само себе наносит рану²². Преемники Сивиллова по переводам «Шу цзина» в XIX в. также говорили о «рогах» трепещущего народа²³.

Д.П. Сивиллов смог отвлечься от прямых значений иероглифов в этой фразе и дал, кажется, неожиданный перевод «[подданные] ...бегут стремглав повсюду»²⁴. Однако при ближайшем рассмотрении этот перевод оказывается вполне обоснованным лексически, а потому и приемлем логически. В глаголе *бэн* ('валиться, падать') он увидел фонетическую замену для *пэн* ('рассеиваться, рассыпаться'), а для *цзяо* ('рог') он взял не самое частое, словарное, значение, а его переносное значение в китайском языке — 'угол'. В этом случае на выбор Сивиллова могло повлиять и то, что сходное значение места у слова «рог» («выступающий угол») имеется и в русском языке²⁵.

Учебные цели перевода о. Даниила проще всего связать с его академическим нововведением — чтением курса древней истории Китая в Казанском университете. Оставив в 1844 г. заведование кафедрой китайского языка в этом университете, Сивиллов по его собственной просьбе продолжил церковное служение в Иркутской епархии в качестве миссионера среди местных бурят и староверов. Его церковная карьера складывалась довольно успешно, но в 1855 г. произошел перелом. За какие-то проступки, как предполагает его биограф архимандрит Григорий (Иван Иванович Воинов, урожд. Борзецовский, 1832—1896), а может, по болезни, о которой Воинов тоже упоминает, архимандрит Даниил был отстранен от должности благочинного над церквями в Верхнеудинском округе²⁶. Последнее обстоятельство проливает свет на датировку перевода. Предисловие Сивиллова помечено 23 сентября (5 октября) 1855 г. Это датировка чистовой рукописи, которую вместе с другими переводами Сивиллов отослал в Петербург в Азиатский департамент Министерства иностранных дел²⁷. В это же время он жертвует свои книги в библиотеку Иркутской семинарии. Воинов предполагает, что дар преследовал цель «загладить свою вину»²⁸. Но если на эти действия посмотреть с другой стороны, можно предположить, что о. Даниил не видел для себя возможности

²² Benoist 1755, 162.

²³ Данные о переводах «Шу цзина» см. в сводной таблице в Mayorov 2014, 1055—1063. В 1904 г. У. Олд без всяких объяснений перевел это выражение как «branches were lopped» (ветви обрублены). См. Old 1904, 145. Не дал объяснения и В.М. Майоров, когда оставил без комментария свой перевод: «[Все] сто родов трепещут в страхе, как [их кто] подкосил, поклоны отбивают до земли» (Mayorov 2014, 258).

²⁴ *Шу-цзин, или Летопись*. Архив внешней политики Российской империи Ф. 152. Оп. 505. Д. 89. Л. 97 (171).

²⁵ Даль, В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. СПб.— М., 1863—1866 (URL: <https://dal.slovaronline.com/36915-ROG>; дата обращения: 31.07.2021).

²⁶ Voinov 1893, 11—13.

²⁷ Skachkov 1977, 195.

²⁸ Voinov 1893, 13.

продолжать работу над переводами. Точно так же поступил, например, Бичурин, когда почувствовал приближение кончины²⁹.

Говоря об отсылаемых в Азиатский департамент материалах, Д.П. Сивиллов сообщает: «Из них некоторые мною уже и переведены, в числе коих и сия так называемая Древняя летопись»³⁰. О переводах «Шу цзина» и другой китайской классики говорится в письме о. Даниила попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину (6 апреля 1844 г.)³¹.

Через год встал вопрос об издании переводов. Рецензию на них написал премьерник Д.П. Сивиллова по кафедре, теперь уже маньчжурского языка, О.П. Войцеховский (1793–1850). Она датируется 14 апреля 1845 г. Под вторым номером в ней указывается «Шу цзин» («летопись»)³². Как отмечал исследователь переводческой деятельности Сивиллова А.Н. Хохлов (1929–2015), несмотря на положительную рецензию, переводы не были рекомендованы к печати, по-видимому, из-за «отсутствия денежных средств у Казанского университета»³³.

Сохранился, хотя и не полностью, более ранний список перевода Сивиллова. В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде К.А. Скачкова в тетради перевода конфуцианского «Четверокнижия» («Сы шу») о. Даниила вpletены листы 72 и 73 с переводом содержания «Шу цзина», а далее еще 18 листов (л. 352–369) уже непосредственно с переводами текста этой книги. Данный картон имеет архивную датировку 1840–1842 гг.³⁴ Известно также, что тексты «Шу цзина» использовались Сивилловым в качестве учебных материалов на занятиях по китайскому языку³⁵. Уезжая в 1844 г. из Казани в Забайкалье, Сивиллов подает просьбу университетскому начальству взять с собой на время несколько нужных ему книг, над переводом которых он планирует продолжить работу, с тем чтобы потом прислать их обратно в университет. Оригинала «Шу цзина» среди запрашиваемых книг в заявлении нет³⁶. Значит, продолжение работы над его переводом скорее всего не планировалось.

Упомянувшийся выше один из последних переводчиков «Шу цзина» Б. Карлгрен, говоря о месте своей работы в европейской традиции переводов этого памятника, замечал: «То, что мой перевод настолько сильно отличается от переводов Легга и Куврера, всего лишь подчеркивает тот факт, что “Шан шу” («Чтимая книга», другое китайское название «Шу цзина». — Л. С.) с ее лапидарным стилем и архаическим языком допускает целый ряд во многом различных толкований. Таким образом, каждый новый перевод неизбежно будет не более чем новой попыткой толкования»³⁷. Издание и таким образом включение в исторический ряд

²⁹ Bichurin 2014, 491, 547.

³⁰ Stezhenskaya 2017, 229; *Шу-цзин, или Летопись*. Архив внешней политики Российской империи Ф. 152. Оп. 505. Д. 89. Л. 7 об. (12).

³¹ Khokhlov 2014, 502.

³² Khokhlov 2014, 499.

³³ Khokhlov 2014, 500, 511, прим. 24.

³⁴ ОР РГБ. Ф. 273. Скачков, Константин Андрианович (1821–1883). Картон 20. Л. 54.

³⁵ Skachkov 1977, 194.

³⁶ Khokhlov 2014, 502.

³⁷ Karlgren 1950, 1.

европейских переводов XIX в. подготовленного нами труда архимандрита Даниила, как мы надеемся, сможет представить еще одно толкование и еще один взгляд на «Шу цзин». В дополнение к известным переводам французских миссионеров-иезуитов и английских миссионеров-протестантов сама эта традиция обогатится новой областью сравнительных исследований – переводами русских православных священников.

Ниже приводится перевод архимандрита Даниила главы XXIX из раздела «Чжоуские писания» («Чжоу шу»), включающего записи, формально относящиеся ко времени правления династии Чжоу (1045–221 гг. до н.э.). В общепринятой сквозной нумерации это глава 55–26. Она считается подлинной в обеих версиях текста «Шу цзина»: в версии «древних писем», которая признает все главы подлинными, она имеет номер 55, а в версии «новых писем» – номер 26. Текст публикуется впервые. Он дается в современной орфографии. Исправлены очевидные описки, пунктуация приведена в соответствие с современными правилами. Эти изменения специально не оговариваются. Заголовки параграфов и примечания о Даниила, как они расположены в рукописи, даны курсивом. Наши собственные краткие примечания даются в сносках внизу страницы. Нумерация рукописи приводится в угловых скобках, внутри которых первое число указывает на архивный номер листа, а второе число в круглых скобках – на номер страницы собственной пагинации о. Даниила. Сокращения слов раскрываются нами в квадратных скобках.

< л. 265(509)>

Глава XXIX

Правила о наказаниях, обнародованные князем Люй³⁸ (Люй-син)

Примеч. Чжоуский В[еликий] князь Му-ван³⁹, определив князя Люй министром уголовных дел, дает ему повеление составить уложение о наказаниях за преступления и обнародовать оное по всей империи. Летописец, излагая мысли, из сего повеления почерпнутые, избрал самый предмет или то лицо, к которому относилось царское повеление, в наименование следующей главы.

Причина сочинения уложения о наказаниях

1. В то время, как объявлено было повеление князю Люй, В[еликий] князь Му-ван царствовал, будучи уже ста лет от роду. Несмотря на столь глубокую старость и притупление памяти, последовавшее от изне- <л. 265 об. (510)>можения сил телесных, он еще бодрствовал умом, определив сочинить правила о наказаниях, нужные для управления всеми частями империи.

Происхождение крамол и грабежей

2. В[еликий] князь говорит, сказал князь Люй, объявляя повеление Му-вана: «Мне известно из наставлений древних, что в царствование государя Хуан-ди⁴⁰, один из владетельных князей Чи-ю⁴¹ первый поднял мятеж, который простер свое влияние и на миролюбивый народ. От тех пор появились разбойники и грабители, которые, как стаи хищных птиц, насилие и непотребства, тайно и явно чинимые, стали считать делом правым, производя повсюду грабежи и хищения, обманы и убийства».

³⁸ Некий Люйский князь, Люй-хоу. Сведений о пожалованном ему владении нет.

³⁹ Чжоуский Му-ван (976–922 или 1001–947 гг. до н.э.), пятый ван (правитель) династии Чжоу.

⁴⁰ Хуан-ди, легендарный Желтый император (Хуан-ди, традиционно ок. 2700–2600 до н.э.), мифический первопредок китайцев.

⁴¹ Чи-ю, мифический персонаж, один из вассалов Желтого императора.

Князь Сань-мяо⁴² первый изобретатель жестоких казней

3. «Владетельный князь Мяо-минь (иначе <л. 266 (511)> Сань-мяо), не был в состоянии удержать народ добром от злодеяний, постановил казнить злодеев. Определив пять разрядов казней самых бесчеловечных, он назвал их правилами и предавал смерти невинных; по нему он первым почитается виновником, который превзошел меру в наказаниях, постановивши у иных обрезать нос и уши, других скопить или клеймить. Таким образом, кто бы ни повергался наказанию, для всякого полагали приговор на основании одних и тех же правил о наказаниях, не принимая в уважение никаких оправданий».

Развращение нравов Мяоского народа и жестокость казней, им претерпеваемых

4. В то время жители Мяоские начали друг от друга заражаться злом, приводить все в смятение и беспорядок; ни <л. 266 об. (512)> в ком нельзя было найти верности, всякий клялся в своей честности и в то же время нарушал свою клятву; безмерная строгость законов и бесчеловечие предавали всех на заклятие без пощады. Повсюду слышны были вопли, простираемые к Небу, о защите невинных. Всевышний царь проник взором своим на народ, но не нашел в нем никакой добродетели, которая бы услаждала его благоуханием, а обонял один смердящий смрад, исходящий от жертв, павших под секирою палачей» (#*Сие место походит на состояние нравов <л. 267 (513)> людей, живших при Ное до потопа*).

Государь Шунь⁴³ наказывает Мяо, как и их князя, за преступления и жестокости

5. «Царь Шунь, сострадав о множестве жертв невинных, павших от меча казнителей, отмстил бесчеловечному тирану строгостию верховной власти, истребив жителей княжества Мяо, так что от сего народа не оста-<л. 267 (513)>лось никого, кто бы мог продолжать род свой».

Шунь истребляет суеверие в народе

6. «Притом он велел Чжуну⁴⁴, потомку государя Шао-хао⁴⁵, и Люю⁴⁶, потомку Гао-яна⁴⁷, прервать сообщение между небом и землею, то есть прекратить толки чародеев, уверявших народ, что духи снисходят с неба и приходят на землю, и что счастье и несчастье состоит в их власти. В то время владетельные князья, равно как и их подчиненные чиновники, принявши добрый смысл, обратились все к содействию пользам общежития, даже одинокие старцы и вдовы, не имеющие крова, и те не лишены были нужной помощи».

<л. 267 об. (514)>

Шунь вводит порядок в княжестве Мяо и во всей империи

7. «Царь Шунь со всею простотою души выводывал тогда от подданных о преступных действиях князя Сань-мяо, на которого приносили жалобы даже безродные вдовцы и престарелые вдовы. Он одною важностию своего лица приводил в страх злодеев, одним умом вразумлял совратившихся с пути истины. Сверх сего он велел еще трем

⁴² Саньмяо, или Мяо – мифическое мятежное племя, досаждавшее древним китайцам своими набегами.

⁴³ Шунь, легендарный правитель Китая, один из мифических первопредков китайцев.

⁴⁴ Чжун, или Чун, древний мифический персонаж. Родственная связь именно этого Чжуна/Чуна с Шао-хао в традиционной китайской хронологии допускается, но не утверждается.

⁴⁵ Шао-хао, один из мифических древнейших правителей Китая, иногда считается сыном Желтого императора.

⁴⁶ Луй, точнее – Ли, мифический персонаж, который вместе с Чжуном/Чуном отделил небо от земли.

⁴⁷ Гао-ян, мифический правитель Китая, традиционно считается внуком Желтого императора.

своим министрам взять попечение о благоустройстве народа, поручив Бо-и⁴⁸ составить обряды и правила приличия, дабы чрез это прекратить казни в народе; Юйю⁴⁹ — привести в устройство состояние вод и суши и поставить для каждой области главной гранью одну какую-нибудь из именных гор или рек; министру Цзи⁵⁰ — сочи-〈л. 268 (515)〉-нить правила для посева хлеба, употребления земли и возвращения полезных полевых произведений. Таким образом сии три министра оказали услуги отечеству доставлением народу изобилия. Судье уголовных дел Гао-яо⁵¹ он также велел постановить для подданных всех фамилий точные меры наказаний и научать их обращать должное внимание на свои совершенства, какими каждого наделяла природа».

Шунь при постановлении правил для наказаний требует от своих судей беспристрастия в их определениях

8. «Таким образом дальновидность с царского престола, благоразумие из судилищ министров опытных пролили свет свой на все части империи, что, впрочем, произошло не без усильных трудов со стороны государя и его помощников. Несмотря на сие, он (Шунь) 〈л. 268 об. (516)〉 еще велел в большую привести ясность меры наказаний и, следуя распределению оных, управлять народом, способствуя ему тем к усовершенствованию внутренних естественных его расположений. Так как многие из судей приводят в исполнение законы сии не по лицепритию, но по расчетам корыстолюбия, посему он внушал, чтобы судьи особенно были внимательны и осмотрительны к самим себе, отнюдь не позволяя себе самопроизвольно выбирать мнения ради своей пользы, ибо, будучи уполномочены силою свыше, они сами становятся главными орудиями жизни и смерти — сей великой участи человечества; следственно, сею властью, какую они пользуются на земле, равняются верховной власти Неба».

〈л. 269 (517)〉

Увещание главных вождей народных к внимательному употреблению мер строгости

9. Великий князь говорит, продолжал Люй: «Увы! Князья уделов и судии, которым вверено главное управление во всех частях империи, не вы ли представляете в себе вождей народных, которым Небо даровало власть и силу творить суд и правду в народе? Теперь на кого вы должны обращать ваши взоры? Не на того ли Бо-и, который, издав некогда правила о наказаниях, руководствовался ими в удержании народа в порядке? Кого вы теперь должны укрощать? Не тех ли самых мяоских жителей, которые нимало не входили в исследование тяжёбных дел, не избирали на службу лучших людей, которые бы способны были наблюдать за точным исполнением нака-〈л. 269 об. (518)〉заний, заключающихся в пяти разрядах? Напротив того, многие из судей их то из лицепрития пристрастия к знатным, то по алчности к корысти, которая живет хищением достояния богатых, распоряжались пятью разрядами наказаний так, что только превращали порядок дел к угнетению невинных. Всевышний царь неба не дал им средств к очищению их преступлений, но наслал казнь на царство Мяо. Таким образом, народ Мяоский, не получив оправдания, могущего избавить его от наказания, был искоренен со всем своим потомством».

⁴⁸ Один из помощников Шуня, мифический персонаж.

⁴⁹ Юй, Великий Юй, один из помощников Шуня, мифологический усмиритель потопа и основатель легендарной первой китайской династии Ся, традиционно датируемой 2205–1766 гг. до н.э.

⁵⁰ Цзи, или Хоу Цзи, один из помощников Шуня. Мифический культурный герой, научивший людей земледелию.

⁵¹ Гао Яо, один из помощников Шуня, древний мифический персонаж, справедливый судья.

Му-ван обращается с увещанием к лицам родственным В[елико]княжескому дому, дабы они также были осторожны в употреблении казней, как и прочие

10. В[еликий] князь со вздохом сказал, (продолжал <л. 270 (519)> Люй): «Ах! Как твердо нужно содержать в мыслях все то, что досель мною было сказано! Особенно вы, связанные со мною родством, старшие и младшие дяди, старшие и младшие братья, юные дети и внуки, должны внимать моим словам прилежно, в которых я сообщаю вам мою волю и в которых, как я думаю, заключается глубокий смысл. Теперь вы должны поставлять единственное свое утешение в ежедневной тщательности. В таком случае вы, может быть, избежите того, чтоб в последствии времени не брать мер осторожности против нетщательности. Небу благоугодно приводить в порядок народ, впадающий в преступления, посредством строгости правосудия. Оно облекло меня властью совершать казнь над преступниками в один определённый день (#: *Это совершается во время зимнего поворота*). Но здесь потребна <л. 270 об. (520)> большая осмотрительность, ибо между ними есть некоторые, коих вины, по видимости довольно важные, но заслуживают прощенья; как напротив того, вины других, хотя и не слишком значительные, но достойны наказания. Сила в том, что не всегда надобно смотреть на великость преступления, но и на намерение преступников. Посему вы должны со всякою внимательностью исполнять волю Неба и повиноваться мне одному. Пусть по моему мнению следовало бы наказать того или другого, но если по вашему рассуждению он того не заслуживал бы, вы не должны его наказывать. Или пускай я приговаривал бы того или другого к пощаждению; но если вы не находите его достойным того, то вы не должны шадить его жизни. Ваше дело обращать все внимание на <л. 271 (521)> пять разрядов наказаний, дабы во всей точности совершить три добродетели, необходимые для судьи: правоту, твердость и снисхождение. Если и один человек, положим, я, будет иметь благополучие, то бесчисленное множество народа может находить в нем безопасное для себя прибежище и вечно жить в мире.

Му-ван предлагает увещания к осторожности при наказаниях разным князьям и владельцам

11. Ах! Воскликнул в[еликий] князь, приблизьтесь ко мне князья уделов и владельцы земель. Вам я предлагаю — приводите в ясность дела, касающиеся до наказаний. Теперь возложена на вас обязанность успокаивать подданных всех фамилий. Кого вы должны избирать на службу, как не людей способных? <л. 271 об. (522)> И на что более всего вы должны обращать ваше внимание, как не на правила наказаний? О чем вы с такою тщательностью должны рассуждать, как не о преступлениях виновных, умножающихся у вас беспрестанно?

Правила, которые Му-ван предлагает в руководство судьям при решении дел преступников

12. Положим, что двое тяжущихся явились бы к вам в суд. Тогда они должны представить вам свое дело с подробным объяснением всех главнейших обстоятельств. Потом судьи должны выслушать пять видов улик, представленных на пять разрядов наказаний. По открытии самой сущности сих пяти улик, если они окажутся достоверными, то судьи должны приговорить виновника <л. 272 (523)> к наказанию и, смотря по его вине, назначить ему тот или другой род казни из числа пяти разрядов наказаний. А если по представленным уликам нельзя его подвести ни под один из пяти разрядов наказаний, тогда должно осудить его на обложение одною какою-нибудь из пяти разрядов пени. Если же дело его не подходит ни к одному из пяти разрядов пени, то должно решить оное на основании правил, постановленных на счет неумышленных неосторожностей (ошибок), в пяти видах заключающихся (*т.е. должно такого виновника освободить от суда*).

Недостатки, допускаемые при судопроизводстве

13. Недостатки, допускаемые при решении дел, касающихся до виновных в пяти видах неосторожностей, мо- <л. 272 об. (524)> гут произойти от следующих причин: 1^о) от

слабости судьи, который сам робеет при виде сильных и знатных лиц; 2^с) от злопамятства, подстрекающего к мщению за свои обиды; 3^с) от наушничества жен; 4^с) от склонности к взяткам; 5^с) от ходатайства других. Если кто из судей допустит в себе какой-нибудь из сих недостатков, того вина равняется с виною самого преступника. И так вы должны истощать все силы на то, чтобы при постановлении приговоров наблюдать самую строгую ясность.

Правила, которыми должно руководствоваться при решении дел в сомнительных случаях

14. Если встретится какое сомнение подвергнуть виновного наказанию, означенному в пяти разрядах казней, то можно даро- <л. 273 (525)> вать ему прощение. Равным образом можно освободить от суда и того, который из числа пяти разрядов пени приговаривается к осуждению на один какой-либо разряд оной, если только вина его будет содержать в себе какое сомнение. Впрочем, здесь также потребно рассматривать дело вины с большею ясностию. Если все улики будут достоверны, в таком случае неудобно подвергнуть преступника тому или другому роду наказания, принимая, впрочем, в рассмотрение и самый наружный вид лица преступника. А если не находится никаких улик, обвиняющих подсудимого, тогда надобно прекратить и самое судопроизводство об нем, даровать ему свободу от суда, страшась гнева небесного.

Правила для пени

15. Если встретится сомнение и должно <л. 273 об. (526)> дать свободу осужденному к наказанию клеймением лица, то должно освободить его от того взысканием с него 100 хуань пени медью (*каждая хуань равняется 6-ти унциям*), однако ж надобно смотреть и на доказательства, уличающие его в преступлении. А если кто приговорен будет к наказанию отсечением носа, но по встретившемуся сомнению в его деле он заслуживал бы право освобождения его от истязания, то должно штрафовать его вдвое больше против осужденного к пене взамен клеймений лица, но также надобно и здесь брать в рассмотрение доказательства, уличающие его в преступлении. Но если нужно будет освободить от наказания отрублением ног по причине найденного сомнения в деле подсудимого, то надобно оштрафовать его вдвое больше против <л. 274 (527)> оштрафованного за отсечение носа. Но и здесь надобно принимать в расчёт доказательства, представленные на уличение его преступлений. Если же случится сомнение при наказании кого-либо из преступников отсечением головы и должно даровать ему жизнь, то, по исследовании доказательств на его преступление, надобно наложить на него пеню в 1000 хуань. В случае же найденного недоумения, по которому надлежало бы подсудимого освободить от приговора его на оскопление, то должен таковой искупить себе свободу от искажения 600 хуань, однако же не без рассмотрения доказательств со стороны судей, какие представлены в уличение или оправдание его в преступлении. За клеймение лица теперь полагается 1000 статей, <л. 274 об. (528)> в которых исчисляются случаи, посредством которых подсудимый становится виновным к сему наказанию. За отсечение носа также полагается 1000 статей, в коих означены случаи, осуждающие преступника на сие наказание. К осуждению виновного на отрубление ног отнесено 500 статей, в коих изображены случаи, лишаящие его средств к избежанию от сего наказания. Осуждение же на скопление ограничено 300 статьями, в коих изъяснены случаи, делающие подсудимого виновным. А для осуждения на отсечение головы случаи прописаны в 200 статьях. Всего для пяти разрядов главнейших казней положено 3000 статей. Судя по многочисленности случаев, осуждающих подсудимых к тому или другому роду наказаний, конечно, сего числа статей недостаточно. В таком <л. 275 (529)> случае нужно принимать в соображение качество преступления и постановлять определения приблизительно к тем или другим статьям, ниже или выше прописанным. В прочих же случаях, буде кем-либо предлагаемы были бы какие-нибудь запутанные тяжёлые дела, совсем не нужно входить в разбирательство и не употреблять таких правил, которые не имеют

в себе законной силы или не введены в действие, но должно тщательное в делах употреблять испытание и руководствоваться данными правилами. В этом вы наипаче должны соблюдать строгую ясность.

При наказаниях и штрафах должно руководствоваться властью, не отступая однако ж от порядка

16. Если преступление будет относиться к высшему наказанию, а побудительная причина того будет принадлежать к <л. 275 об. (530)> наилегчайшему наказанию, то должно подвергать преступника низшему наказанию. А если преступление будет состоять в низшем разряде наказания, а побудительные причины того будут относиться к тягчайшему наказанию, в таком случае должно подвергать преступника высшему наказанию. В наказаниях, какого бы рода они ни были, в легчайших и тягчайших, должно принимать за руководство власть. Притом наказания и штрафы должно употреблять не одинаковые, но смотря по времени, иногда нужно облегчать их, а иногда отягчать, уравнивая их, поколику они не пришли в свое уравнивание при соблюдении надлежащего порядка и других самонужнейших условий дела.

Му-ван предписывает судьям наблюдать строгую осторожность при решении уголовных дел

17. Намерение наказания штрафом клонится <л. 276 (531)> к тому, чтоб удержать людей от злодеяний, не лишая их жизни. Несмотря на то, люди и сию меру правосудия переносят с чрезвычайным прискорбием. Посему судить о делах уголовных не тот должен, кто умеет говорить приятно и с утонченностью, но тот должен судить о делах уголовных, кто имеет кроткое и прямое сердце, кто во всех судных случаях соблюдает надлежащую соразмерность. Что ж касается до тяжёбного дела, то сюда не могут также не вкратиться своего рода недостатки. Их должно строго испытывать, нужно ли принимать в уважение некоторые из представленных причин или нет. Как бы то ни было, только при решении дел уголовных всегда надобно одушевляться чувством сострадания к человечеству, не упуская из виду и того, что требуется со стороны справедливости и должного порядка судопроизводства. Для сего нужно, во-первых, наводить верные справки из собрания законов по уголовной части. А во-вторых, просить совета у других в трудных решениях. И когда все признают решение согласным с требованиями правосудия, тогда должно приступить к определению — кого нужно подвергнуть наказанию и кого штрафу. С такую тонкостию вы должны производить следствия в делах уголовных! Таким образом конченное дело найдет достоверность в народе. А если оно представлено будет на высочайшее усмотрение, то не потеряет своей достоверности и пред лицом Государя (#: *В Китае приговоры о наказаниях преступников представляются на усмотрение самого государя, с означением их вин. В сем случае государь иногда изменяет приговоры судей и определяет наказания по своему рассуждению, но не в противность, однако, с главами сих узаконений!*)! При представлении же к государю определения о наказаниях не упустить показать ясно: нет ли в чем осужденных преступников таких, которые в другой раз подвергли себя наказанию, дабы явить им некоторое облегчение».

Казни учреждены в обществе человеческом с благою целию

18. «Ах! — воскликнул В[еликий] князь. — Будьте внимательны, судьи уголовных дел, и вы, князья, принадлежащие к нашему В[елико]княжескому дому, и прочие разные владельцы, в отношении употребления казней. Что касается до меня, то я и говорить даже об этом крайне страшусь, а не только допустить себя быть небрежным в делах, от которых зависит участь человеческая. Напротив того, я оказываю особенное внимание к наказаниям и не иначе определяю наказание для некоторых, как разве для того, чтобы насадить в народе добрую нравственность. <л. 277 об. (534)> Само Небо мерами строгости вспомоществует народу в сем благом деле. А вы как служители и исполнители небесного правосудия на земле вместо самого Неба исправляете должность мстителей за злодеяния, должны тем с большею ясностию и чистотою совести

трудиться в разбирании тяжёбных дел, и особенно тех из них, которые не имеют достаточных доказательств. Благоустройство народа часто зависит от того, когда дело двух тяжущихся между собою лиц судится по правилам справедливости и решается в пользу правой стороны. Посему возьмите осторожность, дабы кто-нибудь из вас не уклонился к пристрастию в суждении спорного дела тяжущихся. Имение, найитое от подсудимых, не есть сокровище; напро- <л. 278 (535)> тив того, в отищение за обогашение на счет ищущих себе защиты от правосудия, постигают многие и тяжелые бедствия, всегда и всего больше страшитесь небесной казни. Что многих постигают бедствия, это происходит не от того, чтоб Небо было неправосудно, но что человек сам теряет благословение Неба. Если б Небо не употребляло чрезвычайных казней, то народ никогда не мог бы иметь доброго правления во вселенной».

Му-ван, обратив речь к потомкам, советует им взирать на примеры древних знаменитых мужей и подражать им в благоразумном употреблении наказаний

19. «Ах! — со вздохом сказал В[еликий] князь. — Вы, будущие потомки князей и вельмож, долженствующие после нас заступить место правителей народных и блюстителей <л. 278 об. (536)> правосудия, отныне впредь на кого вы должны обращать ваши взоры, как не на мужей знаменитых в древности, которые, быв сами внимательны к добродетели, умели поселить ее и в сердцах народа? Еще повторяю вам: внимательно слушайте слова мои! Древние мужи, каковы Бо-и и Гао-яо, одарённые проничательным умом, заслужили от потомства никогда не увядаемую славу от того наиболее, что умели благоразумно распорядиться правилами наказаний. То не относилось до пяти разрядов казней — сих крайних мер правосудия, — они во всем сохраняли строгую умеренность; оттого теперь они и прославляются вечными похвалами. Итак, принимая от В[еликих] князей добрый народ в свое управление, не должны ли вы беспрестанно <л. 279 (537)> смотреть на сии столь благотворные для казней действия мужей древних?»

(Сия глава заслуживает того, чтоб на нее обратили должное внимание законоведцы)

Литература / References

- Benoist, M. (tr.) 1755: *Version latine du livre classique Chouking* Tr. par M. Benoist, éd. par A. Gaubil Peking. URL: <https://www.loc.gov/item/ca25000547/>, дата обращения: 21.07.2021.
- Bichurin, N. Ya. 2014: «*Drevnyaya kitayskaya istoriya*» N. Ya. Bichurina: *Transkriptsiya i faksimile rukopisi 1822 goda s perevodom "Shu tszina", drevnekitayskiy tekst originala* [Ancient Chinese History by N. Ya. Bichurin: Transcription and Facsimile of the 1822 Manuscript of the Shu Jing Translation, Original Chinese Text. Transcription by V.M. Mayorov, M.A. Smirnova, L.V. Stezhenskaya; Annex by V.M. Mayorov and L.V. Stezhenskaya]. Moscow.
- Бичурин, Н.Я. «*Древняя китайская история*» Н.Я. Бичурина: *Транскрипция и факсимиле рукописи 1822 года с переводом «Шу цзина», древнекитайский текст оригинала*. Пер. Н.Я. Бичурина. Транскр. В.М. Майорова, М.А. Смирновой, Л.В. Стеженской; прилож. В.М. Майорова и Л.В. Стеженской. М.
- Chegodaev, A.B. 2011: *Nauchnaya biografiya sinologa P.I. Kamenskogo* [Scholarly Biography of Sinologist P.I. Kamensky]. PhD thesis. Krasnoyarsk.
- Чегодаев, А.Б. *Научная биография сиолога П.И. Каменского*. Диссертация на соискание степени к. ист. н. Красноярск.
- Couvreur, S. (tr.) 1897: *Chou king: texte chinois, avec une double traduction en français et en latin, des annotations et un vocabulaire*. Paris.
- Couvreur, S. 1950: *Chou king, Les Annales de la Chine*. Paris.
- Datsyshen, V.G. 2013: [Archimandrite Petr (Kamenskiy) and Confucian studies in Russia]. In: *Informatsionnye materialy*. Seriya G. Вып. 19 [Information Materials. Series G. Issue 19]. Moscow, 122–131.
- Дацышен, В.Г. Архимандрит Петр (Каменский) и изучение конфуцианства в России. В сб.: *Информационные материалы*. Серия Г. Вып. 19. М., 122–131.

- Gaubil, A. (tr.) 1770: *Le Chou-King, un des livres sacrés des Chinois, qui renferme les fondements de leur ancienne histoire, les principes de leur gouvernement & de leur morale; ouvrage recueilli par Confucius*. Paris.
- Karlgren, B. (ed.) 1950: The Book of Documents. *The Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities* 22, 1–81.
- Khokhlov, A.N. 2014: [Sinologist D.P. Sivillov and his Russian translations of ancient Chinese classics]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [*Society and State in China*] 44/1, 484–512.
Хохлов, А.Н. Китаист Д.П. Сивиллов и его русские переводы древнекитайской классики. *Общество и государство в Китае* 44/1, 484–512.
- Legge, J. (tr.) 1865: *The Chinese Classics*. Vol. III. *The Shoo King or the Book of Historical Documents*. Pt. I–II. London.
- Legge, J. (tr.) 1991: The Shoo King or The Book of historical documents. In: *The Chinese Classics*. Vol. III. Taipei
- Ma Zhou 2018: [Manuscript of the 18th century Latin translation of *Shangshu* from Kazan University]. *Guoji "Shang shu" xuehui di si jie nianhui ji guoji "Shang shu" xue di wu jie xueshu yantaohui* [*The Fourth Annual Session of the International "Shang shu" Society and the Fifth International "Shang shu" Conference*]. Lanzhou, 1–7.
马周。喀山大学《尚书》的18世纪拉丁文译文抄本议论。国际《尚书》学会第四届年会暨国际《尚书》学第五届学术研讨会。兰州。1–7。
- Majorow, W. 2019: Latin translations of Confucian classic *Shangshu*. *International Confucian Forum Copenhagen International Academic Symposium*. Copenhagen, 1–14.
- Mayorov, V.M. (ed.) 2014: *Chtimaya kniga: Drevnekitayskie teksty i perevod «Shang shu» («Shu jing») i «Malogo predisloviya» («Shu xu»)* [*Esteemed Book: Ancient Chinese Texts and Translations of "Shang shu" ("Shu jing") and "The Shorter Preface" ("Shu xu")*]. Moscow.
Майоров, В.М. (ред.). *Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй»)*. М.
- Mayorov, V.M., Stezhenskaya, L.V. 2015: N. Ya. Bichurin and his "Ancient Chinese History". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [*Saint Petersburg University Herald. Asian and African Studies*]. Series 13. Issue 1, 5–11.
Майоров В.М., Стеженская Л.В. Н.Я. Бичурин и его «Древняя китайская история». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*. Серия 13. Выпуск 1, 5–11.
- Medhurst, W.H. (tr.) 1846: *Ancient China. The Shoo King, or the Historical Classic, being the Most Ancient Authentic Record of the Annals of the Chinese Empire*. Illustrated by later commentators. Shanghai.
- Mozharovskiy, A. 1896: [Archimindrite Petr Kamenskiy, head of the tenth Russian Imperial Mission to Peking]. *Russkaya starina* [*Russian Antiquity*] 85/3, 585–609
Можаровский, А. Архимандрит Петр Каменский, начальник десятой Российско-Императорской миссии в Пекине. *Русская старина* 85/3, 585–609.
- Nylan, M. 2001: *The Five "Confucian" Classics*. New Haven–London.
- Old, W.G. (tr.) 1904: *The Shu King or the Chinese Historical Classic being an Authentic Record of the Religion, Philosophy, Customs and Government of the Chinese from the Earliest Times*. London–New York.
- Skachkov, P.E. 1977: *Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya* [*Essays on the History of Russian Sinology*]. Moscow.
Скачков, П.Е. *Очерки истории русского Китаеведения*. М.
- Stezhenskaya, L.V. 2017: [Archimandrite Daniil on "Shu jing"]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [*Society and State in China*] 47/1, 224–231.
Стеженская, Л.В. Архимандрит Даниил о «Шу цзине». *Общество и государство в Китае* 47/1, 224–231.
- Voinov, I.I. (archimandrite Grigoriy) 1893: *Arkhimandrit Daniil, nastoyatel' Rostovskogo Borisoglebskogo monastyrya* [*Archimandrite Daniil, Prior of the Borisoglebskiy Monastery of Rostov*]. Moscow.
Воинов, И.И. (архимандрит Григорий). *Архимандрит Даниил, настоятель Ростовского Борисоглебского монастыря*. М.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
81/3 (2021), 791–794
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/3 (2021), 791–794
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910013578-8

А.В. БЕЛОУСОВ. Корпус заклятий понтийской Ольвии. М.: Изд-во Московского университета, 2020. 194 с., ил. ISBN 978-5-19-011532-1

В 2020 году увидел свет Корпус заклятий понтийской Ольвии, над которым А.В. Белоусов работал около десяти лет. Выход Корпуса, без сомнения, значимое событие в российском антиковедении, тем более что выполнен он в лучших традициях науки об античности: латинское, а затем русское предисловие, леммы, критический аппарат, учитывающий все возможные чтения, подробный комментарий к каждой надписи, фотографии и прорисовки, таблицы шрифтов, библиография и несколько указателей.

Корпус состоит из введения, основной части, которая представлена 25 ольвийскими заклетьями, разделенными на шесть групп, и грамматического очерка.

Во *введении* А. Б. описывает историю издания заклятий Северного Причерноморья, начиная с И.В. Помяловского и Е.М. Придика и заканчивая современными публикациями (с. xxii–xxiv); до появления настоящего Корпуса ольвийские заклетья публиковались разрозненно, в различных журнальных статьях — сам по себе поиск этих материалов является огромной работой. Далее А.Б. рассматривает материалы, на которых делались заклетья (керамика и свинец), форму (круглая и прямоугольная), основные формульные типы: *nomina deuotorum leguntur sola* (только имена заклинаемых лиц); *nomina deuotorum et membra corporisque eorum et uis leguntur* (имена, части тела и сила заклинаемых); *nomina deuotorum et personarum aliarum, membra corporisque eorum leguntur* (имена заклинаемых и других лиц, а также их части тела); *nomina deuotorum leguntur et deuouendi uerbum* (имена заклинаемых и глагол заклетья); *similia similibus* (формула подобное подобным); *dubia et spuria* (неясное и сомнительное) (с. xxiv–xxvi). Затем следует палеографический очерк (с. xxvi–xxviii), который позволяет понять принципы датировки заклятий; отдельные датировки, впрочем, возможно пересмотреть в пользу более поздних (см. ниже). Таблицы шрифтов, скрупулезно прорисованные для каждого периода и для каждой надписи, если это представляется возможным, помогают даже неопытному в чтении заклятий читателю сориентироваться в ольвийском материале.

К *первой группе* (*nomina deuotorum leguntur sola*) относятся 12 надписей (1–12), самая ранняя из которых датируется серединой V в. до н.э., самая поздняя — второй половиной IV в. до н.э. Наибольший интерес представляет надпись № 1, сделанная на круглом остраконе из чернолакового сосуда, на выпуклой стороне изображение, на вогнутой надпись: Ἀριστο/τέλης: ἱέρ(εως) / Ἑρμέω: <εως> / καὶ Ἀθ<η>ναίης / ξυῶν Ἦρογέ/νης: Ἦροφά/νης (Аристотель, общий жрец Гермеса и Афины; Героген, Герофан). Надпись не раз привлекала внимание ученых, подробный обзор мнений которых дает А.Б. Важное наблюдение автор (со ссылкой на работы С.Р. Тохтасьева) делает относительно изображения на остраконе, которое толковалось и как профиль Афины¹, и как портрет восточного мага²: «изображение человеческой головы, обращенной чаше всего влево, сопровождающейся магическими знаками и часто надписями» (с. 5), имеет многочисленные параллели как в Северном Причерноморье, так и вообще в греческом мире. Возможно рассмотреть и еще один вариант чтения: Ἐένων вместо ξυῶν (ЛИ, ср. чтение А.А. Белецкого и Х.В. Плекета — SEG 34: 770); Ἀθηναῖος вместо Ἀθ<η>ναίης (ЛИ, вместо имени богини, совершенно не характерного для заклятий). В этом случае надпись можно понимать как «Аристотель, жрец Гермеса, а также Афиной, Ксенон, Героген, Герофан». Знаки interpunctio после слов

¹ Vinogradov, Rusjaeva 1998, 156.

² Lebedev 1996, 273.

«Аристотель, Гермес, Героген» в данном случае не являются помехой: при любом толковании они представляют трудность, которую еще предстоит осмыслить.

Надпись № 8, впервые изданная С. Р. Тохтасьевым по карандашным прорисовкам нелегальных находчиков³, находится в частной коллекции: Διονύσιος / Ἀριστ(ο)μένης / {Σ} Κρίτων / [.]ΩΝΟΝ / Ἐκατέων / Εὐμένης / (Ἠγήμων) Ἠγήμων? / Φίλιστος / Ἀριστομέ(ν)ης / Ἐλικράτης / Ἡρόδοτος (Дионисий, Аристомен, Критон, [.]ΩΝΟΝ, Гекатеон, Эвмен, Гегемон, Филист, Аристомен, Эпикрат, Геродот). Если прорисовка не вполне верна и в начале третьей строки стоит не Σ, а Κ, тогда имя в четвертой строке можно читать как [Κ]όνων (= Κόνων, Конон), как справедливо, но очень осторожно предлагает А. Б.; Ω вместо Ω имеет аналогию в седьмой строке: Ἠγήμων вместо Ἠγήμων (Гегемон).

Заключения *первой группы*, особенно если в будущем к ним добавятся новые надписи, можно было бы разделить на три подгруппы: 1) только ЛИ в номинативе, иногда с патронимиком (2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12); 2) только ЛИ в других падежах (аккузатив, 4); 3) ЛИ и еще какое-то слова (1, 11).

Вторая группа заклятий (nomina deuotorum et membra corporisque eorum et uis leguntur) представлена всего одной надписью № 13: τὰμ πάριμ(ν) / Σιττιρά / τὴν γλώσσαν / τὰμ πάριμ(ν) / καὶ Θεμιστᾶ / καὶ Ἐλικράτεος / καὶ τὴν δύναμιν (шит Ситтира, язык его, шит Фемиста и Эпикрата и силу их), которая, безусловно, заслуживает отдельного внимания. А. Б. датирует ее IV–III вв. до н.э., однако есть все основания датировать ее II в. до н.э.; в пользу поздней датировки свидетельствуют языковые особенности, что отчасти отмечает и сам А. Б.: вокалическое склонение гипокористиков на -ᾶς, а также генетив на -εος у ЛИ на -ης (с. 58; ср., например, IOSPE I² 32 и синхронные (II в. до н.э.) лапидарные надписи). О палеографии судить затруднительно, поскольку фотография (как и возможность аутопсии) отсутствует. Если считать прорисовку Е. Придика верной или по крайней мере близкой к оригиналу, то шрифт скорее соответствует II в. до н.э., чем IV–III вв. до н.э.

Главной трудностью надписи представляется чтение слова ТАМПАМН в 1 и 4 строках, которое не смогли объяснить ни Е. Придик, ни Н. Новосадский, ни Э. Диль (он предполагал его скифское происхождение), ни Л. Дюбуа. А. Б. предлагает читать τὰμ πάριμ(ν) (аккузатив, «шит»). Исследование, посвященное слову πάριμ в греческом языке и возможным вариантам его происхождения (с. 58–60), само по себе интересно, но, кажется, вопрос решается проще, если принять датировку надписи II в. до н.э., то есть тем временем, когда оно зафиксировано уже у Полибия как транслитерация латинского parma. А. Б. упоминает к тому же и сильную военную напряженность (с. 60), о которой едва ли правомерно говорить для рубежа IV–III вв., но совершенно справедливо для II в. до н.э.

Третья группа заклятий (nomina deuotorum et personarum aliarum, membra corporisque eorum leguntur) представлена четырьмя надписями (14–17). Надпись № 15, описотограф на свинцовой пластине без следов гвоздей: Ἀρτεμίδωρος Ἡροφίλο, / Θαλαίω, δύο παῖδες, / Ἐλικράτης Ἡροσῶντος, / Διοσκόριδης Φιλογήθεος, Κίλλ(ος?), / Εἰςκαρλος, Ἡρόφιλος, / καὶ ἄλλοι οἱ ἐναντίοι ἐμοί? / Καφακῆς, Δημόκων, Ἀτάης, / Θεατόρακος, / Ἡραγόρη(ς?), / Ἠησαγόρης (Артемидор сын Герофила, Талайю, двое детей, Эпикрат сын Геросонта, Диоскорид сын Филогета, Килл, Эваркар, Герофил и прочие мои противники: Кафак, Демокон, Атай, Таторак, Герагор, Гегесагор) интересна с нескольких позиций. Вероятно, табличка, на которой было процарапано заклятие, прежде использовалась для другого текста (с. 69); текст надписи, при наличии места, расположен то вертикально, то горизонтально (илл. 26); формула надписи содержит необычное для греческих, но нередко встречающееся в латинских заклятиях выражение καὶ ἄλλοι οἱ ἐναντίοι ἐμοί, ср. et quisquis adversarius; inimicorum nomina... (с. 70), хотя и датируется она IV в. до н.э. В четвертой строке вполне возможно чтение последнего имени как Σκίλλος (Скилл, ср. σκίλλα – морской лук, Σκίλλους – город на Сицилии), а генетив предыдущего патронимика будет заканчиваться на -εο, а не на -εος (у А. Б.: Διοσκόριδης Φιλογήθεος, Κίλλ(ος?), с. 67). Слова δύο παῖδες, поскольку следуют после женского имени, действительно могут означать «двух детей», но, учитывая жанр заклятия, скорее «двух рабов».

Четвертая группа (nomina deuotorum leguntur et deuouendi uerbum) состоит из трех надписей (18–20), первая из которых процарапана на дне глиняной чаши IV в. до н.э. по спирали (илл. 31, 32): текст нанесен против часовой стрелки в три круга. А. Б. особенно подчер-

³ Tokhtas'ev 2000, 296, 311–315.

кивает значение круга при изготовлении греческих заклятий, приводит папирусный рецепт создания подобного заклятия и синхронные по времени аналогии из разных мест греческого мира (с. 86–90).

Надпись № 19 читается справа налево, как бы в зеркальном отражении (илл. 38–41). Ретроградное написание, вообще очень распространенное для жанра заклятий, кроме данной надписи встречается в Северо-Западном Причерноморье только один раз⁴.

Надпись № 20, пожалуй, самое известное ольвийское заклятие. Она сделана на донышке чернолаковой чаши с орнаментом; посередине профиль влево мужской головы со множественным линий, по периметру чернолакового обода идет надпись: Φαρνάβα[σ]ζος φίλοκαλός / πρῶοῖδα τέθνηκας / ἤρέμε ὃ θεοπρότος Ἐρμῶυ (Фарнабаз любитель красивого. Я знаю наперед, что ты уже мертв. Успокойся, вопрошатель оракула Гермеса!). А. Б. заключает: «Мы можем либо предполагать, что имеем дело с неизвестным доселе, пока не имеющим никаких известных аналогий, магическим формульным текстом, либо признать, что текст этого заклятия абсолютно уникален» (с. 107). Сам А. Б., считая ольвийское заклятие единственным в своем роде, подробно рассматривает изобильную литературу относительно интерпретации надписи (с. 107–112). Надпись датируется концом V – началом IV вв. до н. э., однако язык ее уже содержит элементы койне (с. 107), и, как кажется, этот факт указывает на более позднюю датировку. Само слово θεοπρότος А. Б. предлагает понимать в значении «посланик к оракулу», а не «пророчатель» или «пророк» (с. 110). Форма вокатива, равного номинативу, для двусоставного греческого слова совершенно закономерна.

Еще Б. Браво⁵ обратил внимание на головной убор Фарнабаза – это повязка посвященного Гермесу Хтонию в качестве жертвы. Голова Фарнабаза повернута влево, что, как говорилось выше, вообще характерно для греческих заклятий, которые сопровождалось изображениями. А. Б. приводит целый список подобных изображений из Северного Причерноморья, большая часть которых происходит из Ольвии (с. 111–112). Таким образом, любитель прекрасного (красивого) Фарнабаз за неизвестные нам преступления обречен на смерть.

Пятая группа заклятий (*similia similibus*) представлена единственной надписью (№ 21), датирующейся рубежом IV–III вв. Надпись представляет собой судебное заклятие «в форме обращения к мстительному духу (*νεχιουδαίμων*) преждевременно умершего (*ἄωρος*)» (с. 120–121) и составлена по характерной для подобного рода заклятий формуле *similia similibus*. А. Б. приводит для этой формулы также параллели из русской заговорной практики (с. 124–125).

Последняя, *шестая группа* (*dubia et spuria*) содержит 4 надписи (22–25), 3 из которых в настоящее время утеряны (22, 24, 25), а фотографии недоступны. Надпись № 23 представляет собой заклятие «со списком имен в номинативе и прибавленной к нему заключительной формулой *καὶ ὅσοι*» (с. 133), типичное для греческих заклятий классической эпохи.

Несколько указателей (*indices deorum, nominum et vocabulogum*), которыми завершается Корпус, делают поиск нужного слова или имени простым и удобным. В цифровую эру культура указателя уходит (ср. Русьева А. С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь, 2010), однако читателям традиционного бумажного варианта он необходим. Кроме того, эпиграфисту – исследователю ономастики, лингвисту удобно иметь перед глазами полный список имен богов, личных имен, греческих слов и словоформ.

Из недостатков Корпуса следует отметить, что, хотя каталог ЛИ дается для каждой надписи с указанием частоты употребления в Северном Причерноморье и иногда вообще в греческом мире, но датировка употребления имени присутствует не всегда; во многих случаях, когда речь идет о редких (например, Ἀρῆζηλος, Θαρσῆς) и негреческих (например, Καφάκης, Τυκοτα) именах, требовался бы более подробный комментарий.

Впрочем, мелкие недочеты, равно как и опечатки, которые неизбежны при современном темпе жизни, не умаляют важности издания Корпуса, вобравшего в себя все доступные на сегодняшний день ольвийские заклятия и учитывающего все возможные публикации и исследования ольвийских заклятий, а также научную литературу по теме. Появление Корпуса, несомненно, должно послужить дополнительным стимулом к изучению магических практик Северного Причерноморья – области, в которой сделано пока еще очень немного.

⁴ Stolba 2016, 263–292.

⁵ Bravo 2000/2001, 161.

Литература / References

- Bravo, B. 2000/2001: Deux ostraka magiques d'Olbia Pontique et quelques données nouvelles sur les procédés de la magie destructive. *Talanta* 32/33, 149–164.
- Lebedev, A. 1996: Pharnabazos, the Diviner of Hermes. Two Ostraka with curse letters from Olbia. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 112, 268–278.
- Stolba, V. 2016: Two Hellenistic defixiones from West Crimea. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 56, 263–292.
- Tokhtas'ev, S.R. 2000: [New *tabellae defixionum* from Olbia]. *Hyperboreus* 6/2, 296–316.
Тохтасьев, С.Р. Новые *tabellae defixionum* из Ольвии. *Hyperboreus* 6/2, 296–316.
- Vinogradov Ju.G., Rusjaeva A.S. 1998: Phantasmomagica Olbiopolitana. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 121, 153–164.

Sofia E. Andreeva,

Ben Gurion University of the Negev,
Beersheba, Israel

E-mail: beithatulim@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9225-8516

С.Э. Андреева,

PhD, Университет имени
Давида Бен-Гуриона в Негеве,

Беэр-Шева, Израиль

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСЕЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ВИГАСИНА

20 сентября исполнилось 75 лет выдающемуся российскому индологу, любимому преподавателю нескольких поколений студентов, профессору Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова, заслуженному профессору МГУ и члену редколлегии «Вестника древней истории» Алексею Алексеевичу Вигасину.

Алексей Алексеевич – автор целого ряда основополагающих монографий по истории Южной Азии в древности, истории изучения Востока в России, учебных пособий для высшей и средней школы, а также переводов важных памятников древнеиндийской литературы (Артхашастры, Дхармашастры и др.). Перу А. А. Вигасина принадлежат статьи, без которых не может обойтись ни один исследователь, изучающий древнюю Южную Азию на основе как древнеиндийских, так и античных источников. Несколько десятков таких работ опубликовано в том числе на страницах «Вестника древней истории». Работы Алексея Алексеевича как книжного, так и статейного формата всегда служили образцом глубины и точности исследования, взвешенности выводов, характеризовались мастерством перспективы дальнейших изысканий. Алексей Алексеевич – желанный гость на всех крупных научных конференциях: выступления его всегда оригинальны, наполнены тонкими наблюдениями и солидными выводами.

Не только исследовательская, но и педагогическая деятельность Алексея Алексеевича составляет целую эпоху в российской исторической науке. Долгие годы сначала на историческом факультете МГУ, затем (уже 17 лет) в ИСАА МГУ профессор А. А. Вигасин преподает историю древнего Востока и основы изучения санскрита. Среди его учеников – кандидаты и доктора наук, успешно работающие в научной и педагогической сферах.

Для нескольких поколений отечественных ученых Алексей Алексеевич служит примером безупречной личной порядочности и преданности ценностям настоящей науки, не терпящей недобросовестности и конъюнктуры. Если кто-либо из коллег действует наперекор этим ценностям, мягкий и интеллигентный в повседневном общении Алексей Алексеевич превращается в негибаемого и твердого защитника своих идеалов, и тогда уже не принимаются в расчет

ни высокое положение оппонента, ни возможные личные связи с ним. Жизнь не раз давала всем нам случаи убедиться в этих чертах Алексея Алексеевича, и неудивительно, что уважение коллег к нему совершенно безусловно.

Алексей Алексеевич тесно связан с нашим журналом – не только как его постоянный автор, но и многолетний и незаменимый член редакционной коллегии. Его вклад в подготовку журнала невозможно переоценить – все статьи, связанные с цивилизациями Южной Азии и другими областями его научных интересов, проходят его экспертизу, а часто и редактирование, и его слово во время обсуждения статей на заседаниях редколлегии неизменно веско и убедительно.

Многочисленные ученики, коллеги и друзья рады поздравить Алексея Алексеевича с юбилеем, пожелать крепкого здоровья и активного продолжения научной работы на благо отечественной и мировой науки.

*Редсовет, редколлегия и редакция ВДИ,
друзья, коллеги и ученики*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Vestnik drevney istorii
81/3 (2021), 797–828
© The Author(s) 2021

Вестник древней истории
81/3 (2021), 797–828
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.31857/S032103910016269-8

ΦΕΡΕΚΥΔΟΥ ΤΟΥ ΑΘΗΝΑΙΟΥ ΙΣΤΟΡΙΑΙ

ФЕРЕКИД АФИНСКИЙ ИСТОРИИ

(Перевод с древнегреческого и комментарий И. Е. Сурикова)

ФРАГМЕНТЫ «ИСТОРИИ» («ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОГОВ»)

Геракл (2-я, 3-я книги)

F68: Схолии к Гомеру, «Илиада», XIX. 116 (к словам: «Быстро достигла ахейского Аргоса, где уже прежде / Знала богиня¹ супругу царя Персеида Сфенела. / Сына царица седьмой уже месяц в утробе носила: / Гера его до срока на свет извела; но Алкмены / В срок удержала роды»²). Дидим приводит мнение Ферекида, говорящего, что это³ дочь Пелопа Амфибия; Гесиод [же говорит, что это Никиппа, дочь Пелопа...]⁴ ...же объявляет, что это Антибия, дочь Амфидаманта.

Окончание. Начало см. ВДИ 81/2. 2021. С. 539–568. Обе части работы выполнены при поддержке РФФИ в рамках проекта 19-09-00022а «“Праотцы истории”: древнейшие представители античной исторической науки».

В первой части публикации «Ферекид Афинский. Истории» из-за технической ошибки на стр. 539 не было напечатано примечание: «Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 19-09-00022а “Праотцы истории”: древнейшие представители античной исторической науки”».

¹ Гера.

² Известнейший сюжет: Гера из неприязни к Зевсу устраивает так, чтобы его отпрыск Геракл появился на свет позже своего двоюродного брата Еврисфея, сына Сфенела, и стал в результате его подчиненным.

³ Т.е. мать Еврисфея.

⁴ Вставка Якоби. В целом это место испорчено, выпало имя какого-то автора, которому принадлежит следующее суждение.

F69. а): Аполлодор, «Мифологическая библиотека», II. 62⁵. Когда же он⁶ был⁷ восьмимесячным ребенком, Гера послала ему в кровать двух огромных змей, желая погубить младенца... А Ферекид говорит, что Амфитрион, желая узнать, отцом которого из двух детей он является, впустил змей в кровать; и когда Ификл убежал, а Геракл остался, понял, что Ификл родился от него.

б): Схолии к Пиндару, «Немейские оды», I. 65. Итак, есть те, кто говорят, что змеи были посланы Амфитрионом в попытке узнать, который из детей от Зевса, как говорит Ферекид, когда они были уже годовалыми. И Ификл, как говорят, убегает, а тот, кто остался в кровати, задушил обеих⁸.

F70: Схолии к Пиндару, «Олимпийские оды», VII. 60a⁹ (к словам «От лернейского берега»). Одни говорят, что Лерна — это источник, а другие — что это лесистая местность. Там же, как рассказывают мифы, скрывалась и Гидра. А Ферекид утверждает, что был и такой город¹⁰. Есть и мнение, что это гавань Аргоса, которая ныне называется Лампия.

F71: Схолии к Пиндару, «Олимпийские оды», III. 50b¹¹ (к словам: «Пришедшего взять... / Златорогую лань, / Некогда обещанную Ортосии / Писаным обетом Таигеты»¹²). А о том, что она была самкой и златорогой, он¹³ сказал на основании исследования. Ведь тот, кто написал «Тесеиду»¹⁴, [говорит]¹⁵, что она была такой, а также и Писандр¹⁶ из Камира, и Ферекид¹⁷.

F72: Схолии к Аполлонию Родосскому, II. 1052. Мнасей же высказывает особое мнение — что у некоего героя Стимфала и женщины Орниты¹⁸ родились дочери Стимфалиды, которых убил Геракл, потому что они не приняли его и оказали гостеприимство Молионам¹⁹. А Ферекид говорит, что они — не женщины, а птицы, и уби-

⁵ Так у Якоби. В современных изданиях это место цитируется как Apollod. *Bibl.* II. 4. 8.

⁶ Геракл.

⁷ В *EGM* перед словами «когда же он был»: «А Алкмена родила двух сыновей: от Зевса — Геракла, который был на одну ночь старше (если считать по сроку зачатия. — *И. С.*), а от Амфитриона — Ификла».

⁸ Убийство Гераклом змей не входит в перечень его канонических 12 подвигов (к последним относятся только те, которые он совершил по приказу Еврисфея).

⁹ Соответствующее место у Пиндара: *Pind. Ol.* VII. 33.

¹⁰ Ферекид здесь совершенно прав: Лерна — открытое археологами поселение бронзового века, весьма значительное по тем временам. Сражение с лернейской Гидрой — второй из 12 подвигов Геракла.

¹¹ Соответствующее место у Пиндара: *Ol.* III. 27–29.

¹² Ортосия (Орфосия) — эпитет Артемиды. Таигета (Тайгета) — нимфа-плеяда, посвятившая Артемиде ту самую керинейскую лань, за которой теперь охотился Геракл (это третий из его 12 подвигов). На шее у лани был ошейник с надписью «Таигета посвящает Артемиде». Отметим также, что в оригинале у Пиндара применительно к лани есть указание «самку» (θηλέα). М.Л. Гаспаровым в переводе это слово не отражено, но нам его приходится учитывать, дабы понятнее был далее идущий текст схолий.

¹³ Пиндар.

¹⁴ «Тесеида» — одна из киклических поэм.

¹⁵ Необходимое дополнение издателей.

¹⁶ Исправление издателей (в рукописи — явно ошибочное «Пиндар»). Писандр из Камира — эпический поэт архаической эпохи.

¹⁷ В *EGM* после слов «и Ферекид»: «И вот что есть у Анакреонта: “С ланью грудною, извилисторогою, мать потерявшею / В темном лесу, боязливо дрожащая девушка схожа” (фрагмент из Анакреонта цитируется в переводе Л. Мея. — *И. С.*). Потому что у самок рога не растут. А называлась лань Керинией».

¹⁸ Имя, собственно, и означает «птица». Стимфал — герой-эпоним одноименного городка в Аркадии. Речь идет о шестом подвиге Геракла — изгнании стимфалийских птиц, которые ранили и убивали людей своими острыми металлическими перьями.

¹⁹ О Молионах см. ниже, в связи с фрагментом F79.

ты Гераклом: ему была дана трешотка, чтобы шумом пугать их²⁰. То же самое говорит и Гелланик.

F73: Схолии к Гесиоду, «Теогония», 985 (к словам: «Эос-Заря от Титона²¹ родила царя эфиопов / Мемнона ... с Эмафионом-владыкой»²²). От последнего Македония называется Эмафией²³. Ферекид же говорит, что Эмафион был убит Гераклом, когда тот шел за золотыми яблоками²⁴.

F74: Гигин, «Мифы», 154²⁵. Фаэтон²⁶, ... пораженный молнией, упал в реку Пад²⁷. Эту большую реку греки именуют Эриданом; первым ее назвал Ферекид²⁸.

F75: Схолии к Пиндару, «Пифийские оды», IX. 185а²⁹ (к словам: «Что сошлись под город Ирасу о прекрасной жене, / Что сватались к дочери Антея / За прекрасные ее кудри, за добрую ее славу»). О том, что побежденный Гераклом Антей был ирассийцем — из Ирасс на озере Тритониде³⁰, как говорит Ферекид. А Пиндар, ...³¹ изменив эту историю, говорит, что Алексидам, предок восхваляемого³², стал женихом дочери Антея. Имя же ее — Алкеида, как говорит Писандр из Камира; а другие говорят, что Барка³³.

F76: «Подлинный Этимологик», р. 249 Mill³⁴. Палемон: Геракл³⁵ — из-за того, что он боролся³⁶ с Антеем или³⁷ Ахелоем³⁸. А Ферекид говорит — после того, как он боролся с Антеем и убил его, он сошелся с его женой Ифиной и породил Палемона.

F77: Схолии к Лукиану, «Александр», 4 (к слову «Керкопов³⁹»). Они жили в Беотии, будучи родом эхалийцами⁴⁰, а назывались Силлом и Трибалом. Были они клят-

²⁰ Как видим, здесь Ферекид не предстает рационализатором мифа.

²¹ Титон (не следует путать с чудовищем Тифоном) — троянский царевич из Дарданидов, брат или дядя Приама. Богиня зари Эос полюбила его, унесла к себе и выпросила для него у Зевса бессмертия, забыв попросить заодно также и вечную молодость. В результате Титон в мифах — чудовищно дряхлый старец. У Эос и Титона родился Мемнон, царь эфиопов, пришедший на помощь троянцам и убитый Гераклом. Это хорошо известный миф. Вопрос об Эмафионе сложнее.

²² Поэмы Гесиода цитируются в переводе В. Вересаева.

²³ Вообще-то Эмафией называлась часть Македонии, но нередко это наименование применяли и расширительно, ко всей стране.

²⁴ Поход Геракла за золотыми яблоками Гесперид — его одиннадцатый подвиг.

²⁵ Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: *Schol. Arat.* 366 р. 174 Вг. (схолии к эллинистическому ученому поэту Арату).

²⁶ Правильнее именно так, а не «Фаэтон», как обычно пишут. Сын Гелиоса и нимфы Климены. Попросил у отца «порулить» его колесницей, но не справился с управлением и погиб.

²⁷ Пад у римлян, Эридан у греков — это река По в Северной Италии.

²⁸ Текст испорчен, полной ясности со смыслом нет. Предлагались эмендации, но все они — чисто предположительного характера.

²⁹ Соответствующее место у Пиндара: *Pyth.* IX. 106–107.

³⁰ В Северной Африке.

³¹ В *EGM* после слов «а Пиндар»: «чтобы польстить восхваляемому».

³² Восхваляется в этой оде киренец Телесикрат, т.е. тоже выходец из Северной Африки.

³³ Таким образом, делая ее эпонимной героиней одной из греческих колоний в Киренаике.

³⁴ Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: *Etym. Magn.* 679, 50; Tzetz. *Schol. Lycophr.* 663 (имеются в виду византийский лексикон «Большой Этимологик» и схолии Иоанна Цеца к «Александре» Ликофрона).

³⁵ В смысле: Палемон — одно из прозвищ Геракла.

³⁶ Народная этимология, поскольку борьба — μάχη.

³⁷ «Или» — необходимая вставка издателей.

³⁸ Борьба Геракла с великаном Антеем (сыном Геи и Посейдона) не составляла отдельного подвига (она имела место в ходе странствия героя за яблоками Гесперид). Победа Геракла над речным богом Ахелоем (они боролись за Деяниру из Калидона, которая в итоге стала женой Геракла, а в конечном счете его невольно погубила) тоже не входит в «канон 12 подвигов».

³⁹ Керкопы — уродливые карлики.

⁴⁰ Вообще-то город Эхалию обычно помещали в Фессалии, у Пенея.

вопреступниками и лентяями, как говорят Кратин⁴¹ в «Архилохах» и Диотим⁴²... Они окаменели, как говорит Ферекид. А Ксенагор⁴³ в сочинении «Об островах» говорит, что они из-за своего злонравия превратились в обезьян.

Г78: Схолии к Гомеру, «Илиада», XIV. 255. Геракл, возвращаясь после того, как он разрушил Троию⁴⁴, и двигаясь по Эгейскому морю, по воле Геры попал в сильную бурю. Когда же его занесло на Меропов Кос⁴⁵, ему помешал сойти на остров царствовавший на нем Еврипил, сын Посейдона. Геракл тогда, прибегнув к насилию и сойдя подобно грабителю, убил Еврипила и его сыновей; совокупившись с его дочерью Халкиопой, он породил Фессала. Этот рассказ содержится у Ферекида.

Г79. а): Схолии к Платону, «Федон», 89с (к словам: «Против двоих даже Гераклу не выстоять»⁴⁶). Происхождение этой поговорки Дурид⁴⁷ излагает так: он говорит, что Геракл, воздвигнув алтарь у Алфея⁴⁸, учредил состязание в кулачном бою и одержал победу; а в следующую олимпиаду, вновь принимая участие в состязании, был побежден в борьбе Элатом и Ферандром⁴⁹; от этого-де и пошла поговорка, что с двоими и Гераклу не справиться. А Эхефиллид⁵⁰ говорит, что он был побежден Ктеатом и Евритом, Молионидами⁵¹, в войне против Авгия⁵²; его преследовали вплоть до Бупрасиды⁵³, а там он заметил, что никто его не догнал, успокоился и, напившись из протекающей мимо реки, назвал эту воду «сладкой». Ее ныне показывают тем, кто идет из Димы⁵⁴ в Элиду, и местные жители называют ее «сладкой»⁵⁵ водой». То же самое повествуют и Ферекид, и Комарх⁵⁶, и Истр⁵⁷ в «Элидских делах». И из-за этого, говорят они, Геракл, устроив засаду близ Клеон, убил Молионидов, шедших священными послами в Коринф; потому-то для элидян клятвенно запрещено участвовать в Истмийских играх⁵⁸ — потому, что Геракл, убивший Молионидов, послов, отправленных на Истм, был принят коринфянами. А Геродор и Гелланик говорят, что, когда Геракл убивал Гидру, Гера наслала на него рака, и он, не способный сражаться с двумя существами сразу, позвал на помощь Июлая⁵⁹.

б): Схолии к Гомеру, «Илиада», XI. 709. Дети Актора⁶⁰ и Молионы, дочери Мола, — Ктеат и Еврит; а по мнению некоторых, они дети Молионы и Посейдона. Возможно, он

⁴¹ Знаменитый афинский комедиограф V в. до н.э.

⁴² Эпический поэт эллинистического времени.

⁴³ Географ и историк эллинистического времени.

⁴⁴ Поход Геракла на Трою и ее первое (еще до Троянской войны Агамемнона) взятие им также в «канон 12 подвигов» не входит.

⁴⁵ Мероп — древний мифологический царь острова Коса.

⁴⁶ «Федон» Платона цитируется в переводе С. П. Маркиша. В данном случае перед нами распространенная у греков поговорка.

⁴⁷ Дурид Самосский — известный историк периода раннего эллинизма.

⁴⁸ Алфей — река в Олимпии. Речь идет об учреждении Гераклом Олимпийских игр.

⁴⁹ Совершенно неизвестные персонажи.

⁵⁰ Эллинистический историк.

⁵¹ Молиониды (или Молионы, или Акториды) в мифологической традиции и иконографии обычно изображали «сиамскими близнецами» (и видимо, реально таковыми были). Они, соответственно, имели то преимущество, что на состязаниях имели право выступать как один человек.

⁵² Очистка конюшен Авгия — пятый подвиг Геракла. Авгий отказался расплатиться с героем, из-за чего и началась война, в которой приняли участие Молиониды, племянники Авгия.

⁵³ Река в Элиде.

⁵⁴ Город в Ахайе.

⁵⁵ Посильная передача стоящего в оригинале элидского диалектизма.

⁵⁶ Историк, упоминаемый только в этом свидетельстве. Время его жизни не известно.

⁵⁷ Историк III в. до н.э.

⁵⁸ Известнейшие панэллинические игры (составляли «период» с Олимпийскими, Пифийскими, Немейскими). Проводились на Истме, на коринфской территории.

⁵⁹ Другая трактовка поговорки, объяснению которой посвящен этот пассаж (это, напомним, второй подвиг Геракла). Июлай — племянник Геракла (сын Ификла). В *EGM* после слов «позвал на помощь Июлая»: «И отсюда, говорят они, пошла эта поговорка».

⁶⁰ Актор — брат Авгия.

назвал их воинственными Молионами в большей степени из-за их осквернения⁶¹ в битве. А не от того, что они были младшими и что их мать звалась Молионой: ведь Гомер никогда не обозначает по матери. Они имели природу, отличающуюся от природы остальных людей: ведь они были двоенными, имея на двоих две головы, четыре руки и ног столько же, а туловище одно. Из-за этого они побеждали в военных и гимнастических состязаниях. А Геракл, воюя против них, когда они были союзниками Авгия, и будучи не в силах открыто одержать над ними верх, устроил им засаду и убил, и таким образом разрушил Элиду. Этот рассказ содержится у Ферекида.

F80: Схолии к Пиндару, «Олимпийские оды», VII. 42b⁶² (к словам: «Это к ним / От самого Тлеполема истока / Совокупную хочу я направить речь / О широкой мощи Геракловой породы, — / Ибо отчая их честь — от Зевса, / Материнская, по Астидамии, — от Аминтора»⁶³). Гомер называет ее Астихохой, а не Астидамией⁶⁴. Похоже, что Пиндар встретил следующее написание: «Силы Геракловой сын, рожденный с младой Астидамией». И Гесиод называет ее Астидамией; а Ферекид — Астигенией. Она была дочерью Филанта. Но некоторые говорят, что Тлеполем родился у него⁶⁵ от Антигоны. Здесь же Пиндар говорит, что она⁶⁶ была дочерью Аминтора⁶⁷. А Гесиод и Симонид⁶⁸ — что дочерью Ормена.

F81: Схолии к Гомеру, «Илиада», X. 266 (к словам: «Шлем сей — древле из стен Элеона⁶⁹ похитил Автолик⁷⁰, / Там Горменида⁷¹ Аминтора дом крепкозданный разрушив»). Ранее сказав, что Аминтор обитал в Фессалии, из-за чего говорит Феникс⁷²: «После далеко бежал чрез обширные степи Геллады⁷³», — почему здесь он⁷⁴ говорит, что тот жил в Элеоне беотийском? Решение просто: ведь Феникс имел то же имя, что и его отец⁷⁵. Ферекид же называет Аминтора беотийцем. И ведь поэт⁷⁶ не говорит, что Феникс бежал из Эллады. Возможно же, что и в Элладе, таким образом, какая-то местность называлась Элеоном.

F82. а): Схолии к Софоклу, «Трахинянки», 354. Ферекид говорит так: «А после состязания Геракл приходит к Евриту, сыну Мелана, сына Аркесилая, в Эхалию — она же находилась в аркадской Фуле⁷⁷ — и просит его дочь⁷⁸ в жены Гиллу⁷⁹; когда тот не дал ее в жены, Геракл взял Эхалию и убил его сыновей. А Еврит бежал на Евбею».

⁶¹ Греч. μόλυψις. Налицо, конечно, народная этимология.

⁶² Соответствующее место у Пиндара: *Ol.* VII. 20–24.

⁶³ Ода посвящена знаменитому родоскому кулачному бойцу Диагору, возводившему свое происхождение к Тлеполему, сыну Геракла.

⁶⁴ *Hom. Il.* II. 658: «Силы Геракловой сын, рожденный с младой Астихохой».

⁶⁵ Геракла.

⁶⁶ Мать Тлеполема, как бы ее ни звали.

⁶⁷ Происхождение Аминтора и его дочери Астидамии мифы указывают по-разному (из Беотии или Фессалии).

⁶⁸ Симонид Кеосский — крупнейший лирик рубежа архаической и классической эпох.

⁶⁹ Элеон — в Беотии.

⁷⁰ Знаменитый вор, дед Одиссея по матери. Считалось, что именно от него Одиссей унаследовал свое хитроумие.

⁷¹ Так у Гнедича. В оригинале — «Орменида» (ср. Ормена в предыдущем фрагменте).

⁷² Сын Аминтора, бежавший с родины из-за ссоры с отцом и ставший в конечном счете воспитателем Ахилла.

⁷³ Элладой (здесь у Гнедича — Гелладой) первоначально называлась некая область в Фессалии.

⁷⁴ Гомер.

⁷⁵ «Что и его отец» — необходимое дополнение издателей.

⁷⁶ Опять же Гомер.

⁷⁷ Испорченное место; предлагались различные конъектуры. Ведь Эхалию обычно локализовали в Фессалии.

⁷⁸ Миф довольно редкий. Иола из Эхалии — дочь Еврита, сестра Ифита, который будет упомянут чуть ниже. Геракл влюбился в Иолу; это была его последняя любовь, поскольку Деянира, возревновав, погубила его, прислав отравленный хитон.

⁷⁹ Сын Геракла от Деяниры; впоследствии предводитель Гераклидов.

б) Схолии к Гомеру, «Одиссея», XXI. 22. Ифит, сын Еврита, а родом эхалиец, когда у него пропали кони, обходил окрестные города, разыскивая, не покажутся ли они где-нибудь. А прорицатель Полиид⁸⁰ сказал ему, чтобы он в поисках не являлся в Тиринф⁸¹: не полезно-де это ему будет. Ифит, рассказывают, не послушался и явился туда. Геракл же, прибегнув к некой хитрости и уловке, завел его на высокую стену и сбросил — из-за того, что имел обиду на него и на его отца: когда он завершил свои подвиги, те не дали ему в жены Иолу, а с бесчестьем выпроводили. Говорят же, что Зевс, разгневавшись за убийство гостя, приказал Гермесу, взяв Геракла, продать его в наказание за кровопролитие. А тот, приведя его в Лидию, отдал царствовавшей в тех местах Омфале⁸², оценив в три таланта. Этот рассказ содержится у Ферекида.

Ф83: Филодем, «О благочестии», 34b, р. 7 Gomperz⁸³. Равным же образом Ферекид говорит, что прежде того умер Хирон⁸⁴, которого герой⁸⁵ не по своей воле пораил стрелой⁸⁶.

Ф84: Антонин Либерал⁸⁷, «Метаморфозы», 33. Алкмена. Повествует Ферекид. После исчезновения Геракла из мира людей⁸⁸ Еврисфей, изгнав его сыновей⁸⁹ с родины, царствовал сам. А Гераклиды, прибегнув к Демофону, сыну Тесея, поселились в аттическом Четырехградье⁹⁰. Еврисфей же, послав в Афины вестника, объявлял афинянам войну, если те не изгонят Гераклидов. Итак, афиняне войну не отвергают, а Еврисфей вторгся в Аттику и, построив войско к бою, сам погибает в сражении, а множество аргивян обратилось в бегство. Гилл же, другие Гераклиды и те, кто были с ними, после смерти Еврисфея поселяются снова в Фивах⁹¹. В это же время и Алкмена умирает от старости, и Гераклиды вынесли ее для погребения. Жили же они у ворот Электры, там же, где и Геракл, на площади⁹². А Зевс посылает Гермеса, приказывая ему выкрасть Алкмену, отнести на Острова блаженных и дать в жены Радаманфу⁹³. Гермес же, послушавшись, выкрадывает Алкмену, а вместо нее кладет в гроб камень. Гераклиды же, когда, неся гроб, утомились, ставят его на землю; и, открыв, обнаружили вместо Алкмены камень, и, вынув его, установили в роще — там, где находится святилище Алкмены в Фивах.

⁸⁰ Один из знаменитейших в древнегреческой традиции легендарных прорицателей.

⁸¹ Тиринф в мифологии — традиционно город Геракла.

⁸² Рабство Геракла у лидийской царицы Омфалы.

⁸³ Фрагмент дошел в очень плохой сохранности, приводится с конъектурами издателей (впрочем, в основном безусловными и поэтому специально не оговаривающимися).

⁸⁴ При имени Хирона Якоби ставит знак вопроса.

⁸⁵ Геракл.

⁸⁶ Нечаянно, сражаясь с другими кентаврами, напавшими на Геракла, когда он шел за эриманфским вепрем (четвертый подвиг). Стрелы Геракла были отравлены смертельным ядом Гидры. Версия о том, что Хирон был бессмертен и, мучась от постоянной боли, решил променять свое бессмертие (на что — тут традиции очень разнообразны), видимо, Ферекиду еще не известна.

⁸⁷ Римский автор II в. н.э., писавший на греческом языке.

⁸⁸ Известный миф о мучительной кончине Геракла (при невольном участии его супруги Деяниры, а в конечном счете по злоумышлению смертельного раненного им кентавра Несса) пересказывать здесь не имеет смысла; см. наиболее подробно в «Трахинянках» Софокла. Традиция, согласно которой после смерти герой не разделил общую судьбу смертных в Аиде, а был причислен к богам, начала складываться уже ко времени гомеровою «Одиссеи».

⁸⁹ Необходимая поправка издателей к тексту вместо «их» (иначе непонятно: кого — «их?»).

⁹⁰ Район Марафона.

⁹¹ «Снова» — поскольку именно в Фивах родился и провел детство Геракл.

⁹² Текст испорчен.

⁹³ Радаманф — при жизни критский правитель, за свою справедливость был после смерти сделан одним из загробных судей. Здесь у Ферекида — редкая, интересная традиция, явно выражающая тенденцию избавить от общего посмертного удела не только самого Геракла, но и его родительницу.

Потомки Агенора. Род Кадма (4-я, 5-я книги)

Ф85: Схолии к Аполлонию Родосскому, III. 1087. От какой женщины у Прометея родился Девкалион⁹⁴ — умалчивается. Но был и другой Девкалион, о котором повествует Гелланик⁹⁵. И третий — сын Миноса, о котором рассказывает Ферекид⁹⁶. И четвертый — сын Абанта⁹⁷, которого упоминает Аристипп⁹⁸ в «Аркадских событиях».

Ф86: Схолии к Аполлонию Родосскому, II. 178 (к словам: «Сын Агенора Финей владел...»). Ибо он⁹⁹ был сыном Агенора, как говорит Гелланик; по словам же Гесиода, он был сыном Феника, сына Агенора, и Кассиэпеи¹⁰⁰. Так же говорят Асклепиад и АнTIMАХ. А Ферекид утверждает: «От Кассиэпеи же, дочери Араба¹⁰¹, у Феникса рождаются Килик¹⁰², Финей, Дорикл и Атимн — но последний только на словах, а родился Атимн от Зевса».

Ф87: Аполлодор, «Мифологическая библиотека», III. 3¹⁰³. Также отправились¹⁰⁴ на ее¹⁰⁵ поиски ее мать Телефасса и Фасос¹⁰⁶, сын Посейдона, а по словам Ферекида — сын Килика.

Ф88: Схолии к Еврипиду, «Финикиянки», 662 (к словам: «Камнем тириец¹⁰⁷ убил / У водополя / В кисти могучей...»). Итак, Гелланик говорит, что змей был убит камнем, а Ферекид¹⁰⁸ — что мечом.

Ф89: Аполлодор, «Мифологическая библиотека», III. 25¹⁰⁹. А после этой службы Афина обеспечила ему¹¹⁰ царскую власть, Зевс же дал ему в жены Гармонию, дочь Афродиты и Ареса. И все боги, покинув небо и пируя в Кадмее¹¹¹, воспели этот брак. А Кадм подарил ей пеплос и ожерелье, сделанное Гефестом, которое, по словам некоторых, было дано Кадму Гефестом, а по словам Ферекида — Европой: она получила его от Зевса.

⁹⁴ Это тот носитель данного имени, который спасся с Пиррой от всемирного потопа и затем возобновил человеческий род.

⁹⁵ К сожалению, не приводятся подробности.

⁹⁶ Идомей, один из важнейших участников Троянской войны, постоянно фигурирует в «Илиаде» как сын этого Девкалиона.

⁹⁷ Мифический эпоним племени абантов, которое обычно помещали на Евбее.

⁹⁸ Историк II в. до н.э.

⁹⁹ Финей.

¹⁰⁰ В оригинале именно так. Не путать с Кассиопеей, легендарной эфиопской царицей, в честь которой даже было названо созвездие.

¹⁰¹ Мифический эпоним арабов.

¹⁰² Мифический эпоним киликийцев.

¹⁰³ Так у Якоби. В современных изданиях это место цитируется как Apollod. *Bibl.* III. 1. 1.

¹⁰⁴ В *EGM* перед словами «также отправились»: «Когда же Европа пропала, отец ее Агенор послал на поиски сыновей, сказав, чтобы не возвращались, пока не найдут Европу».

¹⁰⁵ Европы, похищенной Зевсом.

¹⁰⁶ Мифический эпоним острова Фасоса в северной части Эгейского моря.

¹⁰⁷ В оригинале просто Кадм (речь идет о знаменитом убийстве им дракона). Вообще перевод этого фрагмента Анненским довольно далеко отходит от оригинала, хотя, впрочем, искажений по релевантным для нас вопросам не содержит, почему мы его и приводим.

¹⁰⁸ Поправка издателей вместо стоящего в рукописи неверного «Ферекрат» (Ферекрат — афинский комедиограф V в. до н.э.; в дальнейшем нам встретятся еще несколько случаев с аналогичной путаницей).

¹⁰⁹ Так у Якоби. В современных изданиях это место цитируется как Apollod. *Bibl.* III. 4. 2.

¹¹⁰ Кадму. За то, что он убил дракона, порождение Ареса, ему пришлось на протяжении года служить этому богу.

¹¹¹ Крепость Кадмея — акрополь Фив.

F90. а): Фотий¹¹², «Лексикон», статья «Гий (дождливый)»¹¹³. Прозвище Диониса, как пишет Клидем¹¹⁴: поскольку, говорит он, мы совершаем жертвоприношения ему в то время, когда бог посылает дождь. А Ферекид называет Семелу¹¹⁵ Гией, а кормилиц Диониса – Гиадами¹¹⁶.

б): Схолии к Гомеру, «Илиада», XVIII. 486¹¹⁷. Зевс отдал Диониса, родившегося из его бедра, додонским¹¹⁸ нимфам, чтобы они его вскормили, – Амвросии, Корониде, Евдоре, Дионе, Фесиле¹¹⁹, Поликсо, Фео¹²⁰. Они, вскормив Диониса, ходили с ним повсюду, даря людям виноградную лозу, найденную этим богом. А Ликург гнал Диониса вместе с ними¹²¹ вплоть до моря. Зевс же, сжалившись над ними, превратил их в звезды¹²². Этот рассказ содержится у Ферекида.

с): Схолии к тому же месту. Ферекид же¹²³, как было сказано выше, говорит, что Гиады были додонскими нимфами и кормилицами Диониса и что они передали Диониса на сохранение Ино¹²⁴, боясь Геры; в это же время за ними гнался и Ликург.

д): Гигин, «Поэтическая астрономия», II. 21¹²⁵. А Ферекид указывает¹²⁶, что они (Гиады), числом семь, были кормилицами Либера¹²⁷, и их также раньше звали додонскими нимфами. Имена их таковы: Амвросия, Евдора, Фесила, Коронида, Поликсо, Фео, Диона. Говорят, что их обратил в бегство Ликург и что все они, кроме Амвросии, убежали к Фетиде, как заявляет Асклепиад; однако, по словам Ферекида, они,

¹¹² Знаменитый византийский эрудит IX в., патриарх Константинопольский, автор множества трудов, в том числе знаменитой «Библиотеки» и этого «Лексикона».

¹¹³ Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: *Suda s.v.; Etym. Magn.* 775, 3 (т.е. на анонимные византийские лексиконы «Суда» и «Большой Этимологик»).

¹¹⁴ Историк-аттидограф IV в. до н.э.

¹¹⁵ Мать Диониса.

¹¹⁶ В *EGM* после слов «кормилиц Диониса – Гиадами»: «Аристофан же причисляет Гио к чужеземным божествам».

¹¹⁷ Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: *Schol. Arat.* P. 389 Маав (схолии к Арату).

¹¹⁸ Додона – крупный религиозный центр в Эпире, со святилищем и оракулом Зевса.

¹¹⁹ Исправление издателей из «Эсиле».

¹²⁰ Фео («светлая») – дополнение некоторых издателей.

¹²¹ Исходя из контекста, именно так нужно здесь понимать *συνεδίωξε*.

¹²² Созвездие Гиады.

¹²³ В *EGM* перед словами «Ферекид же»: «Звезды, помещенные на лбу Тельца (имеется в виду созвездие. – *И. С.*), как говорят, называются Гиадами, а те, что на середине бока, именуются Плеядами. Ибо у Атланта, сына Иапета, и Эфры, дочери Океана, были, как говорит Мусей, двенадцать дочерей и сын Гиас. Этого последнего убивает в Ливии змея, когда он охотился с собаками. И пять сестер, оплакивая брата, умирают, а остальных (весь этот пассаж сильно испорчен: из контекста видно, что здесь идет речь не об «остальных», а именно об этих пяти, об остальных же семи речь заходит далее. – *И. С.*) из сострадания Зевс поместил среди звезд и назвал Гиадами в честь брата. А большая часть – семь – оплакивали медленно, и они, когда умерли, были названы Плеядами (здесь Плеяды этимологизируются от сравнительной степени прилагательного *τολύς*. – *И. С.*)». После слов «гнался и Ликург»: «И Гелланик говорит в первой книге “Атлантовых дел”, что шесть из них сошлись с богами: Тайгета – с Зевсом, причем у них родился Лакедемон, Майя – с Зевсом, причем у них родился Гермес, Электра – с Зевсом, причем у них родился Дардан, Алкиона – с Посейдоном, причем у них родился Гирией, Келено – с Посейдоном, причем у них родился Лик, Стеропа – с Аресом, причем у них родился Эномай. А Меропа сошлась со смертным Сизифом, и у них родился Главк. Потому-то она и является незначительной».

¹²⁴ Ино – сестра погибшей Семелы, т.е. тетка Диониса.

¹²⁵ Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: *Schol. Germ. BP* p. 75, 1; G p. 136, 17; *Schol. Arat. An.* p. 212 Маав (схолии из *Codices Germanici*; схолии к Арату).

¹²⁶ В *EGM* перед словами «а Ферекид указывает»: «Звезды, которые изображают его (Тельца. – *И. С.*) рог, называются Гиадами». Также в *EGM* для этого фрагмента дается вариант F90d1, отсутствующий у Якоби (см. *addenda*).

¹²⁷ Гигин – латинский автор, и вполне естественно, что он называет Диониса-Вакха Либером (а в дальнейшем – Зевса Юпитером).

принеся Либера в Фивы, передали его Ино. По этой причине Юпитером им была дана почесть — потому-то они помешены среди звезд.

е): Схолии к Арату, 172 р. 369, 24 М. Итак, Фалес заявил, что их (Гиад) две, одна — северная, а другая — южная; а Еврипид в «Фаэтонте» — что их три; а Ахей¹²⁸ — что четыре; а Мусей — что пять; а Гиппий¹²⁹ и Ферекид — что семь...¹³⁰ Итак, Еврипид в «Эрехтее» говорит, что Гиады были дочерьми Эрехтея¹³¹ и что их было три; а Миртил¹³² — что они были дочерьми Кадма, названы же были так по той причине, которую мы указали выше¹³³. Ибо Гесиод говорит о них: «Харитам подобные нимфы — / Сестры Фесила, Клея и в пышном венке Коронида, / Милая дева Фео с Евдоруо длинноодежной, — / Их на земле называет Гиадами род человек»¹³⁴.

Ф91: Филодем, «О благочестии», 86. 14, р. 36 Gomperz. Но ведь и сделать страдающими Геракла и Лето при родах¹³⁵; а владыку богов, Зевса, сделать страшным; а Геракла — и весьма неукротимым¹³⁶, как и Софокл, и Еврипид¹³⁷... И Диониса, как Ахей в сатиrowsкой драме «Ирида» и афинянин Ферекид, и богам...¹³⁸

Ф92. а): Аполлодор, «Мифологическая библиотека», III. 69¹³⁹. А у фиванцев был прорицатель Тиресий¹⁴⁰, сын Евера и нимфы Харикло, из рода спарта Удея; и был он лишен зрения. О его слепоте и пророческом искусстве рассказывают разное. Иные ведь говорят, что он был ослеплен богами, поскольку поведал людям то, что они хотели скрыть. Ферекид же сообщает, что он был ослеплен Афиной. Ибо Харикло была дружна с Афиной, и он увидел ее совершенно нагой¹⁴¹; а та, коснувшись руками его глаз, сделала его слепым. Харикло просила ее вновь возратить сыну зрение, а та не смогла это сделать, но зато так очистила его слух, что он мог теперь понимать любой птичий голос; также она подарила ему посох из крушины, и он ходил с ним, подобно зрячим¹⁴². Гесиод же говорит, что Тиресий, увидев у Киллены совокупающихся змей и ранив их, стал из мужчины женщиной¹⁴³... Потому-то Гера его и ослепила, а Зевс наделил пророческим искусством.

¹²⁸ Трагедиограф V в. до н.э.

¹²⁹ Очевидно, Гиппий Элидский.

¹³⁰ В *EGM* после слов «и Ферекид — что семь»: «А прозвище у них такое потому, что они вскормили Диониса, а Гий — это Дионис».

¹³¹ Эрехтей (Эрехфей) — один из древнейших мифических царей Афин.

¹³² Комедиограф V в. до н.э.

¹³³ «Потому, что они вскормили Диониса; а Гий — это Дионис».

¹³⁴ Фрагмент Гесиода (точнее, видимо, Псевдо-Гесиода, из поэмы «Астрономия») дается в переводе О.П. Цыбенко.

¹³⁵ «При родах», естественно, относится только к Лето (Латоне) — речь идет о ее страданиях, когда она из-за злокозненности Геры никак не могла разродиться Аполлоном и Артемидой. Геракл же страдал в свои последние часы (см. «Трахинянки» Софокла).

¹³⁶ Вариант восстановления: «неукротимым из-за безумия». Вообще говоря, этот фрагмент плохо сохранился (как, собственно говоря, и практически всё в трактате Филодема «О благочестии», открытом на папирусе), и в нем немало только гипотетически восстанавливаемых мест.

¹³⁷ Имеется в виду, безусловно, трагедия Еврипида «Геракл».

¹³⁸ Фрагмент обрывается.

¹³⁹ Так у Якоби. В современных изданиях это место цитируется как Apollod. *Bibl.* III. 6. 7

¹⁴⁰ Один из знаменитейших прорицателей в древнегреческой мифологии. Далее рассказывается его история.

¹⁴¹ Конструкция фразы в оригинале грамматически неправильна, так что, безусловно, имеет место лакуна. Предлагались различные конъектуры, но общий смысл ясен: молодой Тиресий увидел обнаженной богиню Афины, когда она купалась с его матерью Харикло.

¹⁴² В смысле — так же уверенно, как ходят зрячие.

¹⁴³ Далее рассказ (пропущенный Якоби) о том, как поспорили Зевс и Гера по вопросу о том, кто получает больше удовольствия при половом акте — мужчина или женщина. В качестве «эксперта» призвали Тиресия (поскольку он побывал лицом обоих полов), а этот последний заявил, что женщина получает гораздо большее наслаждение.

б): Схолии к Гомеру, «Одиссея», X. 493 (к словам: «...Пророка, слепца... / Тиресия Фивского». Ферекид говорит¹⁴⁴, что он был ослеплен, увидев Афины купающейся в ...¹⁴⁵, поскольку она была девой и была пострижена Аполлоном, чтобы ... быть сожженным отцом Евром... Она превратилась в мужчину¹⁴⁶ по воле бога и одна ... стала. И после этого¹⁴⁷ ... Он же сказал, что большее наслаждение получает женщина. Потому-то он и был ослеплен Герой; а Зевс даровал ему пророческое искусство.

F93: Схолии к Софоклу, «Эдип-царь», 775 (к словам: «Мне¹⁴⁸ был отцом Полиб, коринфский царь, / А матерью — дорийка Мерапа»¹⁴⁹). Ферекид говорит, что женой Полиба была Медуса, дочь Орсилоха, сына Алфея. А другие — что Антиохиды, дочь Халкона.

F94: Схолии к Еврипиду, «Финикиянки», 39 (к словам: «Надменный так возница кричал: “Посторонись, прохожий! Дай дорогу — / Царю проехать негде”»¹⁵⁰). А глашатая звали Полифетом¹⁵¹; Ферекид называет его Полипетом¹⁵².

F95: Схолии к Еврипиду, «Финикиянки», 53 (к словам: «На матери женился сын несчастный... / Да, от Эдипа / Двух сыновей имею — Этеокла / И Полиника славного, и двух / Я дочерей с ним прижила — меньшую / Исмению нарек ее отец, / А старшую зову я Антигоной»¹⁵³). Ферекид так повествует о сыновьях и женах Эдипа: «Эдипу, — говорит он, — Креонт¹⁵⁴ дает царскую власть и жену Лая Иокасту, которая была его матерью; от нее у него рождаются Фрастор и Лаонит, которые погибают от рук миниев и Эргина¹⁵⁵ ... Когда же прошел год, Эдип берет в жены Евриганию, дочь Перифанта¹⁵⁶, от которой у него рождаются Антигона и Исмена¹⁵⁷, которую убивает Тидей¹⁵⁸ у источника, и в ее честь источник называется Исменой. А его сыновья от нее — Этеокл и Полиник. Когда же Евригания умерла, Эдип берет в жены Астимедусу, дочь Сфенела». А некоторые говорят, что Евригания была сестрой Иокасты.

F96: Схолии к Еврипиду, «Финикиянки», 71 (к словам: «Расстаться порешили любовно... / На вольное изгнание Полиник / Себя немедля осудил, как младший. / “Пусть, — он сказал, — мой старший первый год / Над Фивами царит”»). Итак, следует знать, что отбытие Полиника в Аргос не у всех излагается одинаково. Ведь Ферекид говорит, что

¹⁴⁴ «Говорит» — необходимое добавление издателей.

¹⁴⁵ Несомненная лакуна. Этот пассаж, как можно видеть и из дальнейшего, вообще сильно испорчен и изобилует лакунами, сильно препятствующими пониманию.

¹⁴⁶ Тот же Тиресий, ранее ставший женщиной.

¹⁴⁷ Следует рассказ о вышеупомянутом споре между Зевсом и Герой. Якобы уже второй раз опускает этот рассказ (по соображениям тогдашней нравственности?).

¹⁴⁸ Говорит Эдип, называя своих мнимых родителей.

¹⁴⁹ Софокл цитируется в переводе Ф. Ф. Зелинского.

¹⁵⁰ Встреча Эдипа с отцом Лаем на дороге в Фивы. Анненский здесь неточно понял текст. У него получается, будто бы эти слова кричит Эдипу сам Лай, в то время как Еврипидом они вложены в уста возницы (глашатая), о котором далее и идет речь в схолиях.

¹⁵¹ Текст испорчен; «звали» — дополнение по смыслу.

¹⁵² Возможно, следы ионийского псилосиса (тогда это лишнее доказательство, что Ферекид писал на ионийском, а не аттическом диалекте).

¹⁵³ Говорит Иокаста (родившая от Эдипа названных здесь детей), которая у Еврипида не покончила с собой, а пережила Эдипа.

¹⁵⁴ Брат Иокасты.

¹⁵⁵ Возможно, здесь лакуна. Эргин в данном случае — царь Орхомена Минийского.

¹⁵⁶ У Ферекида, как часто, редкая, нетрадиционная версия.

¹⁵⁷ В оригинале текст испорчен, стоит неясное «Антигона и Иокаста, Исмена». Имя Иокасты приходится удалить: оно явно попало в это место ошибочно.

¹⁵⁸ Тидей, ставший свояком Полиника (оба они женились на дочерях Адраста), ходил по слову в Фивы с целью убедить Этеокла уступить престол Полинику по истечении положенного срока. Он не только не добился своего, но на него, когда он отправился в обратный путь, была устроена засада. На Тидея напали 50 фиванцев, но он всех перебил, кроме одного, да и тому-то сохранил жизнь только для того, чтобы он сообщил в Фивы о случившемся. Убийство Тидеем Исмены обычно приурочивают к этому же эпизоду.

Полиник был изгнан с применением силы; Гелланик же повествует, что он удалился по договору...¹⁵⁹

F97: Схолии к Гомеру, «Илиада», V. 126. Говорят, что в фиванской войне Тидей был ранен Меланиппом¹⁶⁰, сыном Астака, и весьма вознегодовал; Амфиарай же, убив Меланиппа, дал его голову Тидею, а тот, как зверь, рассекши ее, от злости пил мозг. А в это время находилась там Афина, несшая ему с неба бессмертия, и из-за такой мерзости она отвернулась. А он, увидев это, взмолился, чтобы хоть сыну его она даровала бессмертия¹⁶¹. Повествует об этом Ферекид.

*Родословные Афаманта и Крефея¹⁶².
Предыстория Аргонавтики (6-я книга)*

F98: Схолии к Пиндару, «Пифийские оды», IV. 288a¹⁶³ (к словам «Безбожных мачехиных стрел»). Ведь он¹⁶⁴ претерпел бедствия из-за мачехи¹⁶⁵, влюбившейся в него, и из-за ее злоумышлений против него вынужден был бежать. Мачеху же Пиндар в «Гимнах» называет Демодикой, а Гиппий¹⁶⁶ — Горгопидой, а Софокл в «Афаманте» — Нефелой, а Ферекид — Фемисто. Он еще говорит, что, когда сами собой гибли плоды, тот¹⁶⁷ добровольно предал себя на заклятие.

F99: Эратосфен, «Катастерисмы», 19¹⁶⁸. Овен¹⁶⁹: тот, который перенес Фрикса и Геллу. Он был бессмертен и дан им матерью Нефелой. Имел же он золотое руно, как сообщили Гесиод и Ферекид¹⁷⁰.

¹⁵⁹ Есть, помимо прочего, и версия, согласно которой первым из сыновей Эдипа на фиванский престол вступил как раз Полиник, договорившись с братом Этеоклом, что они будут править по очереди, ежегодно сменяя друг друга. И Полиник выполнил условие, через год удалившись, а вот когда он еще год спустя захотел вернуться на царство, Этеокл его не пустил, что и повело к известной войне «Семерых против Фив». В *EGM* после слов «удалился по договору»: «...уступив царскую власть Этеоклу, говоря, что Этеокл предложил ему выбор: хочет ли он иметь царскую власть или получить часть денег и жить в другом городе. А тот, взяв хитон и ожерелье Гармонии, удалился в Аргос, предпочтя уступить за них Эдипово царство. Ожерелье подарил Гармонии Афродита, а хитон — Афина, а он дал их сестре Адраста Аргии. В результате Еврипид пользуется обеими историями: здесь — Ферекидовой, а позже — Гелланиковой».

¹⁶⁰ Меланипп — фиванский герой. Далее излагается один из самых колоритных по своей натуральности эпизод штурма Фив Семерыми.

¹⁶¹ Сын — Диомед. Афина в «Илиаде» очень симпатизирует ему. Было ли Диомеду даровано бессмертия? Варианты мифа расходятся. Согласно основному Диомед умер в Италии. Но есть и версии, согласно которым Диомед стал-таки богом или, по меньшей мере, попал после кончины на Острова блаженных.

¹⁶² Беотийско-фессалийская мифология. Афаманта и Крефея иногда называют братьями, иногда разводят, делая Афаманта сыном Эола (его еще связывают с миниями), Крефея — сыном Дора, основателем фессалийского Иолка.

¹⁶³ Соответствующее место у Пиндара: Pind. *Pyth.* IV. 162.

¹⁶⁴ Фрикс, сын Афаманта и Нефелы, облачной богини.

¹⁶⁵ Обычно считается, что эта мачеха — Ино, дочь Кадма. Однако в нижеследующих суждениях это имя даже не фигурирует, а упоминаются разные другие женские персонажи. Стремление отделить Ино от злодеяния, поскольку впоследствии она стала богиней (Левкофеей)?

¹⁶⁶ Либо софист V в. до н.э. Гиппий Элидский, либо историк IV в. до н.э. Гиппий Эрифрский.

¹⁶⁷ Фрикс.

¹⁶⁸ Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: Hygin. *Astr. poet.* II. 20; *Schol. Arat.* p. 221 Maab; *Schol. Germ. Arat.* p. 142B (Гигин; схолии к Арату).

¹⁶⁹ Имеется в виду созвездие Овна.

¹⁷⁰ В *EGM* после слов «Гесиод и Ферекид»: «А перенося их через самое узкое место моря, названного в честь Геллы Геллеспонтом, он уронил ее, потеряв рог, — Посейдон же спасает Геллу и, совокупившись с ней, породил сына по имени Пеон, — а спасшегося Фрикса доставил в Евксинский залив к Эту; Фрикс же, сняв золотую шкуру, отдал ему на память».

F100: Схолии к Аполлонию Родосскому, III. 1093 (к словам: «Острова Ээи»). Упоминает же он остров на Фасисе¹⁷¹, на котором было руно, как говорит Ферекид¹⁷².

F101: Схолии к Пиндару, «Пифийские оды», IV. 221c¹⁷³ (к словам: «Ферет¹⁷⁴ от близких потоков Гиперией»). Источник же этот — Гиперия в Ферах¹⁷⁵. А некоторые говорят, что он получил название от Гиперета, как, например, Ферекид. Ведь он говорит так: «Мелан, сын Фрикса, берет в жены Евриклею; рождается же у них Гиперет, который жил у источника, названного в его честь Гиперией»¹⁷⁶.

F102: Схолии к Платону, «Гиппарх», 229d. А у Ферекида, я нашел, и название ионийского города — имею в виду Теос¹⁷⁷ — производится ... от слова τέως («пока»). Ведь Афамант, говорит он, удаляясь из страны, встретил дочь Арею, которая, играя, собирала в одно место камни, ныне находящиеся в Теосе. Он спросил ее: «Что ты делаешь?». А она сказала: «Пока (τέως) ты искал, где основать город, я нашла». Потому-то он, ободрившись, назвал город Теосом.

F103. а): Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 411 (к словам: «Внемли, владыка!¹⁷⁸ Недаром в Пагасах¹⁷⁹ и в граде Эсона / Ты обитаешь»). Эсониды — город в Магнесии, названный в честь отца Ясона¹⁸⁰, как говорит и Пиндар, и Ферекид.

б): Стефан Византийский, статья «Эсон». Город в Фессалии — от Эсона, отца Ясона... И Ферекид¹⁸¹ называет этот город Эсонией.

F104. а): Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 45 (к словам: «С ... Алкимедой / Из Филаки¹⁸² когда-то Эсон пожелал сочетаться»). В том, что матерью Ясона¹⁸³ была Алкимеда, Ферекид согласен с Аполлоном. А Геродор называет матерью Ясона Полифему, дочь Автолика. Андрон же в эпитоме «Родственников»¹⁸⁴ говорит, что Ясон был сыном Эсона и Феогнеты, дочери Лаодика.

б): Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 230 (к словам: «Столько собралось мужей, соратников в деле Ясона. / Окрест живущие люди всем доблестным дали героям / Славное имя минийцев. Ведь большая часть из пришедших / И самых лучших гордились, что род их ведется от крови / Миниевых дочерей. А Ясонова мать Алкимеда / Минию внучкой слыла, рожденной от дщери Климены»). Стесихор же говорит¹⁸⁵ об Этеоклимене¹⁸⁶; а Ферекид — об Алхимеде, дочери Филака.

¹⁷¹ Фасис — река в Колхиде; обычно отождествляется с нынешней Рионой.

¹⁷² В *EGM* фрагмент имеет следующий вид: «А следует знать, что Эя — столица колхов, Эя же — остров на Фасисе, где хранилось руно, как говорит Ферекид; о нем-то тут упоминает Аполлоний. “Эя” — притяжательная форма от Эи, с удвоением дифтонга αι».

¹⁷³ Соответствующее место у Пиндара: Pind. *Pyth.* IV. 125.

¹⁷⁴ Брат Эсона, отца Ясона.

¹⁷⁵ Феры — один из крупнейших городов Фессалии.

¹⁷⁶ В *EGM* после слов «названного в его честь Гиперией»: «А по мнению некоторых, правильное чтение у Гомера таково: “В Ферах живущих и вокруг, где источник есть Гиперия”. Говорят, что и в Лаконике есть источник Гиперия». Стандартный вариант *Ном. II. II. 711* — «В Ферах живущих и вокруг при Бебеидском озере светлом».

¹⁷⁷ Город в «двенадцатиградь» Ионии.

¹⁷⁸ Ясон обращается к Аполлону.

¹⁷⁹ Пагасы — приморский город в фессалийской Магнесии, гавань Фер.

¹⁸⁰ Эсона.

¹⁸¹ В *EGM* перед словами «и Ферекид»: «название жителя — эсониец».

¹⁸² Полагаем, в данном месте Аполлоний на самом деле под «Филакидой» имеет в виду не уруженку города Филаки, а дочь человека по имени Филак. См. чуть ниже, как раз со ссылкой на мнение Ферекида.

¹⁸³ В *EGM* перед словами «в том, что матерью Ясона»: «Ни Гомер, ни Гесиод, ни Ферекид не говорят, что Ификл отправился в плавание вместе с аргонавтами».

¹⁸⁴ «Родственники» — труд Андрона Галикарнасского.

¹⁸⁵ В *EGM* перед словами «Стесихор же говорит»: «Ведь Миний имел многочисленных дочерей. Ведь и Ясон — сын Алхимеды, дочери Климены, дочери Миния».

¹⁸⁶ Т.е. как бы «истинной Климене».

с): Схолии к Гомеру, «Одиссея», XII. 69. Согласно Гесиоду¹⁸⁷, Ясон рождается от Эсона и Полимелы; а согласно Ферекиду – от Алкимеды.

Аргонавтика (6-я, 7-я книги)

F105: Схолии к Пиндару, «Пифийские оды», IV. 133a¹⁸⁸ (к словам: «Обутого на одну ногу»). Рассказ содержится у Ферекида: «Приносил жертву Посейдону, – говорит он, – Пелий, и заранее оповестил, чтобы все присутствовали; были же там и другие граждане, и Ясон. А случилось так, что он пахал близ реки Анавра¹⁸⁹ и разутым переходил реку; перейдя же, он правую ногу обувает, а левую – забывает. И так он приходит на обед. Пелий же, увидев, сопоставляет с пророчеством, и тогда он сохранял спокойствие, но на следующий день, призвав Ясона к себе, спросил, что тот стал бы делать, если бы ему было предсказано погибнуть от руки граждан. А Ясон предлагает послать его в Эю¹⁹⁰ за золотым руном, чтобы он привез его от Ээта. А в ум Ясону это вкладывает Гера, чтобы пришла Медея злом для Пелия¹⁹¹».

F106: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 4. Аполлоний называет «Арго» в честь Арга – его строителя; а Ферекид – в честь Арга, сына Фрикса.

F107: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 105 (к словам: «Тифис, Гагния сын, сифейский народ феспийцев / Бросил»). Сифы – город в Беотии, Сифей же – область феспийцев, а город Феспии есть и в Фессалии. Ферекид же повествует, что Тифис был из Потний¹⁹², а Эсхил в «Арго» называет Тифиса Ифисом.

F108: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 139 (к словам: «Идмон... / Сыном Абанта, по правде, он не был, его породил сам / Летоид¹⁹³, и стал он своим среди Эолидов. / Бог его обучил следить за птичьим полетом, / Дар прорицанья вложил...»). Хамелеонт¹⁹⁴ говорит, что Идмоном у древних назывался Фестор за то, что был опытен¹⁹⁵. Другие говорят, что и Фестор плыл вместе с аргонавтами. А Деиох¹⁹⁶ говорит, что с ними плыл Амфиарай. Идмон же, как повествует Ферекид, был сыном Астерии, дочери Корона, и Аполлона; сын последнего и Лаофои – Фестор, а сын того – Калхант¹⁹⁷. Идмона же в Мариандинии¹⁹⁸ убивает вепрь. О том, что Идмон – сын Абанта, говорит и Геродор.

F109: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 645 (к словам: «Между тем вестником быстрым вперед герои послали / Эфалида, который этот удел себе выбрал: / Скипетр дивный ему Гермеса, отца его, дали. / Сыну бог подарил навек нетленную память: / Ведь и ныне еще, хоть он отошел к Ахеронту¹⁹⁹, / Не коснулось души, волнуемой в вихрях, заб-

¹⁸⁷ В *EGM* перед словами «согласно Гесиоду»: «Тиро, дочь Салмоней, имея от Посейдона двух сыновей, Нелея и Пелия, вышла замуж за Крефея и родила от него трех сыновей, Эсона, Ферета и Амифаона».

¹⁸⁸ Соответствующее место у Пиндара: Pind. *Pyth.* IV. 75. Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: Tzetz. *Schol. Lycophr.* 175.

¹⁸⁹ Река в Фессалии.

¹⁹⁰ Колхида, страна Ээта, иногда именуется в источниках Ээй или Ээей. Но чаще так именуют остров, на котором жила волшебница Кирка (Цирцея), сестра Ээта – отцом их обоих был Гелиос.

¹⁹¹ Как известно, Медея, дочь Ээта, привезенная Ясоном в Иолк, погубила Пелия.

¹⁹² Потнии – город в Беотии.

¹⁹³ Аполлон.

¹⁹⁴ Раннеэллинистический автор.

¹⁹⁵ Якоби добавляет со знаком вопроса: «в искусстве прорицания». В имени «Идмон» мог слышаться корень, связанный со знанием.

¹⁹⁶ Историк классической эпохи.

¹⁹⁷ Знаменитый прорицатель, бывший в войске ахейцев под Троей. Упоминается уже в первой песне «Илиады», и сразу же – как Фесторид.

¹⁹⁸ Область на северо-западе Малой Азии, населенная мариандинами.

¹⁹⁹ Т.е. сошел в царство мертвых.

венье, / Но живет та душа, постоянно нечто меняя, / То пополняя сонм подземных, то к свету являясь / Солнца, чтоб жить средь живых... Зачем, однако, я начал / Об Эфалиде преданья расскаживать вам столь подробно?») ...Он²⁰⁰, перемещаясь душой из тела в тело, по мнению философов, знал, кем он был раньше, благодаря советам Гермеса. А Ферекид говорит, что Эфалид имел от Гермеса дар – чтобы душа его была временами в Аиде, временами же в надземных местах. Об этом же Эфалиде говорят пифагорейцы...

F110: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 45 (к словам: «Также долго Ификл не стал оставаться в Филаке, / Дядя родной Эсониды. С сестрою его Алкимедой / Из Филаки когда-то Эсон пожелал сочетаться»). Ни Гомер, ни Гесиод, ни Ферекид не называют Ификла²⁰¹ в числе аргонавтов.

F111. а): Аполлодор, «Мифологическая библиотека», I. 117²⁰². А там²⁰³ они²⁰⁴ оставили Геракла и Полифема²⁰⁵... Геродор²⁰⁶ же говорит, что он²⁰⁷ тогда не плыл с самого начала, а находился в рабстве у Омфалы. А Ферекид утверждает, что он был оставлен в фессалийских Афетах, поскольку «Арго»²⁰⁸ сказал, что не может нести его тяжесть. Демарат²⁰⁹ же сообщил, что он приплыл к колхам, ведь Дионисий²¹⁰ говорит, что и вождем аргонавтов был он.

б): Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 289. Итак, Аполлоний говорит, что Геракл был оставлен у Киоса²¹¹, когда он отошел в поисках Гила²¹². Но Дионисий Митиленский²¹³ говорит, что этот герой плыл вместе с другими вплоть до колхов...²¹⁴ С ним согласен и Демарат. А Геродор говорит, что он не плыл, равно как и некоторые другие. Гесиод в «Браке Кеика»²¹⁵ говорит, что он отошел на поиски воды и был покинут близ местности в Магнесии, которая из-за того, что он был там оставлен, именуется Афетами («местом оставления»). Антимах же в «Лиде»²¹⁶ говорит, что Геракл был высажен с корабля, потому что «Арго» был чрезмерно отягощен этим героем; и Посидипп, автор эпиграмм²¹⁷, следует ему, а Ферекид – Гесиоду. Эфор²¹⁸ же в 5-й книге говорит, что он добровольно остался у Омфалы, царствовавшей над лидийцами.

²⁰⁰ Эфалид был мифологическим персонажем, популярным прежде всего в пифагорейской среде: в нем видели первое воплощение самого Пифагора.

²⁰¹ Это фессалийский Ификл, а не брат Геракла.

²⁰² Так у Якоби. В современных изданиях это место цитируется как Apollod. *Bibl.* I. 9. 19.

²⁰³ В Мисии.

²⁰⁴ Аргонавты.

²⁰⁵ В данном случае это, конечно, не киклоп, а его тезка – аргонавт.

²⁰⁶ Исправление издателей из рукописного «Геродот».

²⁰⁷ Геракл.

²⁰⁸ Как известно, корабль «Арго» был наделен даром речи.

²⁰⁹ Эллинистический историк.

²¹⁰ Дионисий Скитобрахион, александрийский грамматик II в. до н.э.

²¹¹ Река в Мисии.

²¹² Гил (Гилас) – юный возлюбленный Геракла (не путать с Гиллом, сыном героя). Был взят Гераклом в поход аргонавтов, но у Киоса отстал, заманенный нимфами-наядами. Не желая оставлять любимца, не поплыл дальше и Геракл.

²¹³ Это тот же Дионисий Скитобрахион (поскольку местом его рождения была, видимо, Митилена).

²¹⁴ В *EGM* после слов «вплоть до колхов»: «...и о том, как Медея помогла Ясону». После слов «царствовавшей над лидийцами»: «А Антиклид (эллинистический историк-антиквар. – *И. С.*) во 2-й книге “Делосских дел” высказывает особое мнение – что Гилл, сын Геракла, пойдя по воду, не вернулся».

²¹⁵ Под именем Кеик в мифологии фигурируют два основных персонажа. Первый – друг Геракла, трахинский царь. Второй – муж Алкионы; обоих супругов боги превратили в птиц.

²¹⁶ В данном случае, в связи с указанием на название произведения, ясно, о каком из античных авторов, носивших имя Антимах, идет речь. Это Антимах Колофонский, поэт классической эпохи.

²¹⁷ Этого Посидиппа, писавшего эпиграммы и жившего в III в. до н.э., не следует путать с комедиографом Посидиппом, упоминавшимся выше.

²¹⁸ Эфор из Кимы – один из крупнейших историков IV в. до н.э., ученик Исократы, представитель риторической историографии.

F112: Схолии к Аполлонию Родосскому, III. 230 (к словам: «Он же ему²¹⁹ создал быков медноногих. Их пасти / Были из меди, ужасное пламя они выдыхали»). О том, что быки были медноногими и выдыхали огонь, говорит Ферекид.

F113. а): Схолии к Еврипиду, «Медея», предисловие. А Ферекид и Симонид говорят, что Медея, сварив Ясона, сделала его молодым²²⁰. Об отце же его Эсоне тот, кто написал «Возвращения»²²¹, говорит так: «Юношей милым Эсона она сотворила цветущим»²²². А Эсхил в «Кормилицах Диониса» повествует, что и кормилиц Диониса с их мужьями она, сварив, омолодила.

б): Схолии к Аристофану, «Всадники», 1321. Подобно тому, как о Меее говорят — так повествует Эсхил, — что она, сварив кормилиц Диониса, заставила их помолодеть вместе с их мужьями; а по словам того, кто написал «Возвращения», — также и Эсона... По словам же Ферекида и Симонида — Ясона.

Родословные других Эолидов: Салмоней, Сизиф, Деион, Калика²²³ (7-я, 8-я книги)

F114: Схолии к Гомеру, «Одиссея», XV. 225. Меламп, сын Амифаона, совершал и многие другие необыкновенные вещи, связанные с искусством прорицания; но не худшим среди его дел был и следующий славнейший подвиг: ведь когда дочери Прета, царя аргивян²²⁴, — Лисиппа и Ифианасса — по своей юной несмышленности согрешили против Геры (ибо они, придя в храм этой богини, насмеялись над ним, говоря, что дом их отца гораздо богаче) и из-за этого сошли с ума, Меламп, явившись, обещал их совершенно исцелить, если получит награду, вполне достойную исцеления. Ведь болезнь продолжалась уже десять лет и приносила страдание не только самим девушкам, но и их родителям. А когда Прет предложил Мелампу и часть царства, и одну из дочерей, какую он пожелает, в жены, — Меламп вылечил болезнь, смягчив Геру молитвами и жертвоприношениями. И он получает в жены Ифианассу, приобретая ее как свадебный дар за врачевание. Рассказ же этот содержится у Ферекида.

F115. а): Схолии к Гомеру, «Илиада», XIII. 663 (к словам: «...Послал²²⁵ медножальную стрелу. / Был Эвхенор меж ахейцами, сын Полиида пророка, / Муж знаменитый, богатый, Коринфа цветущего житель»). Ферекид сообщает следующую родословную: от Мелампа — Мантий, от него — Клит, от того — Керан, от того — Полиид. Затем он говорит: «Полиид берет в жены Евридамию, дочь Филея, сына Авгия; рождаются же у него Эвхенор и Клит, которые взяли Фивы с эпигонами²²⁶; потом они отправляются в Троию с Агамемноном; и Эвхенор погибает от руки Александра».

б): Схолии к Еврипиду, «Алкестид», 1. См. фрагмент F35a от слов «Ферекид же утверждает...» до слов «...воскрешал умерших».

²¹⁹ Гефест Эту.

²²⁰ Согласно основной версии мифа, сварен и омоложен Мееей был Эсон, отец Ясона. Когда такое же попробовали проделать с Пелием его дочери, тот, естественно, погиб.

²²¹ Киклическая поэма.

²²² Фрагмент «Возвращений» цитируется в переводе О. П. Цыбенко.

²²³ Салмоней, сын Эола, жил в Элиде и был известен своими кощунствами по отношению к богам, за что был убит молнией Зевса. Фигура Сизифа слишком известна, чтобы что-либо в связи с ней комментировать. Напротив, Деион и Калика — совершенно маргинальные персонажи.

²²⁴ Исцеление дочерей Прета, — пожалуй, самое известное деяние знаменитого прорицателя Мелампа.

²²⁵ Парис-Александр.

²²⁶ Эпигоны — сыновья знаменитых «Семерых против Фив», которым в отличие от отцов удалось-таки взять крупнейший город Беотии. Самые знаменитые из эпигонов — Диомед, сын Тидея, Алкмеон, сын Амфиарая, Ферсандр, сын Полиника.

F116: Схолии к Гомеру, «Одиссея», XV. 223. Фолифид, сын Мантия, и ...²²⁷ взяв в жены Эхму, дочь Гемона, жил в Элевсине, а родились у него дети Гармонид и Феоклимен. Последний, убив родственника, бежит в Пилос. Встретив Телемаха²²⁸, приносящего жертву, он просит того спасти его, увезя на Итаку²²⁹. А тот, испытав стыд при виде беглеца и жалившись над сверстником, берет его с собой на Итаку. А когда тот рассказал то, что было связано с его отцом — а говорил он правду²³⁰, — Телемах стал его почитать еще гораздо больше. Потому-то Феоклимен, благосклонно принятый Одиссеем с присными, здесь²³¹ оканчивает жизнь. Рассказ же этот содержится у Ферекида.

F117: Схолии к Гомеру, «Одиссея», XI. 281 (к словам: «После явилась Хлорида; ее красотою пленяся, / Некогда с ней сочетался Нелей... / ...Был царь Амфион Иасид, Орхомена / Града минийского славный властитель, отец ей; царица / Пилоса, бодрых она сыновей даровала Нелею...»). Нелей, сын Посейдона и Тиро, изгнанный братом Пелием из Иолка, прибыл в пелопоннесскую Мессену²³². И основывает Пилос, захватив его у местных жителей, и берет в жены Хлориду, дочь Амфиона, сына Иаса, и Персефоны, дочери Миния, и царствует не только над пилосцами, но и над теми, кто жил в минийском Орхомене, и оказывается в числе счастливых. Рассказ же этот содержится у Ферекида.

F118: Схолии к Гомеру, «Илиада», XI. 674. Нелей, сын Посейдона, лучший наездник из тех, что были в его время. Он послал в Элиду коней на устроенное там Авгием состязание. Когда же они одержали победу, Авгий из зависти отнял их, а возничих оставил без дела. Нелей же, узнав, сохранял спокойствие. А Нестор, младший из его детей, собрав войско, напал на Элиду и, многих убив, возвратил коней и взял у врагов немалую добычу. Этот рассказ содержится у Ферекида.

F119: Схолии к Гомеру, «Илиада», VI. 153. Когда Зевс перенес дочь Асопа Эгину из Флиунта²³³ на Энону через Коринф, Сизиф окольным путем указывает ищущему дочь Асопу на похищение, и за это он навлек на себя гнев Зевса. Итак, тот посылает к нему Таната²³⁴. А Сизиф, догадавшись о замысле, скрывает Таната крепкими цепями. Из-за этого получилось так, что никто из людей не умирал, пока Арес не освободил Таната, а самого Сизифа не передал²³⁵. Но Сизиф перед тем, как умереть, приказывает своей жене Меропе не посылать положенное²³⁶ в царство Аида. И, спустя какое-то время, поскольку жена не посылала это Сизифу, Аид, узнав об этом, посылает его назад, чтобы он упрекнул жену. А он, прибыв в Коринф, отнюдь не идет назад, ожидая смерти от старости. За это, когда он²³⁷ умер, Аид заставил его катить камень, чтобы он опять не убежал. Этот рассказ содержится у Ферекида.

F120: Схолии к Гомеру, «Одиссея», XIX. 432. Филонида, дочь Деиона, живущая на Парнасе, возлегла и с Аполлоном, и с Гермесом²³⁸; ведь она отличалась милой красотой до такой степени, что и боги, соревнуясь за нее, желали с ней совокупиться. Затем от Аполлона рождается Филаммон, умудренный муж, который, как считается,

²²⁷ Безнадёжно испорченное место. Специалист такого калибра, как Якоби, ставит здесь сгих, отвергая восстановления, предлагавшиеся другими издателями.

²²⁸ Телемах — сын Одиссея. Описываемый здесь эпизод с Телемахом и Феоклименом подробно изложен в «Одиссее» Гомера.

²²⁹ «Увезя на Итаку» — дополнение некоторых издателей. Якоби его исключает.

²³⁰ Поскольку был потомственным прорицателем.

²³¹ На Итаке.

²³² Правильнее, наверное, было бы «Мессению». Кстати, в схолиях вообще «Месену», с одной «с».

²³³ Флиунт — город на северо-востоке Пелопоннеса, между Аркадией и Арголой.

²³⁴ Танат (Танатос) — бог смерти.

²³⁵ В одном из вариантов схолий — иной текст: «...пока Аид не передал его Танату, а Таната не освободил от оков». Так, пожалуй, смысл оказывается яснее, а иначе повисает глагол «передал». Но «Аид», конечно, должно быть заменено на «Арес».

²³⁶ Т.е. заупокойные жертвы.

²³⁷ На стыке предыдущей фразы с этой — порча текста. Следуем конъектуре Якоби.

²³⁸ «И с Гермесом» — необходимая добавка издателей.

первым составил хоры девушек, а от Гермеса – Автолик, который, живя на Парнасе, кражами накопил больше всех. Ибо он имел это искусство от отца, так что люди, когда он что-нибудь крал, не замечали, а своей добычей он придавал форму, какую хотел; так он и стал хозяином самой большой добычи. Этот рассказ содержится у Ферекида.

F121: Схолии к Аполлонию Родосскому, IV. 57. Эндимиона²³⁹ же Гесиод называет сыном Аэтлиа, сына Зевса и Калики, получившим от Зевса дар самому распоряжаться своей смертью, чтобы умереть, когда захочет; так же говорят и Писандр²⁴⁰, и Акусилай, и Ферекид, и Никандр²⁴¹ ... и Феопомп, эпический поэт²⁴².

F122. а): Аполлодор, «Мифологическая библиотека», I. 76²⁴³. А Тидей, муж благородного происхождения, был изгнан, поскольку убил, как некоторые говорят, Алкафоя, брата Ойнея²⁴⁴; но тот, кто написал «Алкмеониду»²⁴⁵, говорит, что он убил сыновей Мелана, злоумышлявших против Ойнея...²⁴⁶ А по словам Ферекида – Оления, собственного брата. Агрий²⁴⁷ возбудил против него иск, и он, отправленный в изгнание, прибыл в Аргос к Адрасту и, взяв в жены его дочь Деипилу, родил Диомеда.

б): Схолии к Гомеру, «Илиада», XIV. 120. Ведь Тидей, убив Ликопея и Алкафоя, своих детей²⁴⁸, ушел в изгнание. Самое правдивое повествование таково: Тидей, сын Ойнея, родом этолиец, был самым мужественным из людей того времени; еще молодым он увидел, как его отца из-за старости отстранили от царской власти сыновья Агрия. Именно поэтому он убивает и двоюродных братьев, и вместе с ними – не желая того – родного брата²⁴⁹. Уйдя же в изгнание в Аргос к Адрасту, царю этой местности, он получает от него очищение и берет в жены его дочь Деипилу. Этот рассказ содержится у Ферекида.

F123: Схолии к Гомеру, «Илиада», II. 212. Ферекид же говорит, что и он²⁵⁰ был одним из тех, кто отправился на Калидонского вепря. Но, уклоняясь от сражения с кабаном, он был сброшен со скалы Мелеагром; потому-то у него и было изувеченное тело. Ферекид называет его сыном²⁵¹ Агрия и Дии, дочери Порфаона²⁵².

²³⁹ Эндимион – возлюбленный богини луны Селены, усыпившей его, дабы сохранить ему вечную молодость (некий pendant к мифу об Эос и Титоне).

²⁴⁰ Писандр из Камира.

²⁴¹ Было несколько античных авторов по имени Никандр. Здесь, очевидно, имеется в виду Никандр Колофонский, эпический поэт эллинистического времени.

²⁴² Датируется временем поздней классики или раннего эллинизма; родом из Колофона.

²⁴³ Так у Якоби. В современных изданиях это место цитируется как *Apollo*. *Bibl.* I. 8. 5.

²⁴⁴ Ойней («винный») – этолийский герой и царь, отец Тидея.

²⁴⁵ «Алкмеонида» – одна из киклических поэм. Завершала собой фиванский цикл, повествуя о судьбе одного из эпигонов – Алкмеона, сына Амфиарая.

²⁴⁶ В *EGM* после слов «против Ойнея»: «Фенея, Евриала, Гиперлая, Антиоха, Евмеда, Стернопа, Ксантиппа, Сфенелая».

²⁴⁷ Брат Ойнея.

²⁴⁸ В связи с бессмысленностью этого места предлагалась поправка: «детей Агрия».

²⁴⁹ Порча текста. Предлагались поправка «единокровного брата», «племянника».

²⁵⁰ Терсит.

²⁵¹ Терсит (Ферсит) – знаменитый «отрицательный герой» Илиады, которого Гомер изображает крайне безобразным. Ферекид здесь объясняет причину его уродства. Заметим, что в исследовательской литературе Терсита часто, но совершенно безосновательно, считают «простолудином», «рядовым ратником», единственным представителем демоса, изображенным в «Илиаде». На самом деле у Гомера нигде не сказано о низком происхождении Терсита, а из других источников (в том числе из этого свидетельства Ферекида, весьма раннего автора) известна его вполне аристократическая родословная (он сын Агрия, т.е. двоюродный брат Тидея). Терсит – дурной (κακός) не в силу своего происхождения, а в силу своих моральных качеств (прежде всего отсутствия доблести, ἀρετή).

²⁵² В *EGM* после слов «дочери Порфаона»: «А если бы он был родственником Диомеда, Одиссей его не ударил бы».

Асопиды и Атлантиды (8-я, 9-я книги?)

F124: Схолии к Гомеру, «Одиссея», XIX. 518 (к словам: «Плачет Аида²⁵³, Пандарова дочь бледнолика, плачет... / Плача, Итилосо милого, сына Зефосова, медью / Острой нечаянно ею сраженного, мать поминает»). С Антиопой, дочерью Никтея, совокупляется Зевс. От нее рождаются Зет и Амфион. Они первыми поселяются в Фивах и называются белокожими Зевсовыми юношами. Зет же берет в жены Аэдону (соловья), дочь Пандарея; рождаются же у них Итил и Неида. А Итила его мать, Аэдона, убивает ночью, приняв его за Алалкомена, сына Амфиона, и завидя жене вышеназванного из-за того, что у той было шесть детей, а у нее самой — двое. Зевс же насылает на нее Кару, а она молится о том, чтобы стать птицей; и делает ее Зевс соловьем. С тех пор она всегда оплакивает Итила, как говорит Ферекид.

F125: Схолии к Еврипиду, «Финикиянки», 1104 (к словам «На ворота Неитские...»). Или названными в честь Неиды, дочери Амфиона и Ниобы. Или из-за того, что они самые новые²⁵⁴. Ферекид же производит их название от Неиды, дочери Зета.

F126: Схолии к Еврипиду, «Финикиянки», 159 (к словам: «...Около могилы / Семи убитых Ниобид...»). Ферекид же говорит, что она²⁵⁵ имела шесть сыновей — Алалкомена, Ферея, Евдора, Лисиппа, Ксанфа, Аргия — и шесть дочерей — Хиону, Клитию, Мелию, Гору²⁵⁶, Дамиппу, Пелопию²⁵⁷.

F127: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 152 (к словам: «И сыновья Афарея, Линкей и Ид горделивый²⁵⁸, / Из-под Арены пришли...»). Ферекид называет мать Идаса и его присных Ареной, в честь ее — город²⁵⁹; Писандр — Полидорой; Феокрит²⁶⁰ — Лаокоосой²⁶¹.

F128: Схолии к Гомеру, «Одиссея», XV. 16. Икарий, сын Эбала, берет в жены Дородоу, дочь Ортилоха, или же, согласно Ферекиду, Астеродию, дочь Еврипила, сына Телестора...²⁶²

F129: Схолии к Гомеру, «Одиссея», XV. 16. ...Лаэрт²⁶³ же, узнав о Пенелопе, что она и красотой, и умом выделяется среди всех живших в ее время женщин, предлагает своему сыну Одиссею жениться на ней. Она обладала такой добродетелью, что даже

²⁵³ Собственно, просто соловей (ἀηδών). Эта «Аида» в переводе Жуковского рождает какую-то ложную ассоциацию с оперой Верди, посвященной совершенно иному сюжету.

²⁵⁴ По (довольно сомнительному) созвучию между названием ворот Νηϊται и прилагательным νεῦται («новейшие»).

²⁵⁵ Ниоба.

²⁵⁶ Имя испорчено. Предлагались варианты исправлений: «Полидору» (Виламовиц), «Неэру» и др.

²⁵⁷ В *EGM* после слов «Дамиппу, Пелопию»: «А Гелланик в приписываемой ему “Атлантиде” называет четырех детей мужского пола — Архенора, Менестрата, Архагора (ясно, что тут должно быть еще какое-то четвертое имя, но оно пропало. — *И. С.*) — а женского трех, Пелопию, Огигию, Астикратию. Ксанф же Лидийский (видный историк V в. до н.э., современник Геродота. — *И. С.*) говорит, что их было десять и десять, от ассирийца Филотта, который жил на Сипиле, который на псовой охоте был убит медведем».

²⁵⁸ Это знаменитые Афариды (или Афаретиды), двоюродные братья Диоскуров Кастора и Полидевка и их достойные соперники. Все четверо, в общем-то, погибли в жестокой схватке между собой.

²⁵⁹ Город Арену в Мессении иногда отождествляли с Гереной, иногда же оба этих города — с Полисом (отсюда Нестор у Гомера — «конник геренский»). Вопрос достаточно сложен.

²⁶⁰ Знаменитый эллинистический поэт.

²⁶¹ В *EGM* после слов «Феокрит — Лаокоосой»: «Они были в расцвете тогда же, когда и Диоскуры».

²⁶² Типичная ферекидовская длинная родословная, в которой большинство имен никому ничего не скажут. Ключевые имена здесь — Эбал (Ойбал), отец Тиндарея, и Икарий — другой сын Эбала, отец Пенелопы. Так что, вероятно, главная цель данного пассажа — разъяснить происхождение супруги Одиссея, уточнить, кто была ее мать.

²⁶³ Отец Одиссея.

и Елену, родившуюся от Зевса, превосходила красотой добродетели. Этот рассказ содержится у Филостефана²⁶⁴ и Ферекида.

F130: Филодем, «О благочестии», 92, р. 43 Gomperz. А афинянин Ферекид называет и Гермеса вестником всех богов.

F131: Схолии к Гомеру, «Илиада», XXIV. 343 (к словам: «Жезл берет он²⁶⁵, котрым у смертных, по воле всесильной, / Сном смыкает он очи...»). Ему дал его Аполлон, когда пас коров Адмета, как говорит Ферекид.

Пелопиды (10-я книга)

F132: Схолии к Гомеру, «Одиссея», IV. 22 (к словам: «Этеон многочтимый, / Спальник проворный царя Менелая...»). Брат Алектора, свойственника Менелая... Ферекид же повествует так: «А Аргей, сын Пелопа, приходит к Амиклу в Амиклы²⁶⁶, и берет в жены дочь Амикла Гегсандру. Рождается же у него Алектор. Братом же его является и Боэт, сын которого²⁶⁷ – Этеоней». Итак, Этеоней – родственник Менелая и его служитель, как Патрокл у Ахилла.

F133: Схолии к Еврипиду, «Орест», 995 (к словам: «Оттуда на дом наш проклятье / И слезы – на пастбищах конных, / Которыми славен Атрей, / Ягненка руном золотым / Явил несказанное диво, / Сын Майи²⁶⁸ на гибель Атрею»). Может показаться, что автор следует тому, кто сочинил «Алкмеониду», в рассказе о баране, как говорит и киклограф Дионисий²⁶⁹. А Ферекид говорит, что баран был подброшен в результате гнева не Гермеса, а Артемиды. Написавший же «Алкмеониду» называет Антиохом пастуха, приведшего стадо Атрею²⁷⁰.

F134: Схолии к Пиндару, «Пифийские оды», XI. 25b²⁷¹ (к словам: «А Ореста / Из горючего коварства сильных Клитемнестриных рук / Вынесла Арсиноя-кормилица, / Когда вслед душе зарезанного Агамемнона...»). Пиндар же высказывает частное мнение, говоря, что Арсиноя – кормилица Ореста. А Ферекид, называя ее Лаодамией, утверждает, что ее сын был убит Эгисфом, принявшим его за Ореста. Оресту же, когда его выкрали, было три года, как говорит Геродор в «Пелопии».

F135. а): Схолии к Еврипиду, «Орест», 1645 (к словам: «Орест, / Покинь предел аргосский и пробудь / в Паррасии, покуда год свершится. / Азанцы²⁷² и аркадяне его / Именовать положат Орестеем, / Тебя почтив. Оттуда ты пойдешь / В Афины...»). И Еврипид говорит, что он ушел туда в годичное изгнание, подобно²⁷³ одержимым скверной. А Асклепад повествует, что он умер там, укушенный змеей. Ферекид же говорит, что и там Ореста преследуют Эринии²⁷⁴: «Он же укрывается в святилище Ар-

²⁶⁴ Историк III в. до н.э.

²⁶⁵ Гермес.

²⁶⁶ Амиклы – известное селение в Лаконике (и, судя по всему, главный сакральный центр области). Амиклы были одной из пяти об (территориальных подразделений) спартанского полиса.

²⁶⁷ Конъектура издателей. Место сильно испорчено.

²⁶⁸ Гермес.

²⁶⁹ Это Дионисий Периегет, или Дионисий Александрийский (II в. н.э.), а может быть, Дионисий Самосский (упоминался во фрагменте F14).

²⁷⁰ Миф, о котором идет речь в данном фрагменте, таков. Братья Пелопиды, Атрей и Фиест, боролись за власть над Микенами (или Аргосом, или Арголидой в целом). В стаде Атрея появился златорунный ягненок, и прорицатели истолковали это как знамение, дающее Атрею право на престол. Фиест выкрал ягненка и всем его показывал, объявляя себя претендентом, но Зевс тогда изменил путь Солнца, дабы показать, что справедливость на стороне Атрея.

²⁷¹ Соответствующее место у Пиндара: *Pyth.* XI. 16–19.

²⁷² Всё это аркадские топонимы.

²⁷³ Место несколько испорчено, издатели прибегают к конъектурам.

²⁷⁴ По основному варианту мифа, Эринии оставили Ореста, когда он был оправдан Ареопагом в Афинах. Есть еще версия, согласно которой Орест, дабы окончательно избавиться от

темиды и, моля о защите, садится у алтаря. Приходят же за ним Эринии, желая убить, и Артемида им препятствует. От того и город этот называется Орестием, в честь Ореста». Но Орестий отличен от Паррасии, и этот аркадский город назван в честь Ореста.

б): Схолии к тому же месту. Одни говорят, что Паррасий — город, другие же — что это местность, названная в честь Паррасия, сына Пеласага²⁷⁵; а находится она в Аркадии. Однако Орестий отличен от Паррасии, и этот город, названный в честь Ореста, находящийся в Аркадии, как говорит Ферекид — в том месте, где Эринии гонятся за Орестом, — называется Орестием.

Троянские дела (10-я книга?)

F136. а): Схолии к Еврипиду, «Гекуба», 3 (к словам: «...Дочерью Киссея, / Гекубою, Приаму я²⁷⁶ рожден»). Ферекид пишет так: «А Приам, сын Лаомедонта²⁷⁷, берет в жены Гекабу²⁷⁸, дочь Диманта, сына Эионея, сына Протея или реки Сангария²⁷⁹, и нимфынаяды Евагоры». Но некоторые сообщили, что мать Гекабы — Главкиппа, дочь Ксанфа²⁸⁰. Никандр же, согласившись с Еврипидом, называет Гекабу дочерью Киссея.

б): Схолии к Гомеру, «Илиада», XVI. 718 (к словам, «...Азия, Гектора, коней смрителя, дяди, / Брата родного Гекубы, отважного сына Димаса, / Жившего в тучной фригийской²⁸¹ земле, при водах Сангария»). Сына Диманта и нимфы Евфои, по словам Ферекида. А Афинеон²⁸² называет его сыном Киссея и Телеклии, если только у Асия и Гекабы была не одна и та же мать.

с): Цец, «Толкование на “Илиаду”», р. 38, 11 Негт. Приам, сын Лаомедонта и Левкиппы, согласно Ферекиду Сиросскому, историку²⁸³, взяв в жены Гекабу, дочь Диманта, сына Эионея, имел многих сыновей, многих и дочерей.

F137: Схолии к Гомеру, «Илиада», XXIV. 25 (к словам: «Гиппофооя, Дейфоба... / ...и славного мужеством Дия»). Ферекид говорит, что Дий — незаконнорожденный сын Приама. Итак, «славного мужеством» (ἀγχιούβν) здесь — эпитет²⁸⁴.

F138: Схолии к Ликофрону, «Александра», 100 (к словам: «Дашь отдых флоту с девятью полотнами»). Если же мы напишем «с девятью полотнами», то будет, как говорит Ферекид, что Александр отплыл с 9 кораблями²⁸⁵.

F139: Страбон, X. 2. 14. Палы²⁸⁶ Гомер не называет Дулихием, как пишет Ферекид.

F140: Схолии к Ликофрону, «Александра», 570 (к словам: «Их силу сын Рео сдержать не сможет, хоть / Их призовет на девять лет на острове / Остаться — в подчинение

безумия, должен был поплыть в Тавриду за кумиром Артемиды (и заодно привез с собой обратно сестру Ифигению).

²⁷⁵ Эпоним пеласгов, считавшихся догреческим населением Эллады.

²⁷⁶ Речь идет от лица призрака Полидора, сына Приама, погибшего в Троянской войне.

²⁷⁷ Лаомедонт — знаменитый царь, для которого строили стены Трои Посейдон и Аполлон.

²⁷⁸ Именно так древнегреческими авторами чаще писалось имя супруги Приама Гекубы.

²⁷⁹ Слова «или реки Сангария» некоторыми издателями, в том числе и Якоби, атетируются. Сангарий — река на западе Малой Азии.

²⁸⁰ Ксанф — другое название Скамандра, главной троянской реки (и, соответственно, ее бога).

²⁸¹ В данном случае речь идет о Геллеспонтской Фригии, а не о Великой Фригии.

²⁸² Нам не удалось установить, о каком авторе идет речь. Возможно, следует исходить из иного варианта имени у Евстафия: Афинион. Тогда это будет комедиограф III в. до н.э.

²⁸³ Цец спутал двух Ферекидов — Сиросского, который историком никак не являлся, и Афинского, который историком действительно был. Якоби правильно относит этот фрагмент к Ферекиду Афинскому.

²⁸⁴ Этот момент специально разъясняется, поскольку можно понимать и иначе: «божественного (собственно, «Зевсова» — Δῖον) Агава».

²⁸⁵ Имеется в виду плавание Париса-Александра из Трои в Спарту, в ходе которого была похищена Елена.

²⁸⁶ Город на острове Кефалления.

пророчеству, — / Пообещав, что пишу безупречную / Три девы всем доставят»). У Стафила, сына Диониса, рождается дочь Рео. С ней совокупился Аполлон. Стафил же, узнав об этом, посадил ее в ящик и пустил в море. А ее пригнал к Евбее, и там она у какой-то пещеры родила ребенка, которого назвала Анием — потому, что из-за него претерпела муки (ἀνισθηῖναι)²⁸⁷. Аполлон же принес его на Делос. Тот, взяв в жены Дориппу, породил Энотроп²⁸⁸ — Эно, Спермо, Элаиду, которым Дионис даровал умение получать семя²⁸⁹, когда пожелают. Ферекид же говорит, что Аний убедил эллинов, прибывших к нему, остаться там на 9 лет: им-де будет дано богами разрушить Илион на десятый год. А пообещал он им, что кормить их будут его дочери. Есть это и у того, кто написал «Киприи»²⁹⁰. И Каллимах²⁹¹ в «Причинах» упоминает дочерей Ания.

F141: Схолии к Гомеру, «Илиада», XIX. 53 (к словам: «...Агамемнон, / Раной недужный: зане и его среди бурного боя / Ранил Коон Антенорид»). Ферекид говорит, что Кинон...²⁹², а лучший, вопреки разумению. Он ведь называет его сыном Антенора.

F142: Страбон, XIV. 1. 27. Колофон, ионийский город²⁹³, и перед ним роща Кларосского Аполлона, в которой некогда было и старинное прорицалище. Говорят, что прорицатель Калхант с Амфилохом²⁹⁴, сыном Амфиарая²⁹⁵, по возвращении из Трои пешком пришел сюда и, встретив в Кларосе сильнейшего, чем он сам, прорицателя — Мопса, сына Манто, дочери Тиресия, — от горя умер²⁹⁶. Итак, Гесиод передает это сказание примерно таким образом: Калхант-де предложил Мопсу вот что: «Чудо, сколь много плодов на сей смоковнице дикой, / Хоть малорослое древо; но можешь ли счесть мне число их?.. / Очи Калханта тогда смертельная дрема смежила»²⁹⁷. Ферекид же говорит, что Калхант предложил задачу о беременной свинье — сколько в ней поросят; а тот ответил, что «Три, из которых один — женского пола». Когда оказалось, что он сказал верно, Калхант умер от горя. А некоторые сообщают, что Калхант предложил задачу о свинье, а тот²⁹⁸ — о дикой смоковнице; и Мопс ответил верно, а Калхант — нет, и Калхант умер от горя и согласно некоему прорицанию. Говорит же это Софокл в «Свадьбе Елены» — будто бы Калханту предречено было умереть, когда он встретит сильнейшего, чем он, прорицателя; он также переносит этот спор и смерть Калханта в Киликию²⁹⁹.

F143: Схолии к Дионисию Периегету, 685 (к словам: «По соседству с савроматами ... живут ... и могучие ахейцы»³⁰⁰, которых некогда дуновением юго-западных ве-

²⁸⁷ Весьма вульгарная этимология.

²⁸⁸ Этот эпитет дочерей Ания означает «Превращающие воду в вино».

²⁸⁹ Из контекста ясно, что речь идет о «семени» винограда, т.е., собственно, об умении этих девушек произвольно делать вино. Впрочем, похоже, что речь идет и обо всех других семенах (ведь Анием, следует полагать, планировалось, что его дочери будут не только поить, но и кормить ахейцев).

²⁹⁰ Одна из самых известных киклических поэм, открывавшая троянский цикл. Называлась так потому, что приписывалась Стасину Кипрскому.

²⁹¹ Великий эллинистический поэт.

²⁹² Лакуна в тексте.

²⁹³ В *EGM* перед словами «Колофон, ионийский город»: «Затем гора Галлесий и...».

²⁹⁴ Исправление издателей из неверного рукописного «Антилохом».

²⁹⁵ Соответственно, Амфилох тоже изображается прорицателем, как и Калхант. Ведь пророческое искусство, как считали греки, передавалось по наследству, а отцом Амфилоха был такой знаменитый в этой сфере персонаж, как Амфиарай — один из известнейших мифических прорицателей.

²⁹⁶ Далее речь идет о самой знаменитой в античной традиции «дуэли прорицателей» — Калханта и Мопса, которую выиграл последний, а первый в результате скончался.

²⁹⁷ Стихи — в переводе Г.А. Стратановского.

²⁹⁸ Т.е. Мопс.

²⁹⁹ Если у Мопса был исторический прототип, то он действовал и вправду в Киликии.

³⁰⁰ Ахейцы, или ахеи — варварское племя, обитавшее на черноморском побережье Северного Кавказа.

тров унесло от берегов Ксанфа и идейского Симоента³⁰¹, когда они следовали с войны за царем Аретиадом»³⁰². Он имеет в виду – за Агамемноном: ведь тот вел происхождение от Пелопа и Гипподамии, дочери Эномая; а Эномай был сыном Ареса... Асплелонцы, попавшие в бурю вместе с Иалменом³⁰³, [сыном Ареса]³⁰⁴, населили эти места, как сообщает Ферекид. А некоторые говорят, что эти ахеи – мирмидоняне³⁰⁵ и что они поселились там, сбившись с пути при возвращении с Ахиллом³⁰⁶ из Трои.

F144: Схолии к Гомеру, «Одиссея», XII. 257. Умерщвленные Скиллой: Стесий, Ормений, Анхим, Орнит, Синоп, Амфином³⁰⁷. Так говорит Ферекид³⁰⁸.

*Аттические дела*³⁰⁹

F145: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 211 (к словам: «Прибыли также и Зет с Калаидом, два сына Борей. / Некогда их родила Орифия, дочь Эрехфея, / В Фракии дальней, холодной, куда Борей фракиец / В вихре ее угнал, из страны Кекропов³¹⁰ похитив, / Где на Иллиских брегах³¹¹ кружилась она в хороводе. / Деву принес он к горе Сарпедонской, святыне фракийцев, / И близ потоков реки Эригина³¹² сделал супругой»). ...А о фракийской Сарпедонской скале³¹³, что она находится перед горой Гемом³¹⁴, говорит Ферекид, повествуя о похищении Орифии.

F146: Схолии к Софоклу, «Эдип в Колоне», 472 (к словам «Художника изделье»). Это относится к Дедалу, о котором Ферекид говорит так: «У Метиона, сына Эрехтея и Ифиной, рождается Дедал, в честь которого в Афинах называется дем Дедалиды»³¹⁵.

³⁰¹ Ида – гора близ Трои. Симоент – река в Малой Азии.

³⁰² Сочинение Дионисия Периегета (Александрийского) цитируется в переводе Е. В. Илюшечкиной (к сожалению, прозаическом).

³⁰³ Асплелон – город в Беотии, в области Орхомена Минийского. Иалмен – предводитель орхоменского контингента в Троянской войне.

³⁰⁴ Слова в квадратных скобках – добавка Якоби.

³⁰⁵ Мирмидоняне – воины Ахилла (так они постоянно именуется уже в «Илиаде»).

³⁰⁶ Абсурдная версия. Согласно мифологической традиции Ахилл погиб еще до взятия Трои и, соответственно, не мог возвращаться с Троянской войны.

³⁰⁷ В передаче этих редких имен рукописная традиция допускает искажения. Речь идет о тех шестерых спутниках Одиссея, которых сожрала Скилла в момент прохода героя между нею и Харибдой.

³⁰⁸ Исправление издателей из неверного рукописного «Ферекрат».

³⁰⁹ Достоин внимания следующее обстоятельство. «Аттические» фрагменты Ферекида не поддаются отнесению к какой-либо конкретной книге его основного труда. В то же время этих фрагментов, относящихся к Афинам, у нашего историка не так уж и мало. Может быть, действительно у Ферекида наряду с «Историей» было еще одно сочинение, «Автохтоны», специально посвященное Аттике? Некоторые намеки на существование такового можно найти в свидетельствах о Ферекиде.

³¹⁰ Т.е. из Афин, Аттики. Кекроп – согласно мифологической традиции один из первых афинских царей (по одной из версий – самый первый).

³¹¹ Иллис – река в Аттике, с берега которой Борей похитил Орифию.

³¹² Эригин (Эригон, Эргин) – река во Фракии.

³¹³ В *EGM* перед словами «а о фракийской Сарпедонской скале»: «А Симонид говорит, что Орифия, похищенная от Брилесса, была перенесена на Сарпедонскую скалу во Фракии. Ведь есть скала с таким же названием и в Киликии, как сообщает Каллисфен (известный историк, племянник Аристотеля, участвовавший в походе Александра Македонского и казненный последним. – И. С.). Стесихор же в “Герииониде” упоминает и какой-то остров Сарпедонию в Атлантическом море».

³¹⁴ Гем – крупнейший горный хребет во Фракии (ныне Стара-Планина, или Балканские горы).

³¹⁵ Опять перед нами характерное стремление связать прошлое с настоящим.

F147: Стефан Византийский, статья «Алопа». Фессалийский город, названный в честь Алопы, дочери Керкиона³¹⁶, как говорит Ферекид; или дочери Актора³¹⁷, как говорит Филон³¹⁸... Есть еще вторая Алопа, аттическая...³¹⁹

F148: Схолии к Гомеру, «Одиссея», XI. 322. Тесей, сын Эгея, вытянув жребий, плывет с юношами и девушками на Крит³²⁰, намереваясь встретиться с Минотавром, чтобы его убить. Когда же он прибыл, дочь Миноса Ариадна, влюбившаяся в него, дает ему клубок ниток, полученный ею от мастера Дедала, и наставляет его: когда он войдет, начало клубка привязать к косяку верхней двери и, разматывая нить, идти, пока не достигнет внутреннего чертога. И если он застанет того³²¹ спящим, — схватив за волосы на голове, принести в жертву Посейдону и выходить обратно, сматывая клубок. Тесей же, взяв Ариадну, бросается на корабль, захватив и юношей и девушек, еще не успевших встретиться с Минотавром. И, сделав это, посреди ночи отплывает. А причалив к острову Дие³²² и сойдя на берег, засыпает. И Афина, представ ему, приказывает оставить Ариадну и прибыть в Афины. Вскоре же пробудившись, он так и делает. А когда Ариадна плакала, Афродита, явившись, уговаривает ее приободриться: ведь она-де станет женой Диониса и прославится. Тут бог, явившись, совокупляется с ней и дарит ей золотой венок, который впоследствии боги поместили среди звезд³²³ в благодарность Дионису. Убита же она была, говорят, Артемидой за потерю девственности. Этот рассказ содержится у Ферекида.

F149: Макробий, «Сатурналии», I. 17. 21. Ферекид сообщает, что Тесей, когда его везли на Крит к Минотавру, дал обет за свое здоровье и возвращение Аполлону Улию и Артемиде Улии³²⁴.

F150: Плутарх, «Тесей», 19. Когда же он³²⁵ приплыл на Крит, то, как многие пишут в прозе и в стихах, получив от влюбившейся в него Ариадны нить³²⁶, ... убил Минотавра и отплыл, взяв Ариадну, а также юношей и девушек. А Ферекид говорит, что Тесей заодно прорубил днища критских кораблей, чтобы предотвратить преследование.

³¹⁶ Разбойника Керкиона, с которым покончил Тесей, помещали где-то между Мегарами и Афинами (чаще всего в Элевсине). Свою дочь Алопу Керкион убил за то, что она вступила в связь с Посейдоном и родила от него ребенка.

³¹⁷ Мифологических героев по имени Актор было несколько. Здесь не поясняется, о каком из них идет речь.

³¹⁸ Неясно, кто конкретно из достаточно многочисленных авторов, носивших имя Филон, здесь имеется в виду. В *EGM* после слов «как говорит Филон»: «Он между Лариссой Кремастой и Эхином».

³¹⁹ Характерная ошибка, связанная с тем, что сын Алопы от Посейдона Гиппофой стал впоследствии героем-эпонимом одной из аттических фил, введенных Клисфеном в конце VI в. до н.э. (Гиппофонтиды).

³²⁰ Рассказ о самом знаменитом подвиге Тесея.

³²¹ Минотавра.

³²² Дия — остров неподалеку от Крита. Как можно видеть, здесь Ферекид приводит достаточно редкий вариант мифа. Согласно основной его версии Ариадна была оставлена Тесеем на Наксосе, а роль Афины и Афродиты в этой основной версии отнюдь не подчеркивается.

³²³ Северная Корона, небольшое созвездие в северном полушарии.

³²⁴ Сам фрагмент у Макробия, естественно, дан на латинском, а вот слова «Аполлону Улию и Артемиде Улии» — по-гречески. Улий (видимо, «гибельный», от ὄλλυμι; кстати, ведь и само имя Аполлона не могли не связывать, хотя бы в порядке *etymologia vulgaris*, с ἄπολλυμι) — эпитет Аполлона в некоторых ионийских центрах (Милете, Делосе). Артемиде Улия в других источниках, кажется, не фиксируется, но и для нее такой эпитет более чем естественен в связи с представлениями о «тихом убийстве» людей божевами-близнецами. Здесь еще можно вспомнить об имени Улий в ономастиконе Филаидов, с которыми был связан Ферекид.

³²⁵ Тесей.

³²⁶ В *EGM* после слов «получив от влюбившейся в него Ариадны нить»: «...и наученный, как пройти извивы лабиринта».

F151: Плутарх, «Тесей», 26. Поплыл же он³²⁷ в Понт Евксинский, как говорят Филохор³²⁸ и некоторые другие, участвуя вместе с Гераклом в походе на амазонок³²⁹, и в качестве награды за подвиги получил Антиопу. А большинство авторов, среди которых и Ферекид, и Гелланик, и Геродор, заявляют, что Тесей плавал туда позже, действительно от Геракла, и взял в плен амазонку. Их мнение правдоподобнее: ведь ни о ком другом из бывших с ним в этом походе не сообщается, что он взял в плен амазонку.

F152: Схолии к Пиндару, «Немейские оды», V. 89³³⁰ (к словам: «Ибо из Афин пришел к тебе создатель борцов»). В Афинах, как говорят, было изобретено борцовское дело Форбантом, педотрибом Тесея. А некоторые, напротив, утверждают, что Тесей научился борьбе у Афины. Ферекид же говорит, что Форбант был возницей Тесея, с которым он и похищает амазонку.

F153: Афиней, XIII. 557ab. Истр, по крайней мере³³¹, в «Аттических делах»³³², перечисляя жен, которые были у Тесея, говорит, что одни из них стали ими из любви, другие — из-за похищения³³³, иные же — в силу законного брака. Из-за похищения — Елена³³⁴, Ариадна, Ипполита³³⁵, а также дочери Керкиона и Синида³³⁶; а законно он вступил в брак с Мелибеей, матерью Аякса. Гесиод же называет и Гиппу, и Эглу³³⁷, ради которой он преступил и клятвы, данные Ариадне, как говорит Керкоп. А Ферекид прибавляет и Феребею. А еще раньше Елены Тесея и из Трезена похитил Анаксо. После же Ипполиты он взял в жены Феду³³⁸.

F154: Полидевк, X. 128. И трезубец, и сабля, и серп, и, как выразился Ферекид, топорик: ведь, рассказывая о Кодре, что тот вышел, как будто собирая хворост, желая скрыться под одеждой селянина, Ферекид говорит, что Кодр, ударив кого-то топориком, убил его³³⁹.

F155: Страбон, XIV. 1. 3. Ферекид же говорит, что на нем³⁴⁰ Милетом, Миунтом и областями вокруг Микалы и Эфеса ранее владели карийцы, а дальнейшей частью побережья до Фокеи, Хиоса и Самоса, которым правил Анкей, — лелеги. А изгнаны-де и те и другие были ионийцами; они удалились в оставшиеся части Карики. А возглавлял переселение ионийцев, более позднее по сравнению с эолийским³⁴¹, как говорит Ферекид, Андрокл, законный сын Кодра, царя Афин; он же стал основателем Эфеса. Поэтому там, как говорят, он поместил царский дворец ионийцев³⁴²; и еще поныне

³²⁷ Тесей.

³²⁸ Видный афинский историк эпохи раннего эллинизма, «последний аттидограф».

³²⁹ Т.е. в район Фермодонта и Фемискиры.

³³⁰ Соответствующее место у Пиндара: Pind. Nem. V. 49.

³³¹ В *EGM* перед словами «Истр, по крайней мере»: «А Тесей, похитив Елену, затем похитил и Ариадну».

³³² Этот труд чаще именуется традицией как «Собрание Аттид». Истр, эллинистический эрудит и ученик Каллимаха, взялся подвести итоги аттидографической традиции — после того как она уже завершилась.

³³³ Слова «другие — из-за похищения» Якоби предлагает исключить.

³³⁴ Елена Прекрасная, которую Тесей еще девочкой похитил из Спарты.

³³⁵ Та самая амазонка, которая у других авторов именуется Антиопой. Путаница скорее всего связана с тем, что именно от этой амазонки, согласно мифам, у Тесея родился сын Ипполит, чья несчастная судьба привлекала многих античных авторов.

³³⁶ Разбойников, которых Тесей в молодости убил на пути из Трезена в Афины.

³³⁷ Совершенно малоизвестные имена (как и нижеследующие).

³³⁸ Федра — дочь Миноса, младшая сестра Ариадны. Ее несчастная любовь к пасынку Ипполиту стала чрезвычайно популярным сюжетом — от Еврипида до Расина и далее до Мандельштама.

³³⁹ Таким образом, Ферекид писал и о столь прославленном в Афинах подвиге Кодра (рассказывая о нем вполне в духе традиционной легенды).

³⁴⁰ Ионийском побережье.

³⁴¹ При переводе опираемся на конъектуру Якоби.

³⁴² Эфес действительно занимал какое-то особое место среди городов Ионии, являлся как бы их негласной столицей (несмотря на то, что не был самым значительным из них, уступая по

лица из его рода именуются царями³⁴³, имея определенные почести: лучшее место на состязаниях, багряницу, являющуюся знаком царского рода, посох вместо скипетра и жречество Деметры Элевсинской.

Аркадские дела

F156: Дионисий Галикарнасский, «Римские древности», I. 13. 3. Давайте же покажем и то, откуда происходят энотры³⁴⁴, взяв в качестве свидетеля другого мужа из числа древнейших историков, Ферекида-афинянина, не уступающего никому из авторов родословных³⁴⁵. У него в разделе о тех, кто царствовал в Аркадии, содержится следующий рассказ: «У Пеласга и Деяниры рождается Ликаон³⁴⁶; он берет в жены Киллену, нимфу-наяду, в честь которой называется гора Киллена³⁴⁷». Затем, перечислив родившихся от нее и места, в которых каждый из них обитал, Ферекид упоминает об Энотре и Певкетии, говоря так: «...и Энотр, в честь которого называются энотры, живущие в Италии, и Певкетий, в честь которого называются певкетии, что в Ионическом заливе³⁴⁸».

F157: Аполлодор, «Мифологическая библиотека», III. 100³⁴⁹. А Евмел³⁵⁰ и некоторые другие говорят, что у Ликаона была еще дочь Каллисто³⁵¹. Ведь Гесиод называет ее одной из нимф. А Асий³⁵² — дочьрью Никтея; Ферекид же — дочьрью Кетея³⁵³.

F158: Схолии к Гомеру, «Илиада», VII. 8 (к словам: «Парис поразил Арейфоева сына, / Жителя Арны Менесфия, коего палищеносный / Царь породил Арейфой с черноокою Филомедузой»). Арейфой, беотиец, лучший из людей своего времени, перейдя в Аркадию — ведь была некая небольшая стычка у беотийских граждан³⁵⁴ и аркадян из-за границ, — принес оттуда наибольшую добычу. Когда же он вверх аркадян в великое

реальной значимости, как минимум, Милету). Видимо, и вправду сохранялись некие воспоминания о главной роли Эфеса на самом раннем этапе ионийской колонизации.

³⁴³ Род Василидов, к которому принадлежал, в частности, знаменитый философ Гераклит Эфесский.

³⁴⁴ Энотры (энотрии) — какой-то итальянский этнос. Иногда даже Италию (или ее часть) называли Энотрией.

³⁴⁵ Одна из характернейших характеристик Ферекида как автора, причем, что особенно интересно, принадлежащая перу ученого, который уж в раннегреческом-то историописании знал толк. Ведь самый знаменитый пассаж о древнейших эллинских историках содержится именно у Дионисия Галикарнасского, в другом его трактате («О Фукидиде»). Там идет длинный перечень этих историков, в котором, кстати, имя Ферекида парадоксальным образом отсутствует. Недосмотр Дионисия? Как бы то ни было, в данном месте знаменитый ритор воздает Ферекиду по заслугам.

³⁴⁶ Этот Ликаон, царь Аркадии, прогневил Зевса и был убит им вместе с сыновьями. По менее распространенной версии, превращен в волка (но, может быть, эта-то версия и есть изначальная: с одной стороны, «волчья» этимология имени Ликаона несомненна, с другой — о темном культе волков в Аркадии тоже хорошо известно).

³⁴⁷ Именно на этой горе родился Гермес от Зевса и Майи. Иными словами, Ликаон — персонаж какой-то уж совсем незапамятной древности.

³⁴⁸ Ионический залив — Адриатическое море. Певкетиев обычно помещали на его западном побережье, т.е. в Италии, неподалеку от энотров.

³⁴⁹ Так у Якоби. В современных изданиях это место цитируется как Apollod. *Bibl.* III. 8. 2.

³⁵⁰ Евмел Коринфский, эпический поэт раннеархаического времени.

³⁵¹ Это та самая Каллисто, в которую влюбился Зевс, превратил в медведицу, а потом перенес на небо как созвездие Большой Медведицы. От Зевса у Каллисто родился сын Аркад, герой-эпоним Аркадии.

³⁵² Асий Самосский, эпический поэт рубежа VII—VI вв. до н.э., писавший элегии и эпические поэмы.

³⁵³ У Ферекида опять редкая, экзотическая версия с введением имени совершенно неизвестного персонажа.

³⁵⁴ Текст в этом месте испорчен.

презрение, Ликург, сильнейший муж из тамошних, устроив засаду, сильно потряс фалангу Ареифоя и убил его, перехватив добычу, да вдобавок к ней, в возмездие, полное вооружение вместе с булавой. Этот рассказ содержится у Ферекида.

F159: Схолии к Гомеру, «Илиада», VII. 135 (к словам: «...Как в те годы, когда у гремучего³⁵⁵ берега / Билася рать пилян и аркадян, копейщиков славных, / Около фейских твердынь, недалеко от струн Иардана, / В воинстве их впереди Эревфалион... / Первый стоял, ополченный оружием Ареифоя, / Славного Ареифоя... / Оно-го храбрый Ликург одолел, но не силой – коварством, / В тесном проходе...»). Фей же – город в Элиде (а по мнению некоторых – в Аркадии), у которого течет Иардан. Но есть и приморская Фия, и река Иардан здесь не видна. Лучше писать, как Дидим, «Феры» и «вокруг струй Дардана». Ведь так повествует и Ферекид.

F160: Стефан Византийский, статья «Диопа». Город в Аркадии, как говорит Ферекид.

F161: Стефан Византийский, статья «Фрикса». Город в ...³⁵⁶ Расположена Фрикса³⁵⁷ ... отстоя на 30 стадиев от Олимпии. А Ферекид пишет, что она находится в Аркадии.

Фрагменты различного содержания

F162: Хиробоск³⁵⁸, «Пролегомены и схолии к правилам Феодосия», IV. 1, р. 237, 30 Nilg. И следует привести то наблюдение, что у слова «корова» (ἡ βοῦς) винительный падеж оканчивается скорее на букву ν (βοῦν), как и у слова «бык» (ὁ βοῦς). Но реже случается, что на букву α (βοῦα). Такое изредка встречается у Ферекида Афинского.

F163: «Большой Этимологик», р. 150, 55, статья «Арипы». Ферекид употребляет это слово вместо «рипы». Сказанное совершенно ясно: ведь рипами называются ахейцы. А буква «а» (арипы) – в силу речевого излишества.

F164: Гесихий, статья «Евримант». Родом – оленец³⁵⁹, клеветник. Потому и был убит Полидевком. Рассказ содержится у Ферекида.

F165: Филодем, «О благочестии», 46b1, р. 18 Gomperz. ... Написал ... создавший и Ферекид Афинский. Эсхил же ... и Ивик³⁶⁰, и Телест³⁶¹ ... Гарпий, гибнувших от рук сыновей Борея³⁶².

F166: Филодем, «О благочестии», 2d1, р. 63 Gomperz. ...Ферекид Афинский. А Симмий Родосский³⁶³ – что одно и то же Гестия и Дамия. Проксен³⁶⁴ же в «Халкидских делах» говорит, что одно и то же – Халкида, Киминдида и Комба (?)...³⁶⁵

F167: Прокл, «Жизнь Гомера», р. 26, 14 Wil. А Гелланик, Дамаст³⁶⁶ и Ферекид возводят его³⁶⁷ происхождение к Орфею. Ибо они говорят, что Меон, отец Гомера, и Дий,

³⁵⁵ Видимо, здесь не эпитет, как понял Гнедич, а гидроним Келадонт.

³⁵⁶ Текст испорчен. Якоби указывает предположительные конъектуры Мейнеке: «в Элиде» или «в Трифилии».

³⁵⁷ Вновь порча. Конъектура Мейнеке – «на холме».

³⁵⁸ Георгий Хиробоск, византийский грамматик IX в.

³⁵⁹ Города под названием Олен были в Этолии и в Ахайе.

³⁶⁰ Очевидно, крупный лирик эпохи архаики.

³⁶¹ Телест из Селинунта – лирик V в. до н.э.

³⁶² Текст чрезвычайно сильно испорчен, что делает фрагмент маловразумительным. Впрочем, в целом ясно, о чем идет речь: об убийстве Бореадами Гарпий в ходе плавания аргонавтов.

³⁶³ Грамматик рубежа эпох классики и эллинизма.

³⁶⁴ Историк III в. до н.э.

³⁶⁵ Об этом фрагменте (происходящем из того же источника) можно сказать примерно то же, что и о предыдущем.

³⁶⁶ Дамаст Сигейский – один из древнейших греческих историков (V в. до н.э.).

³⁶⁷ Гомера.

отец Гесиода, родились у Апеллида, сына Меланопа, сына Эпифрадея, сына Харифема, сына Филотерпея, сына Идмонида, сына Евкла, сына Дориона, сына Орфея³⁶⁸.

F168: Схолии к Гомеру, «Илиада», II. 585 (к словам: «Град населявших великий, лежащий меж гор Лакедемон... / Град населяющих Лаас и окрест Этила живущих»). «Этила» (Οἴτυλον) — здесь дактиль. Ведь название начинается с дифтонга *oi*. Неправ Тираннион³⁶⁹, считающий, что *oi* — артикль, погрешая и против обычая поэта, и против истории, коль скоро, по крайней мере, так говорит и Ферекид: «А у него рождается Амфианакт; а у того — Этил, в честь которого называется город в Спарте».

F169: Схолии к Гомеру, «Илиада», II. 592 (к словам: «В Пилосе живших мужей, обитавших в Арене веселой; / Фриос, Алфейский брод и славные зданием Эпи»). Аристарх³⁷⁰ — что это³⁷¹ означает «крутые». Присоединяется к нему и Аполлодор. А афинянин Ферекид исходит из того, что «Славные зданием» (Евктит) — имя собственное, а «Эпи» (крутые) — эпитет.

F170. а): Схолии к Гомеру, «Одиссея», XI. 326. Ферекид говорит, что Локр³⁷² родился от Майры и Зевса.

б)³⁷³: Майра, дочь Прета, сына Ферсандра, и Антии, дочери Амфианакта, более всех славилась своей красотой. Она, ставя выше всего девственность, сопутствовала на охоте Артемиде. Зевс, влюбившись в нее, является к ней и тайно лишает девственности. А она, забеременев, рождает сына по имени Локр, который основывает Фивы вместе с Амфионом и Зетом. Говорят, что Майра была застрелена из лука Артемидой за то, что больше не ходила с ней на охоту. Этот рассказ содержит у Ферекида.

F171: Схолии к Пиндару, «Истмийские оды», I. 79. А этого Миния³⁷⁴ некоторые возводят происхождением к Орхомену³⁷⁵, как Ферекид; а иные, наоборот, Орхомена — к Минию; а еще иные обоих возводят к Этеоклу. Дионисий³⁷⁶ же пишет, что Миний — сын Ареса. А Аристом³⁷⁷ называет Миния сыном Алея и пишет, что поэтому аргонавтов называли миниями.

F172: Стефан Византийский, статья «Дотий». Город в Фессалии³⁷⁸... Назван же он в честь Дотии, дочери Элата. А Ферекид говорит, что в честь Дотиса, сына Астерия и Амфиктионы, дочери Фтия. Согласно же Архину — в честь Дота, сына Неона, сына Эллина. А Мнасей заявляет, что в честь Дота, сына Пеласага³⁷⁹.

³⁶⁸ Как видим, и Ферекид внес свой вклад в споры по вопросу о личности Гомера. Из трех упомянутых здесь историков Ферекид — самый ранний; стало быть, он и является автором данной версии (вполне фантастичной), которая делает Гомера двоюродным братом Гесиода.

³⁶⁹ Известный грамматик I в. до н.э.

³⁷⁰ Знаменитый эллинистический филолог.

³⁷¹ «Эпи» (Αἴτιον, топоним или псевдотопоним, действительно несколько странно звучащий).

³⁷² Герой-эпоним Локриды.

³⁷³ Здесь какая-то погрешность в издании Якоби: не указан источник фрагмента. Возможно, он идентичен источнику для предыдущего (т.е. это тоже схолии к «Одиссее»)? Но обычно в аналогичных случаях издатель так и указывает. К счастью, в EMG уточнено, что это действительно из схолий к тому же месту.

³⁷⁴ В EGM перед словами «а этого Миния»: «Поэт (Пиндар. — И. С.) назвал Орхомен Миниевой долиной. Ведь он называется еще и Орхоменом Минийским, ибо в нем поселился Миний».

³⁷⁵ Речь идет об эпонимных героях Орхомена Минийского.

³⁷⁶ Скорее всего Дионисий Самосский.

³⁷⁷ Историк и мифограф эпохи позднего эллинизма.

³⁷⁸ В EGM после слов «город в Фессалии»: «...куда переселились книдяне, страна которых — Книдия». После слов «в честь Дота, сына Пеласага»: «Равнина же эта сама по себе окружена своеобразными горами».

³⁷⁹ Фессалийская мифология, имеющая в основном этимологически-эпонимный характер.

Спорные, сомнительные и недостоверные фрагменты

F173: Аэтий³⁸⁰, IV. 1. 86 Cornag. О внимательных и вещих животных. Поскольку, право, старыми авторами описаны некие животные, и внимательные, и вещи, которые, помимо дел противоположного свойства, показывают яды, выберем именно из них наиболее проверенных и рассмотрим тут... Симонид передает, что павлин, распознав приготовленное зелье, выступает на это место, кричит, распускает хвост и разливает зелье из сосуда или даже выкапывает, если оно притом зарыто под землей. Аристомед, со своей стороны, пишет, что ихневмон, выращенный дома, предугадывает зелья, зарытые под землей. Ферекид же рассказывает, что самец-попугай замечает, показывает и называет тех, кто таковые зелья делает или вносит в дом.

F174: Климент Александрийский³⁸¹, «Строматы», V. 8. 44, p. 355, 13 Stählin. Но ведь не только разумнейшие из египтян, но также и те из прочих варваров, которые стремились к философии, хвалили символическую форму. (2) Действительно, говорят, что и Иданфур, царь скифов³⁸², как повествует Ферекид Сиросский, Дарию, перешедшему Истр, послал, грозя войной, символ вместо письма: мышь, лягушку, птицу, стрелу и плуг. (3) Когда же, естественно, возникло из-за этого затруднение, хилярх Оронтопат говорил, что скифы-де передают Дарию власть, считая, что мышь означает жилища, лягушка – воды, птица – воздух, стрела – оружие, а плуг – страну. (4) Но Ксифодр истолковал послание в противоположном смысле. Ибо он сказал: «Если мы не улетим, как птицы, или не скроемся под землей, как мыши, либо под водой, как лягушки, мы не сможем избежать стрел этих людей; властителями же над страной мы не будем». (5). И о скифе Анахарсисе³⁸³ говорят, что он, когда спал, прикрывал левой рукой срамной член, а правой – рот, намекая, что нужно сдерживать обе эти страсти, но в большей степени язык, чем похоть.

F175: «Гомеровские эпимеризмы»³⁸⁴, Gram. АОI, 62, 10. А от слова «негодовать» – выражение «негодующий Зевс», применяемое по отношению к тем, кто делает что-то тягостное. Оно напрямую восходит к родовому «негодующий»³⁸⁵. Эсхил в «Иксионе»: «благосклонный по отношению к негодующему». И Ферекид: «Зевс же именуется Покровителем умоляющих и Негодующим».

F176: «Большой Этимологик», p. 202, 49, статья «Боэдромий». Так называется месяц у афинян, поскольку в нем почитался Аполлон Боэдромий и справлялся праздник Боэдромии. Начало же свое он получил так: состоялась война у афинян с Евмолпом³⁸⁶ и элевсинянами, и афиняне, союзником которых по родству своему был

³⁸⁰ Аэтий (Аэций) – в данном случае не доксограф I–II вв. н.э., а ранневизантийский (VI в.) медик. Цитата – из его труда «Врачебные книги». Якоби привел отрывок из него в латинском переводе XVI в.; в *EGM* дается греческий текст, ставший с тех пор известным (см. в *addenda*).

³⁸¹ Известнейший раннехристианский богослов (II–III вв.), отличавшийся симпатиями к античной учености (вполне проявившимися в его главном труде «Строматы») и эрудицией.

³⁸² Геродот называет его Иданфирсом. Речь идет о походе персидского царя Дария I на скифов ок. 514–513 гг. до н.э.

³⁸³ Знаменитый скифский мудрец, ездивший в Грецию.

³⁸⁴ Анонимный византийский грамматический трактат (видимо, IX в.). Эпимеризм – разбор слова по составу.

³⁸⁵ На самом деле ἄλστωρ – весьма многозначное слово, могущее означать, в частности, и духа-мстителя (но все-таки вряд ли приводящийся ниже со ссылкой на Ферекида эпитет Зевса имел именно такое значение).

³⁸⁶ Евмолп – в афинской мифологии фракиец, пришедший в Элевсин и ставший там правителем. К Евмолпу возводил свое происхождение аристократический род Евмолпидов, из среды которого на протяжении многих веков замещалась должность иерофанта – главного жреца святилища Деметры и Коры-Персефоны в Элевсине, руководителя Элевсинских мистерий.

Ион³⁸⁷, одержали победу. Итак, от крика войска, донесшегося до города, и Аполлон был назван Боэдромием (несущимся с криком), и жертвоприношение, и месяц, и начал справляться праздник Боэдромии. А Ферекид в «Автохтонах» говорит, что это всё было названо в обозначение голоса, который, как он находит, вначале был невнятным, а потом стал членораздельным.

F177: Плутарх, «О лике, видимом на диске луны», 24, 938b. Если, клянусь Зевсом, мы не скажем, что, как Афина влила в Ахилла какую-то долю нектара и амвросии, поскольку он не принимал пищи³⁸⁸, так луна, называемая и являющаяся Афиной, питает мужей амвросией, источая ее для них ежедневно, — именно так, по мнению древнего Ферекида³⁸⁹, питаются боги.

F178: Схолии к Аристиду³⁹⁰, «Панафинейская речь», р. 313, 20 Dindorf. Говорят, что Дионис был благодетелем и давал людям...³⁹¹ Показывает же это Ферекид и после него Антиох³⁹², говоря, что потому-то он и был назван Дионисом, поскольку от Дия (Зевса) тёк на нисы. А нисами, заявляют они, назывались деревья³⁹³. Затем они всю свою речь направляют более на природные явления, говоря, что Исидой была названа земля из-за ее расположения ровно посредине; а брат ее Осирис, что у эллинов Дионис, — дождь, текущий от Зевса на землю ... сын Бронта Гор — плодородный дождь³⁹⁴. Говорят, что они — дети Огига и Фивы, жены его, аттических автохтонов, пришедших в Египет, что они впервые установили для тамошних жителей мистерии в честь Исиды и так называли богов после того, как Огиг основал там город Фивы.

F179: Схолии к Аристиду, «Панафинейская речь», р. 320, 1 Dindorf³⁹⁵. О статуях автор говорит из-за палладия, что из Трои³⁹⁶. Ведь Демофил³⁹⁷, похитив его у Диомеда, привез его в город³⁹⁸, как указывает Лисий в речи «В защиту Сократа против Поликрата»³⁹⁹. Мог бы он сказать о многих других палладиях: и о том, что был при

³⁸⁷ Эпонимный герой ионийцев. Родился, согласно мифам, в Афинах.

³⁸⁸ Имеется в виду следующий эпизод из «Илиады» (XIX. 349 слл.): Ахилл на следующее утро после гибели Патрокла от рук Гектора так горит идти в бой, что даже отказывается завтракать. Чтобы он не обессилел в бою от голода, Афина по поручению Зевса незримо мажет грудь героя нектаром и амвросией — пищей богов.

³⁸⁹ Может быть, этот фрагмент также следует относить к Ферекиду Сиросскому.

³⁹⁰ Элий Аристид (II в. н.э.) — знаменитый греческий ритор римского времени, крупнейший представитель «Второй софистики».

³⁹¹ Лакуна в тексте. Очевидно, «вино», или «виноградную лозу», или что-то в этом же роде.

³⁹² Возможно, Антиох Сиракузский, историк V в. до н.э.

³⁹³ Обычно Нисой называли какую-то священную местность, специально связанную с Дионисом.

³⁹⁴ Место испорчено до сильной невразумительности.

³⁹⁵ Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: *Etym. Magn.* 649, 49; Tzetz. *Schol. Lycophr.* 355.

³⁹⁶ Знаменитая деревянная статуя (ксоан) Афины, вывезенная ахейцами из захваченной ими Трои. По преданию, этот древний кумир упал с неба. Впоследствии многие города претендовали на обладание «подлинным» палладием. В частности, в Афинах таковым считали статую Афины Полиады, хранившуюся на Акрополе, в храме, который ныне известен как Эрехтейон.

³⁹⁷ Явная ошибка. Приходится поправлять (хотя это и тяжелая эмендация) на «Демофонт». Демофонт — сын Тесея, и, действительно, именно ему афинская традиция приписывала доставку в Афины палладия.

³⁹⁸ В Афины.

³⁹⁹ Здесь — один из достаточно интересных сюжетов древнегреческой истории. Есть сообщение, что знаменитый логограф Лисий предложил Сократу, когда того отдали под суд, написать защитительную речь для него, но философ отказался. С другой стороны, известно, что софист Поликрат составил речь «Против Сократа». Но она писалась не как реальная обвинительная речь для процесса, а постфактум, просто как обличение Сократа. Итак, перед нами две возможности. Первая (маловероятная): Лисий ответил Поликрату и написал для Сократа защитительную речь, хотя бы и посмертно. Вторая (несравненно более вероятная): позже кем-то была изготовлена фиктивная речь, якобы Лисиева.

автохтоне Алалкомене⁴⁰⁰, и о тех, что назывались у афинян мостовыми, как повествуют Ферекид и Антиох, и о тех, что были унесены в битве с гигантами, как заявляет Филарх в «Незаписанных сочинениях». Палладием же называли, как говорит Ферекид, статуи, сброшенные на землю с неба. Ведь, как он заявляет, слово «трясти» (λάλλειν) употребляли в смысле «бросать» (βάλλειν).

F180: Схолии к Еврипиду, «Орест», 1233 (к словам: «Агамемнон, от родича мольбу / Прими, детей спаси своих...»⁴⁰¹). Поскольку Строфий женился на Анаксибии, дочери Кидрагоры, сестры Агамемнона, и от этой Анаксибии родился Пилад, как говорит Ферекид (?)⁴⁰². Или потому, что отец Строфия Крис взял в жены дочь Атрея – саму Кидрагору.

Addenda

F7. b): Филодем, «О благочестии», 42. 18, р. 14 Gomperz. И орел, который, согласно Гесиоду, пожирал печень Прометея, был рожден от них же⁴⁰³, как говорит Ферекид Афинский.

Addenda no изданию EGM

Свидетельства

T1Aa: Евсевий, «Хроника», версия Иеронима, под 4-м годом 59-й олимпиады⁴⁰⁴. Становится знаменитым историк Ферекид⁴⁰⁵.

T1Ab: Георгий Синкелл⁴⁰⁶, «Хронографическая эклога», р. 285, 10 Mosshammer. Был известен историк Ферекид, учитель Пифагора⁴⁰⁷.

T1Ac: Кирилл Александрийский, «Против Юлиана», I. 13 (PG. 76, р. 521^b). В пятьдесят девятую олимпиаду были мелический поэт Ивик, историограф Ферекид и творцы трагедий Фокилид и Ксенофан⁴⁰⁸.

T1B: Элладий⁴⁰⁹, у Фотия, «Библиотека», 279, р. 533a2. Ибо рассказывают, что трое умерли от вшивой болезни... Второй – сиросец Ферекид, составивший родословную, про которого еще говорят, что он достойно переносил свое несчастье⁴¹⁰.

T7Aa: Схолии к Гомеру, «Илиада», XIX. 116a. Дидим приводит мнение Ферекида, говорящего (следует фрагмент F68).

T7Ab: Маркеллин, «Жизнь Фукидида», 2. И об этом свидетельствует Дидим, заявляя, что Ферекид в первой книге «Историй» говорит так (следует фрагмент F2).

⁴⁰⁰ Алалкомен – мифический беотиец, вскормивший Афины (отсюда одна из эпиклез богини – Алалкомена).

⁴⁰¹ Слова вложены в уста Пилада.

⁴⁰² Это – возможная поправка. В тексте схолий – «Ферекрат».

⁴⁰³ От Тифона и Ехидны.

⁴⁰⁴ 541/540 г. до н.э.

⁴⁰⁵ Судя по дате, это, безусловно, Ферекид Сиросский, а историком здесь он назван ошибочно. Якоби не включил свидетельство оправданно.

⁴⁰⁶ Известный византийский хронист VIII–IX вв.

⁴⁰⁷ К этому свидетельству относится то же, что и к предыдущему: речь в действительности идет о Ферекиде Сиросском.

⁴⁰⁸ Как указание на олимпиаду, так и перечисление современников (из которых лирики Фокилид и Ксенофан неверно названы трагедиографами) демонстрируют, что имеется в виду опять Ферекид Сиросский.

⁴⁰⁹ Элладий из Антинополя в Египте – греческий грамматик IV в. до н.э.

⁴¹⁰ Вновь спутаны Ферекид Сиросский и Ферекид Афинский. Первый не составлял родословных, а второму никто не приписывал смерть от «вшивой болезни». Таким образом, историческая ценность свидетельства – в лучшем случае нулевая.

T7Ac: См. фрагмент F45.

T7B: Макробий, «Сатурналии», V. 21. 19. А о том, что Геркулес поплыл на Эрифью, перевозимый в чаше⁴¹¹, ... говорит и Паниасид, и Ферекид того же мнения; я отказался опираться на их слова, ибо это скорее мифы, чем история.

Фрагменты

F34b: «Греческие и латинские папирусы», X. 1173, fr. 2 ed. Coppola⁴¹². Кефал, сын Деионея, взяв в жены Прокриду, дочь Эрехтея, жил в Торике. Он, желая испытать жену, удаляется в чужую страну на восемь лет, оставив ее новобрачной. Затем он, приукрасившись и изменив внешность, приходит в свой дом во всей красе... Будет — только это он-де и знал. Прокрида же, услышав, отправляется на эту вершину, прячется и, расслышав, что Кефал это говорит, подбегает к нему. А Кефал, внезапно увидев ее, выходит из себя, и копье, которое у него было, мечет в Прокриду, и убивает ее. Послав за Эрехтеем, он...

F41d⁴¹³: Оксиринхские папирусы, XLII. 3003⁴¹⁴. Флегии, живущие в ...⁴¹⁵, грабили соседей. А поскольку фиванцы остерегались их, Зет и Амфион с сотоварищами окружают город стенами. Ведь Амфион имел от муз золотую лиру, с помощью которой побуждал камни... Флегии больше не приходили ... пока после смерти Зета с сотоварищами не напали с царем Евримахом... Аполлон сбросил их в Тартар.

F90d1: Эрагосфен, «Катастерисмы», 14. А лоб Тельца⁴¹⁶ с лицом окружают так называемые Гиады, которые, как говорит Ферекид, были кормилицами Диониса — эти нимфы назывались Додониадами.

F127A. За основу взят фрагмент F165 по Якоби, но здесь он восстанавливается так: «Что Кастор был ... Идасом, сыном Афарея, написал ... создавший и Ферекид Афинский».

F135A. Соответствует фрагменту F63 по Якоби.

F148b: «Греческие и латинские папирусы», X. 1173, fr. 3 ed. Coppola. ...И, схватив за голову и за волосы, заколоть в жертву Посидону ... сматывая. А Тесей, сделав это, берет Ариадну и прибывает в Афины. Вскоре же пробудившись, он делает так. А поскольку Ариадна была оставлена, Афродита, представ перед ней, уговаривает ее приободриться: ведь она говорила, что той предстоит совокупиться с Дионисом и прославиться. ...Явившись, совокупляется с ней...⁴¹⁷

F158b: Оксиринхские папирусы, LVI. 3830. ...Полное вооружение. Этот рассказ содержится у Ферекида.

F170c: «Греческие и латинские папирусы», X. 1173, fr. 3^{ve} ed. Coppola. ...Ставя выше всего девственность, сопутствовала на охотах Артемиде. Зевс, влюбившись в нее, является к ней и тайно лишает девственности. А она, забеременев, рождает

⁴¹¹ См. фрагмент F18a.

⁴¹² Папирусный фрагмент из труда некоего довольно позднего (III в. н.э.) мифографа. Текст местами сохранился плохо, но легко восстанавливается с опорой на F34. Единственное значимое расхождение с последним — в том, что там Кефал живет в Торах, а здесь в Торике.

⁴¹³ Не совпадает с F41d в *FGrHist*. Этот фрагмент у Якоби отсутствует (см. примечание к F41e).

⁴¹⁴ Папирусный фрагмент из труда некоего довольно позднего (II в. н.э.) мифографа. Текст местами сохранился плохо, но легко восстанавливается с опорой на F41e по *FGrHist*, соответствующий F41c по *EGM*.

⁴¹⁵ Топоним сохранился настолько плохо, что не поддается ответственному восстановлению. Предлагалось, например, «Вифинии», что здесь все-таки неуместно.

⁴¹⁶ Созвездие Тельца.

⁴¹⁷ Папирусный фрагмент из труда некоего довольно позднего (III в. н.э.) мифографа. Текст местами сохранился плохо (к тому же он и сам по себе является путаным), но легко восстанавливается с опорой на F148.

того, чье имя Локр, который основывает Фивы вместе с Амфионом и Зетом. Говорят, что Майра была застрелена из лука Артемидой за то, что больше не ходила с ней на охоту. Этот рассказ содержится у Ферекида.

F172A. Соответствует фрагменту F6 по Якоби, с разночтением: «Ареита, одного из Гиппоконтидов».

F173: Аэтий Амидский, «Врачебные книги», XIII. 90⁴¹⁸. О внимательных и вредных животных, обыкновенно содержащихся в доме. Поскольку у древних записано о внимательных и о вредных животных, действующих по принципу противоположности, и мы, выбрав из этих сведений более проверенные опытом, представим здесь, чтобы весь рассказ о них стал полнее. Пизон в сочинении «О животных» говорит, что куропатка, содержащаяся в доме, издает звуки, кричит, машет крыльями и терзает свою клетку, чуя, что в доме есть какой-нибудь яд или иное вредное вещество. А Менелай⁴¹⁹ говорит, что орел, содержащийся в доме, нападает на делающих такие вещества и отбивает их. Симонид говорит, что павлин, чувствуя присутствие яда, приходит на это место, кричит, машет крыльями и рассыпает яд из сосуда или же выкапывает, если яд находится под землей. А Аристодем сообщает, что ихневмон, содержащийся в доме, распознаёт яды, вылитые под землю. Ферекид же рассказывает, что попугай-самец подстерегает, обнаруживает и обвиняет по имени тех, кто делает или вносит в дом подобные вещи.

F180A: Аполлоний Дискол⁴²⁰, «О местоимениях», р. 92, 20 Schneider. Те⁴²¹, которые во множественном числе, даже если они в обычном разговорном стиле употребляются в прямом смысле и у ионийских и у аттических писателей («мы», «вы» «они»)⁴²², можно убедиться, что они употребляются и в неотделимом от прямого смысле у ионийцев, на примере таких авторов, как Демокрит, Ферекид⁴²³, Гекатей.

Igor E. Surikov,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic
Research, project no. 19-09-00022a

И.Е. Суриков,

д.и.н., г.н.с. отдела сравнительного изучения
древних цивилизаций,
Институт всеобщей истории РАН,

Москва, Россия

⁴¹⁸ В отличие от *FGrHist* в *EGM* этот фрагмент приведен не в латинском переводе, а в оригинальном греческом варианте, к тому же дан более полно, так что теперь для него нужно использовать именно это издание.

⁴¹⁹ Позднеэллинистический поэт.

⁴²⁰ Александрийский филолог II в. н.э.

⁴²¹ Местоимения (примеры приведены чуть ниже).

⁴²² Видимо, речь идет о том, что у многих древнегреческих авторов личные местоимения множественного числа употреблялись нередко применительно к одному лицу.

⁴²³ Традиционно считается, что здесь упомянут скорее теолог Ферекид Сиросский (VI в. до н.э.), чем историк Ферекид Афинский. Однако в *EGM* фрагмент отнесен к последнему.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — *Вестник древней истории*. Москва
- ИАК — *Известия Императорской Археологической комиссии*. Санкт-Петербург, 1901–1918
- КБН (=CIRB) — Струве, В.В. и др. (ред.), *Корпус боспорских надписей*. Москва–Ленинград, 1965
- КБН-альбом — Гаврилов, А.К. и др. (ред.), *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций*. Санкт-Петербург, 2004
- КСИИМК — *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. Москва–Ленинград, 1939–1960
- ОАК — *Отчеты Императорской Археологической комиссии*. Санкт-Петербург, 1862–1918
- РА — *Российская археология*. Москва
- СА — *Советская археология*. Москва, 1957–1992
- АЕ — *L'Année épigraphique*. Paris
- Bull. ép — *Bulletin épigraphique*. (Suppl. *Revue des études grecques*). Paris
- CAD — *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Vol. 1–20. Chicago, 1956–2010
- CDA — Black, J., George, A., Postgate, N. (eds.), *A Concise Dictionary of Akkadian*. 2nd ed. Wiesbaden, 2000
- CIG — *Corpus inscriptionum graecarum*. Vol. I–IV. Berolini, 1828–1877
- CIL — *Corpus inscriptionum latinarum*. Berolini
- CIRB (=КБН) — Struve, V.V. et al. (eds.), *Corpus inscriptionum regni Bosporani*. Moscow–Leningrad, 1965
- DT — Audollent, A. *Defixionum tabellae quotquot innotuerunt, tam in Graecis Orientis quam in totius Occidentis partibus praeter Atticas in Corpore Inscriptionum Atticarum editas*. Paris, 1904
- DTA — Wünsch, R. *Defixionum tabellae atticae*. Berolini, 1897
- FGrHist — Jacoby, F. (Hrsg.), *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Bd. I–III. Berlin–Leiden, 1923–1958
- GG I — Schwyzer, E. *Griechische Grammatik*. Bd. I. München, 1939
- HTC — Bresson, A., Brun, P., Varinlioglu, E. Les inscriptions grecques et latines. In: P. Debord, E. Varinlioglu (éds.), *Les hautes terres de Carie*. Bordeaux, 2001, 81–311
- IG — *Inscriptiones graecae*. Berolini
- IGDOP — Dubois, L. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève, 1996
- I. Lindos — Blinkenberg, C. *Lindos, Fouilles de l'acropole 1902–1914*. Vol. II. *Inscriptions*. Berlin, 1941
- ILS — Dessau, H., *Inscriptiones Latinae selectae*. T. I–V. Berolini, 1892–1916
- I. Olbia — Книпович, Т.Н., Леви, Е.И. (ред.), *Надписи Ольвии [Inscriptiones Olbiae] (1917–1965)*. Ленинград, 1968
- IOSPE — Latyshev, B. et al. (ed.), *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Ed. 1. Vol. I, II, IV. Petropoli, 1885–1901. Ed. 2. Vol. I. Petropoli, 1916. Ed. 3. Vol. I, III, V. Digital ed., 2015–2017. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/index.html>
- I. Pérée — Bresson, A. *Recueil des inscriptions de la Pérée rhodienne*. Besançon–Paris, 1991

-
-
- I. Rhod. Peraia — Blümel, W. *Die Inschriften der rhodischen Peraia*. (IK, 38). Bonn, 1991
- I. Stratonikeia — Şahin, M.Ç. *Die Inschriften von Stratonikeia*, I–II 1/2 (IK, 21–22 1/2, 68). Bonn 1981–2010
- LBG — Trapp, E. (Hrsg.), *Lexikon zur byzantinischen Gräzität*. Bd. 1–2. Wien, 1994–2017.
- LGPN — *A Lexicon of Greek Personal Names*. Oxford
- LSJ — Liddell, H.G., Scott, R.A., Jones, H.S., *Greek-English Lexicon with a Revised Supplement*. Oxford, 1996
- OGIS — Dittenberger, W., *Orientalis graeci inscriptiones selectae*. Vol. I–II. Lipsiae, 1903–1905
- OGS — Masson, O. *Onomastica graeca selecta*. Ed. C. Dobias, L. Dubois. Vol. I–III. Paris–Genève, 1990–2000
- OLD — Glare, P.G.W. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford, 1968–1982
- RE — Pauly, A., Wissowa, G., Kroll, W., Witte, K., Mittelhaus, K., Ziegler, K. (Hrsg.), *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1894–1980
- SAA — Kataja, L., Whiting, R.M. *Grants, Decrees and Gifts of the Neo-Assyrian Period*. (State Archives of Assyria, 12). Helsinki, 1995
- SEG — *Supplementum epigraphicum graecum*. Leiden–Boston
- Syll.³ — Dittenberger, W. et al. (eds.), *Sylloge inscriptionum graecarum*. Ed. 3. Vol. I–IV. Leipzig, 1915–1924
- TC — Segre, M., Pugliese Carratelli, G. Tituli Camirenses. *Annuario della Scuola Archeologica di Atene*. 1949–1951, 27–29, 141–318
- TCS — Pugliese Carratelli, G. Tituli Camirenses. Supplementum. *Annuario della Scuola Archeologica di Atene*. 1952–1954, 30–32, 211–246

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гринцер Н. П.</i> (Москва) – Политика мифа в «Ифигении в Авлиде» и «Вакханках» Еврипида	577
<i>Руне Э. В., Орлов В. П.</i> (Казань) – «Полудержавный властелин»: евнух Багой в истории Ахеменидской империи.....	590
<i>Braund D.</i> (Exeter, UK) – On the Camels of the Aors: Dioscorides and the Medicine Trade of the Bosporan Kingdom. Part II. Dioscorides on the Bosporan Kingdom: Beavers, Rhubarb and Indian Trade.....	615
<i>Дурново М. В.</i> (Москва) – Семья рабов и senatus consultum Claudianum 52 г.	635
<i>Никольский И. М.</i> (Москва) – Христианский апологет или римский патриот? Драконций и Exempla viroгum в его «Хвале Господу» (<i>LD</i> III. 250–467).....	649

ПАМЯТИ Ю. Г. ВИНОГРАДОВА

<i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i> (Москва) – Уроки Ю. Г. Виноградова	660
<i>Bresson A.</i> (Chicago, USA) – Rhodes Before the Synoecism and the Cult of Zeus Atabyrios	663
<i>Буйских А. В.</i> (Киев, Украина) – Градостроительный план Ольвии Понтийской	673
<i>Подосинов А. В.</i> (Москва) – О Борее, Понте и древнем саде Феба: замечания к географии европейского севера у Софокла	699
<i>Dana M., Dana D.</i> (Lyon, France) – Graffites grecs sur un groupe statuaire en plomb et defixio sur plomb (Olbia du Pont): réédition et commentaires onomastiques.....	713
<i>Иванчик А. И.</i> (Москва) – Врачи римского гарнизона Тиры: новые чтения известных надписей	725
<i>Макаров И. А.</i> (Москва) – Об остраконе из Северо-Западного Крыма	737
<i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i> (Москва) – De titulis bosporanis et viciniis II. 11. Боспор и Рим в начале III в. н.э.	755
<i>Виноградов Ю. А.</i> (Санкт-Петербург) – О поэтическом вымысле и исторической правде: по поводу одной песни, сочиненной Ю. Г. Виноградовым	767

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Стеженская Л. В.</i> (Москва) – Неизвестные страницы древнекитайской историографии: перевод «Шу цзина» архимандрита Даниила (1798–1871).....	774
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Андреева С. Э.</i> (Беэр-Шева, Израиль) – А. В. Белоусов. Корпус заклятий понтийской Ольвии. М., 2020.....	791
---	-----

PERSONALIA

К юбилею Алексея Алексеевича Вигасина.....	795
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ферекид Афинский. Истории. Перевод с древнегреческого и комментарий <i>И. Е. Сурикова.</i> (Москва) (<i>окончание</i>).....	797
---	-----

CONTENTS

<i>N. P. Grintser</i> (Moscow) – Politics of Myth in Euripides’ <i>Iphigenia in Aulis</i> and <i>Bacchae</i>	577
<i>E. V. Rung, V. P. Orlov</i> (Kazan) – “The Mighty, Quasi-Sovereign”: Eunuch Bagoas in the History of the Achaemenid Empire.....	590
<i>D. Braund</i> (Exeter, UK) – On the Camels of the Aorsi: Dioscorides and the Medicine Trade of the Bosporan Kingdom. Part II. Dioscorides on the Bosporan Kingdom: Beavers, Rhubarb and Indian Trade	615
<i>M. V. Durnovo</i> (Moscow) – Slaves’ Families and the <i>Senatus consultum Claudianum</i> (AD 52).....	635
<i>I. M. Nikolsky</i> (Moscow) – Christian Apologist or Roman Patriot? Dracontius and the <i>Exempla Virorum</i> in His <i>De Laudibus Dei</i> (LD III. 250–467).....	649

IN MEMORIAM: YURI G. VINOGRADOV

<i>F. V. Shelov-Kovedyaev</i> (Moscow) – Lessons of Yu. G. Vinogradov.....	660
<i>A. Bresson</i> (Chicago, USA) – Rhodes Before the Synoecism and the Cult of Zeus Atabyrios.....	663
<i>A. V. Buiskikh</i> (Kiev, Ukraine) – City Plan of Olbia Pontica.....	673
<i>A. V. Podossinov</i> (Moscow) – On Boreas, Pontos and the Ancient Garden of Phoibos: Some Remarks on the Sophoclean Geography of the European North.....	699
<i>M. Dana, D. Dana</i> (Lyon, France) – Greek Graffiti on Lead Statuettes and a Lead Curse Tablet (Olbia Pontica): Re-edition and Onomastic Commentary.....	713
<i>A. I. Ivantchik</i> (Moscow) – Doctors of the Roman Garrison of Tyras: New Readings of Known Inscriptions	725
<i>I. A. Makarov</i> (Moscow) – Notes on an Ostrakon from Northwestern Crimea	737
<i>F. V. Shelov-Kovedyaev</i> (Moscow) – De titulis bosporanis et viciniis II. 11. Bosporus and Rome at the Beginning of the Third Century A. D.	755
<i>Yu. A. Vinogradov</i> (Saint Petersburg) – On Poetic Fiction and Historical Truth: Concerning a Song Composed by Yu. G. Vinogradov	767

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>L. V. Stezhenskaya</i> (Moscow) – Unknown Pages of Ancient Chinese Historiography: <i>Shu jing</i> Translation by Archimandrite Daniil (1798–1871)	774
---	-----

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>S. E. Andreeva</i> (Beersheba, Israel) – A. V. Belousov. Korpus zaklyatiy pontiyskoy Olvii. M., 2020.....	791
--	-----

PERSONALIA

The Anniversary of Alexei A. Vigin.....	795
---	-----

SUPPLEMENT

Pherecydes of Athens. <i>Histories</i> . Translation from Ancient Greek and Commentary by <i>I. E. Surikov</i> (Moscow) (<i>the end</i>).....	797
---	-----

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

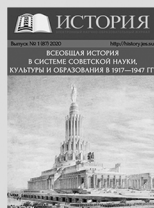
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки
и археология
Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).